

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

КИТАЙ В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XXV
Ежегодное издание

Москва
ИДВ РАН
2020

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)
К45

Рецензенты выпуска:

д.и.н. Н.Л. Мамаева, д.э.н. А.И. Салицкий

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXV : ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2020. — 432 с.

ISBN 978-5-8381-0376-5

Данное ежегодное периодическое издание/журнал ИДВ РАН выходит уже 25 лет (с 1996 г.). Его юбилейный выпуск (XXV), состоящий из трех разделов: «Международные отношения КНР. Российско-китайское стратегическое партнерство», «Внешнеэкономическая политика КНР» и «История российско-китайских отношений и двусторонних центров ИДВ РАН и других научных, а также образовательных и практических структур. В этом году авторский коллектив пополнился новыми именами, принадлежащими ученым и экспертам из России, Китая, Пакистана и Сербии.

Особенностью выпуска стал углубленный анализ современных позиций Китая на мировой арене, вопросов российско-китайского диалога по целому ряду направлений, в том числе — становление Большого евразийского партнерства, сфера безопасности в Евразии и взаимодействие в формате «Россия—Индий—Китай» (РИК).

Рассмотрение получила и актуальная проблематика политических и экономических связей Китая с США, Европейским союзом, странами Центральной и Восточной Европы (включая кооперационную платформу «17+1»), государствами Центральной и Юго-Восточной Азии, Пакистаном, КНДР, а также особенности ситуации в треугольнике «Китай—Россия—США» в контексте венесуэльского кризиса власти.

Особый блок работ посвящен активности КНР в Арктике и Антарктике. Кроме того, сборник содержит статью, характеризующую генеральную линию Китая в отношении развивающегося мира. В книге представлен и аналитический обзор новейшей зарубежной научной литературы по проблемам внешней политики Китая.

В экономическом разделе выпуска, помимо уже указанных вопросов, рассматриваются позиции КНР в глобальной энергетике, на мировых рынках инноваций, «зеленых» технологий и продукции водного промысла.

Сборник также содержит статьи на редкие темы из истории российско-китайских отношений: советско-китайское взаимодействие в годы японо-китайской войны (1931—1945 гг.), вклад русской эмиграции в развитие высшего образования в Китае, коммерческие связи Российской Империи и Китая в конце XVIII века.

Ключевые слова: Китай, Россия, США, Chimerica, внешняя политика КНР, российско-китайское взаимодействие, Евразия, формат «Россия—Индий—Китай» (РИК), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Большое евразийское партнерство, Центральная Азия, Европейский союз (ЕС), Восточная и Центральная Европа, платформа «17+1», Арктика, Венесуэла, международная безопасность, внешнеэкономические связи, история российско-китайских отношений, «мозговые центры».

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)

© Сафронова Е.И., составление, 2020

© ИДВ РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

ISBN 978-5-8381-0376-5

Редакционная коллегия: д.н., проф. **Алка Ачарья** (Индия); д.ю.н., проф. **Ли Юнхуэй** (КНР); д.и.н., проф. **РАН А.В. Ломанов**; д.и.н., проф. **С.Г. Лузянин**, д.и.н., проф. **С.И. Лунев**; д.э.н. **В.М. Мазырин**; академик РАН, д.э.н. **В.В. Михеев**; к.э.н., проф. **Арильд Му** (Норвегия); д.полит.н. **В.Е. Петровский**; к.э.н. **Е.И. Сафронова** (отв. ред.-сост.); д.н., проф. **Шаида Уизарат** (Пакистан); к.и.н. **С.В. Уянаев**.

Ежегодное издание сборник научных статей (журнал) «Китай в мировой и региональной политике. История и современность» выходит с середины 1990-х годов. Тематика журнала (ISSN: 2618-6888) охватывает целый ряд сфер, относящихся к исследованию международных отношений КНР, российско-китайского стратегического партнерства, внешнеэкономической политики Китая и истории его международных связей.

Отрасли науки (разделы рубрикатора ГРНТИ):

- 03.00.00 История. Исторические науки
- 06.51.00 Мировое хозяйство. Международные экономические отношения
- 11.25.40 Региональные проблемы
- 11.25.91 Теория и практика международных отношений, внешняя политика и дипломатия отдельных стран
- 23.00.00 Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Статьи рецензируются, им присваивается DOI.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Все статьи XXIV выпуска журнала (за 2019 г.) включены в базу данных Web of Science.

Тел.: +7 (499) 124 00 02
Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
E-mail: kitvmir@yandex.ru

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies
(IFES RAS)

**CHINA
IN WORLD
AND REGIONAL
POLITICS**

**HISTORY
AND MODERNITY**

Issue XXV

Moscow
IFES RAS
2020

China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue XXV /
Exec. Editor — Elena I.SAFRONOVA. Moscow: Institute of Far Eastern
Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS), 2020.

This annual periodical edition/journal of the IFES RAS, dedicated to the analysis of key issues of China's foreign policy, has been published for 25 years (since 1996).

Its anniversary issue (XXV) consists of three sections: “International relations of the PRC. Russian—Chinese strategic partnership”, “Foreign economic policy of the PRC” and “History of Russian-Chinese relations and bilateral economic ties”. It comprises articles by specialists from a number of research centers of the IFES RAS and other scientific, educational and practical structures. This year, the journal is glad to welcome new authors from Russia, China, Pakistan and Serbia.

Special feature of the XXV issue is an in-depth analysis of China's current position on the global stage, issues of the Russian-Chinese dialogue in a number of areas, including formation of the Greater Eurasian partnership, security in Eurasia and interaction within the Russia—India—China (RIC) format.

There are also discussed current issues of the PRC political and economic relations with the United States, the European Union, Central and Eastern European countries (including the 17+1 cooperation platform), Central and South-East Asian States, Pakistan and the DPRK, as well as the specifics of the situation in the “China—Russia—US” triangle in the context of the Venezuelan crisis of power.

A set of articles is devoted to the activities of the PRC in the Arctic and Antarctic. The journal also contains special material describing China's policy towards the Developing world. And the book provides an analytical review of the latest opinions of foreign “think tanks” on China's foreign policy.

The economic section of the book, in addition to the issues already mentioned, examines China's position in the global energy sector, in the world markets for innovations, “green” technologies and seafood products.

The collection also contains articles on some rare topics from the history of Russian-Chinese relations: Soviet-Chinese interaction during the Japanese-Chinese war (1931—1945), contribution of Russian emigration to the development of higher education in China, and commercial relations between the Russian Empire and China at the end of the XVIII century.

Keywords: China, PRC, Russia, USA, Chimerica, China's foreign policy, Russia-China interaction, Eurasia, Russia—India—China (RIC) format, Shanghai Cooperation Organization (SCO), Greater Eurasian partnership, Central Asia, European Union (EU), Eastern and Central Europe, 17+1 platform, Arctic, Venezuela, international security, foreign economic relations, history of Russian-Chinese relations, “think tanks”.

© E.I. Safronova, compilation, 2020

© IFES RAS

© Team of authors

China in World and Regional Politics. History and Modernity

Founder and Publisher: Institute of Far East Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS).

This periodical edition/journal (ISSN: 2618-6888) is a peer-reviewed analytical yearbook (collection of research articles) published by the Institute of Far East Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) since 1996. It provides a solid platform for academics, public figures and practitioners to share their knowledge and assessments of China's international relations, foreign economic activities and diplomatic history.

All articles are assigned Digital Object Identifier (DOI).

The periodical is included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary” and Russian Science Citation Index: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=50496

It is also included in the Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru»: <https://cyberleninka.ru/journal/n/kitay-v-mirovoy-i-regionalnoy-politike-istoriya-i-sovremennost>

All articles in the XXIV issue (2019) are included in the Web of Science database.

Branch of science (in the Russian Federation):

03.00.00 History. Historical Science

06.51.00 World Economy. International Economic Relations

11.25.40 Regional Problems

11.25.91 Theory and Practices of International Relations,
Foreign Policy and Diplomacy of Individual Countries

23.00.00 Comprehensive Study of Individual Countries and Regions

Editorial Board. Alexander V. LOMANOV — Professor of the RAS, Dr. Sc. (History); Alka ACHARYA (India) — Professor; Arild MOE (Norway) — Research Professor; Elena I. SAFRONOVA — Ph.D (Economics) (Executive Editor, Compiler); Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN) — Dr. Sc. (History), Professor; Sergey I. LOUNEV — Dr. Sc. (History), Professor; Sergey V. UYANAEV — Ph.D (History); Shahida WIZARAT (Pakistan) — Dr., Professor; Vasily V. MIKHEEV — Academician of the RAS, Dr. Sc. (Economics); Vladimir M. MAZYRIN — Dr. Sc. (Economics); Vladimir Ye. PETROVSKY — Dr. Sc. (Political Science); Yonghui LI (LI Yonghui) — Dr. Sc. (Law), Professor.

Contacts. Russian Federation, Moscow, 117997; 32, Nakhimovsky prospect. Tel. +7 (499) 124-00-02; E-mail: kitvmir@yandex.ru

The authors' opinion may not coincide with the Publisher's point of view. Authors are responsible for the accuracy of their information.

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Уянаев С.В.

Развитие формата «Россия—Индия—Китай» в контексте диалога
«Нью-Дели—Вашингтон» 13

Ломанов А.В.

Россия и Китай в «новую эпоху»: вызовы и перспективы 34

Клименко А.Ф.

Некоторые вопросы развития российско-китайского партнерства
в сфере безопасности в современных условиях 51

Кулинцев Ю.В.

Большое евразийское партнерство в системе региональных
интеграционных процессов 66

Морозов Ю.В.

Глобальные позиции Китая и перспективы их развития в XXI веке 80

Ефременко Д.В.

Сhimeга в стадии полураспада: деградация китайско-американских
отношений при Д. Трампе и ее последствия для мирового порядка 96

Сафронова Е.И.

Треугольник «Китай—Россия—США» и венесуэльский кризис
во времена пандемии 111

Виноградов А.О., Бижева Р.К.

Отношения Китая, Великобритании и ЕС до и после Brexit 137

<i>Петровский В.Е.</i>	
Стратегия России и Китая в Арктике: сравнительный анализ	154
<i>Krivorotov A.K.</i>	
North Atlantic in China-U.S. relations (<i>Криворотов А.К.</i> Северная Атлантика в китайско-американских отношениях)	168
<i>Балакин В.И.</i>	
Продвижение Китая в Антарктиду в XXI веке	184
<i>Wizarat S.</i>	
China and the Developing World (<i>Уизарат Ш.</i> Китай и развивающийся мир)	198
<i>Васильев Л.Е.</i>	
Некоторые аспекты политики Китая в Юго-Восточной Азии	212
<i>Замараева Н.А.</i>	
Китайско-пакистанские отношения: двусторонние и региональные вызовы	226
<i>Асмолов К.В.</i>	
Начало нового этапа китайско-северокорейских отношений (2018—2020 гг.)	243
<i>Меркулов К.К.</i>	
Внешняя политика Китая в восприятии зарубежных «мозговых центров»: аналитический обзор за 2019 год	262

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

<i>Zakić K.</i>	
Economic outcomes of the 17+1 platform from the Chinese point of view (<i>Закич К.</i> Экономические результаты работы платформы 17+1: взгляд из Китая)	285
<i>Лексютина Я.В.</i>	
Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии	305
<i>Матвеев В.А.</i>	
Китай в перекрестье текущих трендов мировой энергетики	321
<i>Сазонов С.Л.</i>	
Китай — мировой лидер в области инновационных технологий беспилотного вождения?	333

Александрова М.В.

Особенности китайского экспорта продукции водного промысла 349

Сазонов С.Л., Ван Цзинвэй

О перспективах Китая на мировом рынке «зеленых» автомобилей 371

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ДВУСТОРОННИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Верченко А.Л.

Советско-китайское взаимодействие в годы японо-китайской войны
(1931—1945 гг.) и сохранение исторической памяти 382

Шаронова В.Г.

Роль русской эмиграции в подготовке китайских национальных
кадров (на примере Харбинского Политехнического института)
(1920—1932 гг.) 400

Саркисова Г.И.

К вопросу о деятельности 3-й Комиссии о коммерции
по улучшению русско-китайской торговли в 70-е годы XVIII в. 417

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS OF THE PRC. RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP

Uyanaev S.V.

Development of the “Russia—India—China” format in the context
of the “New Delhi—Washington” dialogue 13

Lomanov A.V.

Russia and China in the “new era”: challenges and perspectives 34

Klimenko A.F.

Some issues of the development of the Russian-Chinese partnership
in the field of security in modern conditions 51

Kulintsev Yu.V.

The Greater Eurasian partnership in the system of regional
integration processes 66

Morozov Yu.V.

China’s global position and prospects for its development in the XXI century 80

Efremenko D.V.

Chimerica’s half-life: degradation of Sino-US relations
under D. Trump and its consequences for global order 96

Safronova E.I.

The China-Russia-US triangle and the Venezuelan crisis
in times of pandemic 111

Vinogradov A.O., Bizheva R.K.

Relations between China, the UK and the EU before and after Brexit 137

Petrovskiy V.Ye.

Strategy of Russia and China in the Arctic: comparative analysis 154

<i>Krivorotov A.K.</i>	
North Atlantic in China-U.S. relations	168
<i>Balakin V.I.</i>	
China's advancement to the Antarctic in the 21st century	184
<i>Wizarat S.</i>	
China and the Developing World	198
<i>Vasiliev L.E.</i>	
Some aspects of China's policy in Southeast Asia	212
<i>Zamaraeva N.A.</i>	
China — Pakistan Relations: bilateral and regional challenges	226
<i>Asmolov K.V.</i>	
The beginning of a new stage in China-North Korea relations (2018—2020)	243
<i>Merkulov K.K.</i>	
China's external policy in the perception of foreign “think tanks”: analytical survey for 2019	262

FOREIGN ECONOMIC POLICY OF THE PRC

<i>Zakic K.</i>	
Economic outcomes of the 17+1 platform from the Chinese point of view . . .	285
<i>Leksyutina Ya.V.</i>	
The outlines of China's economic presence in Central Asia	305
<i>Matveev V.A.</i>	
China at the crossroads of current global energy trends	321
<i>Sazonov S.L.</i>	
Does China become a world leader in innovation driverless driving technologies?	333
<i>Alexandrova M.V.</i>	
Specifics of Chinese fishery products export	349
<i>Sazonov S.L., Wang Jingwei.</i>	
On the prospects of China in the world market of «green» cars	371

HISTORY OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS AND MUTUAL ECONOMIC TIES

Verchenko A.L.

Soviet-Chinese interaction during the Sino-Japanese war (1931—1945)
and preservation of historical memory 382

Sharonova V.G.

The role of Russian emigration in the training of Chinese national staff
(on the example of Harbin Polytechnic Institute (1920—1932) 400

Sarkisova G.I.

On the activities of the Third Commission on Commerce
on the improvement of Russian-Chinese trade
in the 70s of the XVIII century 417

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10001

С.В. Уянаев

РАЗВИТИЕ ФОРМАТА «РОССИЯ—ИНДИЯ—КИТАЙ» В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА «НЬЮ-ДЕЛИ—ВАШИНГТОН»

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что вопрос влияния индийско-американских отношений на динамику и перспективы взаимодействия внутри структуры «Россия—Индия—Китай» (РИК), ставшей в последние годы заметным фактором мировой политики, привлекает внимание политологов с самого начала становления данного трехстороннего формата. Причем отправным пунктом и фактором этого внимания очевидным образом стали политика и позиция США в отношении РИК.

В статье анализируется влияние характера и динамики отношений между Индией и США на развитие взаимодействия в диалоговом формате «Россия—Индия—Китай» (РИК). Ставится вопрос: способно ли сближение между Нью-Дели и Вашингтоном разрушить взаимодействие Большой евразийской тройки. Отвечая на него, автор исследует нынешний этап индийско-американских отношений, включая взаимные интересы сторон, ключевые направления их развития, которые были вновь подтверждены в ходе визита

президента США в Индию в феврале 2020 г. Акцент делается на геополитических целях США, на глобально-региональных и оборонных задачах обеих стран в регионе Восточной Азии и Индийского океана, где они обеспокоены подъемом Китая. Автор особо останавливается на многовекторной политике Индии, которая в диалоге с США руководствуется, прежде всего, собственными прагматичными интересами. Делается вывод, что отношения между Вашингтоном и Нью-Дели, являясь перманентным вызовом для формата РИК, на нынешнем этапе вряд ли способны остановить поступательное развитие диалога России, Индии и Китая. Кроме того, автор подчеркивает, что перспективы РИК — во многом вопрос адекватного восприятия самой сути названного трехстороннего формата. Играя заметную роль в консолидации России, Индии и Китая — трех влиятельных держав, декларирующих неприемлемость однополярного мира, сотрудничество в рамках РИК способно вносить важный вклад в продвижение к демократическому миропорядку, умирению ситуации в «горячих точках», и поэтому даже дискретные успехи на этом важном направлении заслуживают поощрения и поддержки.

Ключевые слова: Россия, Индия, Китай, РИК, США, Индо-Тихоокеанский регион, ядерная сделка, оборонное сотрудничество, Д. Трамп, Н. Моди, перспективы.

Автор: Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН. E-mail: svuyav@yahoo.com

S.V. Uyanaev

Development of the “Russia-India-China” format in the context of the “New Delhi-Washington” dialogue

Abstract. The relevance of the article is based on the fact that the issue of Indian-American relations' influence on the dynamics and prospects of interaction within the structure “Russia-India-China” (RIC), which has become a prominent factor in world politics in recent years, attracts attention of political scientists almost from the very beginning of the formation of the trilateral format. Moreover, the starting point and factor of this attention is clearly the policy and stance of the United States towards the RIC.

The article analyzes the impact of the character and growing dynamics of India-US relations on the interaction development within the

«Russia—India—China» (RIC) dialogue format. The question which is pushed forward: is the close rapprochement between New-Delhi and Washington able to destroy the interaction of the «Big Eurasian three»? To react, the author explores the current stage of Indian-American relations, including mutual interests of the parties, and the key directions of their interaction, which were reconfirmed during the visit of the US President to India in February, 2020. The focus is made on the geopolitical goals of the United States, on the global-regional and defense tasks of both countries in the East Asia-Indian Ocean region, where India and the US are both concerned about the rise of China. The author specially focuses on the multi-vector international policy of India, which highly seems to be guided exclusively by the country's own pragmatic interests, and the dialogue with the US is not an exception. It is concluded, that at the current stage the relations between Washington and New-Delhi, being a permanent challenge to the RIC format, are hardly capable to stop the further development of the Russia, India and China dialogue.

Moreover, the author emphasizes that the RIC prospects are largely a question of adequate perception of the very essence of the trilateral format. Playing a significant role in the consolidation of Russia, India and China — three influential powers that declare the unacceptability of unipolar world, cooperation within the RIC can make an important contribution to the promotion of the democratic world order as well as the pacification of the situation in «hot spots». Therefore, even discrete successes in this important area deserve encouragement and support.

Keywords: Russia, India, China, RIC, USA, Indo-Pacific region, «nuclear deal», defense cooperation, D. Trump, N. Modi, prospects.

Author: Sergey V. UYANAЕV, Ph.D. (History), Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: svuyav@yahoo.com

РИК—США: «пресечение» через индийскую дверь

Согласно некоторым источникам, еще в 2000 г., когда «инициатива Примакова», нацеленная на стратегическое взаимодействие трех крупнейших стран Евразии, лишь только обсуждалась на различных площадках, американский президент Б. Клинтон созвал специальное экспертное совещание с целью просчитать последствия

образования РИК для политики США и «выработать превентивные меры» [Владивосток-2012..., с. 123].

Несколько позже оценку нарождающемуся формату дал один из главных архитекторов американской политики конца прошлого века Г. Киссинджер, который прямо указал на «опасность евразийского трехстороннего альянса», подчеркнув, что «американская дипломатия, несмотря ни на какие трудности и не проявляя никакого сострадания, должна пресечь любые попытки формирования такого союза» (цит. по [Хумейша]).

Практика начавшейся вскоре реализации такого курса объективно показала, что его острое было «заточено» не иначе, как на индийский вектор. Не случайно именно с начала 2000-х гг. наблюдается явная активизация ранее относительно инертной политики США в отношении Индии. Иными словами, усмотрев на рубеже XX—XXI века в формате РИК угрозу своим интересам, США направили усилия на то, чтобы, используя «индийскую дверь», «вычленив» из РИК «крупнейшую азиатскую демократию» и, таким образом, остановить («пресечь») трехсторонний альянс.

Разумеется, повестка дня динамичного за последние 15—20 лет диалога между США и Индией достаточно широка и выходит за рамки «контекста РИК». Однако тема влияния «фактора США» на формат РИК, реализуемая через отношения «Индия—США», остается актуальной (подробнее [Уянаев, с. 118—128]). Ведь сфокусированная на создании многополярного мира структура РИК де-факто не может рассматриваться вне незримой «тени» США, поскольку именно такой мир активно отторгается Вашингтоном. В любом случае, для понимания взаимозависимостей в этой непростой политологической конфигурации важно иметь представление об основных этапах развития, а также о нынешней динамике индийско-американских отношений как таковых.

От «сдержанности» к активизации связей

Показательно, что, характеризуя весь период отношений между США и Республикой Индия (1947—2020 гг.), аналитики ведущего американского исследовательского Центра *Council on Foreign*

*Relations (CFR)*¹ констатируют: «после обретения Индией независимости ее связи с Соединенными Штатами большей частью переживали недоверие и отчуждение эпохи холодной войны»; лишь «в последние годы отношения стали теплее, а сотрудничество укрепилось в целом ряде экономических и политических областей» [U.S. — India Relations (1947—2020)].

Действительно, если говорить о переговорах высших руководителей, а именно их интенсивность служит индикатором уровня отношений, то за 50 лет после визита в США Дж. Неру (1949 г.), когда, по оценке тех же специалистов CFR, двусторонний диалог на десятилетия получил «сдержанную тональность», стороны провели затем всего три саммита — визиты в Индию Д. Эйзенхауэра в 1959 г. и Дж. Картера в 1978 г., визит И. Ганди в США в 1982 г.

Начало новому этапу положил первый за два с лишним десятилетия визит в Нью-Дели президента США Б. Клинтона (2000 г.), который состоялся, невзирая на действие в тот момент жесткого режима санкций, наложенных ранее Вашингтоном на Индию в ответ на проведенные ею в 1998 г. ядерные испытания. Заметим, что примерно на то же время приходится резкое изменение позиции Вашингтона по «кашмирскому вопросу», которая в гораздо большей степени, чем раньше, повернулась в сторону индийских интересов.

Курс на активизацию индийской политики унаследовала и пришедшая позже к власти администрация Дж. Буша-младшего. Расширились сферы сотрудничества, охватывая экономику, безопасность, антитерроризм. При этом, отражая одну из основных тем складывающейся двусторонней повестки — «мотив» мирного и немирного атома, узловым пунктом индийско-американских переговоров в ходе визитов М. Сингха в США (2005 г.) и Дж. Буша в Индию (2006 г.) стала так называемая ядерная сделка. Речь идет о соглашении, которое предусматривает активное американское содействие развитию индийской мирной ядерной энергетики, в том числе — поставки топлива для реакторов, но при этом косвенно способно укрепить позиции Индии с точки зрения признания мировым сообще-

---

¹ Council on Foreign Relations (CFR) — Совет по внешней политике. Под его эгидой издается авторитетный журнал «Foreign Affairs».

ством ее ядерного статуса. В 2008 г. соглашение одобрили обе палаты Конгресса США, хотя процесс выработки окончательных решений и их осуществления был затем продлен на продолжительный срок (подробнее [Индийско-американская ядерная сделка...]).

Ядерная тема (в числе других значимых вопросов) стала важным предметом последующих встреч на высшем уровне. В частности она обсуждалась между Б. Обамой и индийскими премьер-министрами М. Сингхом и Н. Модии (визиты президента США в Индию в 2010 и 2015 г.), а также между Д. Трампом и Н. Модии (поездка премьер-министра Индии в США в 2017).

Интенсивность контактов высшего уровня возросла после прихода к власти в Индии правительства Бхаратия парти (2014): только за первые три года своего пребывания в должности премьера Нарендра Модии пять раз посетил США. Сегодня двусторонний механизм многопрофильных связей, в том числе на министерском уровне, насчитывает свыше 50 переговорных дорожек.

Красноречивым примером динамики сотрудничества является развивающаяся торговля сторон. С 2000 по 2018 г. товарооборот вырос почти в семь раз — до 87,9 млрд долл. С учетом же торговли услугами общий торговый оборот (не только товарный) превышает ныне 140 млрд долл., выводя тем самым США на позицию главного внешнеторгового партнера Индии. Однако и в торговле только товарами США являются для Индии главным экспортным рынком с объемом более 50 млрд долл. в 2018 г. [U.S.-India Bilateral Trade and Investment].

Американские императивы

Конкретизируя отдельно американские интересы на индийском направлении, подробнее рассмотрим их применительно к трем областям — ядерной сфере, области обороны, а также геополитики («безопасности»). Именно эти интересы, порой переплетаясь, позволяют видеть пусть не исчерпывающую, но достаточно информативную картину.

Поддерживая Индию в чувствительнейшей для нее ядерной области, США явно преследуют цели, существенно выходящие за рам-

ки сугубо «атомной темы». Как подчеркивал недавно журнал *The Diplomat*, вспоминая «знаковый» визит в 2005 г. в Индию президента Дж. Буша, «заключенная тогда ядерная сделка главным образом была мотивирована американской убежденностью в том, что тесное партнерство с Индией имеет критическую важность для выгодного интересам США баланса сил в регионе» [Cronin, Lee].

Но, помимо стремления «заработать» в глазах Нью-Дели максимальные политические «очки», США преследуют в ядерной сфере и конкретные коммерческие интересы. Так, по продвигаемому с 2016 г. соглашению, американская компания Westinghouse должна предоставить Индии шесть реакторов AP1000 для АЭС Коввада в Андхра-Прадес. А общая стоимость заказов на индийском атомном рынке может составить более 100 млрд долл.

В не меньшей степени коммерческие интересы США присутствуют и в сфере ВТС и обороны, поскольку индийский рынок вооружений считается одним из наиболее емких в мире. Стартовав с практически нулевой отметки в начале столетия, объем поставок оружия США в Индию поднялся, по подсчетам *The New York Times* (ноябрь 2019), до 18 млрд долл. [U.S. — India Defense Ties Grow...].

Ныне Индия включена в список государств, имеющих практически максимальные права на получение также и военных технологий США. Продвигаются проекты по совместной разработке и производству оружия [Борисов].

С 1996 г. проводятся американо-индийские военно-морские («Малабар») и другие маневры. Одни из самых крупных из них, с участием около 2 тыс. военных трех родов войск — морских, сухопутных и ВВС, прошли в ноябре 2019 г. в районе Бенгальского залива. Помимо США, Индия проводит такого рода учения только с Россией, а для Пентагона они являются крупнейшими за пределами блока НАТО [U.S.-India Defense Ties Grow...].

Очевидно, что Вашингтон тесно увязывает и свои региональные геополитические задачи с оборонным сотрудничеством с Индией.

Речь, прежде всего, идет о намерении «сдержать» Китай, который, как известно, в Стратегии национальной безопасности США-2017 был объявлен (наряду с Россией) «противником», якобы бросающим глобальный и региональный вызов американским «цен-

ностям и интересам» [National Security Strategy of the United States of America, p.25].

И для реализации этой цели как раз идеально подходит сфера «оборонного сотрудничества» со странами сопредельных с КНР регионов, среди которых Индии отводится далеко не последнее место. Первое оборонное соглашение (Согласованный протокол) было подписано двумя странами в 1995 г. Но, пожалуй, базовым можно считать документ «Новые рамки отношений в сфере обороны», подписанный в 2005 г., а затем продленный летом 2015 г. Годом позже Индия обрела статус «главного оборонного партнера США», который спустя еще три года был поднят до высшего статуса «союзника по НАТО» (ранее получен Японией, Австралией, Южной Кореей [US senate passes law...]).

В опубликованной Пентагоном 1 июня 2019 г. «Стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе», которая дополнила прежнюю «Стратегию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (2017 г.), было подчеркнуто значение для США «широкого, основанного на общих интересах стратегического сотрудничества с Индией», выделено при этом несколько примеров «самого тесного» оборонного взаимодействия. А предвзял данный тезис целый раздел документа, где акцентированно говорилось о том «напоре», который Индо-Тихоокеанский регион испытывает со стороны КНР, «подрывающей международную систему» [Indo-Pacific Strategy Report].

Собственно говоря, активный ввод США в политический оборот в 2017 г. термина «Индо-Тихоокеанский регион» (Indo-Pacific) (взамен прежнего Asia-Pacific «АТР») многими экспертами был воспринят не иначе как в антикитайском контексте, причем с «партнерским» сигналом в адрес Индии. Примером стало, в частности, переименование Пентагоном «Тихоокеанского командования США» в «Индо-Тихоокеанское» (в 2018 г.), которое лишь «подчеркнуло важность для США той роли, которую Индия играет в поддержании глобальной стабильности и безопасности» [Cronin, Lee].

Дополнительными важными шагами, благодаря которым Вашингтон через военное сотрудничество стремится вовлечь Нью-Дели в системную орбиту своей политики, являются предпринимаемые с 2007 г. попытки подключить Индию к «трехстороннему диа-

логу по безопасности» «США—Япония—Австралия» и превратить его в четырехсторонний стратегический формат (ЧСД или QUAD). Четыре страны провели даже собственные морские учения, за которыми, правда, последовало десятилетие затишья. Но в ноябре 2017 г. QUAD был возрожден. Симптоматичной стала явная антикитайская тональность проведенных «четверкой» обсуждений: ситуация в Южно-Китайском море (ЮКМ), «необходимость поддержания основанного на правилах порядка мореплавания», «свободы и открытость Индо-Тихоокеанского региона» [Коростиков].

Индия: интересы и ограничители

После представления целей «индийской политики» США естественен вопрос: а каковы конкретные интересы индийской стороны? Они с очевидностью просматриваются по всем перечисляемым ниже пунктам.

В части ядерного сотрудничества Индия, похоже, успешно добивается сразу двух важных целей.

Первая — условно политическая цель, а именно: с помощью авторитета США окончательно закрепить статус Индии как де-факто ядерной державы, причем без подписания Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), обязательного для общепризнанной «ядерной пятерки». Согласимся, что для Индии, намеревающейся полностью участвовать в формировании глобально-региональной повестки дня, продвижение к статусу, равному положению постоянных членов Совета Безопасности ООН, является более чем весомым достижением, которое Нью-Дели ценит и вряд ли захочет утратить.

Вторая цель состоит в том, чтобы Индия, практически лишенная залежей урана, получила доступ к ядерному сырью и другим ресурсам, необходимым для развития ядерной отрасли. И это происходит опять-таки в немалой мере на США. Как подчеркивали специалисты, уже вскоре после подписания двусторонней ядерной сделки американцы отменили действовавший более 30 лет запрет на поставки в Индию ядерного оборудования и материалов, а также до-

бились снятия соответствующих ограничений Группой ядерных поставщиков [Индийско-американская ядерная сделка].

Сходные предпочтения Индия получает и по части сотрудничества с США в военно-технической, военно-технологической и оборонной сферах. Что касается ВТС, то здесь речь идет, по меньшей мере, о диверсификации рынков оружейного импорта, на которых Индия в условиях конкуренции между поставщиками добивается для себя наиболее выгодных условий.

Несомненны и выгоды, преследуемые Нью-Дели в сфере непосредственного взаимодействия сухопутных, флотских и военно-воздушных ведомств. Причем, как отмечалось выше, с такого рода прямым взаимодействием вооруженных сил тесно связана политическая составляющая. Проводя совместные маневры, осуществляя военные обмены, принимая значимые документы о сотрудничестве в различных сферах обороны и безопасности, Нью-Дели усиливает свои геополитические позиции в регионе. Как и США, Индия рассматривает двусторонние отношения, в том числе, в сфере обороны как серьезную возможность обеспечить приемлемое для себя соотношение сил в региональных геополитических конфигурациях, прежде всего «сбалансировать» влияние усилившегося северного соседа — Китая, с которым последние полвека у страны складываются весьма сложные отношения.

Не забудем также о том, что в Индии, несомненно, учитывают, что в начале 2000 годов США несколько выровняли свой прежний односторонний крен в сторону Пакистана. Индия, всегда крайне болезненно воспринимающая пакистанский фактор, в том числе по постоянно актуальному для нее вопросу «противодействия трансграничному терроризму», безусловно рассчитывает здесь на возможную поддержку со стороны Вашингтона.

Но очевидно, что Индией руководят и соображения более общего, в определенном смысле системного порядка.

Во-первых, после окончания холодной войны с ее биполярным мироустройством, где, будучи лидером Движения неприсоединения, Индия, тем не менее, тяготела к советскому блоку и пользовалась поддержкой СССР, Нью-Дели встал перед непростой задачей новой геополитической адаптации. Неопределенности начального периода

отношений с новой Россией, поэтапное усиление (на основе еще советско-китайской нормализации) связей РФ с КНР подталкивали Индию с одной стороны — к улучшению и развитию фактически замороженных после пограничной войны 1962 г. отношений с Китаем, а с другой — к максимальной диверсификации своего глобального и регионального курса. Причем в рамках такой диверсификации желание наладить отношения с США, утвердившимися на рубеже веков в качестве мирового лидера, явилось абсолютно естественным.

Во-вторых, серьезным импульсом к укреплению отношений с США для Индии служит заинтересованность в доступе к техническим ресурсам и технологиям, прежде всего в той же ядерной сфере, в выходе на американский торговый рынок.

Некий итог соображениям такого рода в середине 2000-х годов подвел известный индийский политолог Р. Мохан, сформулировавший тезис, согласно которому «только фундаментальные изменения в отношениях с единственной мировой супердержавой помогут Индии добиться своих стратегических целей — укрепления глобальной позиции и усиления влияния в отношениях с другими великими державами» [Mohan]. Не случайно, в Индии весьма высоко ценят позицию США в поддержку ее полноформатного членства в Совете Безопасности ООН.

Представления о необходимости тесных отношений с США не являются в Индии господствующими безраздельно. Но воздействие на выработку Нью-Дели своего политического курса они, безусловно, оказывают.

Однако, если для США какие-либо существенные внутренние ограничители, которые снижали бы активность Вашингтона на индийском направлении, не просматриваются, то для Индии подобные ограничители существуют, часто имея весьма существенное значение.

Главным объективным лимитом выглядит то, что в нынешнем (или потенциальном) американо-индийском альянсе Индия вряд ли когда-либо согласится на роль ведомого. В то же время неизменный принцип политики США — неоспоримость американского лидерства. Лидерства, которое за последние сто лет Вашингтон согласился ограничить, пожалуй, лишь однажды — в рамках Объединенных На-

ций 1942—1945 гг. (Антигитлеровской коалиции) в ходе борьбы на фронтах мировой войны.

Нельзя не видеть, что при всем традиционном, восходящем к истокам индийской цивилизации «сакрально-космическом» и «непротивленческом» взгляде на внешний мир (этот тезис артикулируется в стране и сегодня), нынешняя Индия в рамках курса «стратегической автономии» демонстрирует много примеров совсем иного, весьма активного рода.

Речь, идет и о декларировании глобальных амбиций, стремлении занять место среди ведущих мировых держав, о масштабной военной модернизации и наращивании оборонной мощи и о крупных программах внутреннего развития и диверсифицированного международного сотрудничества. Поэтому трудно представить, чтобы Индия когда-либо посчитала для себя приемлемым некий обязывающий «дуумвират» с привычными к безраздельному доминированию США.

Осторожность, равноудаленность и упор на собственные прагматические интересы — все эти характерные черты индийского курса на «стратегическую автономию» хорошо видны в диалоге с Вашингтоном применительно к китайскому фактору. Нью-Дели не раз демонстрировал США пределы взаимодействия на данном направлении, воздерживаясь на официальном уровне от прямолинейной антикитайской риторики, а главное — предпринимая шаги по параллельному развитию диалога с Пекином.

Есть между Индией и США и иные разногласия. Так, не один год в их диалоге присутствуют серьезные торговые трения. Вашингтон недоволен своим отрицательным сальдо в торговле с Индией, причем в 2019 г. он отказал ей в долго действовавшем режиме наибольшего благоприятствования, которым на рынках США пользуются многие развивающиеся страны. Причиной этого Вашингтон назвал нежелание Индии обеспечить «справедливый и разумный доступ» к ее собственному рынку, что привело если не к «торговой войне», то к ряду достаточно резких взаимных акций (подробнее [A Field Guide to U.S.-India Trade...]).

Более того, порой дело доходит до американских угроз ввести против Индии прямые санкции. В частности, это имело место по причине резкого раздражения США решением Индии закупить рос-

сийские системы ПРО С-400 «Триумф» — шага, который сам по себе еще раз продемонстрировал пример «непокорности» и самостоятельности Индии.

Визит Д. Трампа

Практически все приведенные выше факторы, которые во многом не только определяют характер отношений США и Индии, но через них и прямо влияют на структуру «Россия—Индия—Китай», наглядно проявились и ходе февральского (2020 г.) визита в Индию президента США.

По итогам переговоров было подписано «Совместное заявление: видение и принципы комплексного глобального стратегического партнерства между США и Индией» [Joint Statement: Vision and Principles...]. Согласно документу, США, в частности, подтвердили статус Индии как приоритетного партнера в оборонной сфере и обещали передавать ей новые военные технологии, приветствуя решение Индии закупить 30 американских военных вертолетов (на 3 млрд долл.); «высоко оценили» вклад Индии в обеспечение безопасности в регионе Индийского океана; подтвердили поддержку постоянному членству Индии в реформированном Совете Безопасности ООН и вступлению Индии в Группу ядерных поставщиков.

Согласимся, что все эти положения, а также совместный пункт о том, что стороны решительно осуждают «трансграничный терроризм и призывают Пакистан не допустить использования его территории для террористических нападений», имеют для Индии серьезное значение.

Другими важными пунктами Заявления были совместное подтверждение проекта строительства компанией *Westinghouse Electric* шести ядерных реакторов в Индии и обязательства сотрудничать в других энергетических сферах, включая нефтегазовую. Косвенным признанием остающихся нерешенными торговых вопросов стал пункт о намерении продолжить переговоры, чтобы выйти в итоге на «всеобъемлющее соглашение».

В ставшем традиционным ключе, когда региональным и другим игрокам, включая КНР, посылаются смысловые сигналы, стороны

подчеркнули, что их «тесное партнерство имеет ключевое значение для свободного, открытого, открытого для всех, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона». Еще более явный посыл в сторону КНР имел пункт о том, что «США и Индия приняли к сведению усилия по разработке Кодекса поведения в ЮКМ и призвали не ущемлять законные права и интересы всех стран в соответствии с международным правом» [Joint Statement: Vision and Principles...].

В этом же геополитическом смысле трактуются пункты Заявления о намерении двух стран усилить «консультации в рамках формата «США—Индия—Япония»; а также механизма встреч министров иностранных дел и министров обороны Индии и США («2+2», этот формат стартовал в 2018 г.) и четырехсторонней структуры QUAD.

Иными словами, визит продемонстрировал суть основных тенденций индийско-американских отношений: с одной стороны — намерение сторон поступательно развивать отношения и впредь, а с другой — сохранение в двустороннем диалоге особенностей и разногласий (различия в степени «упора» на фактор КНР и несогласия в торговых вопросах, в уровне приемлемости индийских «религиозных свобод»). А это позволяет говорить, что данные, реально существующие тренды в двусторонней повестке будут проявляться и в более широком международном контексте, в том числе влияя на трехсторонний механизм «Россия—Индия—Китай».

Перспективы РИК

Выше уже рассматривалась тема перманентного вызова со стороны США, которые испытывают РИК на прочность через американо-индийские отношения. В связи с этим, позиция, которую занимает или будет занимать Индия, оказывается ключевой.

Возникает вопрос: насколько Вашингтону, пользуясь терминологией Г. Киссинджера, удастся «пресекать» развитие взаимодействия в РИК? Является ли нынешний и прогнозируемый уровень индийско-американского диалога критическим для будущего трехсторонней структуры?

В попытке найти ответ вспомним, что этот трехсторонний формат «приговаривали» к распаду уже не раз. В частности, среди некоторых политологов бытовала формула, что «для каждой из трех стран отношения с США важнее, чем отношения между ними», а поэтому «дни РИК сочтены» (см., например [Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI веке, с. 99]).

Вовсе не отвергая тезис о важности диалога с США и для Индии, и для РФ с КНР, зададимся еще одним вопросом: а почему же РИК реально действует вот уже два десятилетия, более того, институционально активизируется в опоре на ставшие практически регулярными после 2018 г. встречи на высшем уровне?

Ответ может быть лишь один: для прагматичного и неформализованного взаимодействия в РИК у каждой из трех стран имеются причины, побуждающие каждую из них выходить за рамки двустороннего диалога с США. Прежде всего, это императив построения многополярного/полицентричного миропорядка, который «Евразийская тройка» считает возможным продвигать именно скоординированными усилиями. Есть совместная повестка и по ситуации в Центральной Азии и Афганистане, возможностям (правда, пока не использованным) трехсторонней экономической и иной практической кооперации.

Такой взгляд на взаимодействие в РИК отстаивают Москва и Пекин. Но совсем в не меньшей степени из этих же позиций исходит и Нью-Дели, вполне успешно совмещая свое участие в РИК (а также в БРИКС и ШОС) с развитием двусторонних связей с США.

В Нью-Дели (как в Москве и Пекине) вполне прагматично полагают, что взаимодействие в РИК способно лишь усилить собственные позиции каждой из трех столиц в диалоге с теми же США, Японией и другими странами условного Запада. Более того, представляется очевидным, что именно Индия сегодня извлекает наибольшие выгоды из этого вполне обычного для универсальной международной практики внешнеполитического маневрирования, от которого Нью-Дели, похоже, не видит для себя разумных причин отказываться. Как отмечал видный индийский политолог Манодж Джоши, «формальное присоединение к американскому лагерю только ослабит Индию», и наоборот, сотрудничая с Китаем и Россией, она мо-

жет «усилить и свою позицию в переговорах с США и имидж «евразийской державы» [Joshi].

«Реальная политика властвует в дипломатии многовековой (индийской) цивилизации..., далекой от упрощенного подхода, знающего только категории «плохо и хорошо», — отмечало в своем весьма обстоятельном комментарии зимой 2015 г. испанское издание Publico.es. «Хотя ныне США — крупнейшая мировая держава, однако поддержание добрых отношений с соседним Китаем является приоритетом для Нью-Дели» [Armanian]. Добавим, что еще в большей степени маловероятен сценарий, когда в серьезную жертву контактам с Вашингтоном Нью-Дели был бы готов принести свои проверенные временем отношения с Москвой.

Другое дело, что ситуация нуждается в постоянном мониторинге. «Особая», несущая отпечаток влияния США позиция Индии по таким темам, как концепты «Индо-Тихоокеанского региона», «порядка, основанного на правилах» (оба не приветствуются ни в Пекине, ни в Москве), порой затрудняет, «сдерживает» формулирование повестки, общей для РИК. Было бы также опрометчивым не слышать и голоса индийских «РИК-скептиков», которые указывают на «напряженность в РИК», увязывая ее со старыми спорами Индии с Китаем, с появлением некоторых «расхождений с РФ», но главное — с очевидной заинтересованностью Нью-Дели «в наращивании стратегических связей с США» [Rajagopalan].

Однако в итоге нельзя не видеть, что в диалоге с США Индия (о чем говорилось выше) демонстрирует четкое понимание пределов допустимого и не дает повода упрекать себя в нарушении «красных линий» по китайскому или другим важным вопросам. Так, благосклонно воспринимая ту же концепцию «Индо-Тихоокеанского региона», Нью-Дели показательно настаивает на ее «экономическом содержании» и «ненаправленности против каких-либо стран»¹. Подчеркнутая самостоятельность Индии хорошо видна также и на таких

---

¹ На том, что для Индии Indo-Pacific — это прежде всего экономический концепт, продиктованный признаками «перемещения центра тяжести экономического роста из АТР в зону Индийского океана», настаивал, в частности, на беседе в ИДВ РАН посол Индии в РФ г-н Д.Б. Венкатеш Варма (осень 2018).

примерах, как вызвавшая, повторим, истерику в США закупка комплексов «Триумф» и решительный отказ Нью-Дели от участия в антироссийских санкциях после украинского кризиса. Об иных тренингах с США (торговля и т. д.) уже говорилось выше.

Иными словами, не являясь абсолютно новым феноменом и представляя для РИК постоянный очевидный вызов, нынешний характер развития отношений между Индией и США вряд ли должен рассматриваться как критическая угроза этому формату, чреватая разрушительными последствиями для него. У Нью-Дели есть весомые интересы продвигать диалог с США. Однако это вовсе не означает автоматического сворачивания его отношений с Москвой и Пекином и следовательно — развала «тройки».

Чтобы избежать неуместного самоуспокоения, стоит признать, что, пусть и гипотетически, серьезные для РИК последствия все же вероятны. Но лишь в случае критического (по примеру 1960-х) конфликта между Индией и КНР и переформатирования в связи с этим всего геополитического ландшафта в Азии и АТР. Будем рассматривать такой сценарий как сугубо теоретический.

Важно и другое. Вопрос о перспективах РИК — это во многом тема адекватного восприятия сути трехстороннего формата. Звучащая порой критика РИК зачастую зиждется на необоснованно завышенных ожиданиях. Играя заметную роль в консолидации трех влиятельных, декларирующих неприемлемость однополярного мира держав, их сотрудничество способно вносить свой вклад в продвижение к демократическому миропорядку, умиротворению в «горячих точках». Поэтому даже дискретные успехи на этом важном направлении заслуживают поощрения и поддержки.

Библиографический список

Борисов Тимофей. Индия и США: сотрудничество в сфере военных технологий. 20 августа 2019 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-i-ssha-sotrudnichestvo-v-sfere-voennykh-tekhnologiy/> (дата обращения: 08.04.2020).

Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI веке: проблемы, перспективы, направления / сост. и авт. предисл. С.В. Уянаев. Т. 2. М.: ИДВ РАН, 2004. 216 с.

Владивосток-2012: АТЭС и новые возможности России / отв. ред. В.В. Бойцов. М., 2011. 326 с.

Индийско-американская ядерная сделка // Коммерсантъ-Власть. 24.12.2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2095143> (дата обращения: 08.04.2020).

Коростиков Михаил. Обходное пособие // Коммерсантъ. 21.02.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3555081> (дата обращения: 08.04.2020).

Уянаев С.В. Россия—Индия—Китай: в контурах нового миропорядка. К 90-летию академика Евгения Максимовича Примакова: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. 322 с.

Хумейша Нооман Ибрахим. Союз России и двух гигантов // Albaath (Syria). 21.01.2008. URL: <https://inosmi.ru/world/20080121/239041.html> (дата обращения: 08.04.2020).

A Field Guide to U.S.-India Trade Tensions / Council on Foreign Relations (CFR). URL: <https://www.cfr.org/article/field-guide-us-india-trade-tensions> (accessed: 08.04.2020).

Armanian Nazanin. Obama regresa a la India para reavivar la lucha contra China // Publico.es. 09.02.2009. URL: <https://blogs.publico.es/puntoyseguido/2439/obama-regresa-a-la-india-para-reavivar-la-lucha-contrachina> (accessed: 08.04.2020).

Cronin Patrick M., Lee Kristine. Operationalizing US-India Strategic Cooperation // The Diplomat. 1 September, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/09/operationalizing-us-india-strategic-cooperation> (accessed: 08.04.2020).

Indo-Pacific Strategy Report / The US Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/departament-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf> (accessed: 08.04.2020).

Joint Statement — United States and India: Prosperity Through Partnership. June 27, 2017. / Ministry of External Affairs of India. URL: <https://mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?28560/Joint+Statement++United+States+and+India+Prosperity+Through+Partnership> (accessed: 08.04.2020).

Joint Statement: Vision and Principles for the United States-India Comprehensive Global Strategic Partnership. Issued on February 25, 2020 / US Government. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-vision-principles-united-states-india-comprehensive-global-strategic-partnership> (accessed: 08.04.2020).

Joshi Manoj. India's Strategy in the China-Russia-USA Triangle // Limesonline Information Portal (Italy). URL: https://www.limesonline.com/en/choosing-not-to-choose-indias-strategy-in-the-china-russia-usa-triangle?refresh_ce (accessed: 15.04.2020).

Mohan Raja C. India and the Balance of Power. From Foreign Affairs, July/August 2006 // Foreign Affairs. 2006.07.01. URL: <http://www.foreignaffairs.org/20060701faessay85402/c-raja-mohan/india-and-the-balance-of-power.html> (accessed: 08.04.2020).

National Security Strategy of the United States of America, December, 2017 // US Presidential Administration Information Portal. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 31.03.2019).

Rajagopalan Rajeswari Pillai. Growing Russia-India-China Tensions: Splits in the RIC Strategic Triangle? // *The Diplomat*. March 17, 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/03/growing-russia-india-china-tensions-splits-in-the-ric-strategic-triangle/> (accessed: 15.04.2020).

U.S. — India Bilateral Trade and Investment / Office of the US Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia/india> (accessed: 8 April, 2020).

U.S. — India Relations (1947—2020) / Council on Foreign Relations (CFR). URL: <https://www.cfr.org/timeline/us-india-relations> (accessed: 08.04.2020).

U.S.-India Defense Ties Grow Closer as Shared Concerns in Asia Loom // *The New York Times*. 20 November, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/20/world/asia/india-military-exercises-trump.html> (accessed: 08.04.2020).

US senate passes law to bring India at par with NATO allies // *The Economic Times (New Delhi)*. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-senate-passes-legislative-provision-to-give-india-nato-ally-like-status/articleshow/70037824.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 08.04.2020).

References

A Field Guide to U.S.-India Trade Tensions, *Council on Foreign Relations (CFR)*. URL: <https://www.cfr.org/article/field-guide-us-india-trade-tensions> (accessed: 8 April, 2020).

Armanian, Nazanin (2009). Obama regresa a la India para reavivar la lucha contra China, *Publico.es.*, Febrero, 2. URL: <https://blogs.publico.es/puntoyseguido/2439/obama-regresa-a-la-india-para-reavivar-la-lucha-contra-china> (accessed: 8 April, 2020).

Borisov, Timofey (2019). Indiya i SShA: sotrudnichestvo v sfere voennykh tekhnologiy [India and the United States: cooperation in the field of military technology]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-i-ssha-sotrudnichestvo-v-sfere-voennykh-tekhnologiy/> (accessed: 8 April, 2020). (In Russian).

Cronin, Patrick M.; Lee, Kristine (2018). Operationalizing US-India Strategic Cooperation, *The Diplomat*, September 1. URL: <https://thediplomat.com/2018/09/operationalizing-us-india-strategic-cooperation> (accessed: 8 April, 2020).

Humejsa, Nooman Ibrahim (2008). Soyuz Rossii i dvuh gigantov [The Union of Russia and two giants], *Albaath (Syria)*, January 21. Provided by: URL: <https://inosmi.ru/world/20080121/239041.html> (accessed: 8 April, 2020).

Indijsko-amerikanskaya yadernaya shdelka [Indian-American nuclear deal], *Kommersant-Vlast' [The Businessman — Power]*. 24 December, 2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2095143> (accessed: 8 April, 2020).

Indo-Pacific Strategy Report, *The US Department of Defense*. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/department-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf> (accessed: 8 April, 2020).

Joint Statement — United States and India: Prosperity Through Partnership. June 27, 2017, *Ministry of External Affairs of India*. URL: <https://mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?28560/Joint+Statement++United+States+and+India+Prosperity+Through+Partnership> (accessed: 8 April, 2020).

Joint Statement: Vision and Principles for the United States-India Comprehensive Global Strategic Partnership. Issued on February 25, 2020, *US Government*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-vision-principles-united-states-india-comprehensive-global-strategic-partnership> (accessed: 8 April, 2020).

Joshi, Manoj (2019). India's Strategy in the China-Russia-USA Triangle 19.12.2019, *Limesonline Information Portal (Italy)*. URL: https://www.limesonline.com/en/choosing-not-to-choose-indias-strategy-in-the-china-russia-usa-triangle?refresh_cc (accessed: 15 April, 2020).

Korostikov, Mihail (2018). Obhodnoe posobie [The bypass benefit], *Kommersant [The Businessman]*. 21 February. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3555081> (accessed: 8 April, 2020). (In Russian).

Mohan, Raja C. (2006). India and the Balance of Power. From Foreign Affairs, July/August 2006, *Foreign Affairs*, 1 July. URL: <http://www.foreignaffairs.org/20060701faessay85402/c-raja-mohan/india-and-the-balance-of-power.html> (accessed: 8 April, 2020).

National Security Strategy of the United States of America. December, 2017, *US Presidential Administration Information Portal*. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 31 March, 2019).

Rajagopalan, Rajeswari Pillai (2020). Growing Russia-India-China Tensions: Splits in the RIC Strategic Triangle?, *The Diplomat*. March 17. URL: <https://thediplomat.com/2020/03/growing-russia-india-china-tensions-splits-in-the-ric-strategic-triangle/> (accessed: 15 April, 2020).

U.S. — India Bilateral Trade and Investment, *Office of the US Trade Representative*. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia/india> (accessed: 8 April, 2020).

U.S. — India Defense Ties Grow Closer as Shared Concerns in Asia Loom, *The New York Times*, 20 November, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/20/world/asia/india-military-exercises-trump.html> (accessed: 8 April, 2020).

U.S. — India Relations (1947—2020), *Council on Foreign Relations (CFR)*. URL: <https://www.cfr.org/timeline/us-india-relations> (accessed: 8 April, 2020).

US senate passes law to bring India at par with NATO allies, *The Economic Times (New Delhi)*. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-senate-passes-legislative-provision-to-give-india-nato-ally-like-status/articleshow/70037824.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 8 April, 2020).

Uyanaev, S.V. (2019). Rossiya—Indiya—Kitaj: v konturah novogo miroporyadka. K 90-letiyu akademika Evgeniya Maksimovicha Primakova: monografiya [Russia—India—China: in the contours of the new world order. To the 90th anniversary of academician Yevgeny Maksimovich Primakov: monograph], Moscow: FORUM PH, 322 p. (In Russian).

Vladivostok-2012: ATEC i novye vozmozhnosti Rossii / Otv. red. V.V. Boitsov [Vladivostok-2012: APEC and new opportunities of Russia / Ed. by V. V. Boitsov], Moscow, 2011, 326 p. (In Russian).

Vzaimodejstvie Rossii, Indii i Kitaya v XXI veke: problemy, perspektivy, napravleniya / Sostavitel' i avtor Predisloviya — S.V. Uyanaev [Interaction of Russia, India and China in the XXI century: problems, prospects, directions / Compiled and author of the Preface — S.V. Uyanaev], Vol. 2, Moscow: *Institute of far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences*, 2004, 216 p. (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10002

А.В. Ломанов

РОССИЯ И КИТАЙ В «НОВУЮ ЭПОХУ»: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. На основании публикаций китайских ученых в статье проанализированы подходы экспертного сообщества к развитию отношений России и Китая. Провозглашение в июне 2019 г. «новой эпохи» в отношениях двух стран породило ожидания выхода сотрудничества на качественно новый уровень. Китайская дипломатия в трактовке «новой эпохи» ставит на первое место укрепление политического доверия и дружбы двух лидеров, далее следуют задачи развития экономического сотрудничества, продвижения общественного взаимопонимания, совместного решения международных проблем. Китайские ученые утверждают, что ныне отношения двух стран основаны на совпадении долгосрочных стратегических интересов. Вместе с тем «новая эпоха» наступила на фоне изменения баланса комплексной национальной мощи в пользу Китая. Акцент на ограниченности перспектив экономического сотрудничества с Россией и зависимости Китая от американского рынка приводит к выводу о нежелательности союзных отношений. Другая точка зрения подчеркивает, что близость интересов Китая и России обусловлена сходством стратегических проблем. Обе страны решают задачи экономического развития в условиях нарастающего давле-

ния со стороны Запада, они нуждаются во взаимной поддержке, чтобы обрести защищенный «стратегический тыл». При этом Китаю следует в первую очередь учитывать военные и ресурсные преимущества России. Признание неизбежности долгосрочного соперничества с США заставляет китайских экспертов признать необходимость сокращения чрезмерной зависимости от Америки и укрепления связей с Россией. Ожидание перемен в диалоге России и Китая вследствие смягчения политики США в отношении одной из сторон в обозримом будущем представляется нереалистичным. Первый год «новой эпохи» был наполнен непредвиденными вызовами. Среди них — пандемия коронавируса, опасное ухудшение китайско-американских отношений, замедление роста мировой экономики с перспективой глобальной депрессии. Для совместных действий по выходу из кризиса двум странам необходимы взаимное политическое доверие и поддержка, ставшие квинтэссенцией «новой эпохи» двусторонних отношений.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, политическое доверие, стратегические интересы, комплексная мощь.

Автор: Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com

A. V. Lomanov

Russia and China in the “new era”: challenges and perspectives

Abstract. The article, basing on publications by Chinese scholars, analyzes the approaches of the expert community to the development of relations between Russia and China. The announcement in June 2019 of the “new era” in relations between the two countries gave rise to expectations that cooperation would reach a qualitatively new level. Chinese diplomacy in the interpretation of the “new era” puts in the first place the strengthening of political trust and friendship between two leaders, followed by the tasks of developing economic cooperation, promoting public understanding, and jointly solving international problems. Chinese experts argue that now the relations between the two countries are ba-

sing on the coincidence of long-term strategic interests. At the same time, the “new era” has come against the backdrop of change in the balance of comprehensive national strength in favor of China. The emphasis on the limited prospects for China’s economic cooperation with Russia and China’s dependence on the US market leads to the conclusion that alliance relations are undesirable. Another point of view emphasizes that the closeness of the interests of China and Russia is due to the similarity of their strategic problems. Both countries are focused on the problems of economic development under conditions of increasing pressure from the West, so they need mutual support to provide each other well-protected “strategic rear”. In this situation China should primarily take into account Russia’s military and resource advantages. The recognition of the inevitability of long-term rivalry with the United States forces Chinese experts to recognize the need to reduce excessive dependence on America and strengthen ties with Russia. However, the expectation of changes in the dialogue between Russia and China due to the easing of US policy towards one of the parties in the foreseeable future seems unrealistic. The first year of the “new era” has been filled with unforeseen challenges. Among them are the coronavirus pandemic, a dangerous deterioration in Sino-US relations, a slowdown in global economic growth with the prospect of global depression. For joint actions to overcome the crisis the two countries need mutual political trust and support, which have become the quintessence of the “new era” of bilateral relations.

Keywords: Russian-Chinese relations, political trust, strategic interests, comprehensive national power.

Author: Alexander V. LOMANOV, Dr. Sc. (History), Professor of the RAS, Head of the Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Провозглашение лидерами России и Китая в июне 2019 г. «новой эпохи» в двусторонних отношениях стало важным символическим событием, породившим ожидания выхода партнерства на качественно новый уровень. Заместитель главы МИД России И.В. Моргулов отметил, что в связи с провозглашением «новой эпохи» стороны договорились «оказывать друг другу еще более решительную и энер-

гичную стратегическую поддержку по всем направлениям» [Моргулов, с. 4].

Заместитель главы МИД КНР Лэ Юйчэн при обсуждении «новой эпохи» поставил на первое место задачу укрепления политического доверия, пояснив, что «это, прежде всего, взаимное доверие и дружба между главами двух государств» [Лэ Юйчэн, с. 55]. «Стратегическое руководство» со стороны двух лидеров является важнейшим фактором успешного развития отношений. Дипломат призвал действовать в соответствии с разработанными двумя руководителями планами, еще больше продвинуть политическое доверие, усилить стратегическое общение, укрепить взаимную поддержку по коренным, ключевым интересам и заботящим другую сторону проблемам.

Следует пояснить, что понятие «новая эпоха» является неотъемлемым атрибутом современной китайской политической лексики. После провозглашения в 2017 г. вступления Китая в «новую эпоху» и официального присвоения статуса компонента нормативной идеологии КПК «идеям Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» это сочетание указывает на особенности текущего периода развития страны и на стратегический курс нынешнего китайского лидера во внутренней и внешней политике.

Задача «интеграции взаимной выгоды во всестороннее сотрудничество» опирается на большую экономическую взаимную дополняемость двух стран, которые являются «естественными партнерами по сотрудничеству». Лэ Юйчэн рекомендовал повысить «независимую ценность» и «внутреннюю движущую силу» двустороннего сотрудничества, совместно наращивать комплексную национальную мощь и международную конкурентоспособность обеих стран. Следующая по значимости задача содействия общению между людьми, помогающему «через соединение людских сердец укреплять дружбу из поколения в поколение». И, наконец, задача стратегического взаимодействия для отражения внешних рисков. Дипломат призвал «стоять вместе плечом к плечу, поддерживать друг друга спиной к спине», в интересах всего человечества предлагать больше «китайско-российских планов», нацеленных на поддержание глобального мира и развития [Лэ Юйчэн, с. 55].

В 2019 г. в КНР вышло в свет много научных публикаций, приуроченных к юбилею двусторонних отношений. Ли Юнцюань (Университет КАОН) отметил, что главным достижением за 70 лет стало отыскание «правильного пути как поладить друг с другом». Нынешние отношения основаны на совпадении долгосрочных стратегических интересов, равенстве и взаимной выгоде, а также на огромной ответственности за свои народы, региональное развитие и мир во всем мире [Ли Юнцюань, с. 47].

Обращение в прошлое побудило Лю Сяньчжун (Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН) сделать вывод, что юридически оформленных союзных отношений недостаточно. Политическое взаимодоверие и единство стратегических интересов не менее важны. Нужно уважать законное право партнера на защиту своих интересов, недопустимо навязывать другой стороне свои ценностные стандарты и тем более — из национального эгоизма приносить в жертву чужие интересы. «В противном случае, подобно китайско-советскому альянсу, юридический альянс станет пустой бумажкой» [Лю Сяньчжун, с. 69].

По мнению ученого, двум странам следует воздержаться от создания союза, чтобы не порождать конфликт интересов, не ограничивать действия друг друга на мировой арене и не раздражать США. Память об исторических спорах все еще порождает проблемы в плане взаимного доверия, обе стороны с настороженностью следят за развитием связей партнера с Западом. В китайском обществе по-прежнему возникают полные националистического негодования негативные слухи о России, китайские неофициальные рассуждения о территориальной проблеме вызывают в РФ беспокойство и отрицательно влияют на имидж Китая.

Фэн Шаолэй (Восточно-китайский педагогический университет) отметил, что в отношениях Китая и России нерешенным остается теоретический вопрос о трактовке «современности». С 1960-х — 1970-х годов от развивающихся стран ожидали, что они будут равняться на Европу и США как на стандарт «современности» и продвигаться к нему в процессе модернизации. После холодной войны по инициативе Запада бывшие социалистические страны провели неолиберальную «шоковую терапию», что вызвало встречную реак-

цию, и в России и других традиционно больших государствах произошёл полный поворот вспять. Это привело к отказу от линейной модели прогресса, когда «современность» западного образца идет на смену отсталости. На первое место вышла идея многообразия путей развития. Однако нельзя допустить полной утраты критериев «современности» как ориентира для развития. Совмещение всеобщего и особенного становится важной теоретической проблемой в изучении отношений между Китаем и Россией [Фэн Шаолэй, с. 8–9].

Ученый обратил внимание, что региональная холодная война в Азии закончилась вместе с китайско-американским примирением в 1971 г., то есть на два десятилетия раньше, чем в Европе. После всеобщего завершения холодной войны в Азии не было изменений геополитических границ масштаба, сопоставимого с расширением НАТО на Восток, вызвавшего острую встречную реакцию со стороны России. Это дало Азии шанс на стабильное развитие. Вместе с тем давние внутрисоциальные расколы в Тайваньском проливе и на Корейском полуострове не были преодолены, хотя это произошло в Европе при воссоединении Германии. Это важное наблюдение исследователя помогает понять разницу в стратегиях России и Китая. За минувшие пять десятилетий Пекин утратил навыки борьбы за существование и развитие в условиях геополитических вызовов полномасштабной холодной войны.

Фэн Юйцзюнь (Институт международных проблем Фуданьского университета) отметил, что «новая эпоха» наступила на фоне растущего разрыва показателей комплексной национальной мощи двух стран в пользу Китая. Объем китайской экономики в 10 раз превышает российский, на военные нужды Китай тратит в 3 раза больше России, показатели ВВП на душу населения выровнялись. Этот разрыв воплощает «великое изменение», какого не было на протяжении четырех столетий истории двусторонних отношений [Фэн Юйцзюнь, с. 4].

Несмотря на разговоры об «упадке» США, комплексная национальная мощь Америки не снизилась, а международная стратегия Трампа стала более наступательной. Главный вопрос для Китая заключается в том, сможет ли он в будущем конкурировать и сотрудничать с США в рамках общей системы правил, либо возникнут

«параллельные рынки». Ученый полагает, что в этом вопросе выбор Китая и России может отличаться. Он призывает считать фундаментальной целью китайско-российских отношений защиту национальных интересов Китая и не ставить «важность отношений» выше «важности интересов» [Фэн Юйцзюнь, с. 6].

Китай должен получать максимальные выгоды при минимальных затратах. Исследователь подчеркивает, что хорошие отношения с Россией не станут для Китая решением всех проблем. Россия не заменит США ни как поставщик сельскохозяйственной продукции, ни как источник высокотехнологичной продукции. При этом за последние годы число солидарных голосований России и Китая в ООН составило 81 %, тогда как у США с Великобританией с их «особыми отношениями» — лишь 75 %. Поэтому нужно разобраться, какую цену заплатил Китай за сотрудничество с Россией, позволило ли это улучшить внешнюю среду его развития, снизить стратегическое давление со стороны США. Подспудно подразумевается, что Китай мог «переплатить» за стратегическое партнерство, тогда как Россия заплатила слишком мало. Ученый опасается втягивания Китая в политический менталитет «большого треугольника», когда антиамериканское партнерство с Россией по формуле «двое против одного» начнет наносить ущерб китайско-американским отношениям вопреки интересам Китая.

Однако нет оснований утверждать, что российско-китайское сотрудничество является первопричиной ухудшения отношений между КНР и США. Вопросы Фэн Юйцзюня могут быть зеркально обращены к Китаю. Способен ли он полностью заменить России страны Запада в качестве поставщика передовых технологий? Не вредит ли стратегическая близость к Китаю перспективам восстановления связей России с западным миром? Должна ли Россия дистанцироваться от Китая ради максимизации собственных международных выгод на фоне разрастающегося китайско-американского противостояния и подрывающего репутацию Пекина глобального коронавирусного кризиса? Эти вопросы звучат в том случае, если российская сторона вооружится изложенной выше внешнеполитической логикой.

Фэн Юйцзюнь признал, что в прошлом Китай получил ощутимые преимущества от хороших отношений с Россией. Избавившись

от военной напряженности на границе, Пекин смог сосредоточить усилия на экономическом строительстве. «Без потепления китайско-советских отношений и позитивного развития китайско-российских отношений в течение стольких лет мы не смогли бы осуществлять реформу и открытость, содействовать экономическому и социальному развитию». Вместе с тем дальнейшее сближение неосуществимо из-за недостаточной включенности России в мировую экономическую интеграцию. Двусторонняя торговля основана на традиционной модели, в ней не созданы цепочки производственного сотрудничества, какие есть у Китая с США, Европой, Японией и другими развитыми странами. «Это очень важный фактор, ограничивающий развитие китайско-российских торгово-экономических отношений» [Чжунго вайцзяо..., с. 18, 19].

Дипломат и политический деятель Чжан Дэгуан призывает обращать больше внимания на сильные стороны России. Есть точка зрения, согласно которой ВВП России эквивалентен ВВП китайской провинции Гуандун, и это сильно сдерживает двустороннее экономическое сотрудничество. Однако преимущества России невозможно оценивать лишь по размеру ВВП, забывая о пресной воде Байкала и лесных ресурсах, которые являются частью национальной мощи. По словам Си Цзиньпина, чистая природная среда подобна «горам золота и серебра», поэтому приравнение России к Гуандуну лишено смысла. Помимо этого, Россия добилась заметного прогресса сельскохозяйственного производства в условиях западных санкций [Чжан Дэгуан, с. 11—12].

Военный эксперт Ван Хайюнь указывает, что близость стратегических интересов Китая и России обусловлена сходством стоящих перед ними стратегических проблем. Обе страны являются «поднимающимися державами», они переходят от плановой экономики к рыночной. Будучи «незападными державами», они заинтересованы в поддержании разнообразия мировых цивилизаций; они привержены соответствующим их национальной специфике ценностям и принципу независимости при выборе общественно-политической системы. Обе страны стали объектами стратегического сдерживания со стороны США, и это диктует необходимость совместного противодействия гегемонистскому давлению. Как постоянные члены СБ

ООН, они несут сходную ответственность в вопросах мира и развития, глобального управления [Ван Хайюнь, с. 15].

Стратегические преимущества двух стран дополняют друг друга. В геополитической стратегии Китай должен реагировать на угрозу с моря, ему необходимо обрести стратегическую опору и тыл на суше, что невозможно без дружбы с Россией. Та, в свою очередь, в ответ на угрозу со стороны НАТО будет рассматривать Китай в качестве опоры своей безопасности и стратегического тыла. Национальную мощь России нельзя недооценивать, ведь ее военная сила и стратегические возможности унаследованы от сверхдержавы. Взаимное дополнение позволит двум странам создать эффект « $1 + 1 > 2$ » и парировать стратегическое давление со стороны любого гегемонистского альянса. «Русская нация обладает взрывной силой, а китайская нация обладает выносливостью. Русские делают дела открыто и любят поднимать флаг, китайцы при столкновении с проблемами действуют неброско, в делах проявляют осмотрительность. Русские хороши в боксе, а китайцы хороши в тайцзи. Китай и Россия объединяют в себе жесткость и мягкость, которые друг друга поддерживают, они могут стать отличными партнерами. Взвзвись за руки, опираясь друг на друга, две страны смогут противостоять любой международной буре» [Ван Хайюнь, с. 15].

Ситуация меняется, противоположности сближаются. После провозглашения Си Цзиньпином в 2013 г. внешнеполитической стратегии «стремления к достижениям» китайская сторона все чаще пытается действовать жестко, открыто и с «поднятым флагом». Ван Хайюнь полагает, что в «новую эпоху» следует поскорее повысить уровень отношений двух стран до «квазисоюзных», понимаемых как «тесное стратегическое партнерство, не принимающее договорных обязательств». В понятиях внешнеполитической стратегии Си Цзиньпина их можно охарактеризовать как «сообщество судьбы» двух стран с общими интересами и ответственностью [Ван Хайюнь, с. 16].

«Ухудшение отношений с США стало серьезным вызовом для китайского экспертного сообщества, которому было нелегко осознать всю глубину произошедших после прихода к власти Трампа негативных изменений» [Ломанов]. Понимание необратимости этих тенденций влияет на китайские оценки сотрудничества с Россией.

Ли Син (Пекинский педагогический университет) полагает, что США приложат все усилия для того, чтобы не позволить Китаю стать полноценным военным соперником, а России — сильной экономической державой. При этом, для американской администрации Россия выступает как «краткосрочная боль кожного покрова», а Китай — как «долгосрочная внутренняя боль души» [Ли Син, с. 61].

Отечественные исследователи отметили, что китайско-американская экономическая напряженность создала условия для более тесного торгового сотрудничества России с Китаем [Виноградов, Зацепенко, Сафронова, с. 200—201]. Ли Син признал, что Китай уже встал на путь сокращения чрезмерной зависимости от США и укрепления связей с Россией. В рамках стратегического сотрудничества он стремится получить доступ к продукции российской военной промышленности, энергетическим и сырьевым ресурсам. Стратегическая конкуренция между Китаем и США неизбежна, и это — «тяжелый, жестокий, но близкий к реальности» вывод в области международной политики. Стратегическое сотрудничество с Россией позволит сбалансировать издержки от соперничества с США, планы «стыковки» с Россией дадут возможность уравновесить американскую «Индо-Тихоокеанскую стратегию». В рамках инициативы «Пояс и путь» решающее значение для Китая будут иметь степень поддержки со стороны России и уровень противодействия со стороны США [Ли Син, с. 62].

Чжао Минвэнь (Китайский институт международных проблем) считает, что структурные противоречия в отношениях Китая и России с США и прочими развитыми странами носят долгосрочный характер, и потому развитие отношений между Пекином и Москвой постоянно будет сталкиваться с «серьезными геополитическими вызовами». Но все же между тремя державами сложились «отношения симбиоза», и потому у Китая и России достаточно пространства для диалога и сотрудничества с Западом, включая США. Эксперт признает, что знания друг о друге народов Китая и России недостаточны, а экономическое и финансовое сотрудничество по глубине и широте не соответствует уровню политического сотрудничества и сотрудничества в области безопасности, но это не более чем «проблемы развития». Он уверен, что «ни одна из сторон не будет платить

огромную цену отказа от партнера в обмен на расположение Запада» [Чжао Минвэнь, с. 50].

Изучение подходов китайских ученых к перспективам отношений с Россией привело американского исследователя Элизабет Вишник к выводу, что эти отношения находятся под большим влиянием внешних факторов — например, возможного решения США снять санкции с России или улучшить экономические отношения с Китаем. «Наибольшие трудности будут возникать на периферии, особенно в Центральной Азии и Арктике» [Wishnick]. Однако ожидание перемен в диалоге России и Китая вследствие смягчения политики США в отношении одной из сторон в обозримом будущем представляется нереалистичным.

Отечественные исследователи указывают на очевидный разрыв между тем, как трактуют свои двусторонние отношения Россия и Китай, и как их интерпретируют внешние акторы. В этом контексте так называемый прагматичный подход в российско-китайских отношениях предстает неэффективным, поскольку приоритет национальных интересов порождает неустойчивые конъюнктурные коалиции. Чрезмерная подверженность отношений России и Китая внешним воздействиям повышает непредсказуемость международной ситуации и грозит возникновением кризисов из-за неверных трактовок чужих намерений и действий [Песцов, с. 12].

Некоторые китайские ученые полагают, что в отношениях Китая с США «должен преобладать реализм», а в отношениях с Россией «должен учитываться идеализм» [Ли Син, с. 61]. Однако преждевременный отказ от прагматизма в пользу «идеалистического альянса» может стать источником настоящей глобальной конфронтации с Западом, на фоне которой нынешняя «непредсказуемость» выглядит более предпочтительной. Применительно к российско-китайским отношениям это означает, что «в будущем обе стороны будут на практике проявлять больше прагматизма, хотя это не обязательно выразится в лозунгах или официальных заявлениях» [Лукин, с. 233].

Пандемия коронавируса спровоцировала всплеск китайско-американского политического противостояния. Она также оказала негативное влияние на восприятие России в китайском общественном мнении. В феврале в китайском интернете возмущались «гонения-

ми» на соотечественников, которым в России предписали соблюдать карантин и наказывали за его нарушения. В начале апреля возвращающиеся из России китайцы завезли коронавирус на северо-восток Китая. После закрытия воздушного сообщения между двумя странами сухопутная граница на Дальнем Востоке осталась открытой. Тысячи граждан КНР устремились из Москвы во Владивосток, чтобы оттуда добраться домой наземным транспортом. По их прибытии в Китай среди них были выявлены сотни носителей вируса. Появление очагов эпидемии недалеко от границы с Россией спровоцировало в китайском интернете волну рассуждений о «российской ненадежности». Западные аналитики противопоставили «пораженчество» властей российского Приморья «решительности» правительства провинции Хэйлуцзян в борьбе с эпидемией, подчеркивая «асимметричность и неравенство сил» двух стран [Shah].

Китайская англоязычная газета *Global Times* назвала Россию «примером неспособности контролировать случаи завоза» коронавируса своими гражданами из Европы, который должен послужить предупреждением для других государств. «Китайский народ наблюдал, как Россия превратилась в сильно пострадавшую страну из страны, которая проделала большую работу. Это должно прозвучать как сигнал тревоги. Китай должен строго пресекать приток заболевших и избегать повторной вспышки болезни» [Russian alarm...].

Перед эпидемией китайские эксперты призывали активно противодействовать негативному влиянию на общественное мнение рассуждений о «теории китайской угрозы» в России и «теории ненадежности России» в Китае, «совместно подавлять шум крайних националистических сил и прозападных сил» в обеих странах. «Здравомыслящие люди в Китае и России должны подняться, чтобы дать отповедь вмешательству внешних сил, которые ведут войну общественного мнения, войну дискредитации для разрушения отношений между Китаем и Россией» [Ван Хайюнь, с. 16].

Сигналом к снижению накала публичных выражений недовольства в адрес России стали официальные сообщения о телефонных беседах Си Цзиньпина с В.В. Путиным. 16 апреля 2020 г. китайский лидер заявил о своей уверенности в том, что под руководством президента РФ удастся в кратчайшие сроки взять эпидемию под кон-

троль, гарантировать безопасность жизни и здоровья людей, возобновить экономическое и социальное развитие. Он отметил, что в первом квартале 2020 г. объем двусторонней торговли увеличился на 3,4 %, это выглядит позитивно на фоне общего спада в мировой экономике [Си Цзиньпин тун ... 17.04.2020].

В беседе с В.В. Путиным 8 мая 2020 г. Си Цзиньпин соединил тему празднования юбилея Победы во Второй мировой войне с борьбой с коронавирусом: «Китайская сторона абсолютно уверена в том, что российская сторона в итоге полностью победит эпидемию, она продолжит твердо оказывать российской стороне поддержку. Международное сообщество должно развивать дух Мировой антифашистской войны, работать вместе, действовать единомысленно и сообща, объединяться и помогать друг другу, активно практиковать идею сообщества судьбы человечества, взяться за руки, чтобы победить в этой оборонительной битве, которая касается безопасности жизни и здоровья народов всех стран. Уверен, что совместными усилиями Китая, России и международного сообщества мы обязательно победим все вирусы и добьемся окончательной победы в этой войне» [Си Цзиньпин тун ... 09.05.2020].

С российской точки зрения, совмещение темы войны и эпидемии может показаться необычным. Однако в китайском контексте оно выглядит естественным. В начальный, самый трудный период борьбы с коронавирусом в Китае были провозглашены лозунги «народной войны» с эпидемией, проведения «оборонительной битвы» в сфере здравоохранения. Перенос Си Цзиньпином подобной лексики в сферу российско-китайских отношений подчеркнул для внутренней китайской аудитории общность проблем и стратегий двух стран.

Первый год «новой эпохи» отношений России и Китая был наполнен новыми непредвиденными вызовами. Среди них — пандемия коронавируса, опасное ухудшение китайско-американских отношений, замедление роста мировой экономики с перспективой глобальной депрессии. Для совместных действий по выходу из кризиса двум странам как никогда необходимы взаимное политическое доверие и поддержка, ставшие дипломатической квинтэссенцией «новой эпохи» двусторонних отношений.

Библиографический список

Виноградов А.О., Заклепенко А.Ю., Сафронова Е.И. США, Китай и ВТО: последствия американско-китайского торгового конфликта для мировой торговли // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIV. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 187—206. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10011

Ломанов А.В. Китайские дискуссии об отношениях с США и торговой войне // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 10. С. 17—29. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-17-29

Лукин А.В. Пик миновал? Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 3. С. 222—233.

Моргулов И.В. Российско-китайские отношения на новом историческом старте развития // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (1). С. 3—11.

Песцов С.К. Российско-китайские отношения: внешние интерпретации и оценки // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (2). С. 6—13. DOI: 10.31857/S013128120007499-9

Ван Хайюнь. Чжун Э гуаньси 70 нянь: хуэйгу юй чжаньван : [70 лет отношений Китая и России: взгляд в прошлое и перспективы] // Элосы сюэкань. 2019. № 4. С. 5—19. (На кит. яз.).

Ли Син. Чжун Мэй Э синь син саньцзяо гуаньси пинси : [Анализ отношений в треугольнике нового типа Китая, Америки и России] // Тунъи чжаньсяньсюэ яньцзю. 2019. № 5. С. 54—62. (На кит. яз.).

Ли Юнцзоань. Чжун Э цзяньцзяо 70 нянь: таньсо даго сяньчу чжи дао : [70 лет установления дипломатических отношений между Китаем и Россией: в поисках пути совместной жизни великих держав] // Дунбэйя луньтань. 2019. № 6. С. 34—48. (На кит. яз.).

Лэ Юйчэн. Цзиван кайлай, цзешоу гунчуан Чжун Э гуаньси синь шидай — се цзай Чжун Э цзяньцзяо 70 чжоунянь чжи цзи : [Развивать прошлое и открывать будущее, рука об руку совместно создавать новую эпоху в китайско-российских отношениях — написано в преддверии 70-летия установления дипломатических отношений Китая и России]. Цюши. 2019 № 18. С. 50—55. (На кит. яз.).

Лю Сяньчжун. Чжун Э цзяньцзяо 70 нянь дэ лиши хуэйгу цзи цзинь хоу цзяован чжун ин чжуи дэ вэньти : [Взгляд в прошлое на историю 70 лет дипломатических отношений Китая и России и несколько проблем на которые необходимо обратить внимание в дальнейшем взаимодействии] // Элосы сюэкань. 2019. № 4. С. 58—73. (На кит. яз.).

Си Цзиньпин тун Элосы цзунтун Пуцзин тун дяньхуа : [Си Цзиньпин провел телефонный разговор с Президентом России Путиным] // Жэньминь жибао. 17.04.2020. С. 1. (На кит. яз.)

Си Цзиньпин тун Элосы цзунтун Пуцзин тун дьяньхуа : [Си Цзиньпин провёл телефонный разговор с Президентом России Путиным] // Жэньминь жибао. 09.05.2020. С. 1. (На кит. яз.).

Фэн Шаолэй. Чжун Э гуаньси 70 нянь дэ дандай ии : [Современное значение 70 отношений Китая и России] // Дандай шицзе. 2019. № 8. С. 4—9. (На кит. яз.).

Фэн Юйцзюнь. Дуй синь шидай Чжун Э гуаньси дэ цзидянь сыкао : [Несколько размышлений о китайско-российских отношениях в новую эпоху] // Дунбэйя сюэкань. 2019. № 6. С. 3—7. (На кит. яз.).

Чжан Дэгуан. Чжун Э гуаньси: хуэйгу юй цяньчжань : [Отношения Китая и России: взгляд в прошлое и виды на будущее] // Элосы яньцзю. 2019. № 4. С. 3—15. (На кит. яз.).

Чжао Минвэнь. «Байнянь бяньцзюй»ся дэ Чжун Э гуаньси : [Китайско-российские отношения в условиях «вековой перемен»] // Тунъи чжаньсяньсюэ яньцзю. 2019. № 5. С. 39—53. (На кит. яз.).

Чжунго вайцзюэ 70 нянь чжуаньцзя тань (чжи и) — да чжаньлюэ да хуаньцзин даго гуаньси : [Эксперты обсуждают 70 лет дипломатии Китая (часть 1) — большая стратегия, большая среда, отношения больших держав] // Гоцзи чжаньван. 2019. № 3. С. 1—20. (На кит. яз.).

Russian alarm on imported infection risk: Global Times editorial // Global Times. 13.04.2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1185509.shtml> (accessed: 17.04.2020).

Shah Ankur. COVID-19: Trouble on the China-Russia Border // The Diplomat. 05.05.2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/covid-19-trouble-on-the-china-russia-border/> (accessed: 10.05.2020).

Wishnick Elizabeth. Sino-Russian Consolidation at a Time of Geopolitical Rivalry // China Leadership Monitor. Spring 2020. Issue 63. 01.03.2020. URL: https://3c8314d6-0996-4a21-9f8a-a63a59b09269.filesusr.com/ugd/af1ede_195160ebb29340b4a1089e29dbeb924b.pdf (accessed: 01.05.2020).

References

Feng Shaolei (2019). Zhong E guanxi 70 nian de dangdai yiyi [The Contemporary Significance of 70 Years of Sino-Russian Relations], *Dangdai shijie* [Contemporary World], No 8: 4-9 (In Chinese).

Feng Yujun (2019). Dui xinshidai Zhong E guanxi de ji dian sikao [Some Reflections on Sino-Russian Relations in the New Era], *Dongbeiyu xuekan* [Journal of Northeast Asia Studies], No 6: 3-7 (In Chinese).

Le Yucheng (2019). Jiawang kailai, jieshou gongchuang Zhong E guanxi xin shidai — xie zai Zhong E jianjiao 70 zhounian zhi ji [Carry on the Past and Join Hands to Create a New Era of Sino-Russian Relations — Written on the 70th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations Between China and Russia], *Qishi Journal*, No 18: 50-55 (In Chinese).

Li Xing (2019). Zhong Mei E xinxing daguo sanjiao guanxi pingxi [An Analysis of the New Triangular Relationship Between China, the United States and Russia], *Tongyi zhanxianxue yanjiu [Journal of United Front Science]*, No 5: 54-62 (In Chinese).

Li Yongquan (2019). Zhong E jianjiao 70 nian: tansuo daguo xiangchu zhi dao [70 Years of China-Russia Diplomatic Relations: Great Powers Exploring the Path of Living Together], *Dongbeiyi Luntan [Northeast Asia Forum]*, No 6: 34-48 (In Chinese).

Liu Xianzhong (2019). Zhong E jianjiao 70 nian de lishi huiyao ji jinhou jiaowang zhong ying zhuyi de wenti [Looking Back on the 70-year History of China-Russia Diplomatic Relations and Some Issues that Should Be Noted in Future Exchanges], *Eluosi xuekan [Academic Journal of Russian Studies]*, No 4: 58-73 (In Chinese).

Lomanov, A.V. (2019). Kitayskiye diskussii ob otnosheniyakh s SSHA i torgovoy voyne [Chinese Discussions about Relations with the U.S. and the Trade War], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, No 10: 17-29. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-17-29

Lukin, A.V. (2020) Pik minoval? Rossiyskaya strategiya v otnoshenii Kitaya v novuyu epokhu [Past the Peak? Russian Strategy Towards China in the New Era], *Rossiia v global'noy politike [Russia in Global Affairs]*, No 3: 222-233. (In Russian).

Morgulov, I.V. (2019). Rossiysko-kitayskiye otnosheniya na novom istoricheskom starte razvitiya [Russian-Chinese Relations at a New Historical Start of Development], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, No 5 (1): 3-11. (In Russian).

Pestsov, S.K. (2019). Rossiysko-kitayskiye otnosheniya: vneshniye interpretatsii i otsenki [Russian-Chinese Relations: External Interpretations and Assessments], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, No 5 (2): 6-13 (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120007499-9

Russian alarm on imported infection risk: Global Times editorial (2020), *Global Times*, 13 April. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1185509.shtml> (accessed: 17 April, 2020).

Shah, Ankur (2020). COVID-19: Trouble on the China-Russia Border, *The Diplomat*, 5 May. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/covid-19-trouble-on-the-china-russia-border/> (accessed: 10 May, 2020).

Vinogradov, A.O.; Zaklepenko, A.Yu.; Safronova E.I. (2019). SSHA, Kitay i VTO: posledstviya amerikano-kitayskogo torgovogo konflikta dlya mirovoy trgovli [USA, China and WTO: Implications of the US — China Trade Conflict for the World Trade],

Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity], Iss. XXIV (24): 187-206. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10011

Wang Haiyun (2019). Zhong E guanxi 70 nian: huigu yu zhanwang [Sino-Russian Relations: Retrospect and Prospect], *Eluosi xuekan* [Academic Journal of Russian Studies], No 4: 5-19 (In Chinese).

Wishnick, Elizabeth (2020). Sino-Russian Consolidation at a Time of Geopolitical Rivalry. *China Leadership Monitor*, Issue 63. URL: https://3c8314d6-0996-4a21-9f8a-a63a59b09269.filesusr.com/ugd/af1ede_195160ebb29340b4a1089e29dbeb924b.pdf (accessed: 1 May, 2020).

Xi Jinping tong Eluosi zongtong Pujing tong dianua (2020a) [Xi Jinping Holds Telephone Conversation with Russian President Putin], *Renmin Ribao* [People's Daily], April 17: 1 (In Chinese).

Xi Jinping tong Eluosi zongtong Pujing tong dianua (2020b) [Xi Jinping Holds Telephone Conversation with Russian President Putin]. *Renmin Ribao* [People's Daily], May 9: 1 (In Chinese).

Zhang Deguang (2019). Zhong E guanxi: huigu yu qianzhan [Sino-Russian Relations: Retrospect and Outlook]. *Eluosi yanjiu* [Russian Studies], No 4: 3-15 (In Chinese).

Zhao Mingwen (2019). “Banian bianju” de Zhong E guanxi [Sino-Russian Relations under the “Centenary Change”]. *Tongyi zhanxianxue yanjiu* [Journal of United Front Science], No 5: 39-53 (In Chinese).

Zhongguo waijiao 70 nian zhuanjia tan (zhi yi) — da zhanlue da huanjing daguo guanxi (2019) [Experts Talk on 70 Years of China's Diplomacy (Part 1) — Grand Strategy, Great Environment, Great Power Relations], *Guoji zhanwang* [Global Review], No 3: 1-20 (In Chinese).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10003

А. Ф. Клименко

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В представленной статье, с кратким экскурсом в историю, прослеживается эволюция российско-китайского партнерства в современных условиях. Раскрываются основные факторы, играющие наиболее важную роль в развитии этого непростого процесса. Дается оценка политики США, ее влияния на характер и глубину взаимодействия Москвы и Пекина в международно-политической, военно-стратегической и военно-технической сферах.

Автором в целом положительно оцениваются роль и место российско-китайского сотрудничества в сфере безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Вместе с тем обосновывается необходимость повышения ее потенциала в этом направлении, в том числе за счет укрепления взаимодействия с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В условиях попыток со стороны США добиться изменений международной обстановки в свою пользу за счет подрывных стратегий предлагается в плане противостояния им разработать нормативно-правовую базу по координации взаимодействия как между заинтересованными участниками ШОС и ОДКБ, так и между самими этими организациями.

Показывая возможные направления дальнейшего развития сотрудничества России и Китая в международно-политической, военно-технической и военно-стратегической сферах, автор в целом взвешенно подходит к оценке как позитивных, так и негативных сторон этого процесса, аргументирует необходимость качественного наполнения политического и военного сотрудничества двух наших государств.

Вводя в политический дискурс и раскрывая понятие «отложенный военно-политический союз» РФ и КНР, автор говорит о том, что демонстрация Россией и Китаем способности и готовности повысить уровень своих отношений в военно-политической сфере до союзнических (при необходимости) может оказать и оказывает «отрезвляющее» действие на «стратегических соперников» РФ и Китая, удерживая их от реализации агрессивных намерений в отношении наших государств и их партнеров по Шанхайской организации сотрудничества, что, в свою очередь, способствует укреплению безопасности и стабильности на всем «Большом Евразийском пространстве».

Ключевые слова: военно-стратегическое сотрудничество, российско-китайское сотрудничество в военной сфере, «отложенный военно-политический союз», безопасность и стабильность, Большая Евразия, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Автор: Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru

A.F. Klimenko

Some Issues of the Development of the Russian-Chinese Partnership in the Aield of Security in Modern Conditions

Abstract. The article, with a brief tour into history, traces the evolution of Russian-Chinese partnership in modern conditions. It also describes main factors that play the most important role in the development of the dialogue and provides assessment of the US policy and its impact on the nature and depth of the interaction between Moscow and Beijing in international political, military-strategic and military-technical spheres.

The author positively assesses role and place of Russian-Chinese cooperation in the security sphere within the Shanghai Cooperation Orga-

nization (SCO), justifies the need to increase its potential in the above mentioned direction, including by strengthening cooperation with the Collective Security Treaty Organization (CSTO). In the face of attempts on the part of the United States to achieve changes in the international situation in their favor through subversive strategies, in order to counter them — it is proposed to develop a regulatory framework for coordinating interaction between the interested SCO and CSTO participants, as well as between these organizations themselves.

Showing probable directions for further development of cooperation between Russia and China in the international political, military-technical and military-strategic spheres, the author takes a balanced approach in assessing both positive and negative sides of this process, arguing the need for high-quality content of the military cooperation between the two states.

Revealing nature and concept of the “deferred military-political alliance” of Russia and the PRC, the author shows, that the demonstration by the RF and China of their ability and readiness to raise the level of mutual relations in the military-political sphere to the level of alliance (if necessary) can cause “sobering” effect on “strategic rivals” of Russia and China, keeping them from implementing aggressive intentions against our states and their partners by the Shanghai Cooperation Organization. That, in turn, contributes to strengthening of security and stability throughout the “Greater Eurasian Space”.

Keywords: Military-strategic cooperation, Russian-Chinese cooperation in the military sphere, “deferred military-political alliance” of the Russian Federation and China, security and stability, Greater Eurasia, Shanghai Cooperation Organization (SCO), Collective Security Treaty Organization (CSTO).

Author: Anatoly F. KLIMENKO, Ph.D. (Military Sc.), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru.

Введение

В ближайшей перспективе возможна пролонгация подписанного в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Очевидно, что при этом не могут не учитываться нарастание турбулентности в международных отношениях, обострение

угроз безопасности и усиление внешнего давления на обе наши страны. В этих условиях все актуальней становится проблема укрепления взаимодействия и сотрудничества двух стран по вопросам безопасности как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Не менее важной является координация позиций по острым и актуальным вопросам международной повестки — от «перспектив глобального контроля над вооружениями, поддержания центральной роли универсальных многосторонних институтов и недопустимости унилатералистских и антиглобалистских тенденций в мировой торговле до борьбы с терроризмом до проблем постконфликтного восстановления в таких странах, как Сирия» [Российско-китайский диалог: модель 2019]. Рассмотрению некоторых вопросов данной проблематики и посвящена предлагаемая читателю статья.

1. Некоторые аспекты эволюции российско-китайского партнерства в сфере безопасности

Российско-китайские отношения в сфере безопасности имеют сложный и противоречивый характер. Начало и сам процесс освоения Российской империей Сибири и Дальнего Востока сопровождались вооруженными столкновениями с Китаем, которые впоследствии были устранены благодаря соответствующим межгосударственным договорам. В те времена рост могущества России на фоне слабеющего Китая позволил ей в этих договорах (которые впоследствии охарактеризовались в Пекине как «неравноправные») закрепить свою восточную границу и обеспечить выход к Тихому океану.

Непросто складывались советско-китайские отношения и в XX столетии. Череду конфликтных ситуаций 1920-х годов сменилась временами сотрудничества СССР и Китая в борьбе с японским агрессором и образованием нового государства — Китайской Народной Республики во главе с КПК с последующим установлением союзнических отношений между двумя государствами. Однако в силу субъективных обстоятельств союзнические отношения пошли на спад и увенчалась во второй половине 1960-х годов рядом пригра-

ничных конфликтов на среднеазиатских и дальневосточных рубежах СССР.

Нельзя сказать, что руководство двух наших государств не понимало пагубности конфронтационных взаимоотношений. Генеральные секретари ЦК КПСС, сначала Л.И. Брежнев, а затем М.С. Горбачев, стремились к нормализации двусторонних отношений, что завершилось подписанием соответствующих документов между СССР и КНР, КПСС и КПК. А в 1994 г. уже президентом новой России Б.Н. Ельциным и председателем КНР Цзян Цзэминем было принято решение об установлении отношений «конструктивного партнерства».

В апреле 1997 г. на фоне начавшегося расширения НАТО на Восток и «гуманитарных интервенций» северо-атлантического альянса под руководством США на Балканах была подписана китайско-российская декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Содержащиеся в ней термины «многополярный мир», «новый мировой порядок» и критика действий Запада стали свидетельством согласованности подходов двух наших стран к оценке происходящих международных событий.

Окончательно система стратегического партнерства России и Китая была сформирована подписанием в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве [Российская газета].

Документ содержит 25 статей, 13 из которых в той или иной мере касаются вопросов обеспечения обороны и безопасности. Эти статьи условно можно разделить на три группы: взаимодействие в военно-политической сфере; сотрудничество в военно-стратегической области и военно-техническое сотрудничество. В статьях содержится целый комплекс важных положений. Они направлены на укрепление доверия и сотрудничества между двумя нашими странами — от взаимного уважения «суверенитета и территориальной целостности», соблюдения принципов «равенства, взаимной выгоды, мирного сосуществования» (ст. 1 и 2), до противодействия новым угрозам и сотрудничества двух стран «в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (ст. 20) [Российская газета].

В России некоторые, так называемые независимые, эксперты считают, что Договор ограничивается декларативными заявлениями-

ми, без каких-либо конкретных обязательств. Так ли это? Возьмем, например, ст. 9 документа. Она гласит, что в случае возникновения ситуации, которая «может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы безопасности», а также в случае «возникновения угрозы агрессии против одной из Сторон» стороны незамедлительно «вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы». То есть, в случае возникновения угрозы какой-либо из сторон Договор не исключает принятие ими самых решительных мер для ее устранения. Однако Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем не ограничивается процитированным выше положением. Так, ст. 4 прямо говорит о взаимной поддержке политики друг друга в вопросах, касающихся «защиты государственного единства и территориальной целостности» наших государств.

Практическое сотрудничество вооруженных сил России и Китая строится в соответствии с изложенными в Договоре принципами. Оно охватывает как вопросы теории (выработка понятийного аппарата и четких формулировок соответствующих документов), так и практики. Такое сотрудничество получило качественно новое развитие, распространившись на оперативную и боевую подготовку штабов и войск, с отработкой вопросов взаимодействия при проведении антитеррористических операций.

Параллельно двустороннему сотрудничеству развивается и многостороннее. Совместные военные учения в рамках ШОС «Мирная миссия» продемонстрировали способность вооруженных сил стран-участниц противостоять угрозам и вызовам XXI века, прежде всего — терроризму. Соглашение между участниками ШОС от 2007 г. дало правовую базу для подготовки и проведения таких учений на регулярной основе.

Более полный анализ российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве приведен в докладе «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16.06.2001: военно-политические аспекты российско-китайского сотрудничества», сделанном на организованной Институтом Дальнего Востока РАН международной конференции, посвященной 13-й годовщине данного документа [Клименко]. Этот анализ содержал вывод об отсутствии

необходимости заключения формального военно-политического союза между Россией и Китаем.

Тем временем военно-политическая обстановка в регионах Ближнего и Среднего Востока и в Юго-Восточной Азии обостряется. Нарастает военное присутствие США в АТР, получившем приращение за счет Индийского океана, активизируется деятельность Вашингтона по укреплению существующих и сколачиванию новых военно-политических коалиций. В этих условиях многие эксперты и в Китае, и в России возвращаются к вопросу о проблемах нашего сотрудничества в сфере безопасности и необходимости его дальнейшего развития.

2. Возможные направления дальнейшего развития сотрудничества РФ и КНР в сфере безопасности

Итак, вопрос о возможном военно-политическом союзе между Россией и Китаем весьма противоречив. С одной стороны, он ставится под сомнение и в России, и в Китае. С другой — в обеих странах все настойчивее звучат голоса о необходимости углубления сотрудничества в сфере безопасности. Логично предположить, что стороны скорее всего пойдут на дальнейшее развитие статей существующего Договора от 2001 г. В первую очередь, тех, которые предполагается применить в случае возникновения угроз безопасности или территориальной целостности какой-либо из договаривающихся сторон, как об этом говорится в статье 9 этого документа.

Международно-политическая обстановка складывается так, что и у России, и у Китая позиции по наращиванию взаимодействия в военно-политическом сотрудничестве сближаются. В 2014 г. между Россией и Западом во главе с США началась жесткая политическая конфронтация. Однако в то время Китай особой поддержки России не оказал, сохраняя нейтралитет в ее конфликте с Америкой. Но после прихода к власти в США Д. Трампа стали резко обостряться и американо-китайские отношения, после чего у КНР также возник интерес к военно-политическому союзу с Россией. В этом пла-

не примечателен следующий факт. Выступая на торжественном собрании, посвященном 95-летию со дня основания КПК, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин сделал заявление, которое стало неприятной неожиданностью для США и их союзников в НАТО. Лидер КНР сообщил, что не исключена вероятность союза между Россией и Китаем, который определит будущее мироустройство. «Мы можем наблюдать не самые дружественные действия со стороны США как в отношении России, так и Китая», — говорил Си Цзиньпин, — «потому я считаю, что Россия и Китай могут создать альянс, перед которым НАТО будет бессильно и это положит конец империалистическим стремлениям Запада» [Будем дружить армиями...].

Учитывая обостряющуюся военно-политическую обстановку и потребность со стороны России и Китая совместными усилиями гарантировать обоюдную безопасность, содействовать обеспечению международного мира и стабильности, руководители РФ и КНР поручили своим министрам обороны разработать соответствующий документ. В июне 2017 г. в столице Казахстана на собрании глав министерств обороны стран — участниц ШОС министр обороны РФ С.К. Шойгу и его китайский коллега Чан Ваньцюань подписали «дорожную карту» двустороннего сотрудничества в военной сфере на 2017—2020 гг. Это трехлетний план российско-китайского военного сотрудничества по десяткам направлений: от координации военных доктрин и совместных учений до обмена взаимополезной информацией и военно-техническим опытом. С 2012 г. Россия и Китай вне рамок ШОС уже проводили ежегодные военно-морские учения «Морское взаимодействие» в Желтом и Японском морях, в Восточно-Китайском море и в акватории Средиземного моря. По новому плану, с 2017 г. такие учения стали проводиться в Южно-Китайском море и, что характерно, за пределами АТР — в Балтийском. А в 2019 г. ВВС России и Китая впервые провели совместное патрулирование в воздушном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона.

Однако военное сотрудничество между двумя нашими государствами развивается не только на двусторонней основе. В сентябре 2019 г. на территории России были проведены совместные военные

учения «Центр-2019». В них были задействованы 128 тыс. военно-служащих из всех восьми стран — постоянных членов ШОС, в том числе Индии и Пакистана. При этом использовалось около 128 тыс. единиц оружия и военной техники.

Ценность совместных учений «Мирная миссия» в формате ШОС в ЦАР и двусторонних учений «Морское взаимодействие» в АТР вполне осязаема. Эти учения способствуют приобретению и совершенствованию войсками и штабами вооруженных сил наших стран такого важнейшего качества, как оперативная совместимость, то есть умение совместно, скоординированно и эффективно действовать в условиях боевой обстановки.

Здесь следует отметить, что Китай в ШОС делает ставку на экономику (хотя в последнее время стало заметно и его стремление активизировать антитеррористическую направленность своей политики в регионе). А Россия традиционно остается гарантом безопасности для центральноазиатских стран, большинство из которых вместе с ней входят в военно-политический союз ОДКБ.

Сегодня стратегическая линия ШОС и ОДКБ предусматривает невмешательство во внутривнутриполитические процессы государств — членов этих организаций. Однако именно на политическую и культурно-мировоззренческую сферы ориентированы стратегии «цветных революций», инспирируемых США. И наши государства действуют в условиях попыток со стороны США добиться изменений международной обстановки за счет подрывных стратегий, лежащих в основе этих «революций», а также сетевых и гибридных войн. Было бы логичным, в плане противодействия подобным стратегиям, разработать нормативно-правовую базу по координации действий как между заинтересованными участниками ШОС и ОДКБ, так и между самими организациями. Поэтому первоочередной политической задачей, на наш взгляд, становится наращивание взаимодействия между ШОС и ОДКБ. Опыт совместных действий вооруженных сил участников этих организаций уже имеется, в частности, при проведении учений «Восток 2018» и «Центр-2019». Пока это неформальное взаимодействие. Целесообразным видится и следующий шаг — придание подготовленным на этих маневрах подразделениям статуса миротворческих сил и формирование органа управления ими.

Полученный опыт сотрудничества РФ и КНР нашел отражение в их Совместном заявлении о развитии отношений «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» от 5 июня 2019 г. [Совместное заявление...].

Этим документом в качестве основных целей российско-китайского сотрудничества определены «обеспечение национальной безопасности двух стран и создание благоприятных условий для их устойчивого развития, эффективное противостояние как различного рода традиционным, так и новым вызовам и угрозам в сфере безопасности». Для реализации установок Совместного заявления предусмотрен ряд мер, основными из которых, на наш взгляд, являются:

- всемерное использование механизма консультаций, направленных на укрепление доверия в сфере национальной безопасности;
- наращивание стратегических контактов между оборонными ведомствами и вооруженными силами двух стран;
- взаимная поддержка усилиям в борьбе с терроризмом и экстремизмом;
- укрепление конструктивного сотрудничества и координация антитеррористических мер в многосторонних форматах, способствование формированию международным сообществом глобального антитеррористического фронта при центральной роли ООН;
- содействие развитию военно-политического сотрудничества в рамках ШОС;
- расширение контактов по вопросам международной информационной безопасности, усиление мер по обеспечению устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры сторон, а также ряд других мер, которые полностью коррелируются с Договором от 2001 г.

Конечно, не все так просто, как это представляется на первый взгляд. Не секрет, что сохраняются проблемы со взаимным доверием, имеются разночтения по вопросу о задачах и направленности дальнейшего развития ШОС, нарастает подспудная конкуренция России и Китая в Центрально-Азиатском регионе, не до конца изжиты наслоения исторических обид, не всегда находится общий язык при обсуждении современной геополитической проблематики.

Так, Пекин и Москва не в полной мере поддерживают действия друг друга, направленные на решение в свою пользу территориальных споров с третьими странами. Например, Пекин не выразил одобрения по поводу присоединения Крыма или признания Россией независимости от Грузии входивших ранее в это государство Абхазии и Южной Осетии. Эти факты в КНР расценили как отход Москвы от принципов незыблемости территориальной целостности государств и их суверенитета. В то же время обширные претензии Китая в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях не получили официальной поддержки со стороны России. Каждая из стран обеспокоена перспективой оказаться втянутой в конфликт с участием своего партнера. И даже хорошие личные отношения руководителей РФ и Китая не гарантируют преодоление названных и других противоречий.

Тем не менее, военное сотрудничество России и Китая продолжает свое развитие. По сообщению министра обороны РФ С.К. Шойгу, Россия и КНР разработали очередной план военного сотрудничества на 2020—2021 гг. Можно предполагать, что в нем стороны намерены не ограничиваться только крупномасштабными учениями и маневрами коалиционных группировок вооруженных сил. Очевидно, что РФ и Китай будут проводить также разработку перспективных вооружений для совместного реагирования на военные угрозы как глобального, так и регионального масштаба. Это подтвердил Президент В.В. Путин на очередном заседании дискуссионного клуба «Валдай»: «...большой тайны, наверно, не открою... Мы сейчас помогаем нашим китайским партнерам создать систему СПРН — систему предупреждения о ракетном нападении. Это очень серьезная вещь, которая капитальным, кардинальным образом повысит обороноспособность Китайской Народной Республики. ... сейчас такую систему имеют только США и Россия», — подчеркнул российский лидер [Россия застрахует Китай от нападения США].

То есть, Россия и Китай дополняют регулярно проводимые в последние годы совместные учения новыми направлениями военно-технического сотрудничества в сфере критических технологий, а также работой по координации действий геополитического значения по ключевым международным вопросам.

С военно-политической и исторической точек зрения помощь Китаю в создании СПРН является беспрецедентной. По мнению главного редактора журнала «Национальная оборона» И. Коротченко, содействие Москвы в создании СПРН не только повысит «геополитический статус и военные возможности Китая, но и продемонстрирует стратегический характер взаимодействия между Москвой и Пекином» [Россия застрахует Китай от нападения США].

В свою очередь для РФ такое сотрудничество важно тем, что в случае создания единого информационного пространства и обмена данными с китайскими радиолокационными станциями (РЛС) безопасность нашей страны с Востока будет обеспечена более эффективно и с меньшими затратами.

* * *

Итак, сегодня КНР становится одним из важнейших стратегических партнеров России. Сотрудничество между нашими странами осуществляется во всех сферах. На международной арене РФ и Китай все чаще проявляют консолидированную позицию по многим, если не по всем, важным вопросам. Но нельзя сказать, что наши государства уже всего достигли в вопросах укрепления дружбы и сотрудничества, особенно в сфере безопасности.

В настоящее время урегулированы пограничные проблемы, чем устранено самое большое политическое препятствие на пути углубления стратегического взаимодействия. Теперь перед нашими странами стоит важнейшая задача по наращиванию экономического сотрудничества на «Большом Евразийском пространстве», практически совпадающем с пространством ШОС. Для этого надо создавать в пределах этого пространства и вокруг него благоприятную международную обстановку, обеспечить безопасность и стабильность.

В последнее время на совместных научных конференциях при обсуждении двустороннего сотрудничества в сфере безопасности российские и китайские ученые все чаще оперируют понятием «отложенный военный союз». При этом имеется в виду, что сотрудничество России и Китая, особенно в военно-стратегической и воен-

но-технической сферах, уже достигло уровня военно-политического союза, но без официального юридического оформления такого диалогового статуса. Очевидно, что пока международно-политическая обстановка этого и не требовала. Да и демонстрация Россией и Китаем способности и готовности повысить уровень своих отношений в военно-политической сфере до союзнических (при необходимости) может оказать и оказывает «отрезвляющее» действие на «стратегических соперников» России и Китая, удерживая их от реализации агрессивных намерений в отношении наших государств и их партнеров по ШОС. Это, в свою очередь, способствует укреплению безопасности и стабильности на всем «Большом Евразийском пространстве».

Вместе с тем, сегодня перед Россией и КНР возникают новые вызовы в сфере безопасности. Нельзя игнорировать тот факт, что США объявили оба наши государства своими стратегическими конкурентами, фактически — потенциальными противниками, со всеми вытекающими последствиями. Попытки западных «партнеров-соперников» и в дальнейшем наращивать давление с позиции силы на РФ и Китай способны подтолкнуть наши государства к военно-политическому союзу. Поэтому задача состоит в том, чтобы на основе обобщения накопленного опыта вывести всестороннее стратегическое взаимодействие и партнерство РФ и КНР на более высокий, «предсоюзнический» уровень и тем самым увеличить вклад в дело защиты их безопасности, интересов всестороннего развития и поддержания мира во всем мире.

Как отмечал выдающийся российский ученый академик М.Л. Титаренко, «дальнейшее расширение и углубление отношений партнерства и стратегического взаимодействия с Китаем — одно из главных, безусловно, приоритетных и долговременных направлений политики нашей страны. Сложившийся характер российско-китайских отношений отвечает коренным интересам двух стран, является для них важным фактором обеспечения национальных интересов и безопасности в нынешней сложной международной обстановке и становится, таким образом, кардинальным фактором обеспечения прочного потенциала развития и соразвития двух стран» [Титаренко]. Это коррелируется и с задачами ШОС.

Библиографический список

Баранец В.И. Будем дружить армиями: Что прописано в российско-китайской «дорожной карте». URL: <https://www.kp.ru/daily/26689/3712854/> (дата обращения: 21.02.2020).

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Российская газета. 17.07.2001. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901792686> (дата обращения: 01.03.2020).

Клименко А.Ф. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июня 2001 г: военно-политические аспекты российско-китайского сотрудничества (Доклад на международной конференции в ИДВ, посвященной 13-й годовщине Договора. 22.06.2015 г.). URL: <https://yandex.ru/search/?lr=10761&clid=2270456&win=355&text=http%3A%2F%2Fwww.ifes-ras.ru%2Fpublications%2Fonline%2F1522-doklad-af-klimenko> (дата обращения: 21.02.2020).

Нечаев А.Н. Россия застрахует Китай от нападения США. URL: <https://www.discred.ru/2019/10/04/rossiya-zastrahuet-kitaj-ot-napadeniya-ssha/> (дата обращения: 20.02.2020).

Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46/2019 / С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.; гл. ред. И.С. Иванов / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019. 112 с.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 5 июня 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 02.03.2020).

Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. 233 с.

References

Baranets, V.I. (2017). Budem družhit' armiyami: CHto propisano v rossiysko-kitayskoy "dorozhnoy karte" [We will be friends with the armies: What is spelled out in the Russian-Chinese "road map"]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26689/3712854/> (accessed: 21 February, 2020). (In Russian).

Dogovor o dobrososedstve, družhbe i sotrudnichestve mezhdru Rossiyskoy Federatsiey i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy [The Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian

Federation], *Rossiyskaya Gazeta*, July 17, 2001. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901792686> (accessed: 1 March, 2020). (In Russian).

Klimenko, A.F. (2015). Dogovor o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve ot 16.6.2001 g: voyenno-politicheskiye aspekty rossiysko-kitayskogo sotrudnichestva (Doklad na mezhdunarodnoj konferencii v IDV, posvyashchennoj 13-j godovshchine Dogovora. 22.06.2015 g.) [The Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation between the People's Republic of China and the Russian Federation of June 16, 2001: military-political aspects of Russian-Chinese cooperation (Report at the IFES International Conference on the 13th anniversary of the Treaty)]. URL: <https://yandex.ru/search/?lr=10761&clid=2270456&win=355&text=http%3A%2F%2Fwww.ifes-ras.ru%2Fpublications%2Fonline%2F1522-doklad-af-klimenko> (accessed: 21 February, 2020). (In Russian).

Nechayev, A.N. (2019). Rossiya zastrakhuyet Kitay ot napadeniya SSHA [Russia will secure China from an attack by the United States]. URL: <https://www.discred.ru/2019/10/04/rossiya-zastrahuet-kitaj-ot-napadeniya-ssha/> (accessed: 2 March, 2020). (In Russian).

Rossiysko-kitayskiy dialog: model' 2019: doklad № 46/2019 / S.G. Luzyanin, Zhao Huasheng, I.S. Ivanov / Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD) [Russian- Chinese dialogue: model 2019: report No. 46/2019 / eds. S.G. Luzyanin, Zhao Huasheng, I.S. Ivanov / *Russian Council on International Affairs (RCIA)*], Moscow: *RCIA*, 2019, 112 p. (In Russian).

Sovmestnoye zayavleniye Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o razvitií otnosheniy vseob"yemlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya, vstupayushchikh v novuyu epokhu. 5 iyunya 2019 goda [A joint statement by the Russian Federation and the People's Republic of China on the development of comprehensive partnership and strategic interaction entering a new era. June 5, 2019]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (accessed: 2 March, 2020). (In Russian).

Titarenko, M.L. (2012). Rossiya i eye aziatskiye partnery v globaliziruyushchemsya mire. Strategicheskoye sotrudnichestvo: problemy i perspektivy [Russia and its Asian partners in a globalizing world. Strategic cooperation: problems and prospects]. M.: "FORUM" PH, 233 p.

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10004

Ю.В. Кулинцев

БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция Большого евразийского партнерства (БЕП), анализируются геополитические причины его выдвижения, а также показан ход интеграции БЕП в систему международных отношений.

Предпосылки для запуска евразийских интеграционных процессов стали формироваться начиная с 2010-х гг., когда страны Евразии оказались перед лицом серьезных внешнеполитических вызовов, связанных с усилением конкуренции за экономическое и политическое лидерство на евразийском пространстве.

Геополитической целью выдвижения идеи БЕП является стремление Москвы сохранить и усилить свое влияние в Евразии. Большое евразийское партнерство отражает представления политического руководства России о том, каким должен быть будущий региональный порядок: партнерство позиционируется как инициатива, ориентированная на сохранение политической стабильности, поддержание безопасности и создание условий для развития торгово-экономического и финансово-инвестиционного взаимодействия.

Региональная интеграция на пространстве Евразии осуществляется преимущественно двумя крупнейшими игроками — Россией и Китаем. Ее инструментами служат Евразийский экономический

союз, сформированный в 2015 г. на базе Таможенного союза 2010 г., а также китайская инициатива «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и международная структура открытого типа — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Процесс юридического оформления БЕП ведется Россией при поддержке китайской стороны в ходе обмена визитами на высшем уровне, когда соответствующие заявления включаются в совместные декларации. Кроме того, обе страны создали эффективный механизм регулярных обменов, который функционирует на различных уровнях: от встреч глав государств до консультаций руководителей департаментов министерств и ведомств.

Осознавая риск своего геополитического соперничества, Россия и Китай в совместных заявлениях демонстрируют уверенную последовательность в попытках избежать ненужной конкуренции и сфокусироваться на выстраивании рамок сотрудничества, которые позволили бы сопрягать флагманские инициативы двух стран в Евразии. Готовность Москвы и Пекина координировать ход интеграционных процессов на евразийском пространстве обусловлена тем, что собственных односторонних усилий любой из стран для полноценной реализации интеграционного потенциала региона будет явно недостаточно.

Автор приходит к выводу, что формирующаяся между Москвой и Пекином структура полноформатного стратегического сотрудничества является залогом успешного осуществления интеграционных инициатив России и Китая.

Ключевые слова: БЕП, евразийская интеграция, Россия, Китай, инициатива «Пояс и путь» (ИПП), государственные интересы, сопряжение.

Автор: Кулинцев Юрий Викторович, научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru

Yu. V. Kulintsev

The Greater Eurasian partnership in the system of regional integration processes

Abstract. The article discusses the evolution of the Greater Eurasian partnership, analyses geopolitical reasons for the initiation of the project and characterizes the GEP's integration with the whole system of international relations.

Prerequisites for integration processes evolved in the beginning of 2010-th, when the countries faced the serious foreign policy challenges related to the growth of economic and political rivalry in Eurasia.

The intension of Moscow to maintain and enforce its influence in the region has become the geopolitical motive of the GEP's introduction. The idea of the Greater Eurasian Partnership reflects perceptions of Russian political leadership of the future regional order. The GEP is promoted as an initiative oriented to maintain political stability, to provide security and to create conditions for trade-economic development and cooperation in the investment and finance areas.

Regional integration in Eurasia is being developed predominantly by two main players, Russia and China, via mechanisms of Eurasian Economic Union and China's Silk Road Economic Belt initiative, with idea that the Shanghai Cooperation Organization may also be used as one of probable platforms for integration.

The process of legal substantiation of the GEP is carried out by Russia with the support of the Chinese side during the exchange of high-level visits, when relevant statements are included in joint declarations of the parties. Besides, that both sides have created an efficient mechanism of regular interaction on different levels: from meetings of state leaders to the contacts of heads of departments in different ministries and agencies.

Russia and China are conscious of risks of their geopolitical rivalry. In order to overcome them, both countries are diligently trying to avoid unnecessary competition and consistently demonstrate it the joint statements. Moscow and Beijing focus mutual efforts on building such frameworks of cooperation which can allow them to conjugate their flagship initiatives in Eurasia. The readiness of Russia and China to coordinate the integration process in Eurasia is determined by the fact that single-handed efforts of any country would not be enough to implement the full range integration potential of the region.

The author comes to the conclusion that strategic partnership between Moscow and Beijing is the key factor for successful development of Russia's and China's integration initiatives in Eurasia.

Keywords: GEP, Eurasian integration, Russia, China, Silk Road Belt and Road Initiative, national interests, conjugation.

Author: Yury V. KULINTSEV, Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru

На Евразийском континенте располагаются страны, обладающие уникальными ресурсами, и их экономические базы могут успешно дополнять друг друга, создавая огромный потенциал для сотрудничества и совместного развития. Предпосылки для запуска современных евразийских интеграционных процессов стали формироваться начиная с 2010-х гг., когда страны региона оказались перед лицом серьезных внешнеполитических вызовов, связанных с усилением конкуренции за экономическое и политическое лидерство в Евразии.

Практически каждая из крупных держав, включая внерегиональных игроков, выдвинула собственную стратегию действий в регионе. Так, в 2011 г. госсекретарь США Х. Клинтон представила американскую идею развития региона — стратегию Нового Шелкового пути (ЭПШП) [Normats], а в 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Экономический пояс Шелкового пути». Россия также одной из первых осознала необходимость активизации интеграционных усилий, став в 2010 г. одним из инициаторов создания сначала Таможенного союза и на его основе — Евразийского экономического союза (ЕАЭС) (2015 г.), а затем выступив с идеей формирования Большого евразийского партнерства [Послание Президента...].

В указанный период осложнилась ситуация в области безопасности в силу роста террористической угрозы в регионе, входящем в предполагаемую зону ответственности БЕП. Страны региона столкнулись с необходимостью учета данного фактора при выработке перспективных направлений регионального развития уже существующих интеграционных проектов, таких, как ШОС, а также в планах участия в инфраструктурных субпроектах китайской инициативы ЭПШП.

Значительно возросла роль Китая и в Евразии, и мире в целом. Пекин начал проводить более активную внешнюю политику в Центральной Азии, уверенно заняв место одного из ведущих торговых партнеров стран региона. В России же евразийское пространство всегда воспринималось как важный ареал, на который распространяются стратегические интересы Москвы.

Совокупность указанных факторов обусловила выдвижение идеи Большого евразийского партнерства, призванной защитить международные позиции Москвы и усилить ее региональное влияние. БЕП с самого начала стала позиционироваться как инициатива, ориентированная на поддержание политической стабильности и безопасности и создание условий для развития торгово-экономического и финансово-инвестиционного взаимодействия. При этом БЕП отражает представления политического руководства России о том, каким должен быть региональный порядок в будущем.

Одним из мотивов выдвижения идеи Большого евразийского партнерства и инициативы «Пояс и путь», является специфика сложившегося международного порядка, в котором доминируют страны Запада. Несмотря на изменения внешнеполитического курса США, проявившиеся в ходе президентства Д. Трампа и рассматриваемые некоторыми экспертами как ослабляющие позиции коллективного Запада [Rolland, p. 9], текущая риторика Белого дома по-прежнему направлена против Москвы и Пекина, и американская политика является препятствием, сдерживающим экономический рост РФ и Китая. Расширение экономического сотрудничества между КНР и Россией является необходимым условием социальной и политической стабильности на пространстве Евразии.

На уровне первых лиц государства уже в 2015 г. звучали заявления о том, что Россия последовательно выступает за создание общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. При этом наблюдается рост интереса со стороны других стран и интеграционных объединений к сотрудничеству с Москвой [Поволцкий].

В настоящее время региональная интеграция на пространстве Евразии осуществляется двумя крупнейшими игроками — Россией и Китаем — через механизмы Евразийского экономического союза, сформированного в 2015 г. на базе Таможенного союза 2010 г., а также китайской инициативы ЭПШП и международной структуры открытого типа — Шанхайской организации сотрудничества.

Наличие нескольких крупномасштабных интеграционных проектов с пересекающимся составом участников и похожими заявленными целями потребовало поиска нового подхода, который позво-

лил бы выстроить общее направление дальнейшего развития интеграционных процессов в Евразии.

В российском политологическом сообществе эксперты международного дискуссионного клуба «Валдай» одними из первых на концептуальном уровне стали рассматривать идею Большой Евразии. В серии докладов «К Великому океану» последовательно и аргументировано обосновывалась позиция, согласно которой страны-участницы указанных выше интеграционных проектов стоят перед лицом общих внешних и внутренних вызовов, заинтересованы в координации социально-экономической повестки развития, что и обусловило появление идеи Большой Евразии, позволяющей повысить степень согласованности усилий заинтересованных сторон в рамках евразийского регионального развития [К Великому океану...].

Зарубежные политологи полагают, что именно материалы докладов Валдайского клуба легли в основу выдвинутой Президентом России В. Путиным идеи Большого евразийского партнерства, которая впервые была озвучена международному сообществу в июне 2016 г. в рамках Петербургского международного экономического форума [Ли Цзиго, с. 30]. В. Путин предложил создать Большое евразийское партнерство с участием стран-членов ШОС, ЕАЭС, а также Ирана, стран СНГ и ряда других государств. Работу Партнерства предлагалось нацелить на создание нового формата международного сотрудничества в Евразии с учетом идеи сопряжения проектов евразийской интеграции с китайской инициативой ЭПШП [Стенограмма выступления...].

Расширение географических рамок проекта на весь евразийский регион, то есть за пределы постсоветского пространства, отражает понимание руководством России того факта, что потенциала ЕАЭС будет недостаточно для выстраивания полноценной системы региональной интеграции в Евразии. Для достижения прорывных показателей экономического роста в регионе необходимо привлекать мощные азиатские экономики.

Среди китайских политологов высказывается мнение, что Россия стремится продвигать региональную интеграцию в рамках БЕП в качестве геэкономической стратегии, конечной целью которой

является восстановление единого экономического, политического и военного пространства в пределах бывшего Советского Союза, но в новой форме [Чжао Чуаньцзюнь, Сяо Вэньхуэй, с. 22]. При этом украинский кризис 2014 г. интерпретируется как поворотная точка, после которой внешнеполитический фокус Москвы был смещен с Большой Европы в сторону Большой Евразии.

Однако российский «поворот на Восток» не является исключительно результатом геополитических усилий США и Европы [Кулинцев]. Он стал воплощением стратегического выбора России, основы которого были заложены еще в 2001 г. с подписанием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Позднее российско-китайское сближение стало логическим следствием, обусловленным смещением глобального «фокуса» политического и экономического развития в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), что открыло перед Москвой новые возможности для развития и взаимодействия, в том числе и в рамках Большого евразийского партнерства.

Ряд китайских ученых полагает, что Россия может воспринять ИПП как потенциально угрожающую ее интересам в соседних странах [Цзяо Ицян]. Растущая асимметрия экономических возможностей РФ и КНР, особенно заметная в регионе Центральной Азии, может вызвать недовольство Москвы, которую не устроит статус «младшего брата» в регионе.

Реализация проекта Большой Евразии позволяет в определенной степени нивелировать угрозы ослабления позиций России и свести к нулю вероятность того, что регион ЦА будет исключен из традиционных сфер влияния Москвы. Фундаментальные интересы России в целом совпадают с представлениями Китая о будущем развитии региона, поэтому у БЕП и ИПП больше точек пересечения, чем различий [Ян Лэй].

Поддержание безопасности и стабильности в регионе ЦА, входящем в зону ответственности ШОС, является общим интересом для России и Китая. Поскольку суммарное влияние Москвы в ЦА в настоящий момент значительно превосходит влияние Пекина [Чжао Чуаньцзюнь, с. 23], то проект БЕП становится более привлекательным для тех международных «игроков», которые заинтересованы в

развитии сотрудничества с центральноазиатскими странами, поскольку позволяет им использовать опыт России в решении внутренних региональных проблем в ЦА, включая вызовы безопасности, а также выстраивать эффективное сотрудничество с учетом культурных различий, присущих каждой их стран региона.

Одной из важных предпосылок успешного развития проекта Большой Евразии является взаимовыгодное сотрудничество внутри стран ШОС, которая называется одним из составных элементов БЕП [Лузянин, Клименко, с. 105]. Большое евразийское партнерство не выступает конкурентом ЭПШП, а стремится играть роль «связующего звена» для уже существующих на пространстве Евразии интеграционных форматов, включая взаимодействие в рамках ШОС и ЕАЭС.

С экономической точки зрения проект БЕП и китайская инициатива «Пояс и путь» нацелены на развитие евразийских транспортных коридоров, которые благоприятствуют хозяйственной интеграции посредством создания новой инфраструктуры и стимулирования торговли. С геополитической точки зрения, конфликтный потенциал, все же существующий в отношениях КНР и России, настолько невелик, что он не сможет оказать существенное негативное влияние на развитие двустороннего взаимодействия в обозримом будущем.

По сравнению с проектами БЕП и ЕАЭС, китайская инициатива «Пояс и путь» является более привлекательной в плане инвестиционных возможностей, поскольку Пекин готов вкладывать крупные финансовые ресурсы в различные проекты. ИПП позиционируется им как инклюзивный проект, поэтому большинство стран, включая ближайших соседей России, с энтузиазмом объявили о присоединении к китайской инициативе.

Первый шаг, показавший, что Россия и Китай намерены работать вместе в рамках евразийской интеграции, был продемонстрирован на встрече В. Путина и Си Цзиньпина в мае 2015 г., когда два лидера подписали совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП [Совместное заявление..., 2015], ставшее «залогом укрепления региональной экономической интеграции... и поддержания мира и стабильности на евразийском пространстве»

[China, Russia Agree to...]. Совместные инвестиции, транспортно-инфраструктурное развитие и планы по созданию в долгосрочной перспективе зоны свободной торговли между ЕАЭС и Китаем закладывают основы для усиления регионального экономического развития. В результате формируются диалоговые платформы, позволяющие обсуждать конкретные меры и инициативы. И уже возник термин «сопряжение» (*дуйцзе*), характеризующий процесс консолидации интеграционных усилий двух стран.

В ходе официального визита президента РФ в Китай в мае 2016 г. В. Путин и Си Цзиньпин подчеркнули в совместном заявлении, что Москва и Пекин готовы координировать свои стратегии развития Евразии и продвигать идею строительства «евразийского всеобъемлющего партнерства, основанного на принципах открытости, транспарентности и учета взаимных интересов» [Совместное заявление..., 2016]. Кроме того, было объявлено о целесообразности задействования ШОС, ЕАЭС и АСЕАН в интеграционных процессах Евразии, и правительства двух стран получили поручения разработать меры по реализации указанных инициатив.

Год спустя по итогам российско-китайских переговоров во время официального визита председателя КНР Си Цзиньпина в Россию в июле 2017 г. стороны объявили о дальнейшем укреплении отношений в рамках всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Москвой и Пекином [Совместное заявление..., 2017]. Минэкономразвития РФ и Министерство коммерции КНР подписали двустороннее заявление о совместном технико-экономическом обосновании Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве [Документы, подписанные...]. В ходе последовавших двусторонних консультаций российские и китайские эксперты пришли к консенсусу в интерпретации принципов «суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела», а также взаимного уважения «выбранных путей развития» [Ли Юнцюань, с. 97].

В Совместном заявлении по итогам встречи В. Путина и Си Цзиньпина в июне 2019 г. было отмечено, что китайская ИПП и российская идея БЕП могут развиваться параллельно и скоординировано и будут способствовать развитию региональных объединений, двусторонних и многосторонних интеграционных проектов на

Евразийском континенте [Совместное заявление..., 2019]. Это означает не присоединение России к китайской инициативе, а совместную и параллельную реализацию инициативы «Пояс и путь» и Большого евразийского партнерства, ориентированную на выстраивание новой модели международного сотрудничества на евразийском пространстве.

Юридическое обеспечение БЕП продвигается Россией при поддержке китайской стороны в ходе обмена визитами на высшем уровне путем включения соответствующих положений в совместные декларации. Кроме того, обе страны создали эффективный механизм регулярных обменов, который функционирует на различных уровнях: от встреч глав государств до консультаций руководителей департаментов министерств и ведомств.

Высокий уровень российско-китайских политических намерений по сотрудничеству в Евразии поддержали интеллектуальные элиты двух стран, которые были мобилизованы для выработки рекомендаций по интеграции БЕП и ИПП. В частности, Российский совет по международным делам запустил экспертно-аналитический проект «Россия и Китай: партнерство в контексте вызовов безопасности и развития в АТР», посвященный анализу возможностей совместного развития двух стран на глобальном, региональном и двустороннем уровне и поиску оптимальных путей реализации общих интересов [Россия и Китай: партнерство...]. С китайской стороны при грантовой поддержке государства также осуществляется проект «Изучение возможностей сопряжения тенденций развития ИПП и БЕП» [Ян Лэй]. Подходы российских и китайских экспертов в оценке двух инициатив сходятся в том, что различия между двумя проектами не являются критическим препятствием, а наоборот могут рассматриваться как взаимодополняющий интеграционный фактор.

В период, когда Россия сталкивается с серьезными экономическими вызовами и недостатком финансовых возможностей для осуществления целей своего развития, участие в ИПП может стать для РФ фактором поддержки развития региональных инфраструктурных проектов, ускорив процессы евразийской интеграции с меньшими экономическими затратами. Также оно будет способствовать усилению позиций ЕАЭС как важного «связующего звена» между Азией и

Европой и выступит своеобразным геополитическим противовесом формирующимся экономическим мега-объединениям преференциального типа, таким, как Транстихоокеанское партнерство (ТПП).

Выдвижение Москвой идеи Большого евразийского партнерства говорит о том, что Россия по-прежнему является одной из ведущих сил региональной интеграции наравне с другими крупными участниками, в частности Китаем, который предложил свое видение будущего Евразии в проекте ЭПШП.

Суммируя вышеизложенное, можно отметить неуклонность стремления Москвы и Пекина координировать усилия в процессе интеграции Большого евразийского партнерства в систему международных отношений. Стороны осознают, что их полноформатное взаимодействие на стратегическом уровне имеет высочайшее значение для построения БЕП.

Таким образом, не подтверждается гипотеза о наличии у проекта БЕП конкурента в лице китайского ЭПШП, что теоретически могло бы привести к возникновению напряженности и даже конфликта между Москвой и Пекином. Анализ действий, предпринимаемых политическим руководством наших стран, показывает, что на самом деле происходит обратное: понимая риски возникновения их соперничества, Россия и Китай на высшем политическом уровне демонстрируют уверенность и последовательность в попытках избежать ненужной конкуренции и фокусируются на выстраивании таких рамок сотрудничества, которые позволили бы сторонам успешно сопрягать их флагманские инициативы в Евразии.

Библиографический список

Документы, подписанные по итогам официального визита Председателя КРН в РФ. 04.07.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5217> (дата обращения: 16.04.2020).

К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд «Валдай», 2019. 352 с.

Кулинецв Ю.В. Россия повернулась к Китаю всерьез и надолго. 07.04.2016. URL: <http://russiancouncil.ru/turn2china> (дата обращения: 16.04.2020).

Ли Цзиго. Да Оуя хобань гуаньси: чунсу Оуя синь чжисюй : [Большое евразийское партнерство: изменение евразийского порядка?] // Гоцзи Вэньти Яньцзю. 2017. Vol. 1. С. 25—37. (На кит. яз.).

Ли Юнцюань. The Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative: Can the Two Be Linked? // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. No. 2. Pp. 94—99.

Лузянин С.Г., Клименко А.Ф. Сотрудничество России и Китая в ШОС по реализации концепции Большого евразийского партнерства // Китай в мировой и региональной политике. Выпуск XXIV. М.: ИДВ РАН, 2019. 416 с. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10005

Послание Президента Федеральному Собранию РФ. 03.12.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 16.04.2020).

Поволоцкий Г. Интеграция интеграций // Международная жизнь. 24.11.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14197> (дата обращения: 16.04.2020).

Россия и Китай: партнерство в контексте вызовов безопасности и развития в АТР. URL: <https://russiancouncil.ru/projects/bilateral/russia-china/> (дата обращения: 16.04.2020).

Совместное заявление РФ и КНР. 08.05.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 16.04.2020).

Совместное заявление РФ и КНР. 25.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (дата обращения: 16.04.2020).

Совместное заявление РФ и КНР. 04.07.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5218> (дата обращения: 16.04.2020).

Совместное заявление РФ и КНР. 05.06.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 16.04.2020).

Стенограмма выступления В. Путина на ПМЭФ-2016. URL: <https://rg.ru/2016/06/17/reg-szfo/stenogramma-vystupeniia-vladimira-putina-na-pmef-2016.html> (дата обращения: 16.04.2020).

Цзяо Ицян. Ю Жэнь Чжи Фэньци Дао Хэцзо Гунши : [От когнитивных различий к кооперативному консенсусу] // Дандай Ятай. 2018. Vol. 4. URL: <https://www.ydyfcn.com/zjgd/334409.shtml> (дата обращения: 16.04.2020) (На кит. яз.).

Чжао Чуаньцзюнь, Сяо Вэньхуэй. Чжунго Ин Жухэ Хуэйин Пуцзин дэ Да Оуя Хобань Гуаньси Цзихуа : [Как должен реагировать Китай на план Путина о Большом евразийском партнерстве] // Цзинци Яньцзю Даокань. 2017. No. 6. С. 18—25. (На кит. яз.).

Ян Лэй. Элосы Да Оуя vs Чжунго Идай Илу : [Российское БЕП или китайская ИПП]. 28.01.2016. URL: https://pit.ifeng.com/a/20180126/55485771_0.shtml?_cpb_xinxiliu_xgtj (дата обращения: 12.10.2019) (На кит. яз.).

China, Russia Agree to Integrate Belt Initiative with EAEU Construction. 09.05.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2015-05/09/c_134222936.htm (дата обращения: 16.04.2020).

Hormats, Robert D. The United States' «New Silk Road» Strategy: What is it? Where is it Headed? URL: <http://www.state.gov/e/rls/rmk/2011/174800.htm> (дата обращения: 22.11.2019).

Rolland Nadege. A China—Russia Condominium over Eurasia // *Global Politics and Strategy*, Vol. 61. Washington: International Institute for Strategic Studies, 2019. P. 7—22.

References

China, Russia Agree to Integrate Belt Initiative with EAEU Construction. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2015-05/09/c_134222936.htm (accessed: 16 April, 2020).

Dokumenty, podpisannyye po itogam oficial'nogo vizita Predsedatelya KRN v RF [Documents signed during Chinese president's official visit to Russia]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5217> (accessed: 16 April, 2020). (In Russian).

Hormats, Robert D. (2011). The United States' «New Silk Road» Strategy: What is it? Where is it Headed? URL: <http://www.state.gov/e/rls/rmk/2011/174800.htm> (accessed: 22 November, 2019).

Jiao Yiqiang (2018). You Ren Zhi Fenqi Dao Hezuo Gongshi [From Cognitive Differences to Cooperation Consensus], *Dangdai Yatai [Contemporary Asia-Pacific]*, Vol. 4. URL: <https://www.ydylcn.com/zjgd/334409.shtml> (accessed: 16 April, 2020). (In Chinese).

Kulintsev, Yury (2016). Rossiya povernulas k Kitayu vserez i nadolgo [Russia has turned to China seriously and for the long haul]. URL: http://russiancouncil.ru/turn2c_hina (accessed: 16 April, 2020). (In Russian).

K Velikomuu okeanu (2019). Xronika povorota na Vostok. Sbornik dokladov Valdajskogo kluba [Towards Great Ocean. Chronicles of the Russian pivot to Asia. Valdai club's book of reports], *Moscow: Fond "Valdaj"*, 352 p. (In Russian).

Li Yongquan (2018). The Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative: Can the Two Be Linked?, *Journal of Eurasian Studies*, Vol. 9, No. 2: 94—99.

Li Ziguo (2017). Da Ouya huoban guanxi: chongsu Ouya xin zhixu [Greater Eurasian Partnership: Reshaping the Eurasian Order?], *Guoji Wenti Yanjiu [International Studies]*, Vol. 1: 25—37. (In Chinese).

Luzjanin, S.; Klimenko, A. (2019). Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v ShOS po realizacii koncepii Bol'shogo evrazijskogo partnerstva [Cooperation of Russia and China in SCO on implementation of the Greater Eurasian partnership concept], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike [China in World and Regional Politics]*, Issue XXIV. Moscow: IDV RAN, 416 p. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10005

Poslaniye Prezidenta Federalnomu Sobraniyu RF [President's message to Federal Assembly of the Russian Federation]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (accessed: 16 April, 2020). (In Russian).

Povolotskiy G. (2015). Integratsiya integratsiy [Integration of integrations], *Mezhdunarodnaya zhizn [The International Life]*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14197> (accessed: 16 April, 2020). (In Russian).

Rolland, Nadege (2019). A China—Russia Condominium over Eurasia, *Global Politics and Strategy, Washington: International Institute for Strategic Studies*, Vol. 61: 7—22.

Rossiya i Kitaj: partnerstvo v kontekste vy'zovov bezopasnosti i razvitiya v ATR [Russia and China: partnership in the context of challenges to security and development in the APR]. URL: <https://russiancouncil.ru/projects/bilateral/russia-china> (accessed: 16 April, 2020). (In Russian).

Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR [Joint Statement of Russia and China]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (accessed: 16 April, 2020). (In Russian).

Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR. [Joint Statement of Russia and China]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (accessed: 16 April, 2020). (In Russian).

Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR. [Joint Statement of Russia and China]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5218> (accessed: 16 April, 2020). (In Russian).

Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR [Joint Statement of Russia and China]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (accessed: 16 April, 2020). (In Russian).

Stenogramma vystupleniya V.Putina na PMEF-2016 [Putin's verbatim report during SPIEF-2016]. URL: <https://rg.ru/2016/06/17/reg-szfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-pmef-2016.html> (accessed: 16 April, 2020). (In Russian).

Yang Lei (2016). Eluosi “Da Ouya” vs Zhongguo “Yidai Yilu” [Russia's Greater Eurasia vs China's Belt and Road]. URL: https://pit.ifeng.com/a/20180126/55485771_0.shtml?_cpb_xinxiliu_xgtj (accessed: 12 October, 2019). (In Chinese).

Zhao Chuanjun; Xiao Wenhui (2017). Zhongguo Ying Ruhe Huiying Pujing de “Da Ouya Huoban Guanxi” Jihua' [How Should China Respond to Putin's 'Greater Eurasian Partnership' Plan], *Jingji Yanjiu Daokan [Economic Research Guide]*, No. 6: 18—25. (In Chinese).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10005

Ю.В. Морозов

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ КИТАЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются глобальные позиции Китая в современном мире и перспективы их развития в XXI веке. Автор анализирует роль Китая в мировой экономике, где страна намерена играть более значимую роль, поскольку обладает для этого огромным потенциалом, оказывающим значительное влияние на состояние глобальных политико-экономических процессов. Свидетельством этому стала инициатива КНР «Один пояс, один путь», одной из ключевых целей которой является развертывание глобализации мирового хозяйства под эгидой Пекина. Кроме того, в статье содержится анализ путей совершенствования «жесткой силы» КНР, а также характеризуются вызовы и риски для России в области взаимоотношений с Китаем.

Автор подчеркивает, что Китай в своем развитии стремится не только к упрочению экономического лидерства в наступившем столетии, но и воистину обретению роли мировой политической силы. Однако главным препятствием для реализации амбиций КНР является ее двойственное восприятие Западом. С точки зрения экономики, Китай воспринимается мировым рыночным сообществом как «свой», а с точки зрения политики — он «чужой», поскольку в стране сохраняется монополия КПК в общественно-идеологической сфере. При этом стратегическая активность Пекина давно перешагнула национальные границы КНР, которая благодаря интенсивной эко-

номической экспансии стала участником перераспределения сфер мирового влияния в свою пользу, вытесняя соперничающих акторов из тех регионов мира, где они до недавнего времени доминировали. Для достижения генеральной цели — стать ведущей державой в мире в сфере экономики — страна под руководством Си Цзиньпина реализует ряд важных вспомогательных задач, среди которых: расширение рынков сбыта китайской продукции и обретение новых коммерческих партнеров и источников сырья; экспорт высококачественной наукоемкой продукции и повышение уровня жизни граждан на базе ускорения роста национальной экономики. Основными компонентами данной стратегии являются: аграрная реформа, предоставление крестьянам широких прав пользования землей, не подлежащей, однако, продаже; поощрение частного предпринимательства, особенно в торговле и сфере услуг; привлечение иностранного капитала и развитие экспортного производства; создание специальных экономических (экспортных) зон с высокой производственной инфраструктурой и налоговыми льготами и т. д.

Ключевые слова: Китай (КНР), Россия, США, глобализация, геополитика, экономика, проблемы, перспективы, пути развития.

Автор: Морозов Юрий Васильевич, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН. E-mail: morozovuyury51@yandex.ru

Yu. V. Morozov

China's Global Position and Prospects for its Development in the XXI Century

Abstract. The article examines China's global position in the modern world and its development prospects in the XXI century. The author analyzes the role of China in the global economy, where the country intends to play a more significant role, since it has a huge potential, able to make a vast impact on global political and economic processes. This is evidenced by China's "Belt and Road" or "One belt, One road" initiative, among key goals of which is to deploy the globalization of the world economy under the aegis of Beijing. In addition, the article analyzes probable ways to improve the "hard power" of the PRC, and describes challenges and risks for Russia in its interaction with China.

The author points out, that China in its development seeks not only to strengthen economic leadership in the current century, but also to acquire the role of a truly global political force. However, the main obstacle hindering China's ambitions is the ambivalent perception of the PRC by the West. From the economic point of view, China is perceived by the world market community as a "friendly one", and from the political point of view China is "alien", since the country retains the monopoly of the CPC in the socio-ideological sphere. At the same time, Beijing's strategic activity has crossed the national borders of the PRC, which, due to its intensive economic expansion, has become a participant in the redistribution of spheres of global influence in its favor, displacing rival actors from those regions of the world where they until recently dominated. To achieve the general goal of becoming the world's leading economic power, the country under the leadership of Xi Jinping is implementing a number of important auxiliary tasks, including: expanding external markets for Chinese products and finding new commercial partners and sources of raw materials; export of high-quality high-tech products and improving the standard of living of Chinese citizens on the basis of accelerating national economic growth. Principal components of this strategy are: agrarian reform, granting farmers broad rights to use land that is still not subject to sale; encouraging private entrepreneurship, especially in trade and services; attracting foreign capital and developing export production; creating special economic (export) zones with high production infrastructure and tax benefits, etc.

Keywords: China (PRC), Russia, USA, globalization, geopolitics, economy, problems, prospects, ways of development.

Author: Yuri V. MOROZOV, Ph.D. (Military Sc.), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; Leading Research Fellow, Institute of the United States and Canada Studies of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: morozovyury51@yandex.ru

На развитие процессов глобализации в современном мире все большее влияние оказывает Китай, стремительно наращивающий свой экономический потенциал и экспортные возможности. В поле его влияния находятся не только соседние государства, но и стратегически важные регионы мира. При этом особенностью геополитики Китая является то, что она опирается и на дипломатическую, и военную стратегии, такие, как «установление временного союза с от-

даленным государством для разгрома ближнего врага» и «объединение по горизонтали и вертикали» [Грачиков]. Пекин напрямую не заявляет о претензиях на глобальное господство, а проводит в мире «тихую» экспансию. В связи с этим Вашингтон все чаще пытается навязать Пекину свои сценарии поведения в мире, и если тот не соглашается, то подвергает КНР санкциям, в ответ на которые руководство принимает контрмеры. Поэтому отношения между Китаем и США постоянно балансируют на грани противостояния и партнерства. Другую особенность геополитики КНР иллюстрирует то обстоятельство, что стратегическая активность Китая давно перешагнула национальные границы страны, которая благодаря интенсивной экономической экспансии стала участником перераспределения сфер мирового влияния в свою пользу, вытесняя соперничающих акторов из тех регионов мира, где они до недавнего времени доминировали.

Рост влияния КНР на мировые дела обостряет актуальность анализа целого ряда вопросов: роли страны в глобальной экономике; внешних и внутренних проблем развития Китая; путей совершенствования «жесткой силы» КНР в свете проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП); а также вызовов и рисков для России в плане ее взаимоотношений с Китаем.

Роль современного Китая в глобальной экономике

В настоящее время КНР возглавляет Си Цзиньпин, самый влиятельный руководитель Китая после Мао Цзэдуна, который, как и «великий кормчий», рассчитывает долго управлять страной в силу того, что занимает должность генсека ЦК КПК и одновременно председательствует во многих комитетах, принимающих решения относительно путей развития КНР. Под руководством КПК экономика Китая стала крупнейшей в мире. Так, в 2019 г. доля валового внутреннего продукта (ВВП) КНР в мировом ВВП составила 17,08 % [Рейтинг экономик мира 2019...], хотя еще в начале XX века уровень экономического развития Китая был очень низким. Этот высокий показатель КНР был достигнут благодаря стратегии, разра-

ботанной Дэн Сяопином и направленной на проведение масштабных экономических реформ, а также политики «открытости» страны, которая помогла Китаю занять лидирующие позиции в мире.

Основными компонентами этой стратегии являются: аграрная реформа, согласно которой крестьяне получили дополнительные права на ведение хозяйства и реализацию произведенной ими продукции; предоставление прав пользования землей, не подлежащей, однако, продаже; поощрение частного предпринимательства, особенно в торговле и сфере услуг; привлечение иностранного капитала и развитие экспортного производства; создание специальных экономических (экспортных) зон с развитой производственной инфраструктурой и налоговыми льготами; госконтроль над финансами, крупными предприятиями, транспортом и связью. Благодаря этому, средние темпы роста ВВП Китая достигают около 9,8 %. И хотя в период мирового финансового кризиса 2008 г. они опускались до 8,7 %, но это оказалось гораздо лучшим показателем, чем в других странах мира. КНР намерена динамично развиваться и в будущем: в 2019 г. она уже превратилась во второй после США «полюс» мировой экономики, и если существующие тенденции сохранятся, то к 2030 г. она может стать самой крупной экономикой мира [Современный Китай и его роль...].

Для достижения этой генеральной цели страна реализует сопутствующие задачи, включая: расширение рынков сбыта и обретение новых партнеров и источников сырья; экспорт высококачественной наукоемкой продукции и повышение уровня жизни граждан на основе быстрых темпов роста экономики.

К 2050 г. власти Китая планируют построить общество «благоденствия», уровень жизни в котором сравнивается с показателями развитых стран. Поэтому в КНР большое внимание уделяется развитию автомобилестроения, текстильной и нефтехимической промышленности, производству качественного оборудования бытового назначения, судостроению, развитию электронной информатики и логистики и расширению экспорта китайских товаров. КНР также активно участвует в процессах создания «свободных экономических зон» с международными структурами (например, с АСЕАН), способных конкурировать с Североамериканской зоной свободной торговли (NAFTA).

Развитию этих зон в Китае благоприятствуют как объективные факторы — численность населения, превышающая 1,4 млрд чел. (поэтому для КНР характерен избыток рабочей силы), благоприятное географическое положение (выход к морю, наличие современных портов, мягкие климатические условия во многих регионах страны, наличие многих видов природных ресурсов), так и субъективные — юридические гарантии для иностранного капитала и льготы для него, что обуславливает растущий приток иностранных инвестиций в экономику КНР [Китай: укрепление позиции...]. Поэтому благосостояние населения Китая неуклонно растет, изменяются лишь его темпы в плане доходов на душу населения. В конце 2017 г. этот доход составил 8,5 тыс. долл. на человека, что свидетельствует о значительном улучшении благосостояния жителей КНР, но по сравнению со средним годовым доходом в США, превышающим 47 тыс. долл. [Средняя зарплата в США в 2019 г.], — это довольно низкий результат, и Китаю есть к чему стремиться в дальнейшем.

Поэтому руководство КНР считает необходимым продолжать «политику открытости» страны, что позволит ей глубже интегрироваться в мировую финансово-экономическую систему. Этому будут способствовать такие факторы, как дальнейшая либерализация экономики и финансового сектора; продолжение государственного инвестиционного стимулирования экономического роста страны; повышение конкурентоспособности китайской продукции на мировых рынках. Сегодня во всех странах мира можно приобрести качественные товары китайского производства, а крупные транснациональные компании активно размещают свои производства в КНР из-за сравнительно низкой дешевизны китайской рабочей силы.

Внешние и внутренние проблемы развития КНР

Несмотря на положительные явления в китайской экономике, в стране сохраняются *проблемы внутреннего характера*, которые в перспективе могут нанести КНР значительный урон. Это: демографическая проблема; огромный разрыв в доходах между городом и деревней; нехватка энергоресурсов и экологическая проблема.

Серьезной сложностью на пути развития китайской экономики как «глобальной фабрики по производству товаров» стало снижение мирового спроса на ее продукцию. Катализатором стала эпидемия коронавируса, охватившая страну в начале 2020 г. и оказавшая негативное влияние на национальное хозяйство Китая: резко снизились его доходы в сфере туризма и торговли; многие предприятия приостановили работу ввиду опасений перед эпидемией; ряд стран отказались приобретать продукцию из КНР и т. д. Эпидемия влияет и на другие страны мира из-за снижения их доходов от импорта китайской продукции и «обвала» туристической отрасли. И это продолжится до тех пор, пока не будет разработана антивирусная вакцина и населению Китая и других стран не будут сделаны прививки.

Главной *внешней проблемой* КНР является нарастающее геополитическое и экономическое противостояние с США не только в АТР, но и в других регионах. Факты обострившегося противоборства между двумя странами свидетельствует о появлении новых моментов в их отношениях: статус КНР как конкурирующего партнера Америки был изменен Вашингтоном на статус геополитического соперника, противоборство с которым в экономической сфере может распространиться и на другие сферы; тесные торгово-экономические связи и громадные объемы взаимного товарооборота больше не являются гарантией того, что разногласия не перерастут в острый конфликт, где торговые споры становятся рычагом обоюдного политического давления. При этом китайское руководство отдает себе отчет в том, что полноценное соперничество с Соединенными Штатами в духе «холодной войны» сведет на нет успех реализации целей развития страны [Степанов, с. 83—97]. Поэтому 15 января 2020 г. сторонами было подписано соглашение о первой фазе торговой сделки между КНР и США. Согласно ей, Китай согласился увеличить закупки американской продукции на 76,7 млрд долл. в течение первого года и на 123,3 млрд долл. в течение второго года действия соглашения. И, несмотря на сохраняющиеся расхождения с Вашингтоном по вопросам торгового дефицита США и курса китайского юаня, степени прозрачности военных расходов Китая и др., Пекин будет стремиться к выстраиванию с США отношений, которые базировались бы на «общих стратегических интересах» двух стран [Михеев]. Среди прочего, это

связано с тем, что Китай по-прежнему зависит от способности американских потребителей покупать его товары, а также от современных технологий США в ключевых для китайской экономики сферах. Соединенные Штаты, в свою очередь, зависят от Поднебесной в ряде ключевых областей, начиная от дешевых потребительских товаров и кончая огромными кредитными обязательствами перед КНР.

Однако, как считает помощник Президента РФ М. Орешкин, соглашение между США и КНР — «это мина замедленного действия, которая приведет к их спорам на мировом рынке в будущем» [Орешкин увидел риски...]. В частности, это связано с тем, что в начале XXI века участились случаи «вторжения» соседних и иных стран в «исконно» китайские моря — Япония, Вьетнам, Корея, США, а вслед за ними и другие акторы наращивают в них свое присутствие. Для этого они расширяют технологическую и финансовую помощь прибрежным странам в освоении морских нефтегазовых ресурсов, в ответ получая не только экономическую выгоду, но и обретая возможность влияния на геополитическую ситуацию в АТР. Уже более 200 иностранных компаний имеют права на аренду акваторий Южно-Китайского моря, где они добывают нефть, годовая добыча которой ныне превышает 50 млн тонн, что сопоставимо с годовым производством крупнейших китайских нефтепромыслов в Дацине.

Пути совершенствования «жесткой силы» КНР

Реакцией на эти притязания стало совершенствование руководством КНР китайской «жесткой силы», в чем за последние годы благодаря модернизации НОАК достигнуты немалые успехи. Однако, по сравнению с уровнем модернизации ВС США и России, отставание Китая в этой области остается существенным. И, несмотря на то, что главным соперником военные стратеги КНР считают США, в настоящее время основные виды войск НОАК более подготовлены для ведения боевых действий не за морем, а вблизи от Китая. Кроме того, ВС КНР не имеют практического опыта боевых действий в современных локальных конфликтах. Поэтому, чтобы адаптироваться к новым реалиям XXI века, китайская стратегия

«активной» обороны включила в себя следующие требования к военной организации государства.

Во-первых, это обновление концепции ведения войны будущего, в которой, с учетом стратегических интересов КНР, ее армия и флот должны будут наносить высокоточные удары по всей стратегической и оперативной системе построения войск противника, проводя операции с применением всех видов и родов войск НОАК на будущих театрах военных действий. Во-вторых, — установка на победу в войне в условиях информационного противоборства. Для этого в НОАК созданы «Силы стратегической поддержки», которые отвечают за разработку и применение новых способов ведения информационной войны [Храмчихин]. При этом пристальное внимание уделяется как традиционным сферам борьбы на суше, в море и воздухе, так и новым сферам — в космосе, сети Интернет. Принимаются меры по укреплению военного сотрудничества со странами мира, имеющими большое значение для Китая.

Исходя из характера этих требований, можно сказать, что целью строительства ВС КНР в XXI веке является всестороннее повышение качества и эффективности обороны страны за счет переоснащения войск новыми образцами военной техники и реализации достижений в сфере военной информатики. Особое внимание обращается на развитие науки и технологий как «несущего столпа» боеспособности НОАК путем стимулирования важнейших технологических инноваций и трансформации форм боевого управления. Для этого структуры НОАК стали переходить на сетевую информатизацию — от общевоинских объединений к межрегиональным объединениям, а модели оборонного строительства — от относительного разделения военной и гражданской сфер к их глубокой интеграции [Литовкин].

Глобальный проект «Один пояс, один путь» и его специфика

Следует отметить, что в начале нынешнего века Европа рассматривала Китай как носителя глобального вызова существующему мировому порядку, так как его модель развития могла «затмить» запад-

ную либерально-демократическую рыночную модель. Согласно опросам *BBC*, проведенным в 2011 г., 64 % французов, 62 % немцев, 48 % англичан, 57 % испанцев и 56 % итальянцев высказывали негативное отношение к Китаю. Но в дальнейшем отношение к КНР со стороны мировой общественности стало меняться в лучшую сторону. Свидетельством тому являются данные опроса 2019 г., согласно которым 63 % из 11 тыс. респондентов из 22 стран надеются на более значительную роль Китая в глобальном мировом развитии [Китай].

Весной 2019 г. состоялся визит Председателя КНР Си Цзиньпина в ряд стран Евросоюза, которые Китай рассматривает в качестве своеобразного «супермаркета» возможностей в деле реализации своего глобального проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП), в интересах которой КНР создает в странах Центральной и Восточной Европы экономическую и финансовую инфраструктуру. Некоторые из этих стран превратились в китайские «опорные пункты» еще со времен финансового кризиса 2008 г. или присоединились к проекту ОПОП. Однако проблема присоединившихся к проекту государств состоит в том, что согласно условиям контрактов участия в «Поясе и пути», они должны брать кредиты у китайских банков, чтобы расплачиваться с китайскими же подрядчиками. Это ведет к тому, что страны-участницы постепенно превращаются в должников Китая [Китай исподволь завоевывает...] (рис. 1).

Следовательно, инициативу по созданию ОПОП можно рассматривать как концепцию глобализации с китайской спецификой, реализуемую путем экспансии КНР в зарубежные страны. Эта концепция исходит из учета высокой нормы накопления, присущей Китаю, и нередкой для Поднебесной практики безлицензионного заимствования зарубежных технологий для создания в стране высокотехнологичной продукции, далее экспортируемой за рубеж. Помимо этого, используются другие «рычаги» внешней экспансии КНР, что дает ей возможность выиграть время для перехода к более современной модели национального развития, создавая условия для внедрения китайской версии глобализма под лозунгом «строительства общества единой судьбы человечества». Для этого проект ОПОП постоянно наполняется новым геоэкономическим содержанием при одновременном фокусировании на достижение внутриэкономиче-

Рис. 1. Глобальный проект Китая «Один пояс, один путь». *Источник:* [Silk Road].

ских целей Китая [Ижу Лю, Авдокушин]. В 2019 г. проект поддерживали около 50 % опрошенных респондентов в Индии, 43 % — в Японии, 40 % — в Италии и по 30 % — в России и Республике Корея.

При этом, с середины первого десятилетия XXI века, для геополитики Пекина появились новые ориентиры. Китай стал стремиться не только к экономическому, но и политическому лидерству, но не с целью навязать миру свою общественно-политическую модель, а чтобы стать равным со странами, играющими ключевую роль в создании нового миропорядка, и продемонстрировать готовность нести ответственность за глобальное развитие человечества.

Вызовы и риски для России, существующие в области взаимоотношений с КНР

Обновляемая геополитика КНР несет для России новые риски и вызовы, обусловленные глобальными амбициями Пекина. В нынешних отношениях с РФ у Китая проявилась негативная для нас ориентация на решение тех задач, которые могут угрожать интересам России: Пекин нацелен на получение доступа к восточно-си-

бирским и дальневосточным нефтегазовым месторождениям, и их трубопроводным системам; приобретение активов в российских производственных отраслях; повышение роли юаня в приграничной торговле; обеспечение для китайских корпораций ведущих позиций в экономике ДВФО по сравнению с конкурентами из других стран.

При этом Китай все чаще выступает как конкурент российскому энергобизнесу в ключевых регионах мира, важных для интересов РФ. Появляются и иные проблемы в сфере российско-китайских отношений. Так, в коммерческой области — это невыгодная для России структура товарооборота, где высокие темпы роста взаимной торговли обусловлены быстрым развитием китайского углеводородного импорта, а не качеством российской экспортной продукции высоких переделов. Две трети экспорта РФ приходятся на энергоресурсы и древесину и лишь 1,5 % — на продукцию машиностроения. А в российском импорте преобладает машинотехническая продукция, доля которой составляет 30 %.

Другими проблемами являются: оказание скрытого давления китайских властей на административные структуры российских приграничных регионов в целях обеспечения наиболее выгодных условий для китайского бизнеса; экспансия на наш Дальний Восток китайской «теневой» экономики, стимулирующая рост коррупции на российской территории. Многие китайские граждане на территории РФ нарушают миграционное законодательство и уклоняются от уплаты налогов, составляя конкуренцию россиянам на рынках труда.

Российско-китайское сотрудничество в военно-технической сфере, несмотря на существенные достижения, тоже сталкивается с нарастающими проблемами. Так, в ВВС КНР на вооружении находятся истребители 4-го поколения JH-7, J-11В (копия Су-27), J-16 (копия Су-30), J-10 модификаций В и С, разработанные без получения российских лицензий на их создание [Пекин делает ставку...]. Тем не менее, несмотря на это, Россия помогает Китаю сформировать национальную систему предупреждения о ракетном нападении (СПРН), которой нет ни у одной страны в мире, кроме РФ и США.

При этом, как считает ряд российских экспертов, в ближайшей перспективе реальным союзником России Китай не станет. Во-первых, он принципиально не согласен связывать себя узами альянсов,

полагая, что любые союзные обязательства, тем более в оборонной области, сопряжены с частичной утратой суверенитета. Во-вторых, позиции Москвы и Пекина не всегда и не во всем совпадают, а по некоторым вопросам существенно разнятся. Так, Пекин занимает «особую позицию» по Крыму и склонен к солидарности с США по поводу интернационализации арктического Северного морского пути, который предполагается вовлечь в проект ОПОП. При этом Китай соблюдает все финансово-экономические санкции Вашингтона в отношении Москвы и не желает участвовать в многосторонних переговорах по разоружению. В-третьих, даже не союз, а просто совместный «полюс» двух стран в мировой многополярности представить непросто, ибо в их диалоге неизбежно возникнет проблема «ведущего и ведомого», что может обострить уже существующие межгосударственные разногласия России и Китая [Давыдов].

Заключение

Подводя итоги анализа современных политико-экономических позиций Китая в мире и перспектив их развития в XXI веке, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, Китай, несомненно, стремится к упрочению своего экономического лидерства в наступившем столетии. Подоплека притязаний на это лидерство — это довольно успешная интеграция экономики КНР в мировую экономику на рыночных принципах. Однако главным препятствием на пути реализации соответствующих амбиций КНР является двойственное восприятие страны Западом. С точки зрения экономики Китай воспринимается мировым рыночным сообществом как «свой», а с точки зрения политики — он «чужой», поскольку в нем сохраняется монополия КПК в общественно-идеологической сфере.

Во-вторых, долгосрочной целью КНР является поддержание мирной международной обстановки, необходимой для защиты китайских интересов, в частности для успешного продвижения глобальных проектов и модернизации страны. При этом стратегическая активность КНР давно перешагнула границы государства, которое благодаря интенсивной экономической экспансии стало участни-

ком перераспределения сфер мирового влияния в свою пользу, вытесняя соперничающих акторов из тех регионов мира, где они до недавнего времени доминировали.

В-третьих, в отличие от США, Китай совместно с Россией выступает за многополярность международных отношений, однако в ближайшей перспективе реальным союзником РФ он не станет. Это связано с тем, что страна намерена единолично играть более значимую роль в мировых делах. Свидетельством этому является инициатива КНР «Один пояс, один путь», по сути нацеленная на реализацию концепции глобализации с китайской спецификой и осуществляемая путем хозяйственной «экспансии» КНР в государства-участники проекта ОПОП. Экономический базис для этого начинания существует, ибо современный Китай — страна, занимающая первую строчку в мировом экономическом «табеле о рангах».

Библиографический список

Грачиков Е. Китай в мировой политике. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/kitay-v-mirovoy-politike> (дата обращения: 02.02.2020).

Давыдов А.С. Россия—Китай—США: про альянсы и соперничество // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С 3—14.

Ижу Лю, Авдокушин Е. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 — стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-odin-poyas-odin-put-2-0-strategiya-stimulirovaniya-globalnoy-ekspansii-kitaya> (дата обращения: 03.02.2020).

Китай (журнал). 2019. № 10 (168).

Китай исподволь завоевывает Центральную и Восточную Европу. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/11/06/785688-kitai-zavoevivaet-tsentralnuyu-evropu> (дата обращения: 05.02.2020).

Китай: укрепление позиции в современной мировой экономике. URL: <https://studme.org/ekonomika/> (дата обращения: 04.02.2020).

Литовкин В. Пекин делает ставку на стратегию активной обороны. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2017-12-08/1_976_china.html?print=Y (дата обращения: 06.02.2020).

Михеев В. Роль Китая в глобализующемся мире. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36003> (дата обращения: 07.02.2020).

Орешкин увидел риски для мировой торговли в сделке между США и Китаем. URL: https://yandex.ru/news/story/Oreshkin_uvidel_riski_dlya_mirovoj_torgovli_v_sdelke_mezhdu_SSHA_i_Kitaem--794947e4d4f06baf108ce238e094c16e (дата обращения: 08.02.2020).

Рейтинг экономик мира 2019, таблица ВВП стран мира. URL: <https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2019-tablitsa-vvp-stran-mira/> (дата обращения: 09.02.2020).

Современный Китай и его роль в мировой экономике. URL: <http://finuni.ru/sovremennyyu-kitay-i-ego-rol-v-mirovoyu-ekonomike/> (дата обращения: 02.02.2020).

Средняя зарплата в США в 2019 г. URL: <https://usamagazine.ru/srednyaya-zarplata-v-ssha> (дата обращения: 02.02.2020).

Степанов А.С. Перелом в американо-китайских отношениях // США в 2018 году: круглый стол Совета молодых ученых ИСКРАН, (25 октября 2018 г.). М.: Весь мир, 2019. С. 83—97.

Храмчихин А. «Новый облик» по-китайски / армейский сайт «Полевая почта». URL: <https://pochta-polevaya.ru/militaryanalytics/geopolitics/eastazia/659/a316865.html> (дата обращения: 10.02.2020).

Silk Road. URL: https://avatars.mds.yandex.net/get-zen_doc/1711960/pub_5db808378600e100ae494dd5 (accessed: 10.02.2020).

References

Davydov, A.S. (2016). Rossiya-Kitaj-SShA pro al'yansy i sopernichestvo [Russia—China—USA about alliances and rivalry], *Problemy Dal'nego Vostoka [The Far Eastern Studies], Institute of Far Eastern Studies of the RAS (IDV RAN — IFES RAS)*, No 1: 3-14. (In Russian).

Grachikov, E. (2013). Kitaj v mirovoj politike [China in world politics]. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/kitaj-v-mirovoy-politike> (accessed: 2 February, 2020). (In Russian).

Hramchihin, A. (2017). «Novyj oblik» po-kitajski / armejskij sajt “Polevaya pochta” [“New image” in the Chinese manner / “Field post” army website]. URL: <https://pochta-polevaya.ru/militaryanalytics/geopolitics/eastazia/659/a316865.html> (accessed: 10 February, 2020). (In Russian).

Kitaj [China], 2019 No. 10 (168), October. (In Russian).

Kitaj ispodvol' zavoevyvaet Central'nuyu i Vostochnuyu Evropu [China is gradually conquering Central and Eastern Europe]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/>

articles/2018/11/06/785688-kitai-zavojevivaet-tsentralnuyu-evropu (accessed: 5 February, 2020). (In Russian).

Kitaj: ukreplenie pozicii v sovremennoj mirovoj ekonomike [China: strengthening positions in modern world economy]. URL: <https://studme.org/ekonomika> (accessed: 4 February, 2020). (In Russian).

Litovkin, V. (2017). Pekin delaet stavku na strategiyu aktivnoj oborony [Beijing makes a bet on an active defense strategy]. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2017-12-08/1_976_china.html?print=Y (accessed: 6 February, 2020). (In Russian).

Mikheev, V. (2008). Rol' Kitaya v globalizuyushchemsya mire [The Role of China in the globalizing world]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36003> (accessed: 7 February, 2020). (In Russian).

Oreshkin uvidel riski dlya mirovoj trgovli v sdelke mezhd u SShA i Kitaem [Oreshkin saw risks to global trade in the deal between the US and China]. URL: https://yandex.ru/news/story/Oreshkin_uvidel_riski_dlya_mirovoj_torgovli_v_sdelke_mezhd_u_SSHA_i_Kitaem--794947e4d4f06baf108ce238e094c16e (accessed: 8 February, 2020). (In Russian).

Rejting ekonomik mira 2019, tablica VVP stran mira [The ranking of world economies in 2019; Table of world GDPs]. URL: <https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2019-tablitsa-vvp-stran-mira/> (accessed: 9 February, 2020). (In Russian).

Silk Road. URL: https://avatars.mds.yandex.net/get-zen_doc/1711960/pub_5db808378600e100ae494dd5 (accessed: 10 February, 2020).

Sovremennyy Kitaj i ego rol' v mirovoj ekonomike [Modern China and its role in the world economy]. URL: <http://finuni.ru/sovremennyy-kitaj-i-ego-rol-v-mirovoy-ekonomike/> (accessed: 9 February, 2020). (In Russian).

Srednyaya zarplata v SShA v 2019 godu [Average salary in the United States in 2019]. URL: <https://usamagazine.ru/srednyaya-zarplata-v-ssha/><https://usamagazine.ru/srednyaya-zarplata-v-ssha> (accessed: 2 April, 2020). (In Russian).

Stepanov A.S. (2019). Perelom v amerikano-kitajskih otnosheniyah, *SShA v 2018: kruglyj stol Soveta molodyh uchenyh ISKRAN*, (25 oktyabrya 2018 g.) [The turning point in US–China relations], *The USA in 2018: round table of the Council of young scientists of the Institute of the USA and Canada RAS*, (October 25, 2018), Moscow: Ves' mir PH: 83–97. (In Russian).

Yiju Liu; Avdokushin, E. (2019). Proekt «Odin poyas, odin put'» 2.0 — strategiya stimulirovaniya global'noj ekspansii Kitaya [“One Belt One Road” Project 2.0 — a strategy to stimulate China's global expansion]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-odin-poyas-odin-put-2-0-strategiya-stimulirovaniya-globalnoy-ekspansii-kitaya> (accessed: 3 February, 2020). (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10006

Д.В. Ефременко

СНІМЕРІКА В СТАДІЇ ПОЛУРАСПАДА: ДЕГРАДАЦІЯ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ Д. ТРАМПЕ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современного этапа китайско-американских отношений, который можно квалифицировать как время деградации двустороннего диалога. Формирование торгово-экономического «симбиоза» Китая и США (*Chimerica*) перестало быть преградой для глобального геополитического соперничества двух супердержав XXI века. Переход США к открытому сдерживанию Китая наиболее отчетливо проявился в экономической, коммерческой и технологической сферах. Также администрация Д. Трампа значительно усилила давление на Китай по наиболее болезненным для него политическим и гуманитарным вопросам.

Развязанная Вашингтоном торговая война была приостановлена в начале 2020 г. в результате подписания первой фазы торговой сделки между США и КНР. Очевидно, что данное соглашение дает основу для перемирия, но не окончательного урегулирования коммерческих и экономических противоречий. Обе стороны получили возможность провести перегруппировку сил в ожидании нового раунда противостояния.

В настоящий момент соперничество между США и Китаем распространяется на широкий спектр технологий. Высока вероятность, что на протяжении 2020-х годов Китай и США создадут две конкурирующие и все менее совместимые глобальные экосистемы интернета вещей, технологий обработки больших данных, мобильной связи 5G, аддитивных технологий¹, робототехники и т. д. Выбор одной из них станет одновременно и геополитическим выбором, который, очевидно, на протяжении 2020-х годов придется сделать всем акторам системы международных отношений.

Новейший фактор продолжающегося осложнения отношений между КНР и США — это пандемия коронавируса COVID-19. Китай стал первым крупным государством, добившимся перелома в борьбе с коронавирусом. Этот успех явился глобальной демонстрацией мобилизационных возможностей и эффективности социально-политической системы КНР. В свою очередь, администрация США пошла на новую эскалацию антикитайской риторики. Последствия этих изменений для существующего мирового порядка рассматриваются в заключительной части статьи.

Ключевые слова: Chimerica, геополитическое соперничество, американо-китайские торгово-экономические отношения, технологическая конкуренция, Цифровой Шелковый путь, пандемия COVID-19.

Автор: Дмитрий Валерьевич Ефременко, доктор политических наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: efdv2015@mail.ru

D. V. Efremenko

Chimerica's half-life: degradation of Sino-US relations under D. Trump and its consequences for global order

Abstract. The article discusses the processes of degradation of the Sino-US relations during the presidency of D. Trump. The existence of trade and economic symbiosis between China and the United States (*Chimerica*) has ceased to be an obstacle to global geopolitical rivalry between the two superpowers of the 21st century. The US move to China's overt containment is most pronounced in the economic, commercial and technological areas. D. Trump administration has also significantly increased

---

¹ Аддитивные технологии (англ. *Additive Manufacturing*) — технологии послойного наращивания и синтеза объектов (например, 3D-печать) (Прим.ред.).

pressure on China over the most sensitive political and humanitarian issues.

The trade war unleashed by Washington was suspended in early 2020 in result of the signing of the first phase of a trade deal between the United States and China. Obviously, this agreement represents a way to a truce, but not to final settlement of trade and economic contradictions. Both sides got the opportunity to regroup forces in anticipation of a new round of confrontation.

The rivalry between the two great powers covers a wide range of technologies. It is highly likely that during the 2020s, China and the United States will create two competing and increasingly incompatible global ecosystems of the development of the Internet of things, big data processing technologies, 5G mobile communications, additive technologies, robotics, etc. The choice of one of the ecosystems will at the same time become a geopolitical choice, which, obviously, during the next decade all states in the system of international relations will have to make.

The pandemic of coronavirus COVID-19 has become a new important factor in the further aggravation of the bilateral relations. China was the first major state to achieve a turning point in the fight against the disease. In turn, the US administration gave a new impetus to escalation of anti-Chinese rhetoric. The implications of these developments for the existing world order are discussed in the final part of the article.

Keywords: Chimerica, geopolitical rivalry, US-China trade and economic relations, technological competition, Digital Silk Road, COVID-19 pandemic.

Author: Dmitry V. EFREMENKO, Dr.Sc. (Political Science), deputy Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. E-mail: efdv2015@mail.ru

Немногим менее 15 лет назад Н. Фергюсон и М. Шуларик изобрели ироничный неологизм *Chimerica* [Ferguson N., Schularick M.], который описывал парадоксальный «симбиоз» единственной на тот момент сверхдержавы и ее наиболее вероятного соперника по борьбе за мировое лидерство. Этот «симбиоз» был обусловлен сверхпотреблением в США и экспортной экспансией Китая, причем доходы от последней, благодаря массивированной скупке Пекином американских долговых обязательств, стимулировали дальнейший рост потребительских appetites в Соединенных Штатах. Эффект *Chimerica*

стал поистине глобальным: повсеместно увеличивалась доходность капитала, снижались процентные ставки и затраты на рабочую силу [Ferguson N., Xu X.]. В самих США многие отрасли становились неконкурентоспособными, а КНР, превратившись во «всемирную фабрику» XXI века, инвестировала средства не только в долг Соединенных Штатов, но, прежде всего — в новейшие технологии, инфраструктуру и человеческий капитал. Кризис 2008 г. не привел к разрушению «симбиоза» США—КНР, но сформировал новый «баланс» политико-экономических прибылей и убытков, на сей раз с очевидным перевесом в пользу Китая. В результате китайская тема стала одной из важнейших в американской внутривнутриполитической дискуссии в канун президентских выборов 2016 г.

Еще на этапе предвыборной кампании Д. Трамп неоднократно высказывался о том, что именно с Китаем связаны и многие экономические проблемы США, и основная угроза их глобальному лидерству. Одновременно Д. Трамп и ряд членов его предвыборной команды весьма нелестно отзывались о китайской политике Б. Обамы, ориентированной на интеграцию Пекина в руководимый Вашингтоном либеральный мировой порядок. Даже «поворот к Азии» (*pivot to Asia*), ставший реакцией администрации 44-го президента США на быстрый рост экономической и военно-политической мощи Китая, виделся в этой «оптике» пагубным паллиативом, поскольку в конечном счете предполагал сочетание сдерживания Китая и его превращения в стратегического партнера США [National Security..., 2010], не угрожающего американским структурам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В отличие от подхода Б. Обамы, Стратегия национальной безопасности Д. Трампа, опубликованная в 2017 г., вполне следует гоббсианскому взгляду на международный порядок как поле открытого соперничества государств за влияние: «Это соперничество требует переосмысления Соединёнными Штатами политики последних двух десятилетий — политики, основанной на предположении, что взаимодействие с соперниками и их включение в международные институты и мировую торговлю превратит их в благожелательных акторов и надежных партнеров. По большей части это предположение оказалось ложным» [National Security..., 2017].

В Стратегии национальной безопасности-2017 и Китай, и Россия характеризуются как «ревизионистские державы», ориентированные на пересмотр международного порядка во главе с США. Впрочем, парадокс состоит в том, что Д. Трамп и его соратники на этапе предвыборной кампании сами выступали как ярые ревизионисты в отношении таких характеристик либерального мирового порядка, как свобода торговли, глобализация и — в меньшей степени — защита прав человека. В сущности, применение по отношению к Китаю и России характеристики «ревизионистская держава» связано лишь с тем, что две страны оспаривают американскую глобальную гегемонию.

В первый день после инаугурации Д. Трамп, выполняя свои предвыборные обещания, объявил о выходе США из соглашения о создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП) как «плохой сделки», наносящей ущерб американской экономике, ведущей к потере миллионов рабочих мест и ограничивающей национальный суверенитет. Следуя своему лозунгу *America First*, Д. Трамп начал демонтаж всей прежней архитектуры многосторонних торговых соглашений, созданной несколькими предыдущими администрациями. Фактически официальный Вашингтон согласился на отказ от доминирования в масштабе многосторонних систем межгосударственного взаимодействия, которые стремился реализовать Б. Обама в проектах ТТП и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). И если для администрации Обамы ТТП было одним из основных инструментов ограничения экономического и политического могущества Китая, то администрация Д. Трампа отдала предпочтение противостоянию «один на один» с использованием значительно более широкого спектра средств силового давления на КНР. Делая ставку на двусторонние соглашения, администрация Д. Трампа предполагала, что в такой конфигурации США сумеют упрочить свои преимущества, но явно упустила из виду, что именно многосторонние экономические соглашения позволяют обеспечить наибольший контроль над транснациональными цепочками добавленной стоимости [Gertz G.]. В этом плане США, безусловно, открыли существенно больший простор для продвижения таких многосторонних инициатив с решающим участием Китая, как Всестороннее регио-

нальное экономическое партнерство и — в особенности — «Один пояс, один путь».

Переход к открытому сдерживанию Китая наиболее отчетливо проявился в экономической, торговой и технологической сферах, составляющих фундамент могущества современного Китая. В январе 2018 г. администрация Трампа сделала первые «залпы» в торговой войне с Китаем, начав с довольно ограниченных по своим масштабам тарифных мер, объектом которых стали производимые в КНР солнечные панели и стиральные машины. Но уже в сентябре 2018 г. торговая война достигла эпических масштабов, распространившись на китайские товары и услуги общей стоимостью 250 млрд долл. Переговорные позиции участников конфликта были весьма жесткими, причем американская сторона постоянно наращивала давление, играя на повышение ставок и на других направлениях.

Так, значительно усилилось давление на Китай по наиболее болезненным для него политическим и гуманитарным вопросам. Причем здесь политическую инициативу у президентской администрации порой перехватывал Конгресс — как было, в частности, с принятием в 2019 г. «Акта о правах уйгуров». Этот акт подводит политико-юридические основания под американское вмешательство в ситуацию в Синьцзяне и предоставляет возможность налагать санкции на китайские официальные лица и компании, причастные к нарушению прав уйгуров. Принятый почти одновременно «Акт о правах человека и демократии в Гонконге» не только обуславливает формирование еще одного набора санкционных рычагов, но и позволяет вносить изменения в специальный режим торговли между США и Гонконгом. Серьезная моральная и информационная поддержка, оказанная США и рядом других стран Западу участникам протестов в Гонконге, имела не менее значимые политические последствия. Используя положение в Гонконге и Синьцзяне в качестве политического аргумента, Вашингтон пересек в отношениях с КНР еще одну «красную линию». Именно в Синьцзяне существует наиболее серьезная внутренняя угроза безопасности КНР. Но если уйгурская проблема относится к числу давних и постоянно находится в поле зрения китайского руководства, то события в Гонконге, как, видимо, рассчитывают антикитайски настроенные представи-

тели политического истеблишмента США, приведут к стремительному превращению Специального административного района Сянган из витрины исторического успеха модели «одна страна — две системы» в «ахиллесову пяту» Пекина. Таким образом могут быть созданы условия для трансформации Гонконга в долговременный источник политической турбулентности, которую Вашингтон не преминет использовать в своих интересах.

Знаковым событием стал арест по запросу властей США финансового директора корпорации *Huawei* Мэн Ваньчжоу в Канаде (в конце 2018 г.), совпавший по дате с загадочной смертью ведущего специалиста по квантовой физике, венчурного предпринимателя Чжан Шоучэна¹, работавшего в Стэнфордском университете. По всей видимости, решимость Вашингтона отказать в неприкосновенности представителям китайской экономической элиты означала, что пройдена точка невозврата в американо-китайском противостоянии. Последующее наращивание Вашингтоном санкционного давления на *Huawei*, *ZTE* и другие китайские технологические компании под предлогом поставок ими в Иран оборудования, содержащего произведенные в США компоненты, показало, что подлинная цель этого конфликта — не сокращение отрицательного сальдо США в торговле с Китаем и блокировка манипуляций курсом юаня, а недопущение технологического превосходства КНР в глобальном масштабе.

В настоящее время становится очевидным, что именно сфера новейших технологий превращается в арену решающего геополитического противоборства США и Китая. Достижение системного геополитического перевеса в контексте развития новейших, в первую очередь цифровых, технологий становится возможным при условии грамотного стратегического целеполагания и наличия ресурсов, которые могли бы быть сконцентрированы на достижении технологического прорыва. Наиболее значимым из такого рода стратегических намерений в настоящее время можно назвать решение китайского

---

¹ Согласно сообщениям членов семьи Чжан Шоучэна, он покончил с собой после продолжительной депрессии (приводится по [Castelvecchi]). Созданная им компания *Digital Horizon Capital*, финансировавшаяся из КНР, была важнейшим разработчиком технологий, используемых в смартфонах *Huawei*.

руководства создать свою собственную, не зависимую от Запада в плане стандартов, инфраструктурного обеспечения и цепочек поставщиков, технологическую платформу.

Принятый в 2015 г. десятилетний план «Сделано в Китае 2025» ориентирован на комплексное обновление технологической основы китайской экономики и выход на передовые позиции в ключевых областях науки и техники. Будучи рыночно ориентированным, этот план одновременно предполагает массированное участие китайского государства в выращивании национальных «технологических чемпионов». Вклад государства в импортозамещение и общий технологический прорыв должен обеспечиваться благодаря использованию различных инструментов — от прямого субсидирования и создания преференциальных режимов до требований к зарубежным компаниям, желающим вести бизнес в Китае, обеспечить трансфер технологий.

Изначально этот план был в большей степени сфокусирован на задачах ликвидации отставания путем увеличения доли китайских производителей на внутреннем рынке до 70 % к 2025 г., снижения вдвое эксплуатационных затрат, длительности производственных циклов и сокращения объема некачественной продукции [Chan E.]. Однако ключевые фигуры администрации Трампа транслируют гораздо более алармистские оценки. Так, например, генеральный прокурор США У. Барр заявил в начале 2020 г., что КПК «мобилизовала все элементы китайского общества — все правительство, все корпорации, все научные круги и всех своих трудолюбивых людей — для беспрепятственного выполнения амбициозного плана по доминированию в сфере основных технологий будущего» [Barr W.]. По оценке президента *Eurasia Group* И. Бреммера, план «Сделано в Китае 2025» — самое «судьбоносное геополитическое решение, принятое за последние три десятилетия. Это также мощнейшая угроза глобализации в том виде, в каком мы привыкли ее видеть с конца Второй мировой войны» [Bremmer I.]. Создание независимой китайской платформы приведет к фундаментальному технологическому расколу, который фактически уже начался в информационно-коммуникационной сфере.

К настоящему моменту Китай добился значительных успехов в достижении цифрового суверенитета: созданы и активно функцио-

нируют собственные мессенджеры, поисковые системы, корневые серверы для маршрутизации, центр цифровой сертификации; но при этом пока сохраняется высокая степень зависимости от американских операционных систем. Китайская компания *Huawei* является бесспорным мировым лидером по развитию технологий связи 5G, способных к середине 2020-х годов сформировать новые экономические возможности в размере 23 трлн долл. Как эмоционально предостерегает У. Барр, «впервые в истории США не лидируют в следующей технологической эре» [Wang W.].

По всей видимости, на протяжении 2020-х Китай и США создадут две конкурирующие и все менее совместимые глобальные экосистемы¹ развития интернета вещей, технологий обработки больших данных, мобильной связи 5G, аддитивных технологий, робототехники и т. д. Выбор одной из них станет одновременно и геополитическим выбором, который, очевидно, на протяжении 2020-х годов придется сделать всем суверенным акторам системы международных отношений. Причем геополитические и внутривосточные резоны будут во многих случаях перевешивать соображения экономической и технологической целесообразности.

Логичен вывод о том, что в будущем и сама инициатива «Один пояс, один путь» обретет ярко выраженное технологическое измерение. Строго говоря, основа для этого уже создана в виде одной из подпрограмм ОПОП — «Цифровой шелковый путь», предусматривающей многомиллиардные инвестиции в развитие телекоммуникационных сетей, спутниковой навигации, оптических кабелей, электронной торговли, мобильных платежных систем, проектов в сфере «больших данных», искусственного интеллекта и квантовых вычислений. Часть западных экспертов, отмечая, что данная подпрограмма, способствуя при помощи цифровых технологий достижению большей степени связанности (*connectivity*) стран, присоединивших-

---

¹ Цифровая экосистема — понятие, подразумевающее комплексную ИТ-платформу взаимодействия человека с цифровыми агентами и цифровых агентов между собой. Используя термин «экосистемы цифровых технологий», автор подчеркивает как взаимосвязанное развитие этих технологий в контексте стратегических задач научно-технологического прогресса КНР, так и их динамическое взаимодействие друг с другом, а также с системами социального управления и предпринимательства.

ся к ОПОП, одновременно усиливает геополитическое влияние Китая, трансконтинентальное распространение черт государственного капитализма и нелиберального политического порядка [Cheney С.]. В особенности это относится к заимствованию китайских технологий видеонаблюдения и систем цифровой идентификации в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые, таким образом, интегрируются в синоцентричную технологическую инфраструктуру и одновременно перенимают у Китая социально-политические практики ее использования. Кроме того, в многостороннем формате ОПОП Пекин с большей эффективностью продвигает принципы цифрового суверенитета, активно поддерживаемые также и Россией.

15 января 2020 г. Д. Трамп и вице-премьер Госсовета КНР Лю Хэ подписали в Вашингтоне документы первой фазы торговой «сделки». Китай принял на себя обязательство воздерживаться от девальвации юаня в целях достижения коммерческих преимуществ; в ответ Минфин США исключил КНР из перечня торговых манипуляторов. Ключевой элемент первой фазы сделки — согласие Китая в течение двух лет закупить у США сельскохозяйственную продукцию и другие товары на 200 млрд долл. В свою очередь, Вашингтон отменил запланированное новое повышение пошлин на китайские товары, сохранив, однако, ранее установленные пошлины вплоть до вступления в действие второго этапа сделки. Дополнительные масштабные закупки американских товаров, которые станут результатом не экономически обоснованного выбора китайских компаний, а следствием прямых указаний политического руководства КНР, отчасти выправят торговый дисбаланс, но не приведут к изменению всей структуры торговых отношений США и КНР. Очевидно, с китайского рынка будут потеснены в первую очередь европейские производители. Тот факт, что суть соглашения весьма далека от либеральных принципов, документ отходит от правил ВТО и фактически внедряет регулирование торговли и дискриминацию поставщиков товаров из третьих стран, никакого дискомфорта у администрации Д. Трампа не вызвал.

Демонстрация серьезного успеха в переговорах с Китаем была чрезвычайно важна для команды Д. Трампа на фоне набирающей обороты президентской кампании. Для китайского руководства

большое значение имела временная передышка, которая позволила бы не только дождаться итогов президентских выборов в США, но и провести перегруппировку сил в ожидании нового раунда глобального соперничества. Степень реального выполнения основных пунктов сделки, очевидно, будет зависеть от общемировых экономических последствий пандемии коронавируса COVID-19, а также от развития внутривосточной ситуации в США. *Chimerica* пока сохраняется, но на менее благоприятных для Китая условиях. В самих США возрастает популярность призывов к «расшивке» (*decoupling*) американо-китайского симбиоза из-за критической зависимости от поставок из КНР жизненно важных товаров или их компонентов (в частности, фармацевтической продукции и медицинского оборудования) и стремления воссоздать производственные цепочки уже на базе американской промышленности. В любом случае часовой механизм распада модели *Chimerica* уже запущен в связи с переходом в открытую фазу американо-китайского противоборства за глобальное технологическое доминирование.

В начале 2020 г. почти ни у кого из наблюдателей не оставалось сомнений в том, что заключенная сделка — не более чем временная пауза в комплексном противостоянии, приобретаем принципиальный характер. Весьма показательным, в частности, было сделанное вскоре после заключения сделки заявление министра торговли США У. Росса о том, что благодаря распространению в Китае эпидемии коронавируса в США может увеличиться количество рабочих мест [Wilbur Ross...]. Американская сторона, по мере усугубления эпидемической обстановки и роста связанных с ней экономических потерь, все более настойчиво акцентировала тезис о китайском происхождении нового вируса, используя для его обозначения такие термины, как «уханьский вирус», или «китайский вирус». Несмотря на договоренность лидеров США и КНР уйти от взаимных обвинений, нарратив «китайской вины» за пандемию и экономической кризис стал важной составляющей предвыборной риторики Трампа. В начале мая 2020 г. госсекретарь США М. Помпео уже с полной уверенностью заявлял, что источником распространения коронавируса явилась бактериологическая лаборатория в Ухане [Geimann S.]. Администрации Трампа, очевидно, удалось убедить значительную

часть американских избирателей, что ответственность за пандемию и экономический кризис ложится на Китай. По данным опроса *Harris*, более 70 % американцев считают, что китайское правительство сообщало ложную информацию о ходе эпидемии и ее последствиях, а более 75 % считают китайское правительство ответственным за распространение вируса, причем почти 60 % уверены, что правительство Китая виновно в большей степени, чем правительство США, в распространении Covid-19 в Америке [Pei M.]. Дальнейшая эскалация антикитайской кампании, в особенности — предъявление Китаю судебных исков о возмещении ущерба от пандемии, предполагаемым виновником которой называются власти КНР (20 апреля Миссури стал первым американским штатом, запустившим такую судебную процедуру), могут и вовсе нанести двусторонним отношениям катастрофический ущерб.

Китай, приняв на себя первый сильнейший удар эпидемии COVID-19 и допустив на самой ранней стадии распространения нового вируса ряд серьезных просчетов, ввел затем беспрецедентные по жесткости меры карантинной изоляции или ограничения свободы передвижения для более чем 700 млн человек. В результате уже в марте 2020 г. правительство КНР взяло эпидемическую ситуацию под контроль и даже начало оказывать серьезную помощь медицинским оборудованием и персоналом ряду других стран. Понеся серьезный экономический ущерб, Китай первым из крупных государств добился перелома в борьбе с коронавирусом, что попутно означало и глобальную демонстрацию мобилизационных возможностей, мощи и эффективности его социально-политической системы [Sheng A., Geng X.]. В считанные недели власти КНР перестроили свои производственные мощности таким образом, чтобы обеспечить максимально возможное удовлетворение потребностей в оборудовании, материалах и основных фармацевтических препаратах для лечения заразившихся COVID-19. На этом фоне действия Д. Трампа и его администрации выглядели сначала как стремление приуменьшить эпидемическую угрозу, а затем как серия импульсивных мер в попытке наверстать упущенные возможности по борьбе с распространением коронавируса на территории США.

Нет сомнений, что спровоцированный пандемией кризис резко ускорит перестройку мирового политико-экономического порядка. Но уже сейчас масштаб кризиса требует коллективных решений и действий, в деле определения и последовательности которых Китай пока находится в более благоприятной позиции, чем США. Вашингтон все еще располагает наибольшими возможностями влиять на динамику кризиса, но способность использовать этот потенциал именно в формате коллективных и согласованных международных усилий у администрации Трампа крайне лимитирована. Если же поиск выхода из кризиса (и, следовательно, трансформации глобального политико-экономического порядка) пойдет по пути односторонних усилий или дальнейшего обострения соперничества крупнейших держав, то тогда Китай получит шансы стать мощным «аттрактором» для значительной части мирового сообщества.

Библиографический список

Barr W.P. Attorney General William P. Barr delivers the keynote address at the Department of Justice's China Initiative Conference / The United States Department of Justice. 6 February, 2020. URL: <https://www.justice.gov/opa/speech/attorney-general-william-p-barr-delivers-keynote-address-department-justices-chinw> (accessed: 20.04.2020).

Bremmer I. The end of the American order: Ian Bremmer speech at 2019 GZERO Summit / Eurasia Group. 18 November, 2019. URL: <https://www.eurasiagroup.net/live-post/end-of-american-order-ian-bremmer-2019-gzero-summit-speech> (accessed: 23.04.2020).

Castelvecchi D. Topological-physics pioneer Shoucheng Zhang dies // Nature. 8 December, 2018. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-07709-y> (accessed: 17.04.2020).

Chan E. 'Made in China 2025': is Beijing's plan for Hi-Tech dominance as big a threat as the West thinks it is? // South China Morning Post. 10 September, 2018. URL: <https://www.scmp.com/business/china-business/article/2163601/made-china-2025-beijings-plan-hi-tech-dominance-big-threat> (accessed: 29.02.2020).

Cheney C. China's Digital Silk Road: strategic technological competition and exporting political illiberalism. Council on Foreign Relations. 26 September, 2019. URL: <https://www.cfr.org/blog/chinas-digital-silk-road-strategic-technological-competition-and-exporting-political> (accessed: 22.04.2020).

Ferguson N.; Schularick, M. “Chimerica” and the Global Asset Market Boom // *International Finance*. 2007. Vol. 10. No. 3. P. 215–239.

Ferguson N.; Xu X. Making Chimerica Great Again // *International Finance*. 2018. Vol. 21. No. 3. P. 239–252.

Geimann S. Pompeo says ‘enormous evidence’ connects virus to Wuhan lab. Bloomberg. May 3, 2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-03/pompeo-says-enormous-evidence-links-virus-to-wuhan-laboratory> (accessed: 03.05.2020).

Gertz G. What will Trump’s embrace of bilateralism mean for America’s trade partners? / The Brookings Institute. February 8, 2017. URL: <https://www.brookings.edu/blog/futuredevelopment/2017/02/08/what-will-trumps-embrace-of-bilateralism-mean-for-americas-tradepartners/> (accessed: 04.05.2020).

National security strategy of the United States of America. May, 2010. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 04.05.2020).

National security strategy of the United States of America. December, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 04.05.2020).

Pei M. COVID-19 is finishing off the Sino-American relationship // Project Syndicate. 29 April, 2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-america-relations-after-COVID19-pandemic-by-minxin-pei-2020-04> (accessed: 03.05.2020).

Sheng A.; Geng X. What COVID-19 reveals about the US and China. Project Syndicate. 23 April, 2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/chinese-growth-model-more-resilient-to-COVID19-lockdowns-by-andrew-sheng-aow-xiao-gen-g-2020-04> (accessed: 24.04.2020).

Wilbur Ross says coronavirus could boost US jobs // BBC. January 31, 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/business-51276323> (accessed: 20.04.2020).

References

Barr, W.P. (2020). Attorney General William P. Barr delivers the keynote address at the Department of Justice’s China Initiative Conference, *The United States Department of Justice*, 6 February. URL: <https://www.justice.gov/opa/speech/attorney-general-william-p-barr-delivers-keynote-address-department-justices-china> (accessed: 20 April, 2020).

Bremmer, I. (2019). The end of the American order: Ian Bremmer speech at 2019 GZERO Summit, *Eurasia Group*, 18 November. URL: <https://www.eurasiagroup.net/live-post/end-of-american-order-ian-bremmer-2019-gzero-summit-speech> (accessed: 23 April, 2010).

Castelvecchi, D. (2018). Topological-physics pioneer Shoucheng Zhang dies, *Nature*, 8 December. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-07709-y> (accessed: 17 April, 2020).

Chan, E. (2018). 'Made in China 2025': is Beijing's plan for Hi-Tech dominance as big a threat as the West thinks it is?, *South China Morning Post*, 10 September. URL: <https://www.scmp.com/business/china-business/article/2163601/made-china-2025-b-eijings-plan-hi-tech-dominance-big-threat> (accessed: 29 February, 2020).

Cheney, C. (2019). China's Digital Silk Road: strategic technological competition and exporting political illiberalism, *Council on Foreign Relations*, 26 September. URL: <https://www.cfr.org/blog/chinas-digital-silk-road-strategic-technological-competition-and-exporting-political> (accessed: 22 April, 2020).

Ferguson, N.; Schularick, M. (2007). "Chimerica" and the global asset market boom, *International Finance*, Vol. 10 (3): 215—239.

Ferguson, N.; Xu, X. (2018). Making Chimerica great again, *International Finance*, Vol. 21 (3): 239—252.

Geimann, S. (2020). Pompeo says 'enormous evidence' connects virus to Wuhan lab, *Bloomberg*, May 3. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-03/pompeo-says-enormous-evidence-links-virus-to-wuhan-laboratory> (accessed: 3 May, 2020).

Gertz, G. (2017). What will Trump's embrace of bilateralism mean for America's trade partners?, *The Brookings Institute*, February 8. URL: <https://www.brookings.edu/blog/futuredevelopment/2017/02/08/what-will-trumps-embrace-of-bilateralism-mean-for-americas-tradepartners/> (accessed: 4 May, 2020).

National security strategy of the United States of America. May 2010. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 4 May, 2020).

National security strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 4 May, 2020).

Pei, M. (2020). COVID-19 is finishing off the Sino-American relationship. Project Syndicate. 29 April. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-america-relations-after-COVID19-pandemic-by-minxin-pei-2020-04> (accessed: 3 May, 2020).

Sheng, A.; Geng, X. (2020). What COVID-19 reveals about the US and China, *Project Syndicate*, 23 April. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/chinese-growth-model-more-resilient-to-COVID19-lockdowns-by-andrew-sheng-and-xiao-geng-2020-04> (accessed: 24 April, 2020).

Wilbur Ross says coronavirus could boost US jobs, *BBC*, 31 January, 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/business-51276323> (accessed: 20 April, 2020).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10007

Е.И. Сафронова

ТРЕУГОЛЬНИК «КИТАЙ—РОССИЯ—США» И ВЕНЕСУЭЛЬСКИЙ КРИЗИС ВО ВРЕМЕНА ПАНДЕМИИ

Аннотация. Резкое изменение глобальной ситуации, вызванное пандемией коронавируса, не только не затмило некоторые международные проблемы, носящие, казалось бы, региональный характер, но более того — по сути обострило их. Одной из таких «тлеющих» проблем остается положение в Боливарианской Республике Венесуэла (БРВ), прямо затрагивающее интересы ряда крупнейших мировых акторов. Интернационализация венесуэльского конфликта чревата рисками, рано или поздно способными сказаться на многих сторонах международной политико-экономической жизни. В силу этого необходимость мониторинга кризиса в Венесуэле не только не устранена, но рано или поздно потребует новых сил и внимания, хотя в настоящий момент и выглядит утратившей остроту.

В статье аргументируется неизбежность интернационализации конфликта в БРВ ввиду целого ряда обстоятельств и характеризуются официальные и практические позиции России, КНР и США по ситуации в Венесуэле. Особо отмечается поиск Пекином середино-компромиссной линии между Н. Мадуро и сторонниками Х. Гуйдо, нацеленной на максимально возможное сохранение китайских политико-экономических активов в Венесуэле при любом развитии событий.

В статье подчеркивается, что позиция США по венесуэльскому вопросу мотивируется стремлением Вашингтона «размыть» опору,

поддерживающую международные и внутренние позиции не только Каракаса, но и Гаваны, а также ограничить маневр в Латинской Америке России и Китая. Автор также отмечает, что текущее положение на мировых рынках нефти осложняет ситуацию в Венесуэле, порождая новые риски и для нее, и для ее международных партнеров.

В работе предлагается прогноз развития ситуации в БРВ: автор приходит к выводу, что на данный момент дальнейшее затягивание кризиса власти в этой стране — наиболее вероятный сценарий хода событий. Пандемия COVID-19 привела к застоным явлениям в мировой экономике, что переключило внимание сторон конфликта и государств, поддерживающих их, на задачи иного плана, приглушив их стратегическую активность. Однако, несмотря на то, что изменение ситуации в БРВ пока не отвечает текущим политико-экономическим устремлениям сторон конфликта и вовлеченных международных акторов, неизбежно придет время, когда венесуэльский кризис потребует своего разрешения.

Ключевые слова: Китай, Россия, США, Боливарианская Республика Венесуэла (БРВ), Латинская Америка, интернационализация конфликта, стратегические интересы, пандемия.

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-4256-2381;
E-mail: safronova@ifes-ras.ru

E.I. Safronova

The China-Russia-US triangle and the Venezuelan crisis in times of pandemic

Abstract. Although the dramatic change in the global situation caused by the coronavirus pandemic has temporarily overshadowed some international problems, the need to resolve the latter has not been eliminated. One of these “smoldering” problems remains the situation in the Bolivarian Republic of Venezuela (BRV), which directly affects interests of some world's largest actors. The internationalization of the Venezuelan conflict is fraught with risks that sooner or later can affect many aspects of international political and economic life. Because of this, the need to monitor the crisis in Venezuela is not only eliminated, but sooner or later will require new attention.

The article argues for the inevitability of internationalization of the conflict in the BRV due to a number of circumstances and describes official and practical positions of Russia, China and the United States on the situation in Venezuela. Especially is noted the high probability of Beijing's search for a middle-compromise line between N. Maduro and supporters of H. Guaido, aimed at the maximum possible preservation of Chinese political and economic assets in Venezuela in any event.

The article emphasizes, that the US position on the Venezuelan issue is motivated by Washington's desire to "blur" international and domestic positions of not only Caracas, but also Havana, and to limit the political and economic maneuver in Latin America of Russia and China. The author also notes that the current situation on the world oil markets complicates the state of affairs in Venezuela, creating new risks for the country itself as well as for its international partners.

The paper provides a forecast of the situation in Venezuela. The author comes to the conclusion that at this point further protraction of the crisis of power in this country is the most likely course of events. The COVID-19 pandemic has led to stagnation in the global economy, which has shifted the attention of the parties from the conflict to other tasks and dimmed their strategic activity. However, despite the fact that probable changing in the BRV situation does not yet meet current political and economic aspirations of the parties to the conflict and the international actors involved, the time will inevitably come when the Venezuelan crisis requires its resolution.

Keywords: China, Russia, USA, Bolivarian Republic of Venezuela (BRV), Latin America, internationalization of a conflict, strategic interests, coronavirus pandemic.

Author: Elena I. SAFRONOVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-4256-2381; E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Резкое изменение глобальной ситуации из-за пандемии COVID-19, снижение цен на нефть и обострение мирового экономического кризиса, казалось бы, оттеснили на второй план некоторые проблемы международной жизни, еще недавно привлекавшие внимание мирового сообщества. Однако при более пристальном взгляде оказывается, что это обстоятельство не нивелировало, но обострило ряд вопросов, переводя их из «ждущего» режима в режим on-line. К числу таких проблем относится и дальнейшая интернационализация, казалось бы, внутреннего конфликта между ветвями

власти в Венесуэле¹. Эта тема представляется тем более важной, поскольку в ней оказываются задействованными интересы трех крупнейших мировых держав — Китая, США и России.

В контексте статьи автор предлагает понимать под интернационализацией конфликта не только весь комплекс международных усилий по его разрешению, но и участие во внутрисударственной борьбе тех субъектов международных отношений (стран или организаций), которые заинтересованы в реализации собственных интересов в ходе конфликтной ситуации.

В случае кризиса власти в Венесуэле интернационализация конфликта видится неизбежной по следующим причинам:

Во-первых, как показывает мировой опыт, там, где замешана большая нефть (в качестве объекта соперничества или аргумента для спекуляций во внешнеполитической риторике и практике) практически всегда происходит интернационализация внутренних конфликтов. Внешние силы редко отказываются от возможности «половить рыбку в мутной воде» и извлечь собственные выгоды.

Во-вторых, сам стратегический масштаб «игроков» — субъектов МО, пришедших «разыграть» в Венесуэле нефтяную или иную интересную им «карту», тоже служит мощным признаком интернационализации конфликта. Кризис в Венесуэле, будучи внутренним по происхождению, становится международным по значимости потому, что затрагивает целый комплекс интересов России, Китая и США, причем, не только энергетических и финансовых, но и связанных со стратегической безопасностью.

Недавние шаги России, предпринятые в отношении ее нефтесобственности в Венесуэле, о которых будет сказано далее, еще больше наводят на мысль о разрастании интернациональной компоненты венесуэльского кризиса.

В-третьих, задействованность ООН сама по себе является и фактором, и ярким показателем интернационализации конфликта. Так,

---

¹ Напомним, что в январе 2019 г. Н. Мадуро принес присягу в качестве президента Венесуэлы на новый срок. Оппозиция, отрицающая законность его переизбрания, объявила президентом страны главу Национальной ассамблеи (парламента) Х. Гуайдо.

14 февраля 2019 г., министр иностранных дел в правительстве Н. Мадуро Х. Арреаса в кулуарах Совета безопасности ООН на импровизированной пресс-конференции объявил о формировании «коалиции» по защите суверенитета его страны. Среди стран, выразивших согласие присоединиться к ней, — Россия, Иран, Сирия, КНДР, Никарагуа, Куба, а также Палестинская администрация [Fassihi]. Китай прямо не заявлял о своем присоединении к этому неформальному объединению, но, видимо, духом к нему близок.

В-четвертых, если в активности внешних «игроков» так или иначе присутствует идеологическая/мировоззренческая компонента, то конфликт приобретает особую чувствительность и специфику. Не только большая нефть побуждает Китай, Россию и США вникать в венесуэльский кризис, но и интересы собственных геостратегических позиций. В той или иной интерпретации, но все три страны руководствуются намерением сделаться особо значимым субъектом МО. КНР — под лозунгом «великого возрождения китайской нации», а США — «вновь сделать Америку великой». Россия же, хотя и не сформулировала лозунг о возвращении своего величия, однако вся ее внешнеполитическая деятельность с начала XXI века свидетельствует о стремлении не только вернуть, но и расширить мировые позиции и авторитет, «завоеванные» во времена СССР.

Позиция КНР

КНР приняла достаточно предсказуемую позицию в отношении кризиса в Венесуэле и его вариаций, формулировки которой ею устойчиво применяются практически во всех аналогичных случаях. Устами представителей МИД Китая Пекин заявил, что кризис власти в БРВ — ее внутреннее дело, он должен разрешаться путем мирных переговоров внутри страны, без вмешательства извне и в полном соответствии с Конституцией Венесуэлы и Уставом ООН.

«Перевыборы» председателя Национальной ассамблеи Венесуэлы в январе 2020 г. не сдвинули с места проблему двоевластия в стране, поскольку Х. Гуайдо и провозгласивший себя новым главой парламента Л. Парра (поддержанный Н. Мадуро) приводили, пожа-

луй, равновесные доводы в пользу своей легитимности, и никто из них не уступил. Напомним, что глава Национальной ассамблеи согласно Конституции страны является и временным президентом Венесуэлы в случае выбытия постоянного президента или же если его полномочия ставятся под сомнения.

Запад и большинство стран Латинской Америки (ЛА) опять заявили о поддержке Х. Гуайдо. Россия ожидаемо выступила против. А вот Китай, хотя и подчеркнул, что он выступает против любого внешнего вмешательства во внутренние дела Республики, однако призвал все стороны политического кризиса в Венесуэле и государства, поддерживающие их, «сосредоточиться на благе народа Венесуэлы и содействовать установлению стабильности в стране» [РИА Новости]. Таким образом, открытой поддержки Л. Парра со стороны Китая не последовало.

Обтекаемость и миролюбивость формулировок — это вообще традиционный дипломатический стиль Пекина.

Подчеркнем, что Китаю определенно есть, что терять в Венесуэле, ибо с 2007 г. КНР выделила этой латиноамериканской стране 17 займов в общем объеме от 62 до 70 млрд долл. (в зависимости от источника информации). В основном кредиты пошли на усовершенствование объектов добычи и предоплату за поставки нефти в Китай.

На КНР приходится около 25 млрд долл. из примерно 135-миллиардного внешнего долга Венесуэлы, что делает ее крупнейшим кредитором этой страны (см., в частности: [Крупнейшим кредитором Венесуэлы стал Китай, а не Россия]). А с заключением 28 новых соглашений в сентябре 2018 г. долг Венесуэлы КНР в обозримой перспективе возрастет до 28 млрд долл. [Того]. Венесуэла расплачивается по долгам с Китаем поставками нефти, не обладая какими-либо иными ресурсами, достаточными для погашения задолженности перед КНР. Посему можно утверждать, что в настоящих условиях долг Венесуэлы может стать вообще не выплачиваемым (“bad debt, deuda mala”), ибо снижение добычи нефти в стране в силу внутренних политико-экономических причин ныне дополнилось общим падением мировых цен на «черное золото» из-за пандемии COVID-19.

Согласно соответствующему китайско-венесуэльскому соглашению, государственный нефтяной монополист БРВ — *Petroleos de Venezuela Sociedad Anonima* (PDVSA) отправляет с 2008 г. сырую нефть в КНР в счет погашения венесуэльских долгов перед Китаем. Документ предусматривает, что объемы поставок нефти в КНР «ни при каких условиях» не могут быть менее 100 тыс. барр. в день. При этом Соглашение заложило и ключевое финансовое условие: чем выше цена на нефть-сырец, тем меньшие объемы подлежат отгрузке и наоборот (приводится по [Figueroa]).

По состоянию на середину марта 2020 г., нефтепоставки Венесуэлы в Китай пока составляли примерно 350 тыс. барр. в день, причем шли они за счет разгрузки нефтехранилищ, а не добычи новой нефти, которая стремительно падает в БРВ еще с конца 2016 г.

Обвал цен на нефть, вызванный застойными явлениями в мировой экономике из-за пандемии COVID-2019, заставляет Венесуэлу не только продавать свою нефть с большим дисконтом, и так имевшим место из-за нежелания покупателей иметь дело с PDVSA, находящейся под американскими санкциями, но и затрудняет поиск покупателей как таковых¹. Покупатели сейчас имеют возможность выбирать наиболее выгодного поставщика. Так, индийские НПЗ уже отменили контракты на покупку венесуэльской нефти не только из-за давления со стороны США, но и возможности найти более прибыльный путь нефтезакупок (см. [Figueroa]).

Надо отметить, что в условиях пандемии коронавируса правительство Венесуэлы обратилось к США с просьбой снять санкции, однако Вашингтон не пошел на это, утверждая, что санкции не распространяются на поставки лекарств и медицинского оборудования. Тогда Венесуэла обратилась за кредитом в размере 5 млрд долл. на

---

¹ Н. Мадуро заявляет, что причина экономического кризиса в Венесуэле — это санкции, наложенные США. В январе 2019 г. администрация Трампа ввела санкции против PDVSA и заморозила ее счета на 7 млрд долл., лишив страну самого важного источника доходов. (Углеводороды приносят стране 90 % валютных доходов и половину внутреннего бюджета страны [Алексеева Н.]). Это так, но обвал экономики страны начался задолго до санкций — с 2013 г., совпавшим по времени с резким падением мировых цен на нефть.

цели борьбы с коронавирусом в МВФ, который тоже отказал Каракасу под предлогом «непонятного статуса Н. Мадуро» [Педанов].

При таких обстоятельствах становится весьма сомнительной способность Н. Мадуро и впредь удерживать социально-политическую ситуацию в стране, и это сильно бьет по позициям властей. Однако Китай вряд ли откажется от сотрудничества с действующим режимом. Кризис приходит и уходит, а китайские интересы в Венесуэле отличаются особой долгосрочностью: Венесуэла — крупнейший в Латинской Америке получатель китайских инвестиций (более 50 % капиталовложений КНР в ЛА) [Лихачев].

Венесуэла интересна КНР и как импортер продукции ВПК. В 2017 г. прошла информация, что Венесуэла закупила у Китая 150 бронетранспортеров и оснащение для Национальных вооруженных сил [Romero]. К настоящему времени БРВ получает из Китая оружия на 630 млн долл. [Дудаков]. Намерение и дальше зарабатывать на экспорте продукции высоких переделов, включая продукцию ВПК, может быть расстроено приходом к власти в Венесуэле проамериканского правительства. Тем не менее, Пекин предпочитает не вести линию на «лобовое» внедрение в жизнь Венесуэлы, чем порой отличаются Куба и порой РФ. Пекин явно надеется сберечь китайские материальные активы и кооперационные позиции в Венесуэле даже в случае смены власти. Так, проходила информация, что уже с 2016 г. — времени резкого обострения хозяйственной ситуации в Венесуэле, Пекин стал искать контакты с оппозицией для прояснения перспектив его собственности в стране. А с развертыванием кризиса власти в начале 2019 г. факт обсуждения ситуации со всеми сторонами внутривенесуэльского конфликта уже открыто и не раз подтверждался китайской стороной. Например, спикер МИД Китая Гэн Шуан заявил, что «мы по различным каналам поддерживаем тесные контакты со всеми заинтересованными сторонами — мы готовы к сближению с ними ради продвижения переговорного процесса (между политически противоборствующими сторонами в Венесуэле)» и что, как бы ни развивалась ситуация, сотрудничество Китая и Венесуэлы не должно быть ущемлено [В МИД Китая заявили...] (см. также [Que intereses tiene China...]).

Такая конформистская линия Пекина диктуется, видимо, и тем, что КНР учитывает позицию подавляющего большинства латиноамериканских стран, поддерживающего Х. Гуайдо. Китай не хочет перессориться с Латинской Америкой, особенно в свете планов по распространению его инициативы «Пояс и путь» (ИПП) на этот континент, и надеется сохранить незатронутым свой потенциал влияния в регионе. Немаловажно и то, что Пекин дорожит репутацией в такой уважаемой части развивающегося мира, как ЛА. Поддержка одиозного для большинства государств континента режима Мадуро может причинить Китаю ощутимые имиджевые потери.

Обосновывая свою «мягкую» позицию в отношении оппозиционных сил в Венесуэле, Пекин устами спикеров МИД подчеркивал, что проекты и планы КНР в латиноамериканской стране — это механизмы экономических отношений не между конкретными правительствами, а между странами и народами.

Еще одним важным фактором, обуславливающим специфику линии КНР в отношении Венесуэлы, видимо, является присутствие в стране многочисленной китайской диаспоры. Проходила информация, что десятки тысяч китайцев вернулись на историческую родину, избегая экономических проблем и опасности скатывания ситуации в Венесуэле к насилию [He Huifeng]. Логично предположить, что Пекин намерен устранить риски для китайцев, предотвратить их массовый исход на родину, особенно в период пандемии, и потому — препятствовать развитию ситуации по чрезвычайному сценарию.

Следует отметить, что если в случае прихода к власти в Венесуэле антимадуровского правительства Китаю удастся максимально возможным образом сохранить свои политико-экономические позиции, то это заметно снизит потенциал России как конкурента за природные ресурсы и влияние в Латинской Америке. В Венесуэле уже имеет место прямое столкновение экономических интересов РФ и Китая: с недавних пор Россия «уводит» на себя часть венесуэльской нефти, пригодной для поставки в Китай. РФ транспортирует тяжелую нефть компании PDVSA в Сингапур для ее «апгрейда» [Figueoa]. А будет ли новое правительство в Венесуэле соблюдать условия контрактов, заключенных Москвой при Мадуро? Россия —

не Китай: она не пошла на переговоры с оппозицией, и это ей вряд ли простят.

Х. Гуайдо пообещал сохранение всех венесуэльско-китайских контрактов и проектов, чего он не сделал в отношении РФ, заявив, что в силе останутся только те контракты с Россией, которые имеют легитимную основу. А ведь согласно Конституции Венесуэлы, все контракты с иностранным участием, обладающие общественной значимостью, подлежат утверждению не только президентом страны, но и ее парламентом (Национальной ассамблеей), а это в случае РФ (да и КНР) часто не делалось. Даст ли новая власть легитимизировать российские контракты или нет — большой и серьезный вопрос.

Позиция России

Официальная позиция РФ по венесуэльскому кризису во многом совпадает с китайской, за исключением двух отличий. Москва сразу объявила самопровозглашение Х. Гуайдо и.о. президента попыткой государственного переворота, а также отметила, что во многом кризис был инспирирован извне [Захарова...]. И Россия сразу признала Л. Парра как нового главу парламента Венесуэлы. Как уже указывалось, Китай не был столь категоричен.

Основные устремления России в Венесуэле сначала были связаны практически только с нефтью. Немалую роль сыграл и личностный фактор — фигура главы «Роснефти» И. Сечина, проявившего особую симпатию к лидерам-чавистам.

Как и Китаю, России есть, что терять. «Роснефть» заключила контракт PDVSA о добыче нефти в БРВ на общую сумму в 20 млрд долл. А одна только *Petromonagas* — СП «Роснефти» с PDVSA обеспечивала 10 % всей получаемой в Венесуэле нефти [Дудаков].

Также «Роснефти» принадлежали 2 газовых месторождения в Венесуэле. Кроме *Petromonagas*, «Роснефть» участвовала в следующих СП с PDVSA: проект Карабобо-2,4 (СП PetroVictoria) CVP (дочернее предприятие PDVSA) (60 %), ОАО «НК «Роснефть» (40 %), проект Junin-6 (СП PetroMiranda) CVP (дочернее подразделение

PDVSA) (60 %), ООО «ННК» — 40 %, СП Voqueron CVP (дочернее предприятие PDVSA) (60 %), ОАО «НК Роснефть» (26,67 %), ОМВ (13,33 %), СП Petroperija CVP (дочернее предприятие PDVSA) — 60 %, ОАО «НК Роснефть» — 40 % [Фокин; Пресс-релиз компании «Роснефть»].

С 2006 г. Россия предоставила займов и кредитов Венесуэле на 17 млрд долл. Большая часть долга была уже погашена за счет нефтепоставок. Осталось погасить еще примерно 7 млрд долл. Из них половина — это долг PDVSA перед «Роснефтью» и еще половина — долг российскому государству [Дудаков].

Нефтяные интересы РФ сосредоточены в бассейне Ориноко на севере страны, где расположены огромные залежи «тяжелой» нефти. «Роснефть» участвовала в ее добыче, в том числе используя свои технологии, ибо «тяжелые» сорта нефти нуждаются в «апгрейде» на НПЗ если не на территории России, то в Индии и на принадлежащем Роснефти НПЗ в Германии. Это непростая, но довольно выгодная схема, для продвижения которой в экономику Венесуэлы Россия инвестировала около 6 млрд долл. [Деготькова].

Рост российского кредитования Венесуэлы наблюдался вплоть до недавнего времени. Так, «Роснефть» в 2018 г. выдала PDVSA кредит в 6,5 млрд долл., который также выплачивается нефтепоставками. Хотя по кредиту есть обеспечение — 49,9 % в *Citgo*, дочерней структуре PDVSA, которая занимается переработкой венесуэльской нефти в США, а также владеет долями в ряде НПЗ и сетью АЗС, однако в 2018 г. суд Делавэра арестовал эту долю в *Citgo* по иску кредиторов PDVSA. Поэтому возможность для «Роснефти» получить залог оказалась проблематичной. Тем не менее, по заявлению представителя «Роснефти», поставки нефти в счет долга PDVSA в 2019 г. шли «в графике» [Барсуков].

Для многих стало неожиданностью то, что в самом конце марта 2020 г. «Роснефть» объявила о прекращении деятельности в Венесуэле и продаже всех своих активов в стране. Также стало известно, что их приобретателем стало Правительство России.

Этот шаг на Западе поспешили объяснить взлетом рисков для «Роснефти» в связи с трудностями переговоров РФ с нефтепроизводителями в рамках структуры ОПЕК+, а также усугублением ситуа-

ции с добычей и ценами на нефть — главный экспортный продукт и источник валютных поступлений Венесуэлы (99 %). Утверждалось, что выход России из ОПЕК+ роковым образом отразится на режиме Мадуро, ибо поддержка Венесуэлы со стороны РФ и Китая будет слабеть. Москве-де надо решать собственные проблемы с наполняемостью бюджета, а Пекин занят попытками договориться с Вашингтоном о снятии пошлин (приводится по: [FT: Обрушивая цены на нефть...]).

Высказывается мнение, что контрактеры-нефтепроизводители потеряют интерес к венесуэльской нефти, поскольку затраты на добычу превысили ее среднюю продажную цену, которая продолжает падать. Именно там, где добывают нефть совместные с Венесуэлой предприятия России и Китая (бассейн Ориноко с его тяжелой нефтью), стоимость добычи составляет 27 и даже 34 долл. за барр. [Figureoа], в то время как венесуэльская нефть ныне торгуется за 5—10 долл. за барр.

Компании с российским участием реально столкнулись с рисками масштабных убытков, ибо на начало 2020 г. они контролировали более 70 % добываемой в Венесуэле нефти (помимо «Роснефти» участниками нефтяных проектов были и «Газпром нефть», а также международное торговое подразделение «Лукойла» *Litasco*). «Роснефть» (и китайская *CNPC*) управляла месторождениями, покупая доли в предприятиях *PDVSA*, тем самым оказывая ей поддержку [Злобин].

В целом, резкое падение стоимости на венесуэльскую нефть сначала было вызвано американскими санкциями и неквалифицированным администрированием нефтересурсов БРВ, а сейчас — ценовой «войной» между Саудовской Аравией и Россией, простимулированной пандемией COVID-19. Проблема усугубляется нехваткой нефтехранилищ в Венесуэле и некачественным техобслуживанием добычных объектов.

Тем не менее, принимая на себя активы и обязательства «Роснефти» (включая доли в добычных и нефтесервисных предприятиях и торговых операциях), Правительство РФ сделало весьма значимый шаг. С одной стороны оно подставило плечо И. Сечину, а с другой — получило основание защищать государственную собственность России в случае возникновения такой необходимости. Уже

высказываются мнения о том, что нападение на Венесуэлу со стороны США или иных антимадуровских сил теперь может расцениваться как нападение на Россию. Таким образом, в период пандемии РФ подняла свой флаг не только в Италии, но и в Венесуэле [Филатов]. Это прибавляет международного веса России, но при этом — повышает степень интернационализации венесуэльского кризиса.

Венесуэла ценна РФ и как покупатель продукции высоких переделов, ибо не так уж много стран, в которых структура российского экспорта складывается в пользу готовой продукции. РФ экспортирует в Венесуэлу товары химической промышленности, машины и оборудование, транспортные средства, ядерные реакторы, фотооптику, а вывозит в основном сельскохозяйственное сырье и продовольствие [Барсуков].

Венесуэла также ценна для РФ и как импортер продукции ВПК. Россия поставила Каракасу 36 истребителей Су-30МК, около 50 ударных и военно-транспортных вертолетов Ми-35М, Ми-17 и Ми-26, более 120 танков и самоходных артиллерийских установок (САУ), около 240 бронемашин, несколько десятков реактивных систем залпового огня (РСЗО) «Град» и «Смерч», средства ПВО — 3 зенитно-ракетных систем (ЗРС) С-300ВМК/«Антей-2500», 12 зенитных ракетных комплексов (ЗРК) «Бук-М2», 11 ЗРК «Печора-2М» и большое количество переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК) «Игла-С». Важными сделками стали сооружение завода по производству автоматов АК-103, а также центра по обслуживанию вертолетной техники [Российские интересы в Венесуэле].

Симпатии РФ к администрации Н. Мадуро объясняются и дипломатическими интересами Москвы. Так, Венесуэла — одна из немногих стран, признавших независимость Абхазии и Южной Осетии и поддерживающих практически все внешнеполитические подходы РФ, включая крымский, украинский и сирийский вопросы.

Еще в 2015 г. министром обороны РФ была достигнута договоренность об упрощенном порядке захода в порты Венесуэлы и формировании там пунктов материально-технического обеспечения российских военных судов [Яковлев]. Это засвидетельствовало намерение России отслеживать стратегическую обстановку в акваториях, близких к водам США.

Россия (как и Китай) учитывает близость побережья Венесуэлы к Панамскому каналу и морским путям между карибскими островами. Если будет построен и Никарагуанский канал, то наличие опорных точек ВМС РФ вблизи этих стратегических объектов станет еще более значимым.

Позиция США

Позиция США по венесуэльскому кризису обусловлена двумя основными обстоятельствами: стремлением сохранить свой потенциал как главного импортера и даже «распорядителя» венесуэльской нефти, а также спором с Пекином, Москвой и Гаваной о геополитическом влиянии на американском «заднем дворе». Для Д. Трампа важно дать понять Пекину и Москве, что их устремления в ЛА не должны пересекать некие «красные линии». США беспокоит размещение Китаем на авиабазе *Capitán Manuel Ríos* в Гуарико станции спутникового слежения, а также создание Россией кибер-активов на военно-морской базе *Antonio Díaz «Bandi»* на венесуэльском острове к северу от Каракаса [О китайских интересах...]. Да и откомандирование в Венесуэлу в декабре 2018 г. российских бомбардировщиков «Белый лебедь», а также двух самолетов с 35-тонным грузом, включая медикаменты, для правительства Н. Мадуро и 100 военнослужащими на борту в марте 2019 г. весьма обеспокоили Вашингтон [Silvera]. К тому же, США усматривают в правительстве Н. Мадуро угрозу безопасности в силу поддержки им кубинского руководства.

По мнению издания *The Wall Street Journal*, попытки администрации Д. Трампа отстранить от власти Н. Мадуро знаменуют собой начало новой стратегии по укреплению влияния Соединённых Штатов в Латинской Америке. В случае реализации планов Трампа в Венесуэле, дальнейшая активность Вашингтона будет нацелена на Кубу, а также на то, чтобы «ограничить недавние посягательства...со стороны России, Ирана и Китая» (Приводится по: [Сначала Венесуэла, потом Куба...]). А по словам Дж. Хумира, исполнительного директора Центра за безопасное свободное общество (*Center for a Secure Free Society*) «Россия и Китай используют Венесуэлу как прокси-кон-

фликт, чтобы бросить вызов США.... Россия и Китай используют свою экономическую поддержку для создания военно-промышленного присутствия в Венесуэле» (Приводится по: [О китайских интересах в Венесуэле]).

Что касается Кубы, то ее постепенный и вождеаемый Вашингтоном переход от авторитарной системы правления к демократическому (т. е. более дружественному США) режиму будет слишком долгим, если Куба продолжит получать венесуэльское топливо и нефть-сырец, до сих пор подпитывающие ее хозяйство. Куба получает из Венесуэлы примерно 50 тыс. барр. топлива и нефти в расчете на день, что составляет около трети всего ее потребления соответствующих наименований [Дудаков].

Кубинское правительство располагает заметными военными и разведывательными активами, пригодными для поддержания власти Н. Мадуро. На протяжении почти двух десятилетий Гавана оказывает Каракасу содействие в военной подготовке персонала и обмене разведанными. Служба внутренней безопасности Венесуэлы (SEBIN) тесно сотрудничает с Кубой по отслеживанию деятельности оппозиции [Venezuela's Friends and Foes...].

При этом США остаются крупнейшим торговым партнером для правительства Мадуро. Объем официального товарооборота между США и Венесуэлой по состоянию на 2019 г. достиг 15 млрд долл., из которых 11 млрд — американский импорт, практически полностью представленный нефтью [The Observatory of Economic Complexity].

На Вашингтон «работает» и тот факт, что в последние годы в ключевых странах ЛА пришли к власти президенты консервативного, а то и откровенно правого толка. А где у власти правые — там жди политического галса в сторону США. Так происходит в Аргентине, Колумбии, Перу, Чили, а главное — в Бразилии, нового президента которой Ж. Болсонару называют «латиноамериканским Трампом». В немалой степени «правая» власть в ЛА сужает политико-экономический маневр КНР и России и улучшает американские коммерческие позиции в регионе. Так, Трамп договорился с Ж. Болсонару об увеличении сельскохозяйственных поставок в Бразилию, что весьма значимо для позиций американского президента в глазах важной

части его избирателей — агрокорпораций и сограждан-фермеров, а также в свете торговых трений с Китаем.

Ситуация в Венесуэле важна для Вашингтона и потому, что растет число эмигрантов из этой страны, создающих социальные, политико-экономические и гуманитарные проблемы не только для государств-соседей (Колумбии и Бразилии), но и для США. Из 3,5 млн венесуэльских эмигрантов 70 тыс. получили статус беженцев в Соединенных Штатах [Donatti, Salama, Talley]. США и латиноамериканские страны опасаются роста бандитизма, наркотрафика и незаконной золото- и нефтедобычи, которые, по их мнению, сопряжены с вливанием потока венесуэльских эмигрантов в местные преступные группировки (См.: [Venezuela's Friends and Foes...]).

Как и Пекин и Москва, Вашингтон учитывает и выгодное геостратегическое положение Венесуэлы, близкое к карибским морским путям, а также к Панамскому каналу.

* * *

В свете всего вышеизложенного возникает вопрос: а что же дальше? Как будет развиваться кризис в Венесуэле и международная обстановка вокруг него?

Думается, что дальнейшее затягивание кризиса власти в Венесуэле — наиболее вероятный сценарий развития событий, ибо он выгоден всем. (Весьма симптоматично выступление индонезийского представителя в ООН Диан Трианся Джани (Dian Triansyah Djani), который в равной степени критиковал проекты резолюций, предложенных США и Россией в феврале 2019 г., назвав их «неполными» и «весьма политизированными». Ветирование обеих резолюций он назвал «коллективным провалом всех нас, сидящих за этим столом, потому что мы пришли сюда сегодня, зная, что не достигнем консенсуса». Он поставил под сомнение стремление членов СБ предпринять реальные усилия для достижения общей позиции, заявив, что его делегация «начинает думать, что диалог и переговоры здесь (в СБ ООН. — *Е.С.*) являются роскошью» (Приводится по: [Lissardy]). По-видимому, кризис в Венесуэле вскоре вызовет новую волну обсуждения проблемы реформирования ООН.

США вряд ли пойдут на обострение ситуации силовыми методами. У Трампа слишком много проблем внутри страны: это и противостояние с Конгрессом, особенно с его «младодемократическим» крылом, и коронавирус, и серия срывов на международной арене¹. Препятствием является и нежелание латиноамериканских стран видеть еще одно вторжение сил США на территорию континента. Пока большинство государств ЛА едины с США в стремлении отстранить от власти режим Мадуро, но это не значит, что они не возмущаются американским военным вмешательством. Латиноамериканский антигегемонизм — не миф, как и не миф само латиноамериканское единство.

Маловероятен и сценарий того, что США попытаются отстранить Мадуро руками Бразилии и/или Колумбии. Ныне латиноамериканцы не склонны вести внутрирегиональные войны. В новейшей истории континента были случаи противостояния движений, идеологических группировок, но не государств как таковых. К тому же в связи с пандемией COVID-19 в регионе обострились иные проблемы. Вопрос сбыта нефти актуализировался для всех латиноамериканских стран-нефтеэкспортеров, да и показатели смертности от коронавируса составили особую проблему (особенно в Бразилии, Перу, Чили и Эквадоре).

Можно предположить, что Вашингтон надеется на устранение власти Н. Мадуро руками национальной армии, как это было в Чили в 1973 г. Однако сейчас армия дружелюбна Мадуро, который ввел для нее весьма существенные политические, кадровые и экономические преференции, отдав ей «на откуп» целый ряд сфер деловой активности. Назначенный при Чавесе и Мадуро офицерский состав в подавляющем большинстве не обучался в США, он чужд североамериканскому стилю управления. Он «свой» для Ма-

---

¹ Провалившаяся попытка вторжения в Венесуэлу 3 мая 2020 г., как представляется, не была организована именно Вашингтоном: действовала вооруженная группа, нанятая, скорее всего, оппозиционными кругами внутри Венесуэлы, интересы которых совпали с амбициями предводителя наемников Дж. Гудро. Хотя отрицать то, что в Белом доме не знали об этой акции, тоже нельзя. Любые попытки расшатать режим Мадуро руками третьих сил отвечают американским интересам.

дуро не только в силу приказов и материального поощрения, но и по духу.

Кроме того, США просто выгодно «прокручивать» на своих счетах арестованную и/или подпавшую под санкции выручку Венесуэлы от экспорта нефти, не отдавая ее ни Мадуро, ни оппозиции. Да и зачем развязывать военные действия, если можно просто «удушить» мадуровскую Венесуэлу санкциями? Все это может служить симптомом того, что военного вмешательства США все-таки не будет.

Обострение венесуэльского кризиса невыгодно и России. Иначе ей пришлось бы идти на решительную поддержку Мадуро, что чревато немалыми экономическими, внешнеполитическими, имиджевыми (особенно в ЛА) да и «просто» военными потерями. Может ли РФ позволить себе затратную силовую операцию, да еще так далеко от дома? К тому же за счет спада нефтяного экспорта Венесуэлы РФ получила возможность увеличить собственные поставки контрагентам Каракаса, в том числе США.

И Китаю тоже не выгодно резкое развитие венесуэльских событий. Status quo позволяет ему не делать окончательного выбора в пользу той или другой оппонирующей стороны, не раздражать большинство стран Запада однозначной поддержкой Н. Мадуро, получать и далее от Каракаса нефть в счет погашения своих кредитов, а главное — не обострять отношения с США в их, пожалуй, наисложнейший период новейшего времени. Соображения имиджа и влияния КНР в Латинской Америке, столь тщательно и долго нарабатывавшихся Пекином, тоже диктуют ему осторожную линию поведения. ЛА особенно ценна ему сейчас — в связи с расширением планов ИПП.

В экономическом плане курс оппозиции, приди она к власти, наверняка будет нацелен на разгосударствление экономики и приватизацию основных госкомпаний, включая PDVSA. Вполне вероятно, что будут возвращены нефтяные корпорации из США, которые под давлением У. Чавеса ушли из страны в начале 2000-х [Дудаков]. Это, по сути, означает смену общественного строя, которая всегда сопряжена с новыми и сильными потрясениями.

Для Мадуро резкие повороты кризиса также маловыгодны. Нынешнее относительное «затишье» дает ему не только возможность

оставаться при власти, но и время перегруппировать силы. В будущем он, видимо, продолжит несиловое «выдавливание» Гуайдо из политической жизни, и это — наименее провокационный вариант.

Все вышесказанное наводит на мысль о том, что «межблоковая» борьба на земле Венесуэлы между оппозицией, США, колумбийскими и бразильскими силами, с одной стороны, и Мадуро, РФ и Кубой — с другой, — все же крайне маловероятный сценарий. И это внушает определенный оптимизм. Однако интересы «большой нефти» и стратегические устремления Китая, России и США рано или поздно обострят необходимость решения венесуэльского кризиса. Пандемия лишь отсрочила это время.

* * *

В заключение видится небесполезным привести ряд рекомендаций заинтересованным инстанциям.

Во-первых, автор настоятельно рекомендует воздержаться от участия в военной фазе операции по защите правительства Н. Мадуро, если таковая станет реальностью. Иначе Россия столкнется с высокими рисками утраты своих имиджевых и репутационных позиций не только в большинстве стран Латинской Америки, но в других частях развивающегося мира. Развивающиеся страны очень болезненно воспринимают вмешательство в их внутренние дела, тем более с применением силовых средств. Их в принципе трудно убедить в необходимости военного вмешательства, какие бы благовидные предлоги для него ни приводились (например, просьба правящих властей). Такова особенность менталитета многих наций, переживших в своей истории периоды колониального или полуколониального правления. К тому же Россия, похоже, сейчас не в том экономическом положении, чтобы взять на себя силовое сопровождение ситуации в Венесуэле. Глубоко внедрившись в проблему противостояния оппозиции и правительства, Россия может потерять больше, чем она имеет в этой латиноамериканской стране. А США в этом «помогут».

Во-вторых, продолжить практику предоставления гуманитарной помощи людям Венесуэлы, особенно в условиях пандемии

COVID-19. Это станет мощным шагом «мягкой силы» РФ и будет по достоинству оценено в ЛА, если адресатом помощи России будет не правящий режим Венесуэлы, а ее народ.

В-третьих, следует продумать вопрос о путях коммуникации с независимой от Гуайдо, но авторитетной оппозицией. Здесь может быть полезным откомандирование в Венесуэлу хотя бы небольшой квалифицированной бригады медицинских консультантов, что облегчило бы поиск общего языка под лозунгом коллективной борьбы с коронавирусом. Например, кубинские врачи уже много лет работают в беднейших районах БРВ, а с началом пандемии в Венесуэлу было направлено еще 130 медиков. Россия же пока ограничилась поставками в БРВ 10 тыс. тестовых наборов и медицинского оборудования [Педанов]. Помощь Венесуэле в борьбе с пандемией оказывают Китай, ЮНИСЕФ и Панамериканская организация здравоохранения. КНР направила в Венесуэлу группу медицинских экспертов и поставила 4 тыс. тестовых наборов, лекарства, реагенты, оборудование для санитарной защиты и очистители воздуха. Однако венесуэльские медики сетуют, что получаемой гуманитарной помощи не хватает для успешной борьбы с коронавирусом. Наблюдается острый дефицит средств биобезопасности, дезинфекции и даже мыла [Fernández].

В-четвертых, если контакт с оппозицией удастся установить, то воспользоваться им для выяснения судьбы российских активов в Венесуэле в случае смены ее правительства (как это уже делает Пекин в отношении своих проектов и контрактов). Руководствоваться тем принципом, что все российско-венесуэльские договоры и соглашения — это компоненты экономических отношений не между режимами/правительствами, а между суверенными государствами — субъектами международных отношений, поэтому они не должны зависеть от изменений внутренней политической обстановки на конкретной «земле».

Принципиальность России в ее поддержке Н. Мадуро достойна уважения, как и верность данному ею слову, однако необходимость учитывать интересы нашей страны с точки зрения ее экономического положения и регионального присутствия требует первоочередного признания.

Библиографический список

Алексеева Н. Латиноамериканский «майдан»: почему Венесуэла погружается в хаос. URL: <https://russian.rt.com/world/article/381145-venesuela-akcii-protest-haos> (дата обращения: 20.09.2019).

Атасунцев А. Венесуэла: останется только Мадуро. URL: https://test.gazeta.ru/politics/2017/08/22_a_10853744.shtml (дата обращения: 25.03.2019).

Барсуков Ю. «Роснефть» уверена в Венесуэле. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3874591> (дата обращения: 20.09.2019).

В МИД Китая заявили, что поддерживают контакты с президентом и оппозицией в Венесуэле. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6067188> (дата обращения: 20.09.2019).

Деготькова И. Венесуэла предложила России свою нефть. URL: <https://www.mk.ru/economics/2019/03/01/venesuela-predlozhila-rossii-svoyu-neft.html> (дата обращения: 20.09.2019).

Дудаков М. Переворот в Венесуэле: как столкнулись интересы США, Китая и России. URL: <https://ruposters.ru/news/24-01-2019/perevorot-Venesuele> (дата обращения: 20.09.2019).

Захарова: венесуэльцы должны решать проблемы через диалог, без вмешательства извне. URL: <https://tass.ru/politika/4217393> (дата обращения: 20.09.2019).

Злобин Андрей. США заявили о переходе 70 % добываемой в Венесуэле нефти под контроль России. URL: <https://www.yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Fnewsroom%2Fbiznes%2F390763-ssha-zayavili-o-perehode-70-do-buvaemoy-v-venesuele-nefti-pod-kontrol-rossii> (дата обращения: 21.04.2020).

Крупнейшим кредитором Венесуэлы стал Китай, а не Россия. URL: https://tsargrad.tv/news/krupnejshim-kreditorom-venesujely-stal-kitaj-a-ne-rossija_180453 (дата обращения: 20.09.2019).

Лихачев Владимир. Гибкий, но негибаемый Китай. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibkiy-no-nesgibaemyy-kitay/?sphrase_id=35910508 (дата обращения: 21.04.2020).

МИД Китая призвал США прекратить вмешательство в дела Венесуэлы. URL: https://ria.ru/20200330/1569341062.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 21.04.2020).

О китайских интересах в Венесуэле. URL: <https://tehnovar.ru/97050-o-kitajskih-ih-interesah-v-venesujele.html> (дата обращения: 20.09.2019).

Педанов Евгений. Венесуэла: Политические разногласия уходят на второй план. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25826> (дата обращения: 21.04.2020).

Пресс-релиз компании «Роснефть» от 20.02.2016. URL: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/180619> (дата обращения: 20.09.2019).

Российские интересы в Венесуэле. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3861747> (дата обращения: 20.09.2019).

Сначала Венесуэла, потом Куба: план США о снижении влияния России и КНР. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2019/01/31/snachala-venesuela-potom-kub-a-plan-ssha-o-snizhenii-vliyaniya-rossii-i-knr> (дата обращения: 20.09.2019).

Филатов Сергей. Нефть в Венесуэле — теперь собственность Правительства России. URL: <https://newsland.com/user/4297834742/content/neft-v-venesuеле-ter-er-sobstvennost-pravitelstva-rossii/7073859> (дата обращения: 21.04.2020).

Фокин А. Что сейчас на самом деле происходит в Венесуэле и почему это важно для России. URL: <https://www.kp.ru/daily/26949.5/4001241> (дата обращения: 21.03.2019).

Яковлев П. Россия и Латинская Америка на фоне западных санкций. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/rossija_i_latinskaja_amerika_na_fone_zapadnyh_sankcij_2015-03-10.htm (дата обращения: 20.09.2019).

FT: Обрушивая цены на нефть, Россия забыла о Венесуэле. URL: https://topcor.ru/13539-ft-obrushivaya-ceny-na-neft-rossija-zabyla-o-venesujele.html?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 21.04.2020).

Donati Jessica, Salama Vivian, Talley Ian. Push to Oust Venezuela's Maduro Marks First Shot in Plan to Reshape Latin America. URL: <https://www.wsj.com/article/s/u-s-push-to-oust-venezuelas-maduro-marks-first-shot-in-plan-to-reshape-latin-america-11548888252> (accessed: 20.09.2019).

Fassihi Farnaz. Venezuela's Maduro Government Forms U.N. Coalition Against Foreign Interference // Wall Street Journal. 14.02.2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/venezuelas-maduro-government-forms-u-n-coalition-against-foreign-interference-11550191765?mod=searchresults&page=1&pos=2> (accessed: 19.09.2019).

Fernández Herminia. La ayuda humanitaria recibida por Venezuela es insuficiente para afrontar el COVID-19. URL: <https://www.france24.com/es/20200427-ayuda-humanitaria-venezuela-insuficiente-afrontar-covid19> (accessed: 30.04.2020).

Figueroa Ahiana. Venezuela obligada a enviar más barriles a China por caída de precios del petróleo // Talcual (Caracas). 09.03.2020. URL: <https://talcualdigital.com/venezuela-enviara-mas-barriles-a-china-por-caida-de-precios-del-petroleo> (accessed: 28.03.2020).

He Huifeng. As Venezuela implodes, so do the dreams of thousands of fleeing Chinese // South China Morning Post. 14.08.2017. URL: <https://www.scmp.com/news/china/economy/article/2102922/venezuela-implodes-so-do-dreams-thousands-fleeing-chinese> (accessed: 20.09.2019).

Lissardy Gerardo. Crisis de Venezuela: qué significa el veto de Rusia y China a la resolución de EE.UU. en el Consejo de Seguridad de la ONU. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-47411480> (accessed: 20.09.2019).

Qué intereses tiene China en Venezuela y por qué tiene tanto que perder // El Nacional (Caracas), 14.02.2019.

Romero Arianna. Llegaron a Puerto Cabello 150 tanquetas comprados por la GN a China #8Jun. URL: <http://www.diariocontraste.com/2017/06/llegaron-a-puerto-cabello-150-tanquetas-comprados-por-la-gn-a-china-8jun/#> (accessed: 20.09.2019).

Silvera Camila. ¿Neo Guerra Fría? Los intereses que Rusia, China y EEUU tienen en Venezuela // El Observador. 30.01.2019 (Montevideo, Uruguay). URL: <https://www.elobservador.com.uy/nota/-neo-guerra-fria-los-intereses-que-rusia-china-y-eeu-u-tienen-en-venezuela-201912918597> (accessed: 02.04.2019).

The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/country/ven/> (accessed: 02.04.2020).

Toro Magaly. China y Venezuela firman 28 acuerdos de cooperación. Deuda de Venezuela con China subió de \$23.000 a \$28.000 millones // El Universal (Caracas). 15.09.2018. URL: <http://www.eluniversal.com/economia/20689/china-y-venezuela-firman-28-acuerdos-de-cooperacion> (accessed: 20.09.2019).

Venezuela's Friends and Foes Square Off Over Maduro. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/venezuelas-friends-and-foes-square-over-maduro-cuba-us-russia-china> (accessed: 20.09.2019).

References

Alekseeva, N. (2017). Latinoamerikanskij «majdan»: pochemu Venesuela pogru-zhaetsya v haos [Latin American “Maidan”: why is Venezuela plunging into chaos?]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/381145-venesuela-akcii-protest-haos> (accessed: 20 September, 2019). (In Russian).

Atasuncev, A. (2017). Venesuela: ostanetsya tol'ko Maduro [Venezuela: only Maduro will stay]. URL: https://test.gazeta.ru/politics/2017/08/22_a_10853744.shtml (accessed: 25 March, 2019). (In Russian).

Barsukov, Yu. (2019). «Rosneft» uverena v Venesuele [Rosneft is confident in Venezuela]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3874591> (accessed: 20 September, 2019). (In Russian).

Degot'kova I. (2019). Venesuela predlozhila Rossii svoyu neft' [Venezuela has offered Russia its oil]. URL: <https://www.mk.ru/economics/2019/03/01/venezuela-predlozhila-rossii-svoyu-neft.html> (accessed: 20 September, 2019). (In Russian).

Donatti, Jessica; Salama, Vivian; Talley Ian (2019). US Push to Oust Venezuela's Maduro Marks First Shot in Plan to Reshape Latin America. URL: <https://www.wsj.com/articles/u-s-push-to-oust-venezuelas-maduro-marks-first-shot-in-plan-to-reshape-latin-america-11548888252> (accessed: 20 September, 2019).

Dudakov, M. (2019). Perevorot v Venesuele: kak stolknulis' interesy SShA, Kitaya i Rossii [The coup in Venezuela: how the interests of the United States, China and Russia collided]. URL: <https://ruposters.ru/news/24-01-2019/perevorot-Venesuele> (accessed: 20 September, 2019). (In Russian).

Fassihi, Farnaz (2019). Venezuela's Maduro Government Forms U.N. Coalition Against Foreign Interference, Wall Street Journal, 14 February, 2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/venezuelas-maduro-government-forms-u-n-coalition-against-foreign-interference-11550191765?mod=searchresults&page=1&pos=2> (accessed: 20 September, 2019).

Fernández, Herminia (2020). La ayuda humanitaria recibida por Venezuela es insuficiente para afrontar el COVID-19. URL: <https://www.france24.com/es/20200427-ayuda-humanitaria-venezuela-insuficiente-afrontar-covid19> (accessed: 30 April, 2020).

Figuroa, Ahiana (2020). Venezuela obligada a enviar más barriles a China por caída de precios del petróleo, *Talcual (Caracas)*, 9 Marzo. URL: <https://talcualdigital.com/venezuela-enviara-mas-barriles-a-china-por-caida-de-precios-del-petroleo> (accessed: 28 March, 2020).

Filatov, Sergey (2020). Neft' v Venesuele — teper' sobstvennost' Pravitel'stva Rossii [Oil in Venezuela is now the property of the Russian Government]. URL: <https://newsland.com/user/4297834742/content/neft-v-venesuele-teper-sobstvennost-pravitelstva-rossii/7073859> (accessed: 21 April, 2020). (In Russian).

Fokin, A. (2019). Chto sejchas na samom dele proiskhodit v Venesuele i pochemu eto vazhno dlya Rossii [What is really happening in Venezuela and why it is important for Russia]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26949.5/4001241> (accessed: 20 September, 2019). (In Russian).

FT: Obrushivaya ceny na neft', Rossiya zabyla o Venesuele [FT: by bringing down oil prices, Russia has forgotten about Venezuela]. URL: https://topcor.ru/13539-ft-obrushivaya-ceny-na-neft-rossija-zabyla-o-venesujele.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed: 21 April, 2020). (In Russian).

He Huifeng (2017). As Venezuela implodes, so do the dreams of thousands of fleeing Chinese, *South China Morning Post*, 14 August, 2017. URL <https://www.scmp.com/news/china/economy/article/2102922/venezuela-implodes-so-do-dreams-thousands-fleeing-chinese> (accessed: 20 September, 2019).

Krupnejshim kreditorom Venesuely stal Kitaj, a ne Rossiya [Now Venezuela's largest creditor is China, not Russia]. URL: <https://tsargrad.tv/news/krupnejshim-kredi>

torom-venesujely-stal-kitaj-a-ne-rossija_180453 (accessed: 20 September, 2019). (In Russian).

Likhachev, Vladimir (2019). China's Energy Policy: Flexible, but Unshakeable. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/china-s-energy-policy-flexible-but-unshakeable/> (accessed: 21 April, 2020).

Lissardy, Gerardo (2019). Crisis de Venezuela: qué significa el veto de Rusia y China a la resolución de EE.UU. en el Consejo de Seguridad de la ONU. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-47411480> (accessed: 20 September, 2019).

MID Kitaya prizval SShA prekratit' vmeshatel'stvo v dela Venesuely [The Chinese foreign Ministry called on the US to stop interfering in Venezuela's Affairs]. URL: https://ria.ru/20200330/1569341062.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (accessed: 21 April, 2020). (In Russian).

O kitajskih interesah v Venesuele [About Chinese interests in Venezuela]. URL: <https://tehnovar.ru/97050-o-kitajskih-interesah-v-venesujele.html> (accessed: 20 September, 2019). (In Russian).

Pedanov, Evgeniy (2020). Venesuela: Politicheskie raznoglasiya uhodyat na vtoroj plan [Venezuela: political differences fade into the background]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25826> (accessed: 21 April, 2020). (In Russian).

Press-reliz kompanii «Rosneft» ot 20.02.2016 [Press release of Rosneft Co. dated 20.02.2016]. URL: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/180619/> (accessed: 20 September, 2019). (In Russian).

Qué intereses tiene China en Venezuela y por qué tiene tanto que perder, *El Nacional (Caracas)*, 14 February, 2019.

Romero, Arianna (2017). Llegaron a Puerto Cabello 150 tanquetas comprados por la GN a China #8Jun. URL: <http://www.diariocontraste.com/2017/06/llegaron-a-puerto-cabello-150-tanquetas-comprados-por-la-gn-a-china-8jun/#> (accessed: 20 September, 2019).

Rossijskie interesy v Venesuele [Russian interests in Venezuela]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3861747> (accessed: 20 September, 2019). (In Russian).

Silvera, Camila (2019). ¿Neo Guerra Fría? Los intereses que Rusia, China y EEUU tienen en Venezuela?, *El Observador*, 30 January, 2019. (Montevideo, Uruguay). URL: <https://www.elobservador.com.uy/nota/-neo-guerra-fria-los-intereses-que-rusia-china-y-eeuu-tienen-en-venezuela-201912918597> (accessed: 20 September, 2019).

Snachala Venesuela, potom Kuba: plan SShA o snizhenii vliyaniya Rossii i KNR [First Venezuela, then Cuba: the US plan to reduce the influence of Russia and China]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/01/31/snachala-venesuela-potom-kuba-plan-ssha-o-snizhenii-vliyaniya-rossii-i-knr> (accessed: 20 September, 2019). (In Russian).

The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/country/ven/> (accessed: 2 April, 2020).

Toro, Magaly (2018). China y Venezuela firman 28 acuerdos de cooperacion. Deuda de Venezuela con China subio de \$23.000 a \$28.000 millones, *El Universal (Caracas)*, 15.09.2018. URL: <http://www.eluniversal.com/economia/20689/china-y-venezuela-firman-28-acuerdos-de-cooperacion> (accessed: 20 September, 2019).

V MID Kitaya zayavili, chto podderzhivayut kontakty s prezidentom i oppoziciej v Venesuele [The Chinese foreign Ministry said that it is in contact with President and opposition in Venezuela]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6067188> (accessed: 20 September, 2019). (In Russian).

Venezuela's Friends and Foes Square Off Over Maduro. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/venezuelas-friends-and-foes-square-over-maduro-cuba-us-russia-china> (accessed: 20 September, 2019).

Yakovlev, P. (2015). Rossiya i Latinskaya Amerika na fone zapadnyh sankcij [Russia and Latin America against the background of Western sanctions]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/rossija_i_latinskaja_amerika_na_fone_zapadnyh_sankcij_2015-03-10.htm (accessed: 20 September, 2019). (In Russian).

Zaharova: venesuel'cy dolzhny reshat' problemy cherez dialog, bez vmeshatel'stva izvne [Zaharova: Venezuelans should solve problems through dialogue, without external interference]. URL: <https://tass.ru/politika/4217393> (accessed: 20 September, 2019). (In Russian).

Zlobin, Andrey (2020). SShA zayavili o perekhode 70 % dobyvaemoy v Venesuele nefti pod kontrol' Rossii [The US announced the transition of 70 % of the oil produced in Venezuela under the control of Russia]. URL: <https://www.yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Fnewsroom%2Fbiznes%2F390763-ssha-zayavili-o-perekhode-70-dobyvaemoy-v-venesuele-nefti-pod-kontrol-rossii> (accessed: 21 April, 2020). (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10008

А.О. Виноградов, Р.К. Бижева

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ЕС ДО И ПОСЛЕ BREXIT

Аннотация. Статья посвящена развитию отношений Китая с Великобританией и ЕС в процессе и в результате Brexit.

В настоящее время европейский вектор во внешней политике является одним из приоритетных для Пекина. В частности, с 2014 г. наблюдается небывалая активность Китая в Европе. Одним из государств — членов Евросоюза, на котором сосредоточено внимание Пекина, является Великобритания, которую китайские компании рассматривали (и рассматривают) в качестве плацдарма для проникновения на европейский рынок, а сама КНР, развивая стратегическое сотрудничество с данной страной, получила возможность наращивать в Европе свое экономическое и финансовое влияние. Великобритания стала первой из европейских стран, присоединившихся к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций, созданному под эгидой руководства Китая. Она же в целом положительно отнеслась к инициативе «Один пояс, один путь», выдвинутой КНР в 2013 г., и создала первый вне азиатского региона китайский юаневый клиринговый центр. Великобритания также первой из зарубежных стран выпустила гособлигации в юанях.

Тем не менее объявленный в 2016 г. выход Великобритании из Евросоюза стал неприятной неожиданностью для Китая, так как он

потерял стратегического союзника внутри ЕС, в связи с чем ему пришлось корректировать свою европейскую политику.

Авторы рассматривают реакцию китайского руководства на выход Великобритании из Европейского Союза, а также предпринятые Китаем действия по изменению внешнеполитической стратегии на европейском направлении в новых условиях. Особое внимание уделяется мнению китайских экспертов в оценке перспектив отношений Китая с Великобританией и ЕС после Brexit.

В статье также анализируются принципиально важные в контексте данной работы результаты встреч лидеров государств — членов ЕС и Китая, соответствующие заявления и подписанные сторонами соглашения. Авторы делают заключения относительно того, какой политики придерживается Пекин в Европе и какие корректировки он в нее вносит.

Ключевые слова: Великобритания, Соединённое Королевство (СК), Китай, Европейский союз (ЕС), Brexit, США, международные отношения, инвестиции.

Авторы: Виноградов Андрей Олегович, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: vinandr@mail.ru

Бижева Регина Керимовна, бакалавр Школы востоковедения НИУ ВШЭ. E-mail: rkbizheva@edu.hse.ru

A.O. Vinogradov, R.K. Bizheva

Relations between China, the UK and the EU before and after Brexit

Abstract. The article is devoted to the development of China's relations with the UK and the EU in the process and as a result of Brexit.

Nowadays the European direction in the foreign policy is one of the priorities for Beijing. In particular, since 2014 there has been an unprecedented upsurge in the foreign policy activity of the People's Republic of China in Europe. One of the EU Member States on which Beijing has focused its attention is the United Kingdom, which Chinese companies consider as a springboard for penetrating the European market, while China itself, while developing strategic cooperation with this country, ac-

quires opportunity to increase its economic and financial influence in Europe. The United Kingdom has become the first EU country to join the Asian Infrastructure Investment Bank, established under the auspices of China. The UK generally gives positive consideration to the “One Belt, One Road” initiative, put forward by the PRC in 2013. Great Britain also opened the first clearing centre for the renminbi outside the Asian region and became the first foreign country to issue sovereign bonds in China's currency.

Nevertheless, the UK's withdrawal from the EU in 2016 became an unpleasant surprise for China, as it lost a strategic ally within the EU, and therefore had to adjust its European policy.

The authors consider the reaction of the Chinese leadership to the UK's exit from the European Union, as well as actions taken by China to change its foreign policy strategy in the European direction in new conditions. Special attention is paid to the opinion of Chinese experts assessing prospects of China's relations with the UK and the EU after Brexit.

The authors analyze results of meetings of the EU Member States and China leaders, relevant statements and signed agreements, which are fundamentally significant in the context of this article, and draw conclusions about what policy Beijing adheres to in Europe and what adjustments it makes to it.

Keywords: UK, China, UK (United Kingdom), EU, Brexit, USA, international relations, investment.

Authors: Andrey O. VINOGRADOV, Ph.D. (History), Assistant Professor, the Higher School of Economics of the National Research University (HSE); Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: vinandr@mail.ru;

Regina K. BIZHEVA, Bachelor at the HSE.
E-mail: rkbizheva@edu.hse.ru

Референдум 2016 г. о выходе Великобритании из Европейского союза пришелся как раз на тот период китайско-британских отношений, который был охарактеризован как «золотая эра» (см. [Виноградов, 2017]). Решение о выходе, судя по реакции китайских СМИ, явилось неожиданностью для Китая.

Китай с самого начала пытался «надавить» на британцев. Си Цзиньпин в 2015 г. во время переговоров с тогдашним премьер-министром Соединённого Королевства (СК) Д. Кэмероном специаль-

но затронул вопрос единства Евросоюза. Председатель КНР заявил, что надеется видеть ЕС единым и что Британия будет играть важную роль в содействии развитию отношений между Китаем и Евросоюзом [Ваймэй: Си Цзиньпин...]. Данное заявление было расценено западными СМИ как «косвенная просьба» к Великобритании остаться в составе Евросоюза [Xi Jinping tells David Cameron...].

Китайского лидера поддержали представители бизнеса. Миллиардер Ван Цзяньлинь — основатель китайской корпорации *Wanda Group* и крупный инвестор в Великобритании, во время своего визита в СК открыто предупредил, что если Великобритания выйдет из Евросоюза, то китайские компании могут рассмотреть вариант переноса своих европейских штаб-квартир в другое место [Инготоуоу чэнсуй цидун...].

Не скрывали своего отрицательного отношения к референдуму и некоторые китайские исследователи. К примеру, научные сотрудники АОН КНР в статье «Влияние Brexit на китайские инвестиции в Европу» прямо писали, что целью китайских инвестиций в Великобританию является не собственно британский рынок с 65 млн человек, а рынок ЕС с 500 млн человек. И поскольку Brexit приведет к росту протекционистских барьеров на пути британских товаров к рынку ЕС, привлекательность Великобритании для китайских инвесторов снизится [Ван Бицзюнь, Чжан Мин].

Тем не менее, инвестиционное сотрудничество продолжалось. В 2017 г. вышедший в отставку Д. Кэмерон возглавил созданный правительством Китая инвестиционный фонд в 750 млн ф. ст. (GBP). В 2018 г. состоялся первый после референдума визит премьер-министра Великобритании Т. Мэй в Китай, в ходе которого стороны заключили сделки более чем на 9,3 млрд GBP [Le Corre]. Тогда же лидеры двух стран обсуждали перспективы соглашения о свободной торговле. В 2017 г. Великобритания получила 63 % от всех китайских ПИИ, направленных в страны ЕС, став лидером по этому показателю. В 2018 г. доля Великобритании снизилась до 24 % (в 2,5 раза), но продолжала оставаться самой высокой в Европе [Chinese FDI in Europe...]. По словам Тин Чжан, одной из ведущих китайских бизнес-экспертов в Великобритании, инвесторы из КНР по-прежнему чрезвычайно заинтересованы в инвестировании в бри-

танские технологические компании, однако многие из них выжидают, что будет с Brexit [What do Chinese investors...].

В результате от некоторых планов, например, по инвестированию в строительство электростанции на севере Великобритании, китайцы вообще отказались [Le Corre]. Фокус внимания Пекина сместился в сторону других ключевых стран — членов Евросоюза.

В ноябре 2018 г. Си Цзиньпин посетил с государственными визитами Испанию (впервые за 13 лет) и Португалию (впервые за 8 лет). Целью визитов стало обсуждение совместной реализации Инициативы «Пояса и Пути» (ИПП).

Во время визита испанской газетой «ABC» была опубликована статья Си Цзиньпина «Широкими шагами вступаем в новую эпоху, совместно создаем новое великолепие», в которой говорилось, что Китаю и Испании необходимо поднять уровень их всестороннего стратегического партнерства и укрепить политическую основу двусторонних отношений, а также расширить обмен концепциями развития и содействовать сопряжению стратегий развития [Си Цзиньпин цзай сибанья...]. А после выступления Си Цзиньпина перед депутатами парламента председатель Сената Испании П. Гарсия-Эскудеро заявил, что «в этом году Китай стал партнером Испании самого высокого уровня, и двусторонние отношения вошли в наилучший исторический этап» [Си Цзиньпин выступил перед депутатами...].

Во время визита в Португалию Си Цзиньпин имел встречу с премьер-министром А. Коштой, во время которой заявил, что «Китай и Португалия входят в наилучший период двусторонних отношений в истории» и что «Китай хочет добиться вывода на новый уровень всесторонних отношений стратегического партнерства с Португалией». Кроме того, сторонам необходимо совместно добиваться еще больших практических результатов в рамках инициативы «Пояс и путь» [Си Цзиньпин встретился с премьер-министром...]. А. Кошта в ответ подчеркнул, что визит Си Цзиньпина имеет принципиальное историческое значение. По итогам переговоров стороны подписали межправительственный Меморандум о взаимопонимании по совместному продвижению ИПП, а также 17 документов о сотрудничестве

двух стран в сфере автомобилестроения, энергетики и финансов [В Португалии высоко оценивают...].

В 2019 г. Си Цзиньпин посетил с визитом Италию, Монако и Францию. В Италии стороны подписали Меморандум о взаимопонимании в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и планов сотрудничества в развитии транспортной инфраструктуры, сферы энергетики и телекоммуникаций, устранения препятствий на пути торговли и инвестиций, развития сотрудничества в сфере финансов [Factbox...].

Си Цзиньпин в ходе переговоров с премьер-министром Италии Дж. Конте заявил, что Китай будет укреплять сопряжение ИПП с итальянскими планами по строительству портов на севере страны и поощрению инвестиций [Си Цзиньпин провел переговоры...]. Итальянские официальные лица сообщали о том, что ожидается приток сотен миллионов евро от таких крупных китайских компаний, как *China Communications Construction Company*, благодаря чему может быть восстановлен исторически важный порт Триест, который предоставит китайским партнерам выгодные таможенные условия и более короткий путь транспортировки товаров в ЕС [A Forgotten Italian Port...]. Стороны также заключили около 30 сделок, 10 из которых были подписаны с итальянскими компаниями, а остальные — с министерствами и государственными органами [Italy signs deals...].

Планы Китая и Италии вызвали недовольство со стороны руководства Европейского союза. Европейская комиссия заявила, что настаивает на более жесткой линии в отношении Китая и предупреждает, что Европе необходимо «полное единство», чтобы справляться с экономическими и технологическими вызовами со стороны КНР [EU demands tougher action...]. Комиссар ЕС Г. Оттингер выразил свою обеспокоенность тем, что в Италии и других европейских странах объекты стратегической важности, включая энергосети, скоростные железнодорожные магистрали и морские порты, переходят из рук европейцев в руки китайцев [Виноградов, 2019].

Перед началом визита председателя КНР во Францию ведущей французской газетой «Фигаро» была опубликована статья Си Цзиньпина «Продолжаем плечом к плечу идти вперед по пути совместного

развития», в которой подчеркивалось, что Китай и Франция являются «особыми друзьями» и взаимовыгодными партнерами. Министр иностранных дел Франции Ж.-И. Ле Дриан заявил, что данный визит «знаменует начало нового этапа в двусторонних отношениях» [Обзор: Визит Си Цзиньпина...].

Во Франции председатель КНР встречался с президентом Э. Макроном и специально прилетевшими для встречи с Си Цзиньпином канцлером ФРГ А. Меркель и председателем Еврокомиссии Ж.-К. Юнкером [Виноградов, 2019]. По-видимому, Франция, помня печальный пример Италии, не хотела подвергнуться критике со стороны ЕС, и трое лидеров, собравшись вместе, продемонстрировали единство западных стран. Но это не помешало Франции заключить с Китаем 15 коммерческих сделок на общую сумму около 40 млрд евро, включая заказ на 300 самолетов Airbus [France seals multi-billion ...].

На наш взгляд, эти визиты председателя КНР во многом явились реакцией Китая на выход Великобритании из ЕС. Таким образом, Brexit внес существенные коррективы в стратегические планы КНР в Европе. Китай по-прежнему пытается получить выгоду от сотрудничества с Великобританией по линии торговли и инвестиций в технологический и финансовый сектор. Соединённое Королевство остается для КНР важным звеном в китайско-европейском экономическом партнерстве, однако его роль как страны, поддерживавшей китайские инициативы в ЕС, постепенно сводится на нет. В связи с этим Китай перестраивает свои планы, пытаясь найти себе других влиятельных контрагентов в ЕС, тем более, что сотрудничество КНР с отдельными странами — членами Евросоюза продвигается успешно.

Влияние Brexit на отношения между Китаем и Великобританией

Большая часть китайских экспертов и исследователей склоняются к мнению, что после выхода Великобритании из ЕС ее экономика ослабнет и это заставит Лондон больше прислушиваться к Ки-

таю. По словам профессора Ли Даокуя из университета Цинхуа, КНР является одним из самых важных развивающихся рынков в мире, поэтому зависимость Великобритании от китайского рынка будет расти [Фэн Чжунпин, с.4].

Некоторые китайские исследователи действительно отмечают, что двусторонняя торговля между Китаем и Великобританией даже может получить еще больший импульс. Хотя после референдума по Brexit обменный курс британского фунта снизился, вызвав нестабильность финансового рынка, доверие китайских инвесторов к сотрудничеству не поколебалось. Около 500 китайских компаний «обосновались» в Великобритании в таких сферах, как банковское дело, недвижимость, энергетика и технологии. При этом, структура китайско-британской торговли способствует высокой степени коммерческой взаимодополняемости двух стран, так как Китай поставляет в основном трудоемкую продукцию (одежду, товары повседневного спроса, в последние годы — электронику), а коммерческое преимущество Великобритании состоит в способности экспортировать инновационную, высокотехнологичную продукцию и финансовый капитал. В качестве примера можно привести 2018 год, когда общий объем товарооборота между Китаем и Великобританией превысил 82 млрд долл., увеличившись примерно на 12 % в годовом исчислении [Ху Жуйин, с. 27].

Помимо этого, китайские эксперты очень оптимистично настроены по поводу готовности Великобритании предоставить КНР статус рыночной экономики и даже снять эмбарго на поставки оружия (введенного после событий на Тяньаньмэнь в 1989 г., но так и не отмененного). По мнению профессора университета Хосэй в Японии Чжао Хунвэя, Китаю и Великобритании после Brexit необходимо продолжать выстраивать особые отношения, что позволит СК, как уже отдельному государству в рамках ВТО, возглавить процесс предоставления Китаю статуса рыночной экономики. Также стороны могут подписать соглашение о зоне свободной торговли, и Brexit, возможно, поспособствует отмене оружейного эмбарго, так как теперь можно будет попробовать побудить Великобританию возглавить «борьбу с политической дискриминацией» в отношении Китая [Цзю сюэчжэ дяньпин...].

Стоит отметить, что авторы подобных оптимистических высказываний явно недооценивают влияние США на политику Великобритании.

Напомним, что в августе 2019 г. Великобританию с визитом посетил тогдашний советник по национальной безопасности США Дж. Болтон, который заявил, что США «с энтузиазмом» поддержат Brexit без подписания Великобританией соглашения с Брюсселем. В этом случае США и Великобритания смогут заключить торговое соглашение, от которого выиграют обе страны [Donald Trump's adviser...]. И хотя Соединённое Королевство все-таки пошло на соглашение с Евросоюзом, месяцем позже США и СК подтвердили, что они заключат торговое соглашение после Brexit.

Выход Великобритании из ЕС крайне выгоден администрации Д. Трампа, так как страна становится более зависимой от Соединённых Штатов. И некоторые китайские эксперты отдают себе в этом отчет. Например, по мнению специалиста Чунъянского института финансовых исследований при Народном университете Китая Ло Сыи, Великобритания в любом случае совершит поворот не к Китаю, а к США. С географической точки зрения Великобритания находится между двумя крупнейшими экономиками мира — ЕС и США, а масштабы британской экономики не настолько велики, чтобы она была независимой от этих двух сторон. Британия может быть зависимой либо от США, либо от обеих [Ло Сыи: Ингтооу...]. При этом более ориентированная на Соединённые Штаты Великобритания не сможет сохранить независимость интересов в отношениях с Китаем.

В середине апреля 2020 г. бывший глава британской разведки Дж. Соэрс публично высказал мнение, что Китай скрыл раннюю вспышку коронавируса от остального мира и поэтому должен ответить за обман (ранее с такими же заявлениями выступал и глава Пентагона М. Эспер) [China concealed...]. На следующий же день глава МИД Великобритании Д. Рааб отметил, что Лондон в связи со вспышкой коронавируса и ее последствиями уже не сможет вести дела с Китаем «привычным образом». Великобритании необходимо будет «задать трудные вопросы о том, как это произошло и почему вспышку нельзя было остановить раньше» [It cannot be 'business...].

Теперь, если Евросоюзу и СК удастся заключить торговое соглашение, отношения между КНР и Великобританией будут зависеть еще и от того, насколько СК сохранит свою близость в экономической сфере к Евросоюзу.

Влияние Brexit на отношения между Китаем и Евросоюзом

Выход Великобритании из ЕС ослабляет сам Евросоюз как в плане международного влияния, так и экономики. Евросоюз теряет пятую по величине экономику мира, на чью долю приходится одна шестая часть ВВП всего Евросоюза. В то же время Великобритания является одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН и крупной ядерной державой, которая поддерживает «особые» отношения с США, что было довольно выгодно для всего ЕС. Великобритания всегда играла незаменимую роль в разработке и реализации политики безопасности ЕС. С выходом Великобритании снижение статуса и влияния Европейского союза будет неизбежным [Ху Жуйин, с. 27]. Такое ослабление Евросоюза непременно создаст возможности для большего сближения с Китаем.

Видный экономист-международник Ли Сяопэн отмечает, что Евросоюз сталкивается со следующей проблемой: когда его экономическое положение стабильное, страны вместе «богатеют», но если экономика слабеет, то страны-члены начинают заботиться сами о себе, что влечет за собой внутреннюю дезинтеграцию. Отсутствие «единого голоса» внутри Евросоюза привело к тому, что Италия и Франция самостоятельно начали заключать выгодные сделки с Китаем, чтобы помочь своим экономикам, а Китаю всегда проще выстраивать отношения не с Брюсселем, а с отдельными государствами Евросоюза. Поэтому, по мнению Ли Сяопэна, Европа станет более зависимой от Китая, так как без Великобритании у Брюсселя будет меньше «козырей» в переговорах с Пекином [Ли Сяопэн: Ин-гооу...].

Напомним, что европейская политика Китая является многоуровневой и многовекторной [Виноградов, 2016]. Помимо таких стран, как Италия, Франция, Испания и Португалия, у Китая в

партнерах есть еще и страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), взаимодействие с которыми осуществлялось в формате 16+1. В 2019 г. к этой группе государств официально присоединилась Греция (превратив формат в 17+1), и до того являвшаяся одним из активных проводников интересов КНР в Европе.

Таким образом, негативное влияние со стороны Brexit на европейский курс Пекина не стоит преувеличивать. Однако следует иметь в виду, что активность политики КНР вызывает серьезную обеспокоенность у Брюсселя, считающего, что «чрезмерное» сотрудничество отдельных европейских стран с Китаем подрывает единство Евросоюза. Так, в марте 2019 г. Европейская комиссия выпустила документ под названием «Китай-ЕС: стратегические перспективы», в котором Китай был назван экономическим соперником, отстаивающим собственное экономическое лидерство, а также системным конкурентом, продвигающим альтернативные модели управления [EU-China — A strategic outlook].

Библиографический список

В Португалии высоко оценивают результаты государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина // Жэньминь Жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/1207/c31520-9526225.html> (дата обращения: 29.04.2020).

Ван И рассказал о государственном визите Си Цзиньпина в Грецию и его участии в саммите БРИКС в Бразилиа // Жэньминь Жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/1116/c31520-9632761.html> (дата обращения: 04.05.2020).

Виноградов А.О. Европейское наступление Пекина // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 20—26.

Виноградов А.О. КНР — европейские страны: структура многостороннего сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 20—28.

Виноградов А.О. КНР — страны Европейского союза // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (ч. 1). С. 139—142. DOI: 10.31857/S013128120007135-9

Ли Кэцян принял участие в 8-й встрече лидеров Китая и стран Центральной и Восточной Европы // Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2019-04/13/c_137972653.htm (дата обращения: 04.05.2020).

Обзор: Визит Си Цзиньпина во Францию позволит вывести отношения двух стран на новую высоту — французские эксперты // Жэньминь Жибао. URL:

<http://russian.people.com.cn/n3/2019/0326/c31520-9560460.html> (дата обращения: 01.05.2020).

Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Португалии А. Коштой // Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2018-12/06/c_137653478.htm (дата обращения: 29.04.2020).

Си Цзиньпин выступил перед депутатами парламента Испании // Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2018-11/29/c_137638012.htm (дата обращения: 29.04.2020).

Си Цзиньпин и премьер-министр Греции К. Мицотакис посетили порт Пирей // Жэньминь Жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/1113/c31520-9631627.html> (дата обращения: 04.05.2020).

Си Цзиньпин провел переговоры с премьер-министром Италии Дж. Конте // Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2019-03/24/c_137918627.htm (дата обращения: 30.04.2020).

Эксклюзив: Греческо-китайские отношения вступили в новую эпоху — премьер-министр Греции К. Мицотакис // Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2019-11/09/c_138542568.htm (дата обращения: 04.05.2020).

Ваймэй: Си Цзиньпин бяотай ван Инго люцзай Оумэн чжансянь дуй гоцзи цзюйши юньчоу вэйво : [Иностранные СМИ: Си Цзиньпин выразил надежду, что Великобритания останется в ЕС, показав стратегический подход на международной арене] // Чжунго жибао. URL: http://world.chinadaily.com.cn/2015-10/24/content_22274930.htm (дата обращения: 27.04.2020). (На кит.яз.).

Ван Бицзюнь, Чжан Мин. Инготооу дуй Чжунго цзайоу тоуцзыдэ инсян : [Влияние Brexit на китайские инвестиции в Европу] // Синьхуа юэбао. 2016. № 15. (На кит.яз.).

Инготооу чэнсюй цидун! дуй Чжунго цзян чаньшэн цзюйдадэ инсян? : [Процедура Brexit запущена! Будет ли это иметь огромное влияние на Китай?] // Чжичэн. URL: <http://www.zhicheng.com/gj/cj/n/130526.html> (дата обращения: 27.04.2020). (На кит.яз.).

Ли Сяопэн: Инготооу Чжунго цай шицзуйда инця : [Ли Сяопэн: Китай больше всего выигрывает от Brexit] // Чжунго сюаньцзюй юй чжили. URL: <http://www.chinaelections.org/article/910/242774.html> (дата обращения: 03.05.2020). (На кит.яз.).

Ло Сыи: Инготооу вэйци дуй Чжунго ю хэ инсян : [Ло Сыи: какое влияние имеет Brexit на Китай] // Гуаньчачжэ. URL: https://www.guancha.cn/LuoSiYi/2019_02_01_488926_1.shtml (дата обращения: 03.05.2020). (На кит.яз.).

Си Цзиньпин цзай сибанья мэйти фабяо шумин вэньчжан : [Си Цзиньпин опубликовал статью в испанских СМИ] // Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/2018-11/27/c_1123775524.htm (дата обращения: 29.04.2020). (На кит.яз.).

Фэн Чжунпин. Инготооу цзи ци дуй Чжунгодэ инсян : [Brexit и его влияние на Китай]// Сяньдай гоцзи гуаньси. 2016. № 7.С.1—6. (На кит. яз.).

Ху Жуйин. Лунь Инготооу дуй Чжунин маоидэ инсян : [О влиянии Brexit на китайско-британскую торговлю] // Сяньдай шанмао гунэ. 2019. № 22. С. 26—28. (На кит. яз.).

Цзю сюэчжэ дяньпин Инготооу: игэ лишисин шицзянь : [Девять ученых прокомментировали Brexit: историческое событие] // Чжунго сюаньцзюй юй чжили. URL: <http://www.chinaelections.org/article/796/242770.html> (дата обращения: 02.05.2020). (На кит. яз.).

A Forgotten Italian Port Could Become a Chinese Gateway to Europe // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/03/18/world/europe/italy-trieste-china-belt-road.html> (accessed: 30.04. 2020).

China concealed the early coronavirus outbreak, former MI6 spymaster says // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-britain-china/china-concealed-the-early-coronavirus-outbreak-former-mi6-spymaster-says-idUSKCN21X0VY> (accessed: 03.05.2020).

Chinese FDI in Europe: 2019 Update // Mercator Institute for China Studies. URL: https://www.merics.org/en/papers-on-china/chinese-fdi-in-europe-2019?utm_source=Newsletter&utm_medium=Email&utm_campaign=Chinese%20FDI%20in%20Europe%202019%20Update (accessed: 28.04.2020).

Donald Trump's adviser John Bolton says US will 'enthusiastically' support No Deal Brexit as he vows bumper trade deal // The Sun. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/9706515/boris-johnson-donald-trump-talk-john-bolton/> (accessed: 02.05.2020).

EU demands tougher action against 'systemic rival' China // Politico. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-demands-tougher-action-against-systemic-rival-china/> (accessed: 30.04.2020).

EU-China — A strategic outlook // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed: 04.05.2020).

Factbox: Draft Italy Belt and Road MOU has broad outlines, few specifics // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-italy-china-mou-factbox/factbox-draft-italy-belt-and-road-mou-has-broad-outlines-few-specifics-idUSKCN1QW1EB> (accessed: 30.04.2020).

France seals multi-billion dollar deals with China, but questions Belt and Road project // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-france-china/france-seals-multi-billion-dollar-deals-with-china-but-questions-belt-and-road-project-idUSKC N1R61NF> (accessed: 01.05.2020).

It cannot be 'business as usual' with China after coronavirus crisis, Dominic Raab warns // *The Telegraph*. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2020/04/16/can-no-longer-business-usual-china-coronavirus-dominic-raab/> (accessed: 03.05.2020).

Italy signs deals worth 2.5 billion euros with China // *Reuters* URL: <https://www.reuters.com/article/us-italy-china-deals-factbox/italy-signs-deals-worth-25-billion-euros-with-china-idUSKCN1R40KN> (accessed: 30.04.2020).

Le Corre P. Brexit: What's Next for the China-UK Relationship? // *Carnegie*. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/19/brexit-what-s-next-for-china-uk-relationship-pub-75633> (accessed: 29.04.2020).

What do Chinese investors really think of Brexit? // *Business Leader*. URL: <https://www.businessleader.co.uk/what-do-chinese-investors-really-think-of-brexit/77615/> (accessed: 29.04.2020).

Xi Jinping tells David Cameron that China hopes to see a united EU // *The Telegraph*. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/uknews/11949657/Xi-Jinping-tell-s-David-Cameron-that-China-hopes-to-see-a-united-EU.html> (accessed: 27.04.2020).

References

A Forgotten Italian Port Could Become a Chinese Gateway to Europe, *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2019/03/18/world/europe/italy-trieste-china-belt-road.html> (accessed: 30 April, 2020).

China concealed the early coronavirus outbreak, former MI6 spymaster says, *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-britain-china/china-concealed-the-early-coronavirus-outbreak-former-mi6-spymaster-says-idUSKCN21X0VY> (accessed: 3 May, 2020).

Chinese FDI in Europe: 2019 Update, *Mercator Institute for China Studies*. URL: https://www.merics.org/en/papers-on-china/chinese-fdi-in-europe-2019?utm_source=Newsletter&utm_medium=Email&utm_campaign=Chinese%20FDI%20in%20Europe%202019%20Update (accessed: 28 April, 2020).

Donald Trump's adviser John Bolton says US will 'enthusiastically' support No Deal Brexit as he vows bumper trade deal, *The Sun*. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/9706515/boris-johnson-donald-trump-talk-john-bolton/> (accessed: 2 May, 2020).

Eksklyuziv: Grechesko-kitayskiye otnosheniya vstupili v novuyu epokhu — prem'yer-ministr Gretsii K. Mitsotakis [Exclusive: Greek-Chinese relations entered a new era — Greek Prime Minister K. Mitsotakis], *Xinhua*. URL: http://russian.news.cn/2019-11/09/c_138542568.htm (accessed: 4 April, 2020). (In Russian).

EU demands tougher action against 'systemic rival' China, *Politico*. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-demands-tougher-action-against-systemic-rival-china/> (accessed: 30 April, 2020).

EU-China — A strategic outlook, *European Commission*. URL: <https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed: 4 May, 2020).

Factbox: Draft Italy Belt and Road MOU has broad outlines, few specifics, *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-italy-china-mou-factbox/factbox-draft-italy-belt-and-road-mou-has-broad-outlines-few-specifics-idUSKCN1QW1EB> (accessed: 30 April, 2020).

Feng Zhongping (2016). Yingguo tuouu ji qi dui Zhongguode yingxiang [Brexit and Its Impact on China], *Xiandai guoji guanxi [Contemporary International Relations]*, No.7:1—6. (In Chinese).

France seals multi-billion dollar deals with China, but questions Belt and Road project, *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-france-china/france-seals-multi-billion-dollar-deals-with-china-but-questions-belt-and-road-project-idUSKCN1R61NF> (accessed: 1 May, 2020)

Hu Ruiying (2019). Lun Yingguo tuouu dui ZhongYing maoyide yingxiang [The influence of Brexit on Sino-British trade], *Xiandai shangmao gongye [Modern Business Trade Industry]*, No. 22:26—28. (In Chinese).

It cannot be 'business as usual' with China after coronavirus crisis, Dominic Raab warns, *The Telegraph*. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2020/04/16/can-no-longer-business-usual-china-coronavirus-dominic-raab/> (accessed: 3 May, 2020).

Italy signs deals worth 2.5 billion euros with China, *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-italy-china-deals-factbox/italy-signs-deals-worth-25-billion-euro-with-china-idUSKCN1R40KN> (accessed: 30 April, 2020).

Jiu xuezhe dianping Yingguo tuouu: yige lishixing shijian [Nine scientists comment on Brexit: a historic event], *Zhongguo xuanju yu zhili [China Elections and Governance]*. URL: <http://www.chinaelections.org/article/796/242770.html> (accessed: 2 May, 2020). (In Chinese).

Le Corre P. (2018). Brexit: What's Next for the China-UK Relationship? *Carnegie*. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/19/brexit-what-s-next-for-china-uk-relationship-pub-75633> (accessed: 29 April, 2020).

Li Ketsyan prinyal uchastiye v 8-y vstreche liderov Kitaya i stran TSentral'noy i Vostochnoy Evropy [Li Keqiang attended the eighth leaders' meeting of China and Central and Eastern European Countries], *Xinhua*. URL: http://russian.news.cn/2019-04/13/c_137972653.htm (accessed: 4 May, 2020). (In Russian).

Li Xiaopeng: Yingguo tuouu Zhongguo cai shi zuida yingjia [Li Xiaopeng: China is the biggest winner from Brexit], *Zhongguo xuanju yu zhili* [China Elections and Governance]. URL: <http://www.chinaelections.org/article/910/242774.html> (accessed: 3 May, 2020). (In Chinese).

Luo Siyi: Yingguo tuouu weiji dui zhongguo you he yingxiang [Lo Siyi: How will Brexit affect China], *Guancha zhe* [Observer]. URL: https://www.guancha.cn/LuoSiYi/2019_02_01_488926_1.shtml (accessed: 3 May, 2020). (In Chinese).

Obzor: Vizit Si TSzin'pina vo Frantsiyu pozvolit vyvesti otnosheniya dvukh stran na novuyu vysotu — frantsuzskiyeksperty [Review: Xi Jinping's visit to France will bring the relations of the two countries to a new height — French experts], *Renmin Ribao* [People's daily]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0326/c31520-9560460.html> (accessed: 1 May, 2020). (In Russian).

Si TSzin'pin i prem'yer-ministr Gretsii K. Mitsotakis posetili port Pirey [Xi Jinping and Greek Prime Minister K. Mitsotakis visited the Piraeus Port], *Renmin Ribao* [People's daily]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/1113/c31520-9631627.html> (accessed: 4 April, 2020). (In Russian).

Si TSzin'pin provel peregovory s prem'yer-ministrom Italii Dzh. Konte [Xi Jinping held talks with Italian Prime Minister G. Conte], *Xinhua*. URL: http://russian.news.cn/2019-03/24/c_137918627.htm (accessed: 30 April, 2020). (In Russian).

Si TSzin'pin vstretilsya s prem'yer-ministrom Portugalii A.Koshtoy [Xi Jinping met with Portuguese Prime Minister A. Costa], *Xinhua*. URL: http://russian.news.cn/2018-12/06/c_137653478.htm (accessed: 29 April, 2020). (In Russian).

Si TSzin'pin vystupil pered deputatami parlamenta Ispanii [Xi Jinping addressed the deputies of the Spanish Parliament], *Xinhua*. URL: http://russian.news.cn/2018-11/29/c_137638012.htm (accessed: 29 April, 2020). (In Russian).

V Portugalii vysoko otsenivayut rezul'taty gosudarstvennogo vizita predsedatelya KNR Si TSzin'pina [Portugal highly appreciates the results of the state visit of President Xi Jinping], *Renmin Ribao* [People's daily]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/1207/c31520-9526225.html> (accessed: 29 May, 2020). (In Russian).

Van I rasskazal o gosudarstvennom vizite Si TSzin'pina v Gretsii i ego uchastii v sammite BRIKS v Braziliia [Wang Yi spoke about Xi Jinping's state visit to Greece and his participation in the BRICS summit in Brasilia], *Renmin Ribao* [People's daily]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/1116/c31520-9632761.html> (accessed: 4 May, 2020). (In Russian).

Vinogradov, A.O. (2016). KNR — evropeyskiye strany: struktura mnogostoronnego sotrudnichestva [China — European countries: the structure of multilateral cooperation], *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], No.1:20—28.

Vinogradov, A.O. (2017). Evropeyskoye nastupleniye Pekina [European Advance of Beijing], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, No.1:20–26.

Vinogradov, A.O. (2019). KNR — strany Evropeyskogo soyuza [The PRC and European Union Countries], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, No 5 (part 1):139–142. DOI: 10.31857/S013128120007135-9

Waimei: Xi Jinping biaotai wang Yingguo liu zai Oumeng zhangxian dui guoji jushi yunchouweiwu [Foreign media: Xi Jinping expressed the hope that Britain will remain in the EU, demonstrating the international strategy], *Zhongguo Ribao [China daily]*. URL: http://world.chinadaily.com.cn/2015-10/24/content_22274930.htm (accessed: 27 April, 2020). (In Chinese).

Wang Bijun, Zhang Ming (2016). Yingguo tuouu dui zhongguo zai Ou touzide yingxiang [The impact of Brexit on Chinese investment in Europe], *Xinhua yuebao [Xinhua Monthly]*. No.15. (In Chinese).

What do Chinese investors really think of Brexit? *Business Leader*. URL: <https://www.businessleader.co.uk/what-do-chinese-investors-really-think-of-brexit/77615/> (accessed: 29 April, 2020).

Xi Jinping tells David Cameron that China hopes to see a united EU, *The Telegraph*. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/uknews/11949657/Xi-Jinping-tells-David-Cameron-that-China-hopes-to-see-a-united-EU.html> (accessed: 27 April, 2020).

Xi Jinping zai Xibanya meiti fabiao shuming wenzhang [Xi Jinping published an opinion piece in the Spanish newspaper], *Xinhua*. URL: http://www.xinhuanet.com/2018-11/27/c_1123775524.htm (accessed: 29 April, 2020). (In Chinese).

Yingguo tuouu chengxu qidong! Dui Zhongguo jiang chansheng judade yingxiang? [Brexit procedure initiated! Will it have a huge impact on China?], *Zhicheng*. URL: <http://www.zhicheng.com/gjcn/130526.html> (accessed: 27 April, 2020). (In Chinese).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10009

В.Е. Петровский

СТРАТЕГИЯ РОССИИ И КИТАЯ В АРКТИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу стратегических интересов России и Китая в Арктике, а также соответствующих доктринальных документов двух стран.

Стратегическое значение Арктического региона в мировой геоэкономике и геополитике постепенно, но неуклонно растет. В силу климатических изменений перспективы «технического» доступа к богатым природным ресурсам в Арктике расширились, а развитие Северного морского пути (СМП) привело к тому, что ряд стран, включая Китай, стал проявлять все более настойчивый интерес к использованию ресурсных и транспортных возможностей региона.

Стратегические интересы России в Арктике определяются, прежде всего, тем обстоятельством, что РФ реально является арктической страной, значительная часть территории которой находится за Полярным кругом. В отличие от России как арктического государства, Китай позиционирует себя как «приарктическая страна» с собственными интересами в названном регионе. Арктическая политика Китая отдает приоритет сотрудничеству перед конфронтацией, придерживается принципа поддержания регионального статус-кво во избежание противодействия со стороны арктических государств.

В данном контексте уместнее говорить об арктической стратегии КНР в обобщенном смысле, подразумевая под ней не набор су-

губо доктринальных документов, а скорее — «прикладную» политику КНР в Арктическом регионе, сформулированную на основе научных и эмпирически полученных данных, отраженных в ряде официальных документов и заявлений, таких как Белая книга по Арктической политике Китая.

Ключевыми темами исследований для китайских ученых становятся вопросы «интернационализации Арктики», «географической близости Китая к Арктической зоне», которая интерпретируется как право Китая на особые полномочия и национальные интересы в этом регионе. Третий вопрос — объект пристального внимания Пекина, лежащий в основе современной внешней политики Китая в Арктике, — это концепция Северного Шелкового пути (СШП), которая подразумевает, что использование арктических транспортных путей представляет собой особую ценность для обретения контроля над мировой экономикой в целом.

Ключевые слова: сравнительный анализ, Арктический регион, Российская Арктика, стратегия РФ в Арктике, Северный морской путь (СМП), Белая книга по арктической политике Китая, приарктическое государство (с интересами в Арктике), доктринальные документы.

Автор: Петровский Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. E-mail: petrovsk4@gmail.com

V. Ye. Petrovskiy

Strategy of Russia and China in the Arctic: comparative analysis

Abstract. The article presents a comparative analysis of the strategic interests of Russia and China in the Arctic, and of their related doctrinal papers.

The strategic importance of the Arctic region in global geo-economy and geopolitics is gradually, but steadily increasing. Due to climate changes, widening prospects for the access to rich Arctic natural resources, and the development of the Northern Sea Route result in the fact, that a number of countries, including China, becomes more and more interested in utilizing the resource and transport potential of the region.

The strategic interests of Russia in the Arctic were primarily defined by the fact that Russia is an Arctic State, major part of which lies beyond the Polar Circle. Unlike Russia as an Arctic State, China positions itself

as a 'Near-Arctic State' with its own interests in the Arctic. The Arctic policy of China prioritizes cooperation, rather than confrontation, and adheres to the principle of status quo in the region, avoiding opposition to "traditional" Arctic States.

In this context, it seems reasonable to discuss the Arctic strategy of China in a general sense, keeping in mind not a set of doctrinal papers, but rather the PRC "real" policy in the Arctic region, shaped on the basis of conceptual thoughts from the Chinese official papers and statements, such as The White Book on the Arctic Policy of China.

Now, the key research topics for the Chinese scholars are "Internalization of the Arctic", "Geographic proximity of China to the Arctic Zone" and the concept of the Northern Silk Road, which presumes that utilization of the Arctic transportation routes gives access to the control over the global economy as a whole.

Keywords: comparative analysis, Arctic region, Russian Strategy in the Arctic, Northern Sea Route (NSR), White Book on the Arctic Policy of China, Near-Arctic State with Interests in Arctic, doctrinal papers.

Author: Vladimir Ye. PETROVSKIY, Dr.Sc. (Political Science), Chief Academic Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: petrovsk4@gmail.com

Региональные стратегические интересы Российской Федерации в Арктике определяются, прежде всего, тем обстоятельством, что Россия реально является арктической страной, значительная часть территории которой находится за Полярным кругом. Стратегия России в Арктическом регионе определяется рядом доктринальных документов, которые входят в корпус национального законодательства РФ.

Что касается Китая, то его стратегические интересы и политика в Арктическом регионе обусловлены статусом неарктической страны. В отличие от России как арктического государства, Китай позиционирует себя как «приарктическая страна» с собственными интересами в названном регионе. Арктическая политика Китая отдает приоритет сотрудничеству перед конфронтацией, руководствуясь принципом поддержания регионального статус-кво во избежание противодействия со стороны арктических государств.

Такая стратегия предусматривает использование «мягкой силы» посредством научной и ресурсной дипломатии, а также участия в арктических институтах [Rainwater S., p. 71].

В связи с вышеизложенным, уместнее говорить об арктической стратегии Китая в обобщенном смысле, подразумевая под ней не набор доктринальных документов, а скорее политику КНР в Арктическом регионе, сформулированную на основе научно-теоретических представлений в ряде официальных документов и заявлений, таких как Белая книга по Арктической политике Китая.

Российская стратегия в Арктике

Приоритеты развития российской Арктики сформулированы в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2020 г. и на дальнейшую перспективу» (2009 г.). На базе этого доктринального документа была принята «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.» (2013 г.).

5 марта 2020 г. указом Президента РФ были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года». Они определяют основные интересы России в Арктике следующим образом: обеспечение суверенитета и территориальной целостности РФ; сохранение Арктики как территории мира, стабильного и взаимовыгодного партнерства; обеспечение высокого качества жизни и благосостояния населения Арктической зоны России; развитие Арктической зоны РФ в качестве стратегической ресурсной базы и ее рациональное использование в целях ускорения экономического роста; развитие Северного морского пути в качестве конкурентоспособной на мировом рынке национальной транспортной коммуникации; охрана окружающей среды в Арктике, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов [Об Основах государственной политики..., с. 3—4].

Стратегическое значение Арктики для России обусловлено тем, что данный регион весьма богат природными ресурсами. На Крайнем Севере добывается более 90 % российских никеля и кобальта, 60 % меди, более 96 % металлов платиновой группы, извлекается около 80 % газа и 60 % нефти. Вложения в российскую экономику в

Арктике в ближайшие шесть лет могут превысить 86 млрд долл. Об этом сообщил в марте 2019 г. на заседании Постоянного комитета парламентариев Арктического региона в Мурманске посол по особым поручениям МИД России, представитель РФ в Арктическом Совете Н. Корчунов. По его словам, в России на сегодня разработана самая масштабная экономическая программа в арктическом регионе мира. «На арктические регионы в стране приходится около 10 % ВВП и почти 20 % российского экспорта. Вклад Арктики в развитие России будет расти», — отметил дипломат. По его данным, до 2050 г. ныне существующие инвестиционные программы России принесут около 210 млрд долл. При этом общая сумма капиталовложений в развитие инфраструктуры всей Арктики должна превысить 1 млрд долл. Он также добавил, что к 2030 г. объем ВВП в регионе может превысить 500 млрд долл. [Инвестиции в российскую экономику....].

Важнейшей частью инфраструктуры Арктики, связывающей европейскую и дальневосточную части России в единую транспортную систему, является Северный морской путь (СМП). Развитие ледокольного и транспортного флота, портов и систем обеспечения безопасности мореплавания нацелено на достижение бесперебойности круглогодичного вывоза углеводородного сырья из месторождений на побережье и шельфе Баренцева, Печорского и Карского морей, а также регулярности перевозок грузов Норильского горно-металлургического комбината и транзита по СМП «северного завоза».

Конвенция ООН по морскому праву устанавливает особые права и ответственность стран в области регулирования судоходства в районах с «особо суровыми климатическими условиями», «покрытых льдом в течение большей части года» в пределах исключительных экономических зон этих государств. Этот принцип позволяет России применять национальные законодательные нормы и ограничения, использовать Северный морской путь (СМП) в качестве национальной транспортной коммуникации РФ. Важной частью арктической стратегии РФ является также надежное обоснование российских претензий на расширение континентального шельфа.

Масштабность задач освоения Арктики диктует необходимость самого широкого международного сотрудничества, прежде всего,

с приарктическими государствами. В связи с этим в Концепции внешней политики РФ отмечается, что «Россия проводит линию, направленную на сохранение мира, стабильности и конструктивного международного сотрудничества в Арктике. Российская Федерация исходит из достаточности имеющейся международной договорно-правовой базы для успешного урегулирования путем переговоров всех возникающих в регионе вопросов, включая вопросы установления внешних границ континентального шельфа в Северном Ледовитом океане... Существенное значение для развития региона имеет использование Северного морского пути как национальной транспортной коммуникации России в Арктике, а также использование его для осуществления транзитных перевозок между Европой и Азией» [Концепция внешней политики Российской Федерации].

Основы арктической политики Китая

Китай может сыграть ключевую роль в развитии Арктического региона благодаря своим растущим экономическим возможностям и потребностям в энергетических ресурсах и транспортных путях, полагают китайские эксперты. Ключевыми темами исследований для китайских ученых становятся концепция «интернационализации Арктики», а также концепция «географической близости Китая к Арктической зоне», которая интерпретируется как право Китая на особые полномочия и интересы в этом регионе. Третья концепция, лежащая в основе современной внешней политики Китая в Арктике, — концепция Северного Шелкового пути (СШП), которая подразумевает, что использование арктических транспортных путей открывает доступ к контролю над мировой экономикой в целом.

Китай отстаивает свои права, используя язык Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS) и подчеркивая, что Арктика и ее ресурсы не принадлежат лишь «арктической пятерке», а являются общим наследием всего человечества. На самом деле под общим наследием в Конвенции понимаются акватории открытого моря, лежащие за пределами исключительных экономических зон. Если претензии арктических стран на расширение континентального

шельфа будут удовлетворены полностью, то 88 % арктического шельфа будет находиться в пределах особых экономических зон, и лишь небольшая часть акватории в районе Северного полюса будет считаться общим наследием. Однако поскольку основная часть арктических ресурсов находится в пределах оспариваемых зон, Китай, чтобы расширить свои юридические права, продолжает настаивать, что весь Северный Ледовитый океан (СЛО) является общим наследием. Это составляет важную часть китайской стратегии, призванной компенсировать асимметричными мерами более слабый статус Китая как неарктической страны.

При очевидном стратегическом характере китайской арктической политики, она не была кодифицирована и закреплена в виде самостоятельного документа. И только в январе 2018 г. Информационное бюро Государственного совета КНР опубликовало Белую книгу по Арктической политике Китая.

Белая книга по Арктической политике Китая — первый комплексный документ, посвященный региону за пределами территории КНР и подчеркивающий долгосрочную приверженность страны развитию Арктики и сотрудничеству с арктическими государствами. «Белая книга» излагает весь спектр китайских национальных интересов в Арктике, сформулированных на основе предшествующих публичных заявлений Пекина и исследований китайских ученых.

На пресс-конференции 26 января 2018 г., посвященной опубликованию Белой книги по Арктической политике Китая, заместитель министра иностранных дел КНР Кун Сюанью подчеркнул, что позиция КНР как арктического «игрока» будет определяться стремлением «не переступать границ» (признавать свой статус неарктической страны и не вмешиваться в дела арктических стран, действовать на основе норм международного права и законодательства арктических стран), а также стремлением «не отсутствовать» (конструктивно участвовать в арктических делах на региональном и глобальном уровнях) [Kong Soon Lim, p. 422].

В «Белой книге» сформулированы четыре цели политики Китая в Арктике: «изучать», «защищать», «развивать» Арктику и «участвовать» в арктическом управлении, что необходимо для «защиты общих интересов» и «обеспечения устойчивого развития». «Белая

книга» формулирует и четыре основных принципа участия Китая в арктических делах: «уважение», «сотрудничество», «взаимный выигрыш» и «устойчивое развитие».

Кроме того, «Книга» формулирует и пять основных сфер политики Китая в Арктике:

- 1) научные экспедиции и исследования;
- 2) защита окружающей среды и экосистем Арктики в контексте глобальных изменений климата;
- 3) сотрудничество в целях защиты и рационального использования арктических ресурсов и судоходных путей;
- 4) участие в арктическом управлении, улучшении и развитии существующего правового режима управления Арктикой на региональном и глобальном уровнях;
- 5) укрепление мира и стабильности в Арктике во имя общих интересов всех стран [China's Arctic Policy].

Радикальных и принципиально новых положений в «Белой книге» по Арктической политике Китая не отмечено. Белая книга — это не изложение новой политики Китая в Арктике, а скорее — подтверждение сформулированного ранее курса. Его цели и основные принципы уже приводились в китайских официальных заявлениях последних лет. Все арктические страны и некоторые страны-наблюдатели уже обнародовали политические документы по своей арктической политике. Пекин стремится не излагать без лишней необходимости свою политику в письменном виде, и за последнее десятилетие он публиковал свои Белые книги лишь по наиболее важным и неотложным вопросам. Это отражает важность Арктического региона для китайского руководства: задержка с публикацией упомянутой Белой книги может объясняться опасениями Пекина относительно того, что официально зафиксированная политика в Арктике повлияет на возможности политико-дипломатической адаптации КНР к быстро меняющимся реалиям региона [Kong Soon Lim, p. 424].

В частности, эксперты отмечают, что четыре основных принципа и пять сфер арктической политики Китая, сформулированные в Белой книге, — не новы. Первые три принципа были кратко изложены в речи министра иностранных дел КНР Ван И на 3-й Ассамблее Арктического круга в октябре 2015 г. А основные сферы арктиче-

ской политики были изложены ранее в речи заместителя министра иностранных дел Китая Чжан Мина в виде нижеследующих шести пунктов:

- 1) «изучать и понимать» Арктику»;
- 2) «защищать и рационально использовать» арктические ресурсы;
- 3) «уважать неотъемлемые права арктических стран и коренных народов Севера»;
- 4) «уважать интересы неарктических стран и международного сообщества в целом»;
- 5) «развивать многоплановое сотрудничество в Арктике для достижения взаимного выигрыша»;
- 6) «поддерживать систему арктического управления на основе существующих норм международного права».

Почти полные совпадения содержания «Белой книги» и вышеуказанных речей говорят о том, что «Книга» готовилась в МИД КНР [Kong Soon Lim, p. 426].

Посему Белая книга — это скорее политический документ, содержащий обязательства КНР действовать в соответствии с его положениями. Третьи страны, включая арктические государства, могут обращаться к Белой книге для оценки того, как их внутренняя политика соотносится с политикой Китая в Арктике. Белая книга — это политическая декларация, заявляющая о приверженности Китая существующим правовым нормам, касающимся регионального управления в Арктике.

В «Книге» говорится, что Китай, в силу своего статуса, размеров и близости к Арктике, имеет в этом регионе интересы, которые должны уважаться. Более того, там подчеркивается, что Арктика имеет глобальное значение, а нормы и правила, регламентирующие ее развитие и доступ к ее ресурсам, не могут устанавливаться лишь арктическими странами. У неарктических стран, таких, как Китай, говорится в Белой книге, также есть легитимная роль, а также права участия в арктических исследованиях, навигации, в экономической деятельности, включая добычу природных ресурсов, рыболовство, прокладку трубопроводов и кабелей, а также право пролета над арктическими территориями и пр. [China's Arctic Policy].

Ключевое положение Белой книги заключается в декларации тезиса о том, что «Китай будет участвовать в арктических делах на основе базовых принципов взаимного уважения, сотрудничества, взаимного выигрыша и устойчивого развития». Китай обязуется «уважать суверенитет, суверенные права и юрисдикцию арктических стран», от которых, в свою очередь, Китай ожидает уважения «прав и свободы для неарктических стран осуществлять деятельность в этом регионе на основе права», включая Устав ООН, Конвенцию ООН по морскому праву и правила, установленные международными организациями, такими как Международная морская организация. Китай готов соблюдать правила, поскольку это позволяет ему получить то, что нужно в Арктике: право судоходства и рыболовства в арктических водах, а также добычи природных ресурсов за пределами юрисдикции арктических стран в акватории Северного полюса, границы которой еще предстоит определить. Такова китайская философия «взаимного выигрыша» применительно к Арктике [Lajeunesse, p. 3—4].

По меньшей мере 17 правительственных ведомств участвуют в реализации арктических интересов Китая, что отражает сложный и комплексный характер процесса принятия и исполнения решений в этой сфере. Белая книга играет ключевую роль и в процессе межведомственной координации, поскольку излагает общую для всех ведомств политику КНР в Арктике.

В структуре китайских органов государственного управления нет специального органа, ответственного исключительно за арктические дела. Вопросы, связанные с изучением и освоением Арктики и Антарктики, получили номинацию «полярные». Главным государственным органом, ответственным за полярные вопросы во всех сферах — от научных исследований до стратегического анализа — является Государственная океанологическая администрация (ГОА), в рамках которой работает Администрация по делам Арктики и Антарктики со штатом около 40 человек. ГОА непосредственно руководит деятельностью по полярным вопросам и административно отвечает за китайские полярные экспедиции. В состав Администрации входят Отдел по общим вопросам, Отдел политики и планирования, Отдел эксплуатации и финансов, Отдел научных программ, Отдел

международного сотрудничества, Зимняя тренировочная база в пров. Хэйлунцзян и два представительства в китайских посольствах (в Чили и Австралии) [Jakobson, Jingchao Peng, p. 13—14].

Администрации по делам Арктики и Антарктики вменены следующие функции:

1) разработка национальной стратегии КНР, политики и планов изучения и освоения Арктики и Антарктики;

2) подготовка законов, постановлений, действующих норм и правил, касающихся китайских полярных экспедиций и иной полярной деятельности страны;

3) организация, координация и контроль китайской научно-исследовательской деятельности в полярной области;

4) организация и управление инфраструктурой и материальной базой арктических и антарктических экспедиций КНР;

5) организация и координация комплектования и осуществления китайских полярных экспедиций, управление зимней тренировочной базой полярных экспедиций и представительствами за рубежом;

6) организация и участие в международном сотрудничестве, взаимодействии с зарубежными национальными полярными программами;

7) популяризация научных исследований и работы в области китайских полярных экспедиций;

8) реализация других задач, поставленных ГОА.

ГОА административно подотчетна Министерству земельных и природных ресурсов КНР. Она координирует работу Консультативного комитета китайской полярных исследований, в который входят эксперты из 13-ти китайских министерств и ведомств, включая Министерство иностранных дел КНР, Комиссию по национальному развитию и реформам при Госсовете КНР, Министерство образования, Министерство науки и техники, Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство финансов, Министерство земельных и природных ресурсов, Министерство здравоохранения, Китайскую академию наук, Китайскую администрацию по ликвидации последствий землетрясений, Китайскую метеорологическую администрацию, Национальный фонд естественных наук,

Национальную администрацию топографии, картографии и геоинформатики, а также Общий отдел Генерального штаба НОАК [Jakobson, Jingchao Peng, p. 13—14].

Финансирование всей полярной деятельности координируется Госсоветом КНР, высшим органом исполнительной власти страны. Комиссия по национальному развитию и реформам при Госсовете управляет финансированием строительства полярных объектов и судов в режиме консультаций с Министерством финансов, Министерством науки и техники и Национальным фондом естественных наук. ГОА (орган управления второго уровня) утверждает и финансирует арктические научно-исследовательские проекты и экспедиции. Министерство охраны окружающей среды финансирует и осуществляет международное сотрудничество между Китаем и арктическими государствами в области изменения климата и охраны окружающей среды.

Министерство иностранных дел КНР является ведущей организацией по вопросам китайского международного арктического сотрудничества. Международно-правовой департамент МИД готовит официальные заявления Китая по Арктике, а также координирует деятельность китайских представителей на совещаниях министров Арктического Совета в рамках двустороннего и многостороннего взаимодействия по арктическим вопросам. Высшим должностным лицом в решении вопросов международного арктического сотрудничества в МИД является заместитель министра иностранных дел КНР. Представители МИД нижестоящего уровня участвуют в качестве специальных наблюдателей на министерских встречах Арктического совета [Jakobson, Jingchao Peng, p. 13—14].

Расширение доступа к районам близ морских границ таких арктических стран, как Россия, Канада и США, ввиду таяния льдов ставит два вопроса: налаживание сотрудничества в суверенных водах, а также определение порядка односторонних и многосторонних действий в международных водах. В этом контексте Китай, как растущую мировую державу, нельзя игнорировать, поскольку его экономические и технологические возможности позволяют ему осуществлять односторонние действия в отсутствие двусторонних или многосторонних договоренностей и соглашений. Потенциал Китая

существенно больше, чем у других арктических стран, и это может порождать у ключевых арктических игроков подозрения относительно истинных военно-политических намерений Китая, могущих привести даже к коллективным попыткам противостоять растущему китайскому влиянию в Арктике [Serafettin, p. 16—17].

Таким образом, можно согласиться с экспертным прогнозом о том, что со временем китайская стратегия в Арктике обретет практическое воплощение в форме всеобъемлющей «дорожной карты», продиктованной специфическими экономическими, политическими и научными соображениях. В экономическом отношении открытие арктического судоходства весьма важно для диверсификации Китая его глобальных торговых маршрутов и снабжения страны углеводородными и минеральными ресурсами.

С политической точки зрения, вероятность милитаризации Арктики делает Китай прямым региональным «игроком» в силу его официального ядерного статуса, постоянного членства в Совете Безопасности ООН, а также позиций крупнейшей мировой торговой державы, заинтересованной в обеспечении безопасности глобальных торговых путей, включая арктические транспортные коридоры. Научные исследования и технологическое развитие в Арктике также важны для изучения причин и последствий глобального потепления и предотвращения экологической деградации Арктики [Serafettin, p. 16—17].

Библиографический список

Инвестиции в российскую экономику в Арктике до 2025 г. превысят \$86 млрд. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6269254> (дата обращения: 08.05.2020).

Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 08.05.2020).

Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 08.05.2020).

China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China, January 2018. URL: http://english.scio.gov.cn/2018-01/26/content_50313403.htm (accessed: 08.05.2020).

Lajeunesse Adam. Finding “Win-Win” China’s Arctic Policy and What it Means for Canada // SPP Briefing Paper. 2018. Vol. 11. No 33. P. 1—14

Kong Soon Lim. China’s Arctic Policy & the Polar Silk Road Vision / Northern Research Forum (Iceland) // Arctic Yearbook, 2018. 520 p.

Jakobson Linda, Jingchao Peng. China’s Arctic Aspirations // SIPRI Policy Paper. 2012. No 34. P. 1—32.

Rainwater Siloh. Race to the North. China’s Arctic Strategy and Its Implications // Naval War College Review. 2013. Vol. 66. No 2. Art. 7. P. 1—21.

Serafettin Yilmaz. Exploring China’s Arctic Strategy: Opportunities and Challenges // China Quarterly of International Strategic Studies. 2017. Vol. 3. No 1. P. 1—22.

References

China’s Arctic Policy. The State Council Information Office of the People’s Republic of China, January 2018. URL: http://english.scio.gov.cn/2018-01/26/content_50313403.htm (accessed: 8 May, 2020).

Investitsii v rossiiskuyu ekonomiku prevyisiat 86 milliardov dollarov k 2025 godu [Investments to the Russian Economy in the Arctic to exceed \$86 billion by 2025]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6269254> (accessed: 8 May, 2020). (In Russian).

Jakobson Linda and Jingchao Peng (2012). China’s Arctic Aspirations, *SIPRI Policy Paper*, No 34: 1—32.

Kong Soon Lim (2018). China’s Arctic Policy & the Polar Silk Road Vision, *Arctic Yearbook 2018, Iceland, Northern Research Forum*, 520 p.

Kontseptsia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation]. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/Cpt1Ck6BZ29/content/id/2542248 (accessed: 8 May, 2020). (In Russian).

Lajeunesse, Adam (2018). Finding “Win-Win” China’s Arctic Policy and What it Means for Canada, *SPP Briefing Paper*, Vol. 11(33): 1—14.

Ob osnovakh gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v Arktike na period do 2035 godf [Basic Principles of Russian Federation State Policy in the Arctic to 2035]. URL: www.consultant.ru (accessed: 8 May, 2020). (In Russian).

Rainwater, Siloh (2013). Race to the North. China’s Arctic Strategy and Its Implications, *Naval War College Review*, Vol. 66 (2), Art. 7: 1—21.

Serafettin, Yilmaz (2017). Exploring China’s Arctic Strategy: Opportunities and Challenges, *China Quarterly of International Strategic Studies*, Vol. 3(1): 1—22.

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10010

A. Krivorotov

NORTH ATLANTIC IN CHINA-U.S. RELATIONS

Abstract. Since 2019, the U.S. Administration has included the Arctic into its overall China containment policy. Iceland and Greenland attract its special attention as traditional U.S. allies, which play key roles for the control over NATO's vital maritime communications in North Atlantic, but which have lately developed vibrant contacts with PRC.

Greenland has been on the radar in Washington since World War II, regarded within the framework of the Monroe Doctrine, which, although voided officially, still influences the American foreign policy thinking. Now this approach is reinforced by the growing U.S. activities in the Arctic at large and by the global confrontation with Beijing. The key current interests of the United States in Greenland include the security of the strategically important Thule Air Base, preventing large Chinese investments, which would involve the island into the Polar Silk Road initiative, and a potential extraction of rare earth elements.

Since mid-2019, the U.S. have launched several major initiatives related to Greenland, the most famous one is President Trump's offer to purchase it from Denmark. While China focuses on large-scale mining projects which Greenland needs to obtain economic independence, and people-to-people contacts, the U.S. concentrate on public policy measures indicating a clear desire to put Greenland under a tighter American control bypassing Copenhagen. Denmark, although a close NATO ally of the United States, is concerned by the activities of both great powers

and tries to become a good patron for Greenland to prevent its secession. Meanwhile, the Greenlandic authorities confirm their intentions to struggle for a full-fledged statehood, reflecting the moods of 2/3 of the population.

The article suggests three medium-term scenarios, with Greenland remaining in a gradually looser union with Denmark, moving into the U.S. domain or acquiring independence and thus becoming subject to a hard international competition. The next few years may be of special importance for further development, which will also affect Russia as the biggest Arctic nation.

Keywords: China-US confrontation, Greenland, Arctic policies, rare earth elements, scenarios.

Author: Andrey K. KRIVOROTOV, Ph.D. (Economics), Assistant Professor, Odintsovo branch of Moscow State Institute of International Relations (University) under the Russian Ministry of Foreign Affairs, member of the International Arctic Social Science Association. E-mail: krivorotov@starlink.ru

А.К. Криворотов

Северная Атлантика в китайско-американских отношениях

Аннотация. Администрация США с 2019 г. включила Арктику в общий контекст своей политики сдерживания Китая. Особая значимость при этом придается Исландии и Гренландии как традиционным американским союзникам, которые обеспечивают контроль над жизненно важными для НАТО морскими коммуникациями в Северной Атлантике, но в последнее время активно развивают связи с КНР.

Гренландия со времен Второй мировой войны привлекала внимание Вашингтона, который рассматривал ее через призму «доктрины Монро» (официально отмененной, но по-прежнему влияющей на американское политическое мышление). Теперь же к этому прибавились общая активизация США в Арктике и глобальное противостояние с Пекином. Важнейшие современные интересы США на острове связаны с безопасностью их стратегически важной авиабазы в Туле, с предотвращением проникновения крупных китайских инвестиций и подключения Гренландии к инициативе «Полярный Шёлковый путь», а также с перспективами добычи редкоземельных материалов.

С середины 2019 г. США предприняли ряд крупных инициатив в отношении Гренландии, самая известная — предложение президента Д. Трампа купить остров у Дании. Если КНР делает упор на масштабные горнорудные проекты, необходимые Гренландии для обретения экономической независимости, и человеческие контакты, то США сосредоточились на мерах публичной политики, в которых явно просматривается желание поставить Гренландию под свой более плотный контроль, минуя Копенгаген. Дания, хотя и является союзником США по НАТО, обеспокоена активностью обеих великих держав и пытается стать для острова привлекательным патроном во избежание его отделения. Власти же самой Гренландии, опираясь на мнение 2/3 населения, намерены бороться за полноценную государственность.

Предложены три сценария среднесрочного развития событий, при которых Гренландия остается в слабеющей унии с Данией, попадает в зависимость от США или обретает независимость, становясь предметом ожесточенной международной конкуренции. Траектория будет во многом определяться в ближайшие годы, оказывая влияние и на интересы России как крупнейшего арктического государства.

Ключевые слова: противостояние КНР—США, Гренландия, арктическая политика, редкоземельные материалы, сценарии.

Автор: Криворотов Андрей Константинович, кандидат экономических наук, доцент Одинцовского филиала МГИМО (Университета) МИД РФ член Международной ассоциации арктических социальных наук. E-mail: krivorotov@starlink.ru

For nearly three decades after the Cold War, the Arctic was witnessing a remarkably low level of international tension, with a dramatically reduced military presence and an unparalleled cooperation on regional governance, environment, and indigenous peoples. It remained virtually unaffected even by the Russia-West standoff since 2014, giving rise to a popular concept of ‘Arctic exceptionalism’ [Капыла and Mikkola].

However, around 2018 U.S. Navy officials started projecting the global tension to the North, and this became an official American policy during the Arctic Council Ministerial meeting in Rovaniemi in May 2019. Mike Pompeo, the U.S. Secretary of State, delivered a speech the day before the meeting, accusing Russia of aggressive behavior in the Arctic and

voicing doubts about the Chinese intents. ‘The Pentagon warned just last week that China could use its civilian research presence in the Arctic to strengthen its military presence, including by deploying submarines to the region as a deterrent against nuclear attacks,’ Secretary said [Johnson and Wroughton]. The Ministerial itself became the first one not to adopt a joint statement, due to the U.S. disagreement with its climate goals. Soon after, in June 2019, the U.S. Department of Defense adopted its new Arctic Strategy with an outspoken focus on ‘limiting the ability of China and Russia to leverage the region as a corridor for competition’ [U.S. Department of Defense, 2019].

The passages on Russia look like reverting to a traditional Cold War rhetoric, reflecting the recent (rather limited, but highly publicized) partial restoration of the old Soviet military presence in the Arctic. Meanwhile, the focus on China is a brand new element, indicating that the Arctic is now involved in the global U.S. strategy of containing China.

Iceland and Greenland, which both have close ties with China, attract special U.S. attention in the form of dramatically intensified official contacts and statements. In geostrategic terms, both islands belong to Greenland-Iceland-United Kingdom gap (GIUK), crucial for the logistic ‘transatlantic link’ between the U.S. and its European allies. GIUK lost much of its importance for NATO after the collapse of the Soviet Union, but seems to have regained it now with the view to Russian and potentially Chinese naval presence [The GIUK Gap’s strategic significance].

This article focuses primarily on the development of Greenland as a new arena of China-U.S. competition.

Greenland-China relations and U.S. concerns

Greenland is the world’s biggest island with some 2.1 million sq. km of land area (mostly ice-covered) and merely 57,000 inhabitants. Together with the continental Denmark and the Faroe islands, it forms the Danish Kingdom, although in geographical terms, Greenland belongs to North America. Its capital, Nuuk, is some 4,000 km away from Copenhagen.

Denmark has an interest in the island as its only Arctic territory and an important asset in the bilateral relations with the U.S., but tends to give

Greenland a growing autonomy [Kuo]. Under the Self-Government Act, which entered into force in 2009, Greenlandic authority covers nearly all issues but for foreign, security policy and currency emission. According to opinion polls, two thirds of the population favor secession from Denmark, but the Greenlandic economy is not self-sufficient, relying heavily on seafood (95 % of exports) and the annual transfer from Copenhagen, the so called block grant. Developing its abundant natural resources, like metal ore and potentially hydrocarbons, is the island's main hope for a rapid economic development and prosperity, and Chinese companies (often operating via, or in cooperation with, third countries) have been most active.

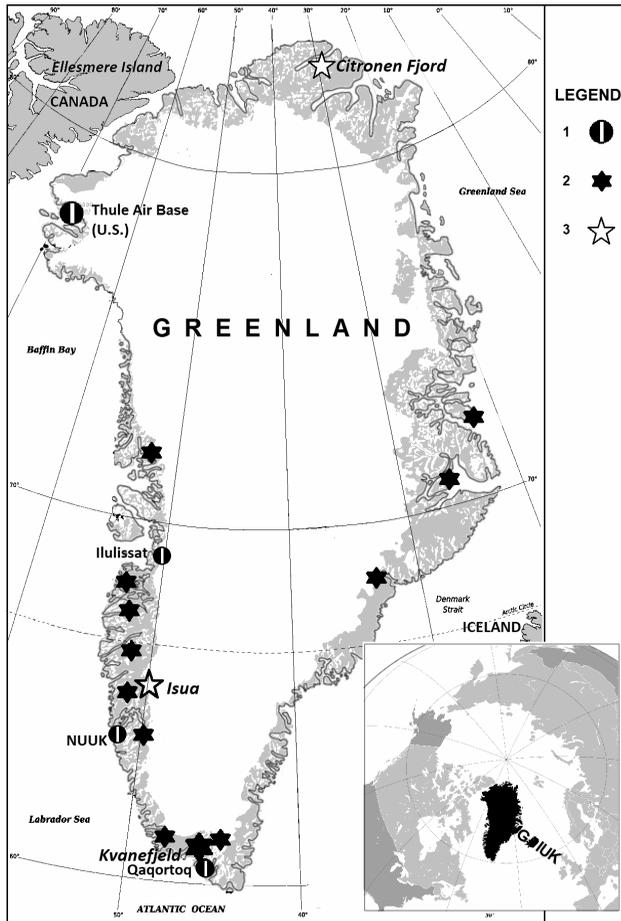
By late 2012, Chinese investors nearly made a massive entry into Greenland. Its government headed by Kuupik Kleist maintained a high-level dialog with Beijing and welcomed Chinese companies to several major projects. The most advanced was Isua iron ore mine 150 km north of Nuuk, to be constructed and operated by London Mining, a UK company with strong ties to Sichuan Xinye Mining Investment Co. But the subsequent government shifts in Greenland, bankruptcy of London Mining and the fall in raw material prices made the projects stall. The ruby mine of LNS Group from Norway is the only plant launched since then.

The mutual interest remained, however. Kim Kielsen, the present Greenlandic Prime Minister, paid a visit to China in 2017 to discuss opportunities for Chinese investments and hiring Chinese companies for the badly needed modernization and construction of three airports, in Nuuk, Ilulissat and Qaqortoq. It was presumably this latter issue that triggered the increased U.S. activity.

America has three key concerns about China-Greenland relations.

Military security is most widely articulated. In Thule in the north of the island, the U.S. operates an air force base, an anti-ballistic early warning radar and the only American deep water port in the Arctic. This presence is based on a special accord with Denmark of 1951, to which Greenland is also a signatory since 2004.

Military considerations obviously played a role in 2016 when Washington pressed on Copenhagen to halt the purchase of Gronnedal (Kangil-linguit), a decommissioned U.S.-built naval base, by the Syangan-based General Nice Group, which now owns the Isua mine. Similarly, when the

Map of Greenland with actual or potential Chinese and U.S. projects. Legend: 1 airfield/airports, 2 deposits of rare earth elements, 3 Chinese non-REE mining projects.

Greenlandic Government shortlisted China Communications Construction Company for the three airports contract in 2018, the Danish authorities got a strong public message from Katie Wheelbarger, U.S. Deputy Assistant Secretary of Defense. She warned that China used its economic power

to establish a military presence in poor countries (what the present U.S. Administration calls a ‘debt-trap diplomacy’) [Lucht].

The broader foreign policy agenda is also involved. The United States denies the concept of China as a ‘near-Arctic state’, formalized in 2018 in China’s Arctic Policy. From this point, involving Greenland in the Polar Silk Road initiative is seen as a threat of China getting political influence in the Arctic.

Rare earth elements (REE), indispensable for modern electric and electronic devices, represent a third critical issue. China controls up to 98 % of the global supply of some REEs [The Geopolitics of Rare Earth Elements]. The United States, therein its defense industry, imports over 70 % of the REEs from China and is well aware of this vulnerability. It won a case in the WTO in 2014 and made China lift the REE export quotas. However, in late May 2019, days after President Xi Jinping visited JL MAG Rare-Earth Co in Ganzhou, a spokesperson from the National Development and Reform Commission indicated that PRC could ‘weaponize’ the rare earths in case of an escalation of the trade war with the U.S. [China indicates it may use rare earths as weapon...].

Greenland could potentially help breach this Chinese near-monopoly. REE have been discovered many places over the island rim. The most promising area, the Gardar Province in the south, may alone contain about a quarter of the world resources [Northam].

The U.S. vs Chinese approaches

The U.S. Administration has launched several broadly publicized initiatives on Greenland since mid-2019. These included signing two MOUs with Greenlandic ministries, a request to reestablish a Consulate in Nuuk and, above all, President Donald Trump’s sensational offer in August 2019 to buy the island from Denmark in what he presented as ‘a real estate deal’. Mette Fredriksen, the Danish Prime Minister, rejected the proposal as ‘absurd’ and stressed: ‘Greenland is not Danish. Greenland is Greenlandic’. Trump in turn called her ‘nasty’ and cancelled his planned visit to Copenhagen, but later on both parties tried to downplay the incident.

In April 2020, the U.S. Administration also announced a 12.1 million USD economic aid package for projects in Greenland within mining sec-

tor, tourism and education. The local Government, Naalakkersuisut, welcomed the offer as a sign of an increased bilateral cooperation, while it caused an outrage among many politicians in Copenhagen.

These, rather extravagant, steps represent nothing new really — President H.Truman offered to purchase Greenland as far back as in 1946. The U.S. decision-makers have since World War II viewed the island within the framework of the Monroe Doctrine, which, although voided formally 2013, still influences the American thinking [Berry]. But now this traditional approach is reinforced by the growing U.S. interest for the Arctic and its global clash with China.

Judging by its recent moves, the U.S. Administration seems to doubt Denmark's capability of steering Greenland and would rather establish a more direct American control, even in a confrontational mode. This is very asymmetric to China's soft approach. In the past couple of years, the Chinese have not been active in political contacts with Greenland, while sending dozens of employees to its fish processing units, arranging cultural exchanges and preparing large extractive projects. These include Kvanefjeld REE mine, the above mentioned Isua and Citronen fjord zink and lead mine in the north.

Kvanefjeld is among the biggest deposits in Gardar Province with resources worth net 1.4bn USD. Australia-based Greenland Minerals Ltd. holds the license, working in close partnership with its largest shareholder, Shenghe Resources Holding Co., Ltd. from Chengdu in Sichuan Province. The Kvanefjeld mine is poised to become its third major rare earth mine outside China [Hu Zesong].

While Americans have concerns about Chinese investments in Greenland, they do not seem ready to overbid China. For example, their activities in the Gardar Province are so far limited to a joint aerial survey in summer 2019 [Airborne hyperspectral survey...]. Instead, the U.S. prefer public policy moves and pressing on Denmark as its NATO ally.

This was not unexpected. We predicted in this journal in 2013 that at some point the U.S. would finally try to halt the growth of the Chinese presence in Arctic Scandinavia, relying on non-economic arguments. The focus on security policy and Atlantic solidarity would eventually pose the Nordic countries with complicated dilemmas [Krivorotov].

Denmark and Greenland at crossroads

Until recently, the Danes had been positive to Chinese activities in the Arctic, including investments in Greenland [Fuglede et al.]. Denmark was a strong supporter of China getting a permanent observer status in the Arctic Council in 2013.

However, as the region is getting involved in the great power rivalry, Denmark looks increasingly concerned about the fate of Greenland and the role of China [Mingming Shi and Lanteigne]. In November 2019, for the first time ever, the Danish Defence Intelligence Service (DDIS) started its annual open Risk Assessment with the Arctic, focusing on Russia and China. DDIS noted among other that in Denmark and Greenland ‘China is using increased cooperation on research and trade as entry points for influence’, stressing the close relations between the Chinese companies and the government [Danish Defence Intelligence Service, 2019; see also [Yang Jiang].

Over the past few years the Danish Government has sought to strike a delicate balance between maintaining the vitally important good relations with the U.S., retaining control over Greenland, and promoting investments there while limiting Chinese involvement.

The three airports project is a characteristic case. Besides warning Copenhagen against the Chinese, the U.S. Department of Defense indicated that it might itself invest in dual use infrastructure in Greenland. Denmark opted finally to avoid any foreign involvement by providing 450 million DKK (70 million USD) of public money [Ofjord Blaxek?r, Lanteigne & Mingming Shi]. Danish politicians and observers think, however, that in the longer run an increased U.S. military presence in Greenland is inevitable.

Mette Fredriksen, the present Danish Prime Minister, cares visibly more about Greenland than her predecessors, both in terms of paying visits, rendering practical assistance and giving the island a formal say in Arctic foreign policy. When Danish Foreign Minister Jeppe Kofod paid his first visit to Washington, DC in November 2019, he was accompanied by his Greenlandic colleague, Ane Lone Bagger, contrary to the previous practice [McGwin].

At the same time, as Danish journalist Martin Breum notes, a way of thinking has recently evolved in Copenhagen that the U.S. offer to buy Greenland will likely curtail Greenlandic secessionism. The island leaders should now realize that a ‘Greenland without ties to Denmark would rather... find that the U.S. will never accept other than total military control over all of Greenland’s territory’ and the island would end up living like ‘the U.S. Virgin Islands, which Denmark sold to the U.S. in 1916 and whose inhabitants, many of whom live below the poverty line, still have no voting rights in the U.S.’ [Breum].

Some Greenlanders, like the former Premier Aqqaluk Lynge, fear also that large-scale (Chinese) mining may destroy the traditional Inuit culture [Dyer], but the current government does not share these fears. Its immediate reaction to D.Trump’s offer was ‘We’re open for business, not for sale’. Later on, Greenlandic executives at the Arctic Circle Assembly (Reykjavik, October 2019) and Kim Kielsen in an interview with M.Breum made it clear that they still pursue a complete independence. They foresee close ties with Denmark and a continued defense cooperation with the U.S. and NATO, while welcoming investments from all nations. In March 2020, Naalakkersuisut suggested to open a Greenlandic representation (quasi-embassy) in China, to complement those already established in Brussels, Washington and Reykjavik [Schultz-Nielsen].

Future prospects and Russian reactions

The current situation shows clearly that any Chinese Arctic activity, regardless of its nature, raises concerns and doubts in the U.S. and Denmark in both political, economic and security context. China is likely to face more troubles in Greenland and in the Norden at large in the years to come.

To the contrary, Russia is a major concern, but entirely in military terms. This is largely because Russian efforts concentrate in its own Arctic sector, where the U.S. acknowledge its legitimate interests [U.S. Department of State, 2020].

This may be the reason why the Russian media show limited interest to the situation on and around Greenland. Donald Trump’s bid for pur-

hase was the only exception, viewed by most Russian analysts as just another move in the American Arctic and foreign policy, or global U.S.-China confrontation [Plevako].

The conservative *Tsargrad TV* predicted that the U.S. would continue pressing on Denmark and influence the Greenlandic public opinion to acquire the island one way or another [Kak 102 goda nazad...]. The proposed U.S. package for Greenland may somehow support this view indirectly, as the money will be channeled to various U.S. agencies and consultants, thus providing them with hands-on knowledge of Greenland and with soft power opportunities.¹

In our opinion, the development deserves a much closer attention in Russia, as this involves not merely a huge Arctic territory (which has among other put continental shelf claims overlapping with Russia's), but also the two global powers. In the mid-term, one could foresee three scenarios:

1. Greenland remains politically united with Denmark, but enjoys a growing autonomy. U.S. military presence is enhanced under tripartite agreements. Denmark, vary of both American and Chinese interest to the island, increases public spending there, while Greenland continues its quest for financial self-reliance.

2. The United States, although does not 'purchase' Greenland, still leverages its military presence and financial aid programs to have the island formally and informally associated with the U.S. closer than with Denmark. The U.S. increases investments in military installations and potentially in REE production. It may also join the UNCLOS to support Greenlandic claims for the North Pole and the surrounding shelf. Contacts with China and Russia are limited to a minimum.

3. Greenland obtains a full-fledged statehood, pursues non-alignment and strives to get foreign investments on competitive terms in order to boost the economic development and the people's well-being.

Under scenarios 1 and 2, Greenland turns into 'a second Alaska' for the U.S. protecting the Lower 48 from the north-east, with a resulting furt-

---

¹ It is noteworthy that the package amounts 12.1million USD, or some 210 USD per capita of Greenlanders, nearly twice as much as the U.S. had spent in Ukraine prior to 2014 (5bn USD per 45 million of population, about 110 USD per capita) [US Admits...].

her militarization of the island and of the whole Central Arctic. Under scenarios 1 and especially 3, China will have opportunities for developing its bilateral political and business relations with Greenland, despite U.S. counteractions.

The next few years may be very important. Given the strategic importance of the Arctic for China and the limited number of Arctic territories where it may get a foothold, the competition for Greenland is likely to increase.

The ongoing COVID-19 pandemic is an important game changer. It impacts China's reputation as both the country where the virus originated, but also the one which was the first to cope with it, while the U.S. population and economy are hit hard. This may affect the global economic development, as well as domestic and foreign policies of all the nations concerned. And, though Russia has no immediate interests in Greenland, it should watch the development closely, as it is sure to impact the situation in and around Arctic in any case.

Библиографический список

Как 102 года назад. Стало ясно, как США будут отбирать Гренландию у Дании // Царьград ТВ. 21.08.2019. URL: https://tsargrad-tv.turbopages.org/s/tsargrad.tv/articles/kak-102-goda-nazad-stalo-jasno-kak-ssha-budut-otbirat-grenlandiju-u-danii_213528 (дата обращения: 10.05.2020).

Криворотов А.К. Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 158—192.

Плевако Н.С. Гренландия в планах Трампа: возрождение «дипломатии доллара»? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 5. С. 60—65.

Airborne hyperspectral survey and mineral mapping in South Greenland / Naalakkersuisut : [Правительство Гренландии]. 19.12.2019. URL: https://naalakker.suisut.gl/en/Naalakkersuisut/News/2019/12/1912_AS_L (accessed: 07.05.2020).

Berry Dawn Alexandra. The Monroe Doctrine and the Governance of Greenland's Security // Governing the North American Arctic. Sovereignty, Security, and Institutions / Berry, D.A., Bowles, N. and Jones, H. (eds.). Oxford: Palgrave Macmillan, 2016. P. 103—121.

Breum Martin. Greenland's premier doesn't foresee a US takeover and remains committed to the quest for independence // Arctic Today. 20.01.2020. URL: <https://www.arctictoday.com/greenlands-premier-doesnt-foresee-a-us-takeover-and-remains-committed-to-the-quest-for-independence> (accessed: 06.05.2020).

China indicates it may use rare earths as weapon in trade war // Global Times. 28.05.2019. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1152119.shtml> (accessed: 06.05.2020).

Danish Defence Intelligence Service. Intelligence Risk Assessment 2019. Copenhagen: DDIS, 2019. 59 p.

Dyer Gwynne. Greenland's big gamble on Chinese mining // Bangkok Post. 21.08.2020.

Fuglede Mads; Kidmose Johannes; Lanteigne Marc and Schaub Gary Jr. Kina, Gronland, Danmark — konsekvenser og muligheder i kinesisk Arktispolitik : [Китай, Гренландия, Дания — последствия и возможности китайской арктической политики]. Kobenhavn: Center for militære studier, 2014. V+46 p. (На датск. яз.).

Hu Zesong. Investment in Greenlandic Mining, December 2019 // Site of Greenland Mining Co., Ltd. URL: <http://ggg.gl/assets/Uploads/Presentations/b76a5718ad/Dec-2019-SKN-Investment-in-Greenlandic-Mining.pdf> (accessed: 05.04.2020).

Johnson, Simon and Wroughton, Lesley. Pompeo: Russia is 'aggressive' in Arctic, China's work there also needs watching // Reuters. 06.05.2019. URL: <https://www.arctictoday.com/pompeo-russia-is-aggressive-in-arctic-chinas-work-there-also-needs-wat> ching (accessed: 08.01.2020).

Käpylä Juha and Mikkola Harri. Contemporary Arctic Meets World Politics: Rethinking Arctic Exceptionalism in the Age of Uncertainty // The GlobalArctic Handbook. Cham: Springer, 2019. P. 153—169.

Kuo Mercy A. Greenland in US-Denmark-China Relations. Insights from Jonas Parello-Plesner // The Diplomat. 02.10.2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/10/greenland-in-us-denmark-china-relations> (accessed: 08.12.2020).

Lucht Hans. Strictly business? Chinese investments in Greenland raise US concerns // DIIS Policy Brief. 2018. November. 4 p.

McGwin Kevin. Greenland is high on the agenda as Denmark's new foreign minister makes his first DC visit // Arctic Today. 13.11.2019. URL: <https://www.arctictoday.com/greenland-is-high-on-the-agenda-as-denmarks-new-foreign-minister-makes-his-first-dc-visit> (accessed: 22.04.2020).

Mingming Shi and Lanteigne Marc. China's Central Role in Denmark's Arctic Security Policies // The Diplomat. 08.12.2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/12/chinas-central-role-in-denmarks-arctic-security-policies> (accessed: 22.04.2020).

Northam Jackie. Greenland Is Not For Sale. But It Has Rare Earth Minerals America Wants // NPR Radio. 24.11.2019. URL: <https://www.npr.org/2019/11/24/781598549/greenland-is-not-for-sale-but-it-has-the-rare-earth-minerals-america-wants> (accessed: 06.05.2020).

Øfford Blaxekær Lau, Lanteigne Marc & Mingming Shi. The Polar Silk Road & the West Nordic Region // Arctic Yearbook 2018 / Heininen, L., & H. Exner-Pirot (eds.). Akureyri: Northern Research Forum, 2018. P. 437—455.

Schultz-Nielsen Jørgen. Ny repræsentation på vej i Kina : [В Китае откроется новое представительство] // Sermitsiaq. 23.04.2020. URL: <https://sermitsiaq.ag/ny-repraesentation-vej-i-kina> (accessed: 04 April, 2020). (На датск. яз.).

The Geopolitics of Rare Earth Elements // Stratfor. 08.04.2019. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/geopolitics-rare-earth-elements> (accessed: 04.12.2019).

The GIUK Gap's strategic significance // Strategic Comments. 2019. Vol. 25. Comment 19. L.: International Institute for Strategic Studies, 2019. 3 p.

U.S. admits it spent 5 billion to overthrow Ukraine // Infowars. 29.01.2015. URL: <https://www.infowars.com/u-s-admits-it-spent-5-billion-to-overthrow-ukraine> (accessed: 14.05.2020).

U.S. Department of State. Briefing on the Administration's Arctic Strategy. 23.04.2010. URL: <https://www.infowars.com/u-s-admits-it-spent-5-billion-to-overthrow-ukraine> (accessed: 14.05.2020).

U.S. Department of Defense. Department of Defense Arctic Strategy. Report to Congress, June 2019. Wash.: Office of the Under Secretary of Defense for Policy, 2019. 18 p.

Yang Jiang. China in Greenland: companies, governments, and hidden intentions? // DIIS Policy Brief. 2018. October. 4 p.

References

Airborne hyperspectral survey and mineral mapping in South Greenland, *Naalakkersuisut [Greenland Government]*. 19 December, 2019. URL: https://naalakkersuisut.gl/en/Naalakkersuisut/News/2019/12/1912_AS_L (accessed: 7 May, 2020).

Berry, Dawn Alexandra (2016). The Monroe Doctrine and the Governance of Greenland's Security. *Governing the North American Arctic. Sovereignty, Security, and Institutions* (Berry, D.A., Bowles, N. and Jones, H. (eds.)). P. 103—121.

Breum, Martin (2020). Greenland's premier doesn't foresee a US takeover and remains committed to the quest for independence, *Arctic Today*, 20 January. URL: <https://www.arctictoday.com/greenlands-premier-doesnt-foresee-a-us-takeover-and-remains-committed-to-the-quest-for-independence> (accessed: 6 May, 2020).

China indicates it may use rare earths as weapon in trade war (2019), *Global Times*, 28 May. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1152119.shtml> (accessed: 6 May, 2020).

Danish Defence Intelligence Service (2019). Intelligence Risk Assessment 2019. Copenhagen: DDIS. 59 p.

Dyer, Gwynne (2019). Greenland's big gamble on Chinese mining, *Bangkok Post*, 21 August.

Fuglede Mads, Kidmose Johannes, Lanteigne Marc and Schaub Gary Jr. (2014). Kina, Gronland, Danmark — konsekvenser og muligheder i kinesisk Arktispolitik [China, Greenland, Denmark — consequences and opportunities in Chinese Arctic policy], *København (Copenhagen): Center for militære studier*, V+46 p. (In Danish).

Hu Zesong (2019). Investment in Greenlandic Mining, Site of Greenland Mining Co., Ltd. URL: <http://ggg.gl/assets/Uploads/Presentations/b76a5718ad/Dec-2019-SKN-Investment-in-Greenlandic-Mining.pdf> (accessed: 5 April, 2020).

Johnson Simon and Wroughton Lesley (2019). Pompeo: Russia is 'aggressive' in Arctic, China's work there also needs watching, *Reuters*, 6 May. URL: <https://www.arctictoday.com/pompeo-russia-is-aggressive-in-arctic-chinas-work-there-also-needs-wat> ching (accessed: 8 January, 2020).

Kak 102 goda nazad. Stalo yasno, kak SShA budut otbirat' Grenlandiju u Danii [Like 102 years ago. It is clear now how z U.S. will deprive Denmark of Greenland], *Tsargrad TV*, 21 August, 2009. URL: https://tsargrad-tv.turbopages.org/s/tsargrad.tv/articles/kak-102-goda-nazad-stalo-jasno-kak-ssha-budut-otbirat-grenlandiju-u-danii_213528 (accessed: 10 May, 2020).

Käpylä Juha and Mikkola Harri (2019). Contemporary Arctic Meets World Politics: Rethinking Arctic Exceptionalism in the Age of Uncertainty, *The GlobalArctic Handbook*, P. 153—169.

Krivorotov, Andrey (2013). Arktisheskaya aktivizatsiya Kitaya: vzglyad iz Skandinavii [Arctic Activation of China: a View from Scandinavia], *Kitaj v mirovoj i regionalnoj politike. Istoriya i sovremennost [China in World and Regional Politics. History and modernity]*, Moscow: IDV RAN (IFES FAS), Iss. XVIII: 158—192. (In Russian).

Kuo, Mercy A. (2019). Greenland in US-Denmark-China Relations. Insights from Jonas Parello-Plesner, *The Diplomat*, 2 October. URL: <https://thediplomat.com/2019/10/greenland-in-us-denmark-china-relations> (accessed: 08 January, 2020).

Lucht, Hans (2018). Strictly business? Chinese investments in Greenland raise US concerns, *DIIS Policy Brief*, November. 4 p.

McGwin Kevin (2019). Greenland is high on the agenda as Denmark's new foreign minister makes his first DC visit, *Arctic Today*, 13 November. URL: <https://www.arctic>

ctoday.com/greenland-is-high-on-the-agenda-as-denmarks-new-foreign-minister-makes-his-first-dc-visit (accessed: 22 April, 2020).

Mingming Shi and *Lanteigne Marc* (2019). China's Central Role in Denmark's Arctic Security Policies, *The Diplomat*, 8 December. URL: <https://thediplomat.com/2019/12/chinas-central-role-in-denmarks-arctic-security-policies> (accessed: 22 April, 2020).

Northam, Jackie (2019). Greenland Is Not For Sale. But It Has Rare Earth Minerals America Wants, *NPR Radio*, 24 November. URL: <https://www.npr.org/2019/11/24/781598549/greenland-is-not-for-sale-but-it-has-the-rare-earth-minerals-america-wants> (accessed: 6 May, 2020).

Øjford Blaxekær Lau, Lanteigne Marc & Mingming Shi (2018). The Polar Silk Road & the West Nordic Region, *Arctic Yearbook* (*Heininen, L., & H. Exner-Pirot (eds.)*), P. 437–455.

Plevako, Natalia (2019). Grenlandiya v planakh Trampa: vozrozhdenie “diplomatii dollara”? [Greenland in Trump's Plans: Revival of ‘Dollar Diplomacy’?], *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN* [Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe, IFES RAS], No. 5: 60–65. (In Russian).

Schultz-Nielsen Jørgen (2020). Ny repræsentation på vej i Kina [New rep office in the making in China], *Sermitsiaq*, 23 marts. URL: <https://sermitsiaq.ag/ny-repraesentation-vej-i-kina> (accessed: 04 April, 2020). (In Danish).

The Geopolitics of Rare Earth Elements, *Stratfor*, 8 April, 2019. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/geopolitics-rare-earth-elements> (accessed: 4 December, 2019).

The GIUK Gap's strategic significance, *Strategic Comments*, 2019, Vol. 25, Comment 19, 3 p.

U.S. admits it spent 5 billion to overthrow Ukraine, *Infowars.com*, January 29, 2019. URL: <https://www.infowars.com/u-s-admits-it-spent-5-billion-to-overthrow-ukraine> (accessed: 14 May, 2020).

U.S. Department of Defense. Department of Defense Arctic Strategy, *Report to Congress*, June, 2019. 18 p.

U.S. Department of State. *Briefing on the Administration's Arctic Strategy*, 23 April, 2020. URL: <https://www.infowars.com/u-s-admits-it-spent-5-billion-to-overthrow-ukraine> (accessed: 14 May, 2020).

Yang Jiang (2018). China in Greenland: companies, governments, and hidden intentions?, *DIIS Policy Brief*, October. 4 p.

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10011

В.И. Балакин

ПРОДВИЖЕНИЕ КИТАЯ В АНТАРКТИДУ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В последние годы КНР демонстрирует нарастающую активность практически во всех регионах мира, включая научное изучение Антарктиды и прилегающих к ней участков Атлантического, Индийского и Тихого океанов, а также лежащих в субантарктических водах островов. Интерес китайских властей к Антарктике зиждется на сугубо прагматических соображениях, поскольку этот континент в реальности остается единственным неосвоенным и незаселенным пространством на Земле, располагающим огромными ресурсами, включая запасы нефти, достигающие, по международным оценкам, 200 млрд баррелей. Кроме того, Антарктида является естественным хранилищем примерно 89 % мирового запаса пресной воды, которая в обозримой перспективе станет мощным и ценным ресурсом: за доступ к нему развернется ожесточенная конкуренция.

Китай приступил к освоению Антарктиды в 1984 г., когда туда была организована первая экспедиция, а в 1986 г. на «Белом континенте» появилась первая китайская полярная станция *Changcheng*. Сегодня ведущую роль в изучении Антарктики принадлежит Центру полярных исследований КНР со штаб-квартирой в Шанхае. Центр эффективно координирует разнообразную научно-исследователь-

скую деятельность китайских специалистов и отвечает за расположенные в Антарктиде объекты инфраструктуры.

Китай намерен в ближайшее время ликвидировать имеющееся отставание в освоении Антарктиды, наращивая инфраструктуру на континенте, а также расширять программу научных исследований, проводимых в Антарктике. Интересы КНР на континенте заключаются, по официальным заявлениям, в исследовании окружающей среды, приобретении знаний в области метеорологии и развития глобальных экологических процессов. Все свои научные станции в Антарктиде Китай намерен оборудовать специальными датчиками для улучшения точности прохождения сигналов, что, безусловно, заметно улучшит качество их поступления на китайскую космическую спутниковую группировку. В Антарктическом регионе КНР настроена проводить специализированные научные исследования в передовых областях биологии и кроме того — увеличивать число проектов, связанных с применением новых материалов повышенной прочности, веса и гибкости.

Ключевые слова: КНР, Антарктида, ресурсы, запасы нефти, запасы пресной воды, конкуренция, инфраструктура.

Автор: Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра исследований проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru

V.I. Balakin

China's Advancement to the Antarctic in the 21st Century

Abstract. In recent years, in almost all regions of the world China has been showing increasing activity including scientific research of Antarctica and adjacent sections of Atlantic, Indian and Pacific oceans, as well as islands lying in subantarctic waters. The Chinese authorities' interest towards Antarctica is based today on purely pragmatic considerations, since this continent in reality remains the only undeveloped and uninhabited space on Earth, which possesses huge resources, i.e. oil reserves, reaching, according to international estimates, 200 bln barrels. In addition, Antarctica is a natural repository for approximately 89 % of the world's freshwater, which in the foreseeable future can become a powerful and valuable resource inducing fierce competition for the access to it.

China began to explore Antarctica in 1984, when the first expedition was organized there, and in 1986, the first national polar station *Change-*

heng was established in Antarctica. Today, the leading role in the study of Antarctica belongs to the Center for polar research of the People's Republic of China with headquarters in Shanghai. The Center efficiently coordinates a variety of research activities of Chinese specialists and is fully responsible for the infrastructure located in Antarctica.

China intends to eliminate its existing backlog in the development of Antarctica in the near future by building up the infrastructure there, as well as expanding the program of scientific research conducted on the continent. China's interests in Antarctica are, according to official statements, in the study of the environment, the acquisition of knowledge in the field of meteorology and the development of global environmental processes. China intends to equip all its scientific stations in Antarctica with special sensors to improve the accuracy of signal transmission, which will certainly and significantly improve the quality of their receipt by the Chinese space satellite group. In the Antarctic region, the PRC is determined to conduct specialized scientific research in advanced areas of biology and, in addition, to increase the number of projects related to the use of new materials of increased strength, weight and flexibility.

Keywords: China, Antarctica, resources, oil reserves, freshwater depot, competition, infrastructure.

Author: Vyacheslav I. BALAKIN, Ph.D. (Law), Assistant Professor, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru

Китай проявляет серьезный геополитический интерес к Антарктике, понимая под Антарктикой район земного шара, расположенный вокруг Южного полюса и ограниченный 60-й параллелью южной широты. Названный район включает в себя и прилегающие к Антарктическому материковому острову, а также отдельные части Атлантического, Тихого и Индийского океанов [Raschka, s. 114].

По оценкам ряда международных экспертов, основной причиной, побудившей Китай вовлечь Антарктиду в число сфер его расширяющегося влияния, стало активное стремление Австралии добиться признания от мирового сообщества ее неотъемлемых прав на данный континент [Сибата, с. 6]. В обоснование своей позиции Канберры постоянно приводит довод о том, что открытые призывы китайского правительства пересмотреть Мадридский протокол к

Договору по Антарктике¹, запрещающий разработку там природных ресурсов, несет в себе определенные вызовы и риски.

Дипломатические устремления Пекина, направленные на изыскание убедительных причин международно-правового обоснования освоения Антарктиды, стали заметны сразу после присоединения Китая к так называемому Антарктическому договору (Договор по Антарктике) (1983 г.), но особенно интенсифицировались с появлением у КНР технологических возможностей по добыче полезных ископаемых в недрах сурового «шестого континента».

Международные эксперты не без оснований полагают, что разворачивающаяся китайская «экспансия» в Антарктику объясняется готовностью Китая показать способность отстаивать свои интересы в любом районе земного шара, в том числе и в Антарктиде. КНР явно собирается начать радикальный пересмотр всей сложившейся системы договорных обязательств в отношении Антарктики, не останавливаясь перед вступлением в открытую и весьма жесткую конфронтацию с другими крупными державами, претендующими на особую роль в названном регионе.

С 2005 г. Китай наращивает свое присутствие в Антарктиде с целью расширить участие в управлении данной территорией, где подтверждены крупные запасы полезных ископаемых. В КНР полагают, что ее сильной стороной как «полярной державы» являются большие финансовые возможности, позволяющие Китаю занимать 1-е место по размерам расходов на ведение научной деятельности в Антарктике [Ян Цзянь, с. 8].

КНР также не скрывает, что ее усилия закрепиться в Антарктиде направлены на обеспечение стране доступа и к другим ценным ресурсам — рыбным, минеральным и водным. Китай последовательно и настойчиво выстраивает парадигму своего стратегического влияния на континенте на случай, если в перспективе будет разрешено промышленное освоение этой территории. И сегодня КНР уже занимает 3-е место после США и России по уровню и степени вовле-

---

¹ Антарктический договор 12 государств был подписан 1 декабря 1959 г., затем он был дополнен набором важнейших соглашений, в целом получивших название Система договора по Антарктике (*Antarctic Treaty System, ATS*).

ченности в антарктическую деятельность. Действующий ныне запрет на коммерческую добычу ресурсов в Антарктиде истекает в 2048 г., а это означает, что если не будет повторно ратифицирован Мадридский протокол по охране окружающей среды, Антарктида может стать одним из самых крупных источников наиболее ценных сырьевых запасов Земли.

В битве за Антарктиду Китай настойчиво продвигается вперед, прямо заявляя, что данная территория представляет собой в международном плане спорное пространство, так как упомянутый выше *протокол о запрете на коммерческую добычу ресурсов* может быть пересмотрен даже раньше 2048 г., и никто не хочет упустить своего шанса, ускоренно готовясь к геологоразведочным работам.

Сегодня КНР не считает Антарктику некой территорией, непреодолимо трудной для хозяйственного освоения, поскольку вследствие общего потепления климата в Антарктиде также началось интенсивное таяние льдов. Это явление побудило Пекин выступить с официальным заявлением о намерении приступить к широкой разведке минеральных и углеводородных ресурсов на Белом континенте.

Кроме того, китайская сторона настойчиво продвигает ключевые идеи, касающиеся исследовательской и инвестиционной деятельности в Антарктике на период до 2020 г. и на более отдаленную перспективу. Планы КНР по проведению комплексного изучения природного потенциала Антарктиды, по мнению некоторых международных экспертов, способны весьма негативно отразиться на существующем особом юридическом статусе «шестого континента», поскольку они вступают в прямое противоречие с признанной ООН концепцией по Антарктике, называющей последнюю «природный заповедник, предназначенный для вечного мира и науки» [Moritaka, H., p. 279]. Однако в Китае, опираясь на последние данные авторитетных специалистов, утверждают, что сырьевые ресурсы на Земле истощаются намного быстрее, чем предполагалось ранее, а это пугает промышленно развитые страны, озадаченные складывающейся перспективой совсем остаться без нефти и газа [Van der Elst K., Davis N., s. 39].

Становится очевидным, что помимо Китая, на природные ресурсы Антарктиды все активнее претендуют Россия, Бразилия и Ин-

дия, а кроме того, за ними готовы подтянуться Япония, Республика Корея и страны АСЕАН.

Несмотря на значительную географическую удаленность, Антарктика будет оставаться в сфере китайских интересов, и Пекин, несомненно, постарается спрогнозировать тенденции в развитии всей системы соглашений по Антарктиде на обозримую перспективу, выявить новые вызовы и угрозы этой системе с целью предотвращения нежелательных международных эксцессов и конфликтов. В 2014 г. КНР уже попыталась нейтрализовать одну из таких угроз со стороны Австралии, вступив с последней в политические переговоры, подписав по их итогам Меморандум о взаимопонимании и создав авторитетную совместную комиссию, которая должна была в постоянном режиме обсуждать и принимать решения по возникающим острым вопросам, представляющим взаимный интерес.

Вместе с тем Китай за прошедший период так и не смог снять напряжение в отношениях с Австралией, которая весьма остро и жестко реагирует на расширение присутствия Пекина в Антарктиде, тем более что три из четырех созданных КНР в Антарктике полярных станций формально находятся в зоне австралийской ответственности.

Протестуя против китайских действий в Антарктиде, Австралия, однако, не решается как-то их ограничивать, и более того — предоставляет Пекину возможность активно использовать в качестве основного логистического перевалочного пункта г. Хобарт (Hobart) на острове Тасмания. Однако у австралийского правительства явно растут подозрения, что Китай, будучи самым крупным австралийским торговым партнером, начинает выходить за рамки имеющихся договоренностей по Антарктиде, выстраивая серьезную логистику, в реальности пригодную для использования в нужный момент в военных целях и в запрещенной на «шестом континенте» геологоразведывательной деятельности [Petermann, Coenen, Grunwald, s. 153].

Расширение китайского присутствия в Антарктике проявляется даже в такой сфере, как экстремальный туризм. Так, число поездок китайцев на «шестой континент» достигло в 2017 г. 5145, или 15 % от общего числа туров, уступая лишь туристическому потоку из США (40 %) и немного опережая австралийцев (14 %).

По мере роста экономики КНР заметно вырос и бюджет ее расходов на антарктическую программу, достигший ныне 44 млн долл. и занимающий 5-е место вслед за США, Австралией, Великобританией и Россией. Китай является второй страной после США по числу ученых, изучающих Антарктиду, что в итоге позволило китайскому правительству сформулировать пятилетний (2016—2020 гг.) план работ на континенте. Такой подход подкреплен и технологически: на верфи *Jianguan* в Шанхае построен и спущен на воду ледокол под названием *Xue Long*, что дало Китаю реальную возможность опередить США и Австралию в нарастающей гонке за влияние в Антарктиде [Хаяси, с. 22].

У многих международных экспертов вызывает сомнение искренность Пекина по соблюдению Парижского соглашения от 2015 года, где были закреплены обязательства подписавших сторон сохранять экологическое равновесие в Антарктике, ибо КНР уже сейчас по ряду направлений создает серьезные заделы для будущего промышленного освоения «шестого континента».

По оценкам отдельных экспертов, самыми ценными ресурсами в Антарктике являются не углеводороды и не драгоценные камни, а пресная вода, запасы которой на Белом континенте — самые большие в мире. Подсчитано, что в Антарктиде в замороженном виде сконцентрировано более 70 % общего объема пригодной для питья воды на Земле. Однако с промышленными поставками пресной воды придется очень постараться, поскольку к проблеме низких температур добавляется фактор огромных расстояний — Антарктика по площади территории больше, чем Европа.

В то же время изменения климата, выразившиеся в повышении в некоторых районах Антарктиды температуры более чем на три градуса, делает возможным применение новейших технологий бутилирования и поставок пресной воды на основные рынки сбыта. В связи с этим КНР заявляет, что ранее китайский интерес к Антарктике мотивировался общим развитием естественных наук, но сегодня гораздо больший интерес представляет изучение вопросов безопасности ресурсов и особенно — будущее обеспечение Китая пресной водой, дефицит которой неуклонно растет [Ян Гуйшань, с. 805].

Реализуя свою антарктическую стратегию, правительство КНР планирует в ближайшей перспективе построить в Антарктиде первый постоянно функционирующий аэропорт, способный на регулярной основе принимать исследовательские экспедиции, а также группы туристов. В настоящее время в Антарктике действуют около 20 аэродромов различных государств, а китайская сторона до сих пор использует для полетов российские взлетно-посадочные полосы. Именно рост потока людей заставляет китайское правительство задуматься о собственной воздушной гавани, строительство которой с геополитической точки зрения имеет огромное значение. Предполагается построить аэропорт прямо на леднике, покрывающем поверхность Антарктиды; для этого проведены исследования с целью выбора местоположения будущего постоянного объекта локации, где масса льда смещается незначительно и равномерно. Аэропорт очень нужен Китаю, активно ведущему комплексные исследования на Южном полюсе, для чего и были открыты четыре станции: *Changcheng, Zhongshan, Konglun, Taishan*. Кроме того, у Пекина есть планы открыть еще одну, пятую станцию [Brady, p. 15].

В целом правительство КНР считает, что существующий Договор по Антарктике играет позитивную роль с точки зрения обеспечения свободы мирных научных исследований на континенте и запрещения там военной активности, препятствуя внесению в международные отношения ненужных разногласий, способных привести к различным региональным конфликтам.

Установленный Договором международно-правовой режим в Антарктиде позволяет Китаю проводить различные научные исследования в любой части «шестого континента», что весьма важно для великой державы, фактически только начинающей освоение антарктических пространств. Исследование Антарктики признается в Китае мощным рычагом политического влияния, позволяющим КНР рассчитывать на значительные преимущества при вероятном разделе сфер влияния на «шестом континенте» [Чэнь Юйган, Ван Ваньлу, с. 97]. Кроме того, научное сотрудничество в Антарктиде рассматривается в Пекине как хороший повод получить от реальных «старожилов» антарктической деятельности важную информацию, набраться необходимого исследовательского опыта, выстроить ус-

тоичивые партнерские связи с другими великими державами, могущими в обозримом будущем стать достаточно жесткими конкурентами для Китая.

Присоединение к Договору по Антарктике предоставило КНР уникальный шанс спокойно, без суеты разобраться в хитросплетениях взаимных территориальных претензий между государствами, уже давно соперничающими за влияние в Антарктиде, которые пытаются распространить свой суверенитет на отдельные части антарктической территории [Schumacher, s. 65]. При этом Пекин косвенно дает понять, что любые изменения в статусе континента как достояния всего человечества «освободят Китаю руки» в защите его национальных интересов в Антарктиде. Кроме того, присоединение к системе Антарктических соглашений предоставило стране объективную возможность оказывать влияние на выработку мировым сообществом линии в отношении международного сотрудничества на «шестом континенте».

Сегодня Пекин больше всего волнует отсутствие у него «права вето» по все чаще возникающим вопросам, затрагивающим интересы Китая и критически важным для сохранения международно-правового статуса Антарктиды в настоящем и будущем. В значительной степени из-за определенной неопытности в реальных антарктических делах КНР заметно проигрывает в конкуренции на Белом континенте «старожилам» Антарктики, особенно на практическом уровне организации и обобщения широких исследований, а главное — в использовании результатов подобных исследований, пригодных для обоснования собственной позиции при обсуждении экологических нормативов.

Особую активность в обсуждении проблем, связанных с Антарктидой, Китай проявляет в ООН, последовательно выступая с конкретными предложениями, акцентируя внимание на укреплении принципа консенсуса при решении любых, даже самых незначительных правовых вопросов системы соглашений по Антарктике [Икэсима, с. 22]. Пекин занимает достаточно жесткую позицию в отношении несогласованности в изменениях антарктических договоров, полагая, что только обязательный общий консенсус относительно статуса Белого континента станет реальным препятствием

военному противостоянию между крупными державами и уменьшит давление на весьма ранимую природу Южного полюса.

Экологический аспект весьма важен во всех международных делах, связанных с изучением потенциала Антарктиды, и КНР не может игнорировать позицию других влиятельных в данном вопросе стран, когда разворачивает собственную активность в регионе. Сохранение баланса экосистемы Антарктики осознается в Пекине как часть борьбы с загрязнением окружающей среды на собственно китайской территории, поскольку, как отмечалось, Китай сам весьма заинтересован в запасах чистой пресной воды на «шестом континенте».

Право «решающего голоса» в урегулировании антарктических вопросов при обострении общей ситуации в мире Пекин стремится гарантировать себе уже сейчас, ибо текущее китайско-американское противостояние в торговой сфере может достаточно быстро распространиться на совсем другие геополитические проблемы. Механизмы Договора по Антарктике позволяют Китаю защищать свои интересы весьма обоснованно в рамках сложившихся общепризнанных практик международного права, и это представляет собой достаточно эффективное средство невоенного давления на Соединённые Штаты Америки.

Широко разворачивая активную геополитическую деятельность в Антарктике, КНР тщательно отслеживает скрытые и явные антикитайские шаги США на Белом континенте, рассчитывая предотвратить их на самой ранней стадии.

Китай не может позволить себе игнорировать потенциальную геостратегическую угрозу со стороны США в Антарктике. Во многом это объясняет нынешнюю переориентацию военных программ КНР в южном направлении с упором на строительство ядерных подводных крейсеров океанского класса, дающих возможность эффективно контролировать прибрежную зону Антарктиды и пресекать американские попытки создать там стартовые площадки для гиперзвуковых ракет, действующих на новых физических принципах.

Настороженность Китая вызывают засекреченные программы Вашингтона по изучению Антарктиды. Американцы время от времени допускают «утечки информации» о якобы найденных ими базах

нацистской Германии в Антарктиде, не отвечая на вопрос о том, перешли эти базы под американский контроль или же эти сведения представляют собой целенаправленный вымысел [Lüdecke, s. 82].

Итак, суммируя вышеизложенное, можно отметить, что с 2015 г. Китай активно внедряется в антарктические дела, увеличив количество баз в Антарктиде, приступив к строительству мощного ледокольного флота и иной транспортной инфраструктуры, позволяющей расширить зоны китайского глобального присутствия. Это делается именно сейчас, когда КНР напрямую сталкивается со сложными разнонаправленными процессами, происходящими в мире, при которых она неизбежно будет вынуждена четко определять свою стратегию, в том числе для решения вопроса об увеличении капиталовложений в антарктические проекты. При этом китайское руководство официально заявляет, что Договор по Антарктике со всеми сопутствующими ему соглашениями представляет в настоящее время самое эффективное средство по защите интересов КНР в регионе и обеспечению безопасности в зоне Южного полюса [Гурри Ф., Дент Дж., с. 9].

Так называемый коллективный Запад весьма настороженно относится к попыткам Китая основательно закрепиться в Антарктике и тем самым обеспечить себе устойчивую перспективу доступа к важнейшим природным ресурсам, включая пресную воду. Складывается впечатление, что КНР серьезно настроена стать доминирующей державой в Южном полушарии, с тем чтобы выстроить там собственную зону исключительного влияния не только путем активного экономического взаимодействия с уже имеющимися партнерами, но и в результате демонстрации военно-морской мощи главному конкуренту в лице США.

Геополитическая стратегия Пекина в Южном полушарии, как ни странно, находит понимание у азиатских соперников КНР — Индии и Японии — ввиду сходства стоящих перед ними задач, нежелания вечно следовать в фарватере американской линии, а также в силу грамотной китайской внешней политики в регионе, ориентированной на более тесное международное сотрудничество и уважение других заинтересованных сторон [Herbert, p.6], а не на примитивную жесткую конфронтацию.

Библиографический список

Гурри Фрэнсис, Дент Дженифер. Нанкёку-нитайсуру Тюгоку но 2017—2021 нэн сэньяку кэйкаку : [Стратегический план Китая по Антарктиде на 2017—2021 годы]. Geneva: WIPO, 2017. 48 с. (На яп. яз.)

Икэсима Тайсаку. Нанкёку но кайики канри но хаттэн : [Развитие контроля морских пространств в Антарктике]. Васэда глобал форум // Кэнкю ромбун (Токио). 2016. № .3. С. 17—30. (На яп. яз.)

Сибата Мёсуй. Нанкёку-о мэгуру кагаку то кокусай доко : [Научные и международные тенденции вокруг Антарктиды] // Кобэ дайгаку кёкюики кёрёку кэнкю сэнта сирё : [Научный и международный дискурс по Антарктиде]. Кобэ, 2018. 11 с. (На яп. яз.)

Хаяси Юкихидэ. Тюгоку но кагаку-гидзюцурёку-ни цуитэ : [О научно-технической мощи Китая] // Токё дайгаку кэнкю кайхацу сэньяку сэнта но рэпото : [О научно-технической мощи Китая]. Токио, 2012. 200 с. (На яп. яз.)

Чэнь Юйган, Ван Ваньлу. Шиси Чжунго дэ Наньцзи лии цюаньли : [Анализ интересов и прав Китая в Антарктике] // Цзилинь дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао : [Журнал общественных наук Цзилиньского университета]. 2016. Т. 56. № 4. С. 95—190. (На кит. яз.)

Ян Гуйшань. Чжунго хубо сяньчжуан цзы мяньлинь чжунда вэньти юй цэлюе : [Статус озер, основные проблемы и стратегия защиты окружающей среды в Китае] / Чжунго кэсюеюань : [Китайский научно-исследовательский институт]. Наньцзин: Хубо яньцзюсо чубаньшэ, 2010. 810 с. (На кит. яз.)

Ян Цзянь. Чжунго фачжань цзиди шиюе дэ чжаньлюе сыкао : [Стратегическое мышление по поводу развития курса Китая на полюсах Земли]. Шанхай, 2017. 15 с. (На кит. яз.)

Brady Anne-Marie. China's expanding Antarctic interests / University Canterbury, New Zealand // Policy brief report. 2017. No. 2. P. 12—24.

Herbert Andrea. China and Antarctica: Hot ambitions in an icy climate // The Asian Century. Routledge, London: World Scientific Publishing, 2013. 15 p.

Lüdecke Cornelia. In geheimer Mission zur Antarktis / Berlin: Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften // Deutsches Schifffahrtsarchiv. Report. 2003. No. 560. S. 75—100.

Moritaka Hayashi. The Antarctica Question in the United Nations // Cornell International Law Journal. 1986: Vol.19. Iss.2. Article 7. P. 275—290.

Raschka Achim. Antarktis: Geographie, Geschichte, Natur. Berlin: Zenodot Verlagsgesellschaft mbH, 2006. 385 s.

Petermann Thomas; Coenen Christopher; Grunwald Reinhard. Militarische Nutzung des Weltraums // Sachstandsbericht. Arbeitsbericht Nr.85. Berlin: Deutschen Bundestag, 2013. 204 s.

Schumacher Winfried. Hoffnung am Ende der Welt // *Archivar*. 2011. No.66. Heft 01. S. 61—67.

Van der Elst Kristel; Davis Nicholas. The Future Availability of Natural Resources / World Economic Forum // *World Scenario Series*. Paris, 2014. 56 p.

References

Brady, Anne-Marie (2017). China's expanding Antarctic interests, *University Canterbury, New Zealand, Policy brief*, No.2, 20 p.

Chen Yu-gang, Wang Wan-lu (2016). Shixi Zhongguo de Nanji liyi quanli [The Analysis of Antarctic Interests and Rights of China], *Jilin daxue shehui kexue xuebao [Jilin University Social Science Journal]*, Vol.56 (4): 95—190. (In Chinese).

Gurry, Francis; Dent, Jennifer (2017). Nankyoku-nitaisuru Chugoku no 2017-2021nen senryaku keikaku [Strategic plan of China concerning Antarctica in 2017—2021], *WIPO*. Geneva, Switzerland, 48 p. (In Japanese).

Hayashi, Yukihide (2012). Chugoku no kagaku-gijutsuryoku-ni tsuite [About scientific and technical power of China]. Tokyo daigaku kenkyu kaihatsu senryaku senta no repoto [Report of the Tokyo University Strategic Center for Scientific Researches], 200 p. (In Japanese).

Herbert, Andrea (2013). China and Antarctica: Hot ambitions in an icy climate. The Asian Century. *Routledge*. London: *World Scientific Publishing*, 15 p.

Ikeshima, Taisaku (2016). Nankyoku no kaiyiki kanri no hatten Kenkyu rombun [Development of the nautical control areas in Antarctica], *Waseda Global Forum*, No.3: 17—30. (In Japanese).

Lüdecke, Cornelia (2003). In geheimer Mission zur Antarktis, *Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften. Deutsches Schiffsarchiv, Report*, No. 560: 75—100.

Petermann, Thomas; Coenen, Christopher; Grunwald, Reinhard (2013). Militarische, Nutzung des Weltraums, Sachstandsbericht, Arbeitsbericht, *Deutschen Bundestag*, Nr. 85, 204 s.

Raschka, Achim (2006). Antarktis: Geographie, Geschichte, Natur. Berlin: Zenodot Verlagsgesellschaft mbH, 385 s.

Schumacher, Winfried (2011), *Archivar*, No.66 (01): 61—67.

Shibata, Myosui (2018). Nankyoku-wo meguru kagaku to kokusai doko [Scientific and international trends around Antarctica]. Kobe daigaku kyokuyiki kyoryoku kenkyu senta shiryō [The Materials of the Kobe University Research Center for Cooperation], Kobe. Nihon, 11 p. (In Japanese).

Van der Elst, Kristel; Davis, Nicholas (2014). The Future Availability of Natural Resources, *World Scenario Series, World Economic Forum*. Paris, 56 p.

Yang Guishan (2010). Zhongguo hubo xianzhuang zi mianlin zhongda wenti yu baohu celue [Lake status, major problems and protection strategy in China], *Zhongguo kexueyuan [China Scientific Researches Institute], Nanjing: Hubo yanjiusuo chubanshe*, 810 p. (In Chinese).

Yang Jian (2017). Zhongguo fazhan jidi shiyue de zhanlue sikao [Strategic Thinking on the Development of China's Polar Cause]. *Shanghai: Shanghai guoji wenti yanjiuyuan chubanshe*, 15 p. (In Chinese).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10012

Shahida Wizarat

CHINA AND THE DEVELOPING WORLD

Abstract. Less developed countries' earlier attempts to develop their economies by borrowing from the International Financial Institutions (IFIs) brought recession, inflation, unemployment and loss of sovereignty instead of development. China's investment in infrastructural projects in developing countries has once again raised hopes in these countries. But Chinese investments are ringing alarm bells in powers that gain from the status quo. Although Chinese investments are bringing benefits to developing countries, gains would be greater if governments in these countries bargain harder. Moreover, since China is exporting mostly sophisticated hi tech products and importing mostly raw materials this might result in an "unequal exchange." The fact that many exports of less developed countries are composed of fuels and natural resources may also cause "resource curse" in less developed countries. If Chinese investments in less developed countries can help to develop 'dynamic comparative advantage', the curse can be changed into a blessing. Governments in less developed countries also need to come down hard on corruption, so that Chinese companies adhere to the same ethical standards expected of them in China. China also needs to convey the message to its companies that there will be zero tolerance for corruption overseas as well. And while China should continue to import minerals and fuels which are required for its own economic development, it might consider adding value to natural resources in their countries of origin. This will not only help in

converting the resource curse into a blessing for the less developed countries, but have a positive impact on Chinese environment. But above all, it will send a very positive message that China is not just another super power, interested in exploiting the resources of developing countries, but one of their own, interested in their growth and stability.

Keywords: China, less developed countries, Belt and Road Initiative (BRI); China-Pakistan Economic Corridor (CPEC); capitalist crisis, unequal exchange, “resource curse”.

Author: Shahida WIZARAT, Ph.D. (Economics), Dean of the College of Economics and Social Development (CESD), Institute of Business Management (Karachi, Pakistan).
E-mail: Shahida.wizarat@iobm.edu.pk

III. Уизарат

Китай и развивающийся мир

Аннотация. Предпринятые ранее попытки менее развитых стран (МРС) ускорить рост их экономик путем привлечения заемных средств от международных финансовых институтов привели к спаду, инфляции, безработице и утрате суверенитета, а не развитию. Инвестиции Китая в инфраструктурные проекты в МРС внушили этим странам новую надежду. Но китайская инвестиционная практика порождает тревогу у тех государств, которые выигрывают от уже сложившегося положения дел. И хотя китайские инвестиции выгодны развивающимся странам, достижения были бы больше, если бы правительства МРС жестче настаивали на своих условиях. Кроме того, поскольку Китай экспортирует главным образом сложную высокотехнологичную продукцию, а импортирует преимущественно сырье, то это может привести к «неравенству обмена». Факт того, что многие виды экспорта из МРС представлены топливом и природными ресурсами, способен породить в менее развитых странах феномен так называемого ресурсного проклятия. Однако если китайские инвестиции в МРС способствуют формированию «динамичного сравнительного преимущества»¹, то «проклятие» может

---

¹ Динамическое сравнительное преимущество — изменение эффективности «простого» сравнительного преимущества с течением времени благодаря субсидированию производства, изменениям в обеспеченности факторами производства, технологическому развитию, установлению льготного налогового и таможенного режимов, росту вложений в человеческий капитал (Прим. ред.).

обернуться «благословением». Правительства менее развитых стран должны жестко бороться с коррупцией, чтобы китайские компании придерживались тех же этических стандартов, которые ожидаются от них в самом Китае. Также Китаю необходимо донести до своих компаний мысль, что и за рубежом сформируется нулевая терпимость к коррупции. И хотя Китай вынужден и далее импортировать полезные ископаемые и топливо, необходимые для его собственного экономического развития, он мог бы рассмотреть возможность производства продукции с добавленной стоимостью на базе природных ресурсов в странах их происхождения. Это не только поможет превратить «ресурсное проклятие» в «благословение» для менее развитых стран, но и положительно скажется на экологии Китая. Но прежде всего это станет весьма позитивным сигналом о том, что Китай — не просто еще одна сверхдержава, заинтересованная в эксплуатации ресурсов МРС, но страна развивающегося мира, заинтересованная в его росте и стабильности.

Ключевые слова: Китай, менее развитые (развивающиеся) страны (МРС, РС), инициатива «Пояс и путь» (ИПП); Китайско-Пакистанский экономический коридор (КПЭК), кризис капитализма, неравный обмен, «ресурсное проклятие».

Автор: Шаида Уизарат, доктор философии (экономика) (Ph.D. (Ec.)), декан Колледжа экономики и социального развития Института управления бизнесом (Карачи, Пакистан).
E-mail: Shahida.wizarat@iobm.edu.pk

1. Introduction

Chinese economy grew at spectacular rates for more than three decades, where policy makers endowed with the well-known Chinese wisdom used liberalization and privatization policies very astutely to transform the economy, increase growth rates, lessen the skewness in the distribution of income and poverty and attaining the status of a world power. In 'Globalization and its Discontents' (2002) J. Stiglitz states that China benefitted from globalization as it used its own discretion, while many other countries accepted International Monetary Fund (IMF) dictates.

In the year 2000 China accounted for only 7.1 % of world GDP (in PPP terms), but being the world's fastest-growing economy, and registering an average growth rate of 10 % for three decades, it was able to increa-

se its share in world GDP to 13.3 % by 2010. At USD 5.87 trillion China's GDP surpassed Japan's GDP at USD 5.47 trillion, becoming the second largest world economy after the U.S. in 2010. Chinese GDP increased further to USD 8.22 trillion in 2012, accounting for 12 % of world GDP that year and rose to USD 13.61 trillion in 2018, which was 18.69 % of world GDP [Statista, 28.04.2020]. China's population was around 1.400 bn in 2019 which is expected to grow to 1.404 bn by 2020 [Statista, 01.05.2020]. Industry and agriculture are the largest sectors, producing more than 60 per cent of China's GDP, employing over 70 per cent of the work force. Per capita GDP is 2,000 USD, while official poverty rate is 10 per cent.

Exports have been a major source of growth in China, growing from USD 23.63 bn in 1982 to USD 2.49 trillion in 2018. While imports increased from USD 18.90 bn to USD 2.13 trillion during the same period. Major exports are: broadcasting equipment (USD 231 bn), computers (USD 146 bn), office machine parts (USD 90.8 bn), integrated circuits (USD 80.1 bn) and telephones (USD 62 bn) [WITS, 28.04.2020]. China's main export partners are the European Union, ASEAN, Hong Kong, Japan and South Korea. China's main imports are integrated circuits (USD 207 bn), crude petroleum (USD 144 bn), iron ore (59 bn), cars (46.8 bn), and gold (40.3 bn). And main import partners are: US, Hong Kong, Japan, Germany and South Korea [Observatory of Economic Complexity, 28.04.2020]. China joined the World Trade Organization in 2001.

However, from 2013 the economy started slowing down. While structural change from investment to consumption and from industry to service sector continued, there was an increased emphasis on investment in infrastructure and real estate. China is going beyond its borders and investing in development of infrastructure in other countries. It has signed agreements with a large number of countries all over the world for the development and construction of roads, highways, ports and other infrastructural development projects in these countries.

Every country uses its foreign policy to further its economic, political and strategic objectives. It is, therefore, but natural for China to do so. Following this overview of the Chinese economy in section 1, I will discuss China's growing economic, political and strategic relations with developing countries in section 2. The problems and challenges that Chinese investments face will be the subject of discussion in Section 3. In Section 4 I

will give suggestions on how to respond to these challenges in order to develop a harmonious and sustainable relationship between China and the developing world.

2. China's Expanding Relations with the Developing World

Originally China's relations with the developing world were ideological since China is, and continues to identify itself as a developing country. In 1953 Prime Minister Zhou Enlai provided a basic framework for conducting foreign policy in the form of "Five Principles of Peaceful Coexistence". These are mutual respect for territorial integrity and sovereignty, nonaggression, non-interference in internal affairs, equality and mutual benefit and peaceful coexistence.

But China has come a long way since then. It has since transformed these ties into robust economic, political and strategic partnership. (China's foreign, economic and strategic relationship with developing countries is available in [Sino-Third World Relations...; Foreign Relations of China; Mitchell D.J., Wong A., Szunomar A., Li Chenyang and Yang Xiangzhang]). "Over the past decades, closer economic cooperation between China and neighboring developing countries has facilitated the formation of a network of partnerships ..." [Li Chenyang, Yang Xiangzhang].

China's economic and foreign policy relationship with the developing world evolved during the last seven decades in accordance with the principles laid down by its founding fathers. In the 1960s China adopted a more ideological posture and supported communist movements in many countries. But there was a reversal to the ideological stance in the 1970s when Deng Xiaoping embarked upon liberalization. The same policy stance continued in the 1980s when China deepened its relations both with the developing and the developed world. As China continued to reach out to countries in Latin America, Africa, Central Asia, Asia and the Middle East economic cooperation dominated, but was deepened by adding a strategic dimension to it.

China has been using trade, investment and aid to further its economic, political and strategic interests and aligning them with the interests of

countries in the neighborhood and developing countries. These objectives are being pursued both through the existing regional and multi regional forums and platforms such as the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA), Asia Pacific Economic Cooperation (APEC), Association of South East Asian Nations (ASEAN) Regional Forum (ARF), ASEAN Plus China (10+1), ASEAN Plus China, Japan and South Korea (10+3), Greater Mekong Sub-region (GMS), Tumen River Area Development Programme (TRADP), Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC). In June 2001 China, Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan jointly established the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Its main objective was to fight terrorism and safeguard regional security. China launched the Xiangshan Forum in 2006 to promote political trust and confidence building measures.

These forums have been promoting economic, political, cultural and strategic interests of countries in the region. China-ASEAN free trade Area (ACFTA) was operationalized in 2010, making it the largest free trade zone in the developing world. ACFTA resulted in increasing bilateral trade from USD 54.8 bn in 2002 to USD 472.16 bn in 2015, while bilateral investments increased to USD 160 bn by the end of that year. But the most spectacular investment project that has attracted the most attention worldwide is the Belt and Road Initiative (BRI). BRI consists of six major economic corridors, these are the New Eurasia Land Bridge, the China-Mongolia-Russia Corridor, the China-Central Asia-West Asia Corridor, the China-Indochina Peninsula Corridor, the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), and the Bangladesh-China-India-Myanmar Corridor (BCIM). In order to strengthen and support these infrastructural projects the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) was launched in October 2014 and the Silk Road Fund (SRF) was established in December 2014.

China is also promoting cultural interaction by sponsoring cultural exchanges with its neighbors as well as with developing countries. Having already established high class universities and centers of learning, imparting state of the art education in diverse fields, China is giving scholarships and fellowships to students from the developing world. This is not only promoting academic excellence and cultural exchanges in the region, but is a very effective display of Chinese soft power. Chinese culture is being further

promoted through the establishment of Confucius Institutes and Confucius Classrooms in several developing countries.

Pakistan's relations with the Peoples Republic of China (PRC) began in 1950 when Pakistan severed diplomatic ties with Taiwan and recognized the Peoples Republic of China and established diplomatic relations. Military assistance began in 1966, while economic co-operation started soon afterwards. This relationship expanded and blossomed over the years. Both the countries have shown understanding of each other's problems. Countries mostly have problems with their neighbors. India, for example has acrimonious relationships with all its neighbors, Pakistan, Sri Lanka, China, Nepal, while Bhutan has been totally subjugated. But China and Pakistan have shown to the world how decent neighborly relationship based on sincerity, equality and mutual benefits can be established. Friendship between these two neighbors should be a role model for other countries. China has supported Pakistan's position on Kashmir and Pakistan has stood by China on the Tibet and Taiwan issues. Earlier Pakistan acted as a bridge between China and the USA by arranging Henry Kissinger's visit to Beijing.

Pakistan has been the recipient of economic, military and technical assistance from the Peoples Republic of China. Both countries are now close strategic partners and China's help to Pakistan in the establishment of a civilian nuclear power project in Karachi based on Generation III technology is something that had been denied to us by the US, but given to India. China and Pakistan have developed close military ties, which have helped to diversify and balance Pakistan's defense supply and capabilities. Pakistan and China are also involved in joint production, ranging from textiles to military hardware including JF-17 thunder jets and guided missile frigates.

3. Problems and Challenges Facing Chinese Investments

While Europe was able to build its war torn infrastructure very quickly with the help of Marshall Plan in the aftermath of the Second World War, a large number of developing countries have been unsuccessfully trying to develop for more than 70 years. They started borrowing for development projects from the international financial institutions, and initially met

with some success. The famous Tarbella Dam and the Mangla Dam financed by the World Bank in Pakistan are cited as success stories. But over time, the International Financial Institutions (IFIs) departed from their project based lending and embarked upon policy based lending [Singer H.W.; Mosley P., Harrigan J., Toye J.]. In spite of many success stories, the IFIs deemed it fit to evaluate the whole gamut of policies of the borrowing country, rather than focus only on the feasibility of the project. What followed as a result of switching over to policy based lending and the devastation it caused to developing economies is common knowledge and has been well documented. Suffice it to state, that the developing countries that borrowed from the IFIs were not only unable to develop their economies, but brought miseries to their people through recession, unemployment and inflation and loss of sovereignty over economic decision making [Wizarat S., 2011].

It is against this scenario that the Chinese Government embarked upon its aid, trade and investment programs in the developing world. Chinese investments especially the BRI have met with a very hostile reception from the west. Western countries plus India have not taken very kindly to Chinese initiatives. USA, UK, India and their allies have started a very organized campaign against BRI especially against CPEC. Indian opposition to CPEC is in spite of the fact that China is investing in India through the IBCIM. I think there are two main reasons why there is so much opposition to the BRI. First, US as the world's super power thinks its "hegemonic nod" is required in deciding which countries will develop and which will not. As economic development of less developed countries will disturb the balance of economic power in the world. It could also be explained by the Limits to Growth Model which worries about the sustainability of third world development due to scarcity of energy resources. Worries have also been expressed about the sustainability of food resources, if the increased prosperity in developing countries leads to their citizens following the consumption patterns of rich countries [Sachs J., 2007; Trainer T., 2000; Wizarat S. Keynote Address, 2014]. That is why any attempt by countries to give economic development to their countries is viewed as an act of defiance.

Second, Chinese investments are referred to as win-win investments, meaning that they bring mutual benefits to both the investing and the host

country. When China, for example, invests in BRI it will generate incomes for Chinese professionals, wage earners, companies and the government through taxes. Similarly, for the host countries where the infrastructural projects are being located incomes will be generated, giving rise to increase in consumption, which along with virtuous cycles and the multiplier effects will increase incomes in other industries through secondary round multiplier effects. This has the potential to bring tremendous prosperity to developing countries.

Now compare the Chinese development model with the present model currently used at the global level. Since many rich countries are former colonial powers, who when forced to quit from the colonies, left intractable conflicts in these countries. When the rate of profit starts to decline in a mature economy, i.e. when the capitalist crisis occurs, a conflict which was left to brew by some former colonial power becomes alive. Whether it is an inter-state war or an intra-state war, it requires the purchase of armaments. This purchase of arms increases the gross domestic product of the armament selling country, and the decline in economic activity that had set in due to the capitalist crisis is eventually corrected. This is not a win-win situation, because there are winners and losers, i.e. death and destruction in the developing world brings prosperity to the armament producing countries (There is empirical evidence to corroborate the Marxist view that death and destruction in the developing world brings prosperity to rich countries [Wizarat S., 2013; Wizarat S. *Natural Resources...*, 2014]). This is the prevalent model at the global level. The Chinese model of generating incomes both in the investing and the host country through building infrastructures is challenging the industrial military complex model. This explains the very strong opposition to the BRI by western countries mainly USA and U.K. along with their strategic ally India.

Chinese investments are conferring economic, political and strategic benefits on China and the host countries, with the magnitude of benefits in the host country varying from country to country depending on how hard they were able to negotiate with the Chinese. The distribution of “technological rents” between the host country and the investing country depends on the bargaining power of the host country. Some countries bargain hard, others do not. What determines the bargaining power of any country? First, it depends on the leadership. And not on the charisma of the leader,

but on how much substance he/she has. How much rigors he or she has gone through. Second, the bargaining power of leaders depends both on their personal honesty and institutional development of the country. The independence of the judiciary and institutions whose responsibility it is to nab white collar crimes is vital to ensure that the leadership will protect the interest of the country in drawing up agreements with other countries. That social benefits are not sacrificed for personal gains. Since there is zero tolerance for corruption at the highest level in China, the Chinese Government has an advantage in negotiating with governments from countries which are more tolerant towards corruption. Due to the fact that personal gains do not enter the calculations, Chinese Government negotiates the best deal that they can secure for China. And governments in countries where there is greater tolerance for corruption do not bargain hard.

Moreover, many trade agreements between China and other countries are based on Emmanuel's famous "unequal exchange" [Emmanuel A.]. This can be gauged by looking at the composition of China's exports to developing countries which consist of electrical and electronic equipment, machinery, mobile phones, organic chemicals, etc., while developing countries are mostly exporting raw materials, fuel and minerals to China. China is exporting products with high technological content, but most of the third world countries are exporting raw materials, fuel and minerals in raw form. This confers advantages to importers of raw material and minerals on account of low income and price elasticity of demand for these products and high income and price elasticity of demand for hi tech products. A comparison of the composition of Chinese exports with China's trade partners in the developing world shows that while China has developed its dynamic comparative advantage, its trading partners are still producing and exporting in accordance with their static comparative advantage.

In addition to the problem of unequal exchange, another problem that exporters of natural resources in raw form face is on account of the "resource curse". By adding value to natural resources, exporters are able to get a higher price, but the process of adding value generates incomes, which along with the virtuous cycles and the multiplier effects brings prosperity to the country. But if these resource rich countries haven't invested in their resources and China has, the pattern of production and exchange will reflect present realities, instead of what we desire them to be.

4. Policy Implications and Conclusions

Chinese investments in port development, highways, railway lines and power indeed offer a win-win situation to less developed countries who have been disillusioned with the IFIs during the last seventy years. These investments will not only bring development and prosperity to these countries, it will also change the present world order that brings prosperity to rich countries through very uncivilized and cruel means. Countries that are critical of Chinese investments, especially BRI and CPEC must be more positive, and as rightly pointed out by A. Wong (2019) instead of criticizing they must present some alternatives that would increase the available choices to the developing world.

Moreover, in view of the high ethical standards practiced in China, one can expect that the Chinese government advise their companies to abide by the same ethical principles in friendly countries as well. And it is also for the host countries to try to improve governance and tighten the noose around the corrupt in their countries, so that the Chinese companies don't feel that the only way to get things done is through paying bribes and adopting corrupt practices.

And very importantly, the pattern of production and exchange between China and her trading partners will remain what it is, until such time that the latter industrialize and develop their economies in accordance with their dynamic comparative advantage. And if China is importing iron and steel for building its infrastructure, it has to import these in raw form. Having said that, if China is importing gold, silver, copper, etc. to add value to them, wouldn't it be better to establish such industries in the country exporting the natural resource to China. This will not only turn the "curse" afflicting exporters of natural resources into a "blessing". It will also help to achieve China's goal of dispersing some industries out of China, positively impacting on environmental degradation which is becoming a serious problem in China. But what is really important, such a strategy will give the message that China is not another colonial power involved in the exploitation of resources of less developed countries, but one of their own, that understands the problems of under development and is prepared to go an extra mile to correct the imbalances.

Библиографический список

Emmanuel A. Unequal Exchange: A Study of the Imperialism of Trade. London, UK; New York: The Monthly Review Press, 1972. 453 p.

Foreign Relations of China // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Foreign_relations_of_China (accessed: 08.04.2020).

Li Chenyang, Yang Xiangzhang. China's Cooperation with Neighboring Developing Countries: Achievements and Challenges Ahead // China Quarterly of International Strategic Studies. 2019. Vol.5. P. 33—48. DOI: 10.1142/S2377740019500040

Mitchell Derek J. China and the Developing World (Chapter). URL: <https://csis-prod.s3.amazonaws.com/> (accessed: 22.04.2020).

Mosley Paul, Harrigan Jane, Toye John. Aid and power: The World Bank and policy-based lending. Routledge, London and New York, 1991. Vol. I: Analysis and Policy Proposals. 371 p.; Vol. II: Case Studies. 443 p.

Observatory of Economic Complexity. URL <https://oec.world/en/profile/country/> (accessed: 28.04.2020).

Sachs Jeffrey D. Challenges of sustainable development under globalization // International Journal of Development Issues. 2005. Vol. 4. No 2. P. 1—20. URL: <http://doi.org/10.1108/eb045851>. DOI: 10.1108/eb045851.

Singer Hans W. Are the Structural Adjustment Programmes Successful? / Applied Economics Research Centre // Pakistan Journal of Applied Economics. 1995. Vol. 11. P. 1—15.

Sino-Third World Relations // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Sino-Third_World_relations (accessed: 22 April, 2020).

Statista — Global No.1 Business Data Platform. URL: <http://www.statista.com> (accessed: 28.04.2020, 01.05.2020).

Stiglitz Joseph E. Globalization and Its Discontents. NY: W.W. Norton & Company, Inc., 2002. 282 p.

Szunomar Agnes. China's relations with the developing world: a new type of colonialism or a fruitful cooperation? // China's changing competitiveness: shaking up or waking up the European Union? / ed.: Agnieszka McCaleb. Warsaw: Warsaw School of Economics, 2014. P. 95—119.

Trainer T.H. Two common mistakes about globalisation // International Journal of Sociology and Social Policy. 2000. Vol. 20. No 11/12. P. 46—58. URL: <https://doi.org/10.1108/01443330010789278>. DOI: 10.1108/01443330010789278.

Wizarat Shahida. Fighting imperialism: liberating Pakistan. Karachi: Centre for Research & Statistics, 2011. 360 p.

Wizarat Shahida. Keynote Address, Growing Thrust of Challenges on Third World Countries and Our Individual and Collective Response // International Conference on Business Strategy and Social Sciences, Asian Economic and Social Society (AESS), 16—17 August 2014, Kuala Lumpur, Malaysia.

Wizarat Shahida. Natural Resources, Conflict and Growth: Uncovering the Transmission Mechanism / Asian Economic and Social Society (AESS) // Asian Economic and Financial Review (AEFR). 2014. Vol. 4. No 8. P. 987—1000.

Wizarat Shahida. Natural Resources, Conflict and Growth Nexus / Asian Economic and Social Society (AESS) // Asian Economic and Financial Review (AEFR). 2013. Vol. 3. No 8. P. 1063—1082.

Wong Audrye. China's Economic Statecraft under Xi Jinping, Belt and Road Forum for International Cooperation. URL: <https://www.brookings.edu/articles/china-as-economic-statecraft-under-xi-jinping/> (accessed: 17.04.2020).

World Integration Trade Solution (WITS) / The World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org> (accessed: 28.04.2020).

References

Emmanuel, A. (1972). Unequal Exchange: A Study of the Imperialism of Trade, London, UK; New York: *The Monthly Review Press*, 453 p.

Foreign Relations of China, *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Foreign_relations_of_China (accessed: 8 April, 2020).

Li Chenyang, Yang Xiangzhang (2019). China's Cooperation with Neighboring Developing Countries: Achievements and Challenges Ahead, *China Quarterly of International Strategic Studies*. Vol. 5: 33—48. DOI: 10.1142/S2377740019500040

Mitchell, Derek J. (2006). China and the Developing World (Chapter). URL: <https://csis-prod.s3.amazonaws.com/> (accessed: 22 April, 2020).

Mosley, Paul; Harrigan Jane and Toye John (1991). Aid and power: The World Bank and policy-based lending, *Routledge, London and New York*, Vol. I: Analysis and Policy Proposals, 371 p.; Vol. II: Case Studies, 443 p.

Observatory of Economic Complexity. URL <https://oec.world/en/profile/country/> (accessed: 28 April, 2020).

Sachs, Jeffrey D. (2005). Challenges of sustainable development under globalisation, *International Journal of Development Issues*, Vol. 4 (2): 1—20. URL: <http://doi.org/10.1108/eb045851>. DOI: 10.1108/eb045851

Singer, Hans W. (1995). Are The Structural Adjustment Programmes Successful?, *Applied Economics Research Centre, Pakistan Journal of Applied Economics*, Vol. 11: 1—15.

Sino-Third World Relations, *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Sino-Third_World_relations (accessed: 22 April, 2020).

Statista — Global No.1 Business Data Platform. URL: <http://www.statista.com> (accessed: 28 April, 2020; May 1, 2020).

Stiglitz, Joseph E. (2002). *Globalization and Its Discontents*, NY: *W.W. Norton & Company, Inc.*, 282 p.

Szunomar, Agnes (2014). China's relations with the developing world: a new type of colonialism or a fruitful cooperation? (Chapter), *China's changing competitiveness: shaking up or waking up the European Union?*, (Ed.: Agnieszka McCaleb), *Warsaw School of Economics*: 95—119.

Trainer, T.H. (2000). Two common mistakes about globalisation, *International Journal of Sociology and Social Policy*, Vol. 20 (11/12): 46—58. URL: <https://doi.org/10.1108/01443330010789278>. DOI: 10.1108/01443330010789278.

Wizarat, Shahida (2011). Fighting imperialism: liberating Pakistan, *Karachi: Centre for Research & Statistics*, 360 p.

Wizarat, Shahida (2013). Natural Resources, Conflict and Growth Nexus, *Asian Economic and Social Society (AESS)*, *Asian Economic and Financial Review (AEFR)*, Vol. 3 (8): 1063—1082.

Wizarat, Shahida (2014). Keynote Address, Growing Thrust of Challenges on Third World Countries and Our Individual and Collective Response, *International Conference on Business Strategy and Social Sciences, Asian Economic and Social Society (AESS)*, 16—17 August, 2014, Kuala Lumpur, Malaysia.

Wizarat, Shahida (2014). Natural Resources, Conflict and Growth: Uncovering the Transmission Mechanism, *Asian Economic and Social Society (AESS)*, *Asian Economic and Financial Review (AEFR)*, Vol. 4(8): 987—1000.

Wong, Audrye (2019). China's Economic Statecraft under Xi Jinping, Belt and Road Forum for International Cooperation. URL: <https://www.brookings.edu/articles/chinas-economic-statecraft-under-xi-jinping/> (accessed: 17 April, 2020).

World Integration Trade Solution (WITS), *The World Bank*. URL: <http://wits.worldbank.org> (accessed: 28 April, 2020).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10013

Л.Е. Васильев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу основных направлений политики Китая в Юго-Восточной Азии (ЮВА), а также оценке наиболее значимых векторов международной активности КНР на ближайшую перспективу.

Отмечается, что современный Китай не только занимает лидирующие позиции в указанном регионе, но и прилагает немалые усилия для углубления и расширения зависимости государств АСЕАН от сотрудничества с КНР в экономической сфере. В этих целях Пекин разворачивает реализацию одного из крупнейших мировых экономических проектов «Морской Шёлковый путь XXI века» (МШП-21), в котором предполагается участие большинства государств ЮВА.

В результате проведенного анализа, автор приходит к выводу о том, что в настоящее время самая серьезная внешнеполитическая угроза для КНР сопряжена с провозглашением новой администрацией США курса на жесткое соперничество с Китаем на международной арене. Вашингтон недвусмысленно напоминает Пекину о возможном блокировании реализации геополитических интересов Китая как на Юго-западе (Индийский океан), так и на Юго-востоке (Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря).

В статье отмечается, что сотрудничество Китая и государств ЮВА в политической сфере выстроено на прочном фундаменте —

на близости взглядов относительно путей решения важнейших мировых и региональных проблем. Государства АСЕАН совместно с КНР выступают за многополярное устройство международных отношений, равенство и взаимоуважение между странами, уважение суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела суверенных государств. В статье подчеркивается, что уже в начале 2000-х годов отношения Китая с большинством стран — участниц АСЕАН вышли на уровень стратегического или всеобъемлющего партнерства.

Вместе с тем автор обращает внимание на то, что среди государств ЮВА все чаще высказываются серьезные опасения в связи с ростом китайского национализма, частыми проявлениями Китаем имперских амбиций в отношениях с малыми государствами, а также нарастанием военной мощи КНР.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, Китай, АСЕАН, экономическое сотрудничество, региональная безопасность, геополитика.

Автор: Васильев Леонид Евгеньевич, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: levdvina@mail.ru

L.E. Vasiliev

Some Aspects of China's Policy in Southeast Asia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main directions of China's policy in South-East Asia, as well as the assessment of the most significant vectors of China's foreign policy in the near future.

The article acknowledges, that modern China not only occupies leading positions in the region, but also makes considerable efforts to deepen and expand the dependence of the ASEAN States on cooperation with China in the economic sphere. To this end, Beijing is launching one of the world's largest economic projects — the Maritime Silk road of the XXI century, in which the majority of Southeast Asian States are expected to participate.

As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that at present the most serious foreign policy threat to the PRC is represented by the proclamation by the new US administration of a course of hard competition with China in the international arena. Washington explicitly reminds Beijing of the possible blocking of the implementation of China's geopolitical interests both in the Southwest (Indian ocean) and in the Southeast (South China and East China seas).

The article also notes, that cooperation between China and the Southeast Asian States in the political sphere is built on a solid foundation — on the similarity of views on ways to solve the most important global and regional problems. The ASEAN States, together with the PRC, stand for a multipolar structure of international relations, equality and mutual respect between countries, respect for sovereignty, territorial integrity and for non-interference in the internal affairs of sovereign States. The article emphasizes, that already in the early 2000s China's relations with most of the ASEAN member countries have reached the level of a strategic or comprehensive partnership.

However, the author draws attention to the fact, that now Southeast Asian countries increasingly express serious concerns about rising of Chinese nationalism, frequent manifestations of China's imperial ambitions in its relations with small States, as well as by the growing military power of China.

Keywords: Southeast Asia, China, ASEAN, economic cooperation, regional security, geo-politics.

Author: Leonid Ye. VASILIEV, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: levdvina@mail.ru

1. Факторы, влияющие на политику Китая в Юго-Восточной Азии

Юго-Восточная Азия — одно из традиционных направлений китайской внешней политики на протяжении многих столетий. Приоритетность данного направления в настоящее время обусловлена прежде всего принятием новой китайской стратегии развития государства: превращения КНР в крупнейшую мировую державу. В этом плане значение Юго-Восточной Азии (ЮВА) для реализации новых китайских амбиций трудно переоценить.

Такое положение обусловлено следующими факторами.

Первое. Сама география морей и проливов, прилегающих к государствам ЮВА, обуславливает стратегическую связь между двумя океанами — Тихим и Индийским. Такое расположение региона предоставляет Китаю возможность контроля над морскими путями из США и Японии в Индию и на Ближний Восток, а также в Европу.

При этом следует учитывать, что основной поток ближневосточной нефти как в КНР, так и в США, проходит именно этим маршрутом.

Второе. Географическое положение государств ЮВА (в основном это государства АСЕАН) относительно территории Китая — чрезвычайно важно с точки зрения обеспечения безопасности южных и юго-восточных провинций КНР. Поэтому Китай, как и любое другое государство мира, кровно заинтересован в создании подконтрольного ему безопасного «буфера» вдоль своих границ.

Третье. Юго-Восточная Азия в настоящее время — один из наиболее интенсивно развивающихся регионов мира. Согласно данным 2019 г., ВВП государств АСЕАН, куда входят 10 стран ЮВА с населением 642 млн человек, составил 2,7 трлн долл., а товарооборот — 2,6 трлн долл. [Ассоциация государств ЮВА...]. Причем, в 2019 г. АСЕАН вышла на 2-е место в мире по объему товарооборота с Китаем, опередив по этой позиции США. Поэтому экономическое сотрудничество КНР со странами ЮВА имеет приоритетное для обеих сторон значение. При этом очевидно, что рост китайской экономики является стимулом развития ЮВА. Государства же АСЕАН представляют собой один из крупнейших мировых рынков сбыта для китайских товаров и услуг.

Таким образом, выстраивание многовекторных отношений с государствами Юго-Восточной Азии носит для Китая значимый характер. К тому же, в последнее время стали проявляться новые тенденции в развитии этих отношений, которые могут оказать значительное влияние как на обстановку в регионе, так и на мировые политико-экономические тренды в целом. Рассмотрим некоторые из них.

2. Основные тенденции экономического сотрудничества Китая и государств АСЕАН на ближайшую перспективу

Основой экономического взаимодействия КНР с государствами ЮВА является взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество, двусторонние инвестиционные процессы, а также здоровый прагматизм, который зиждется на понимании китайской стороной

того, что хозяйственная привлекательность Китая является залогом его прочных позиций в регионе.

В качестве комментария приведем некоторые цифры: так, по данным агентства Синьхуа на январь 2020 г., товарооборот государств АСЕАН и Китая за последние 20 лет, начиная с 2000 г., вырос с 32 до 642,7 млрд долл. Для сравнения: товарооборот США и КНР до 541,2 млрд долл., а АСЕАН и США до 334 млрд долл.

В Пекине прекрасно осознают важность дальнейшего углубления «взаимосвязанности» КНР и государств АСЕАН. Этому должна способствовать работа созданного в основном на деньги Китая Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Банк призван обеспечивать финансирование одного из крупнейших трансрегиональных проектов в области инфраструктуры — «Морского Шелкового пути XXI века» (МШП-21), о котором речь пойдет ниже.

Следует напомнить, что финансово-экономический кризис 1997 г., когда КНР оказала государствам ЮВА серьезную финансовую помощь, парадоксальным образом принес Китаю значительные экономические и политические дивиденды. В ходе кризиса значительно уменьшилось влияние конкурентов КНР — Японии и Южной Кореи, а также существенно ослабли позиции США в регионе. Кроме того, благодаря массивным финансовым вливаниям Китай еще больше привязал к себе государства Юго-Восточной Азии, попадавшие в финансовую зависимость от него.

В результате Китай превратился в крупнейшего инвестора Юго-Восточной Азии. При этом следует учитывать и тот факт, что если Япония и Южная Корея вкладывали капиталы в обрабатывающую промышленность региона, то стратегическая линия Китая тогда состояла в том, чтобы посредством целевых, «связанных» инвестиций гарантировать себе бесперебойность поставок природных ресурсов. А в настоящее время основной инвестиционный интерес КНР состоит в реализации инфраструктурных проектов.

Следует признать, что современный курс Пекина в ЮВА нацелен на обеспечение дальнейшего роста значимости Китая для Юго-Восточной Азии как инвестора и кредитора, негативизацию имиджа его основных конкурентов в регионе, а также на втягивание государств ЮВА в финансовую и долговую зависимость от КНР. Бо-

лее того, следует признать и то, что такая линия служит эффективным инструментом реализации китайской политики «проникновения и усиления влияния изнутри».

Главным экономическим начинанием КНР в ЮВА в настоящее время является проект МШП-21. Важность данного проекта для Китая обусловлена тем, что 90 % внешней торговли страны и 60 % его импорта энергоносителей осуществляется морским путем. Немаловажен и тот факт, что практически единственный морской маршрут, по которому в другие регионы мира перевозятся китайские товары, а в Китай поставляются энергоносители, проходит через Южно-Китайское море (далее — ЮКМ). Учитывая географическое положение ЮКМ, а также прилегающих к нему проливов, нетрудно заметить возможность военно-морской блокады китайской территории крупной группировкой, например, ВМС США. Поэтому Китай в целях обеспечения безопасности его морских перевозок кровно заинтересован в диверсификации своих торгово-экономических путей. Решению данной проблемы и должна способствовать реализация проекта МШП-21.

Стратегия «Морского Шёлкового пути» была озвучена в программном документе Концепция морского сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь», разработанном Государственным комитетом по делам развития и реформ КНР и Государственным океанологическим управлением КНР. Согласно этому документу, проект предполагает создание трех «голубых экономических коридоров»: «Китай—Индийский океан—Африка—Средиземное море—Европа»; «Китай—Океания—южная часть Тихого океана»; «Китай—западная часть Тихого океана—Северный Ледовитый океан—Европа» [Игнатьев].

Таким образом, стратегия «Морского Шёлкового пути» — это попытка формирования крупнейшего в мире экономического коридора, проходящего через территории государств с общим объемом производства до 21 трлн долл. и населением, превышающим 4,4 млрд человек (что составляет 63 % населения мира) [Комиссина]. Финансирование реализуемой стратегии планируется осуществлять с привлечением таких институтов, как АБИИ, Банк Морского Шёлкового пути, а также Фонд Шёлкового пути. В рамках проекта

Китай планирует предоставлять инвестиции и кредиты на цели развития портов, причалов, судостроительной отрасли, активно участвовать в сотрудничестве в области безопасности на морях.

Большинство государств ЮВА в целом поддерживает реализацию стратегии МШП-21, надеясь на поступление прямых китайских инвестиций в свою экономику. Каждая из этих стран намеревается реализовать собственные проекты, в том числе и за счет иностранных капиталовложений. Так, Индонезия, стремящаяся стать морской державой и создать мощный флот, нуждается для этих целей более чем в 55 млрд долл. Таиланд, заинтересованный в строительстве канала Кра, соединяющего Южно-Китайское море с Андаманским в обход Малаккского пролива, планирует получить на эти работы порядка 30 млрд долл. Некоторые из государств АСЕАН, например, Камбоджа, надеются обрести за счет участия в проекте МШП-21 стратегическую поддержку от Китая в деле обеспечения безопасности на своих границах с Таиландом и Вьетнамом.

В то же время практическая реализация проекта, например, в Пакистане, дает государствам ЮВА возможность на деле ознакомиться с общими принципами, которыми руководствуется Китай, осуществляя стратегию «Морского Шёлкового пути». Прежде всего, это получение КНР максимально возможного контроля над всем процессом строительства проектных объектов и деятельностью компаний-подрядчиков.

Кроме того, все вложения должны быть не только окупаемыми, но и «соответствовать дипломатической стратегии» Китая, которая направлена, прежде всего, на обеспечение условий для экономического процветания самой КНР. Финансирование проектов осуществляется в счет низкопроцентных займов, отдавать которые необходимо будет или деньгами, или предоставлением контроля над построенными объектами. Другими словами, потенциал большой долговой массы может быть использован для политического давления на руководство тех стран, на территории которых осуществляется проект [Коростиков].

Можно привести такой пример из практики реализации МШП-21 в Пакистане: там китайские инвестиции достигли, по некоторым оценкам, 50–60 млрд долл., а ВВП Пакистана в 2018 г. со-

ставил лишь 303 млрд долл. Таким образом, задолженность Пакистана перед Китаем, составляющую пятую часть пакистанского ВВП, придется либо выплачивать, либо в счет ее погашения передавать китайской стороне контроль над построенными в рамках проекта объектами. Аналогичным примером может послужить Шри-Ланка, которая была вынуждена передать Китаю управление своим портом Хамбанота, реконструированным в рамках МШП-21, в аренду на 99 лет, так как не смогла выплатить долги по займу в размере 1,5 млрд долл. [Куприянов].

К основным принципам, которым следует Пекин в ходе реализации проекта, относится и предпочтительное использование китайской рабочей силы, собственных материалов, стандартов и техники. Для охраны вновь создаваемых объектов КНР планирует привлекать тысячи сотрудников китайских военных и охранных компаний. Более того, в Пекине всерьез изучают вопрос о размещении войск НОАК на территориях государств-участников МШП-21, в частности — Пакистана. В Юго-Восточной Азии государством, где может быть учреждена база китайских ВС, может стать Камбоджа.

Таким образом, КНР, реализуя стратегию «Морской Шёлковый путь XXI века», в международных отношениях строго следует своему ключевому стратегическому принципу — «экономика определяет геополитику». Во внешнеполитическом плане этот принцип подразумевает достижение следующих целей: диверсификацию и обеспечение безопасности морских поставок товаров и энергоресурсов, углубление «взаимосвязанности» с государствами ЮВА и их зависимости от КНР, а также существенное расширение рынка для китайских товаров по всему миру.

Во внутриполитическом аспекте реализация стратегии МШП-21 позволит Китаю рентабельно вложить свободные денежные средства в проекты с высокой окупаемостью и долгосрочной выгодой; решить проблемы развития западных провинций страны; существенно увеличить количество рабочих мест.

В отношении государств ЮВА, задействованных в реализации стратегии, можно отметить следующее: конечно, участие в таком масштабном начинании сулит серьезные экономические выгоды. Однако, как показала практика, Морской Шёлковый путь имеет не-

мало «подводных камней», игнорирование или незнание которых может привести к весьма нежелательным последствиям. Следует всегда иметь в виду, что «бесплатный сыр — только в мышеловке».

3. Военно-политическая составляющая политики Китая в Юго-Восточной Азии

Если оценивать сотрудничество Китая и государств ЮВА в политическом ключе, то можно однозначно сказать, что они выстроены на прочном фундаменте — на близости подходов к вопросам решения важнейших мировых и региональных проблем. Государства АСЕАН совместно с КНР выступают за многополярное устройство международных отношений, равенство и взаимоуважение между странами, уважение суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

В начале 2000-х годов отношения Китая с большинством государств АСЕАН вышли на уровень стратегического или всеобъемлющего партнерства. Традиционно тесные связи поддерживаются с Камбоджей, Лаосом и Мьянмой. Налаживаются и расширяются контакты с Индонезией и Малайзией. Традиционно сложными для Китая остаются отношения с Вьетнамом, Сингапуром и Филиппинами. Однако и здесь трудно не заметить прогресс, хотя «шероховатости» и острые вопросы наблюдаются и донныне [Власов].

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно утверждать, что позиции Китая в Юго-Восточной Азии достаточно прочны и сохранятся таковыми в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Тем не менее, необходимо также рассмотреть и нерешенные проблемы в отношениях Китая и государств Юго-Восточной Азии, мешающие развитию диалога сторон, а в будущем способные привести к осложнению обстановки в регионе. Основные из них можно разделить на три группы: проблема Южно-Китайского моря и островов Спратли/Наньша, противостояние и борьба между КНР и США за лидерство в регионе, нарастание военной мощи Китая, а также рост националистических настроений внутри него.

Как уже было сказано, для КНР Южно-Китайское море имеет жизненное значение, так как через него происходит основной това-

рообмен Китая с остальным миром. Кроме того, по оценкам экспертов, в акваториях ЮКМ и Восточно-Китайского моря находятся значительные запасы энергоресурсов, так необходимых Китаю. Помимо КНР, на острова Спратли/Наньша претендуют еще пять стран и территорий — Бруней, Вьетнам, Малайзия, Филиппины и Тайвань.

Сейчас Пекин решает главную, двуединую проблему его политики в отношении ЮКМ: отстаивать китайские интересы, с одной стороны, и сохранить лидерство и благоприятные отношения с государствами АСЕАН — с другой. В первой части он уже обеспечил контроль за более чем 20 небольшими островами и рифами в ЮКМ. На шести из них размещены военные гарнизоны численностью до 1 тыс. человек. Построены казармы и склады, установлены радиолокационные станции и зенитные батареи, сооружены причалы. Постоянно здесь патрулируют от 3 до 20 боевых кораблей и катеров ВМС КНР. Протесты прибрежных государств (Вьетнама, Малайзии, Филиппин и Брунея) игнорируются, а соответствующие решения международных юридических инстанций (Постоянной палаты третейского суда в Гааге) — не признаются.

В целях сглаживания напряженности в отношениях с государствами ЮВА по проблеме ЮКМ Китай договорился установить с ними «горячую линию» для быстрого реагирования в случае возникновения конфликтных ситуаций на море, а также более широко использовать средства Фонда морского сотрудничества «АСЕАН—КНР».

Кроме того, у Пекина есть возможность активно использовать заинтересованность государств ЮВА в китайском проекте МШП-21. Например, такие государства, как Индонезия, Камбоджа, Лаос, Мьянма, имея перед собой перспективу значительной экономической выгоды, которую может принести их участие в проекте МШП-21, вряд ли захотят испортить отношения с Китаем из-за проблемы ЮКМ. Это обстоятельство может привести к расколу в рядах АСЕАН по вопросу противостояния «экспансии» Китая в Южно-Китайском море, включая острова Спратли/Наньша, что значительно усилит позиции Пекина в этом регионе.

По всей видимости, Китай будет жестко отстаивать свое право на почти всю акваторию ЮКМ, предпочитая вести переговоры строго на двусторонней основе с каждой из заинтересованных сторон. Си

Цзиньпин, выступая на XIX съезде КПК в 2017 г., заявил: «Китай никому не позволит отделить любую часть китайской территории от Китая — когда-либо и где-либо» [Морской Шелковый путь...].

Как и в случае Китая, для США Юго-Восточная Азия имеет важнейшее стратегическое значение, так как через данный регион проходят основные морские пути транспортировки энергоресурсов с Ближнего Востока к Западному побережью Америки. Кроме того, Юго-Восточная Азия, как уже было сказано, является одним из самых быстроразвивающихся регионов мира, а численность ее населения обуславливает огромные возможности внутрирегионального рынка. И само географическое расположение государств ЮВА способствует созданию, в случае надобности, серьезной угрозы безопасности Китая с южного и юго-восточного направлений.

Поэтому США жестко отстаивают свои интересы по вектору Юго-Восточной Азии и стараются путем постоянного дислоцирования в регионе своих ВС держать ситуацию под контролем. Более того, в настоящее время наблюдается нарастание «мягкого» противостояния между Вашингтоном и Пекином по многим вопросам как в экономике, так и политике, причем не только в ЮВА, но и по всему миру. Что интересно: нарастание напряженности между США и КНР происходит при полном сохранении их взаимозависимости.

Следует отметить, что если Китай привлек к себе государства ЮВА созданием совместной зоны свободной торговли (ЗСТ), возможностями взаимных инвестиций, выгодными перспективами участия в реализации МШП-21, то США «заманивают» их гарантиями защиты их безопасности от того же Китая, поддержкой их претензий на владение частью акватории ЮКМ и островов Спратли/Наньша. Кроме того, США и АСЕАН начиная с 2010 г. также торгуют в режиме ЗСТ.

Учитывая сложившуюся ситуацию, в Вашингтоне понимают, что в настоящее время США, учитывая их внутренние социально-экономические трудности, сложную международную обстановку и просто особенности географического положения ЮВА относительно территорий Китая и США, не могут составить конкуренцию Пекину в регионе. Белый дом сознает, что КНР вряд ли уступит свое лидерство в Юго-Восточной Азии в обозримой перспективе.

Вместе с тем сомнительно, что китайское руководство пойдет на обострение обстановки в ЮВА, так как сохранение там статус-кво в первую очередь выгодно самому Пекину. При этом нужно учитывать тот факт, что вооруженные силы США и Китая пока несопоставимы по своей боевой мощи.

Итак, Юго-Восточная Азия — это регион, одинаково стратегически важный как для США, так и Китая, и «уступать» его никто не намерен. Утрата или просто ослабление позиций в нем будет не только «потерей лица» перед мировым сообществом, но в будущем, наверняка, сыграет ключевую роль в борьбе за мировое лидерство. Следует отметить и то, что во избежание негативных для себя последствий, государства АСЕАН, как правило, принимают решения ни в пользу США, ни в пользу Китая.

В заключение необходимо подчеркнуть следующее: несмотря на усиливающуюся взаимозависимость Китая и государств ЮВА, последние всерьез опасаются роста национализма внутри КНР, а также нарастания ее военной мощи. Здесь же следует отметить, что 75 % мировой китайской диаспоры нашло пристанище в Юго-Восточной Азии, что, по разным оценкам, может составлять от 27 до 65 млн человек. Богатые и экономически сильные китайские диаспоры проживают в Сингапуре, Филиппинах, Малайзии, Индонезии и Таиланде; этнические китайцы контролируют значительную часть экономик этих стран. По мере усиления КНР эти диаспоры будут все больше отождествлять себя с имперским Китаем, что, несомненно, подстегнет мировые амбиции Пекина и может подтолкнуть его к попытке воссоздать былое «срединное государство» в том или ином виде.

Суммируя все вышеизложенное, можно утверждать, что в кратко- и среднесрочной перспективе Китай сохранит свое главенствующее положение в Юго-Восточной Азии и его лидерству там никто серьезно не угрожает. В то же время углубляется обеспокоенность стран региона, вызванная ростом экономической и военно-политической мощи КНР, а также все более отчетливо проявляющимся китайским национализмом. Как заявил один из известных американских аналитиков, «В ЮВА считают, что Китай стал силой, которую не остановить. А сопротивляться бесполезно. Но большинству людей такое положение не по нутру» (приводится по [Скосырев]).

Библиографический список

Ассоциация государств ЮВА. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 15.05.2020).

Власов Н.В. Современная политика Китайской Народной Республики в Юго-Восточной Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2015. No 3(42). С. 60—67. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/352/352#> (дата обращения: 15.05.2020).

Игнатъев С.В. Юго-Восточная Азия в проекте КНР «Морской шелковый путь XXI века»: аспекты безопасности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1. No 2(39). С. 40—49.

Комиссина И.Н. «Морской Шелковый путь XXI века» — глобальный геополитический проект Китая // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 1. URL: <https://riss.ru/bookstore/journal/2017-2/journal-1/> (дата обращения: 15.05.2020).

Коростиков М. Большой путь видится на расстоянии. Почему опыт взаимодействия Китая и Пакистана важен для России // Коммерсантъ. 01.07.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3341831> (дата обращения: 15.05.2020).

Куприянов А. Китай получил в аренду на 99 лет стратегически важный пункт у индийских берегов // Известия. 18.12.2017. URL: <https://iz.ru/683465/aleksei-kupriyanov/port-somnenni> (дата обращения: 15.05.2020).

Морской Шелковый путь как часть стратегии Китая. URL: <http://invoen.ru/analitika/> (дата обращения: 15.05.2020).

Скосырев В. Пекин по-своему обустроит Юго-Восточную Азию // Независимая газета. 21.03.2019. URL: <http://www.ng.ru/> (дата обращения: 20.02.2020).

References

Associaciya gosudarstv UVA [The Association of Southeast Asia States]. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (accessed: 15 May, 2020). (In Russian).

Ignatyev, S.V. (2018). Sovremennaya politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki v Ugo-Vostochnoj Azii [Southeast Asia in the PRC's project "The 21st Century Maritime Silk Road": the aspects of security], *Ugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya [Southeast Asia: actual problems of development]*, Vol. 1(2(39)): 40—49. (In Russian).

Komissina, I.N. «Morskoj Shelkovyj put' XXI veka» — global'nyj geopoliticheskij projekt Kitaya ["The 21st Century Maritime Silk Road" — a global geopolitical project of China], *Problemy nacional'noj strategii [The issues of national strategy]*, No 1. URL: <https://riss.ru/bookstore/journal/2017-2/journal-1/> (accessed: 15 May, 2020). (In Russian).

Korostikov M. (2017). Bol'shoj put' viditsya na rasstoyanii. Pochemu opyt vzaimodejstviya Kitaya i Pakistana vazhen dlya Rossii [A long way is seen at a distance. Why the experience of cooperation between China and Pakistan is important for Russia], *Kommersant [The Businessman]*, July 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3341831> (accessed: 15 May, 2020). (In Russian).

Kupriyanov A. (2017). Kitaj poluchil v arendu na 99 let strategicheski vazhnyj punkt u indijskih beregov [China has received a lease for 99 years a strategically important point near the Indian coast], *Izvestiya*, December, 18. URL: <https://iz.ru/683465/aleksei-kupriyanov/port-sommenii> (accessed: 15 May, 2020). (In Russian).

Morskoj Shelkovyj put' kak chast' strategii Kitaya. [Maritime Silk Road as a part of China's strategy development]. URL: <http://invoen.ru/analitika/> (accessed: 15 May, 2020). (In Russian).

Skosyrev, V. (2019). Pekin po-svoemu obustroit Ugo-Vostochnuyu Aziyu [Beijing will modify Southeast Asia in his own way], *Nezavisimaja Gazeta [The Independent Gazette]*, March, 21. URL: <http://www.ng.ru/> (accessed: 20 February, 2020). (In Russian).

Vlasov, N.V. (2015). Sovremennaya politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki v Ugo-Vostochnoj Azii [The Contemporary Chinese Policy in Southeast Asia], *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*, No 3(42): 60–67. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/352/352#> (accessed: 15 May, 2020). (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10014

Н.А. Замараева

КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ДВУСТОРОННИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу китайско-пакистанских отношений с периода последних лет XX века до 2020 г.

В XX веке страны находились в разных идеологических лагерях — Пакистан в так называемом западном лагере, Китай — в коммунистическом. Несмотря на идеологические различия, отношения сторон развивались устойчиво и в основном в военной и политической сферах. Особенностью внешней политики Китая на пакистанском направлении остается ее «всепогодность», независимо от типа правления в Исламабаде: будь то парламентская республика, президентская республика, военные администрации, военно-гражданские администрации либо парламентская республика при сильном укреплении позиций генералитета в государственных структурах и внешней политике страны. XXI век внес свои коррективы: активно стали развиваться торгово-экономические отношения КНР и Исламской Республики Пакистан (ИРП). В 2006 г. сторонами был заключен Договор о свободной торговле (ДСТ), льготный режим которой был значительно расширен в 2019 г.

Подписание в апреле 2015 г. соглашения о сооружении Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) проектной стоимостью в 46 млрд долл. (выделенных на строительство электростанций, транспортной инфраструктуры, особых экономических зон, порта Гвадар и т. д.) подтвердило стратегический характер отношений двух стран. Подписав соглашение по проекту КПЭК, Пе-

кин засвидетельствовал намерение создать на территории Пакистана транспортно-логистический «трек» для выхода к Персидскому заливу и далее — на рынки стран Среднего Востока, Европы, получая альтернативный доступ к акватории Индийского океана.

В свою очередь ИРП поддерживает проводимую Пекином политику «одного Китая», блокирует военными операциями террористические группировки, включая уйгурских боевиков-исламистов, в северных районах страны вблизи китайской границы.

Реализация первого этапа строительства объектов КПЭК (2015—2019 гг.) вызвала критику США и Индии, которые расценили успехи по сооружению «коридора» как свидетельство дальнейшего укрепления геостратегических позиций Китая в Южной Азии и на Среднем Востоке. Ныне осуществление проекта осложняется новыми вызовами.

Ключевые слова: Китай, Исламская Республика Пакистан (ИРП), стратегическое партнерство, торгово-экономические отношения, Договор о свободной торговле, Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК).

Автор: Замараева Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.
E-mail: olunja@mail.ru

N.A. Zamaraeva

China — Pakistan Relations: Bilateral and Regional Challenges

Abstract. The article is devoted to the study of China-Pakistan relations from the last years of the XX century until 2020.

In the XX century the countries belonged to different ideological “camps” — Pakistan was in so-called Western camp, China — in the communist one. Despite ideological differences, relations between the countries developed steadily, mainly — in military and political spheres.

The peculiarity of the Pakistani vector of Beijing’s foreign policy consists in the “all-weather” approach, which stays intact regardless of the form of government in Islamabad: whether it is a parliamentary republic, a presidential republic, military administrations, civil-military administrations or a parliamentary republic with strong positions of the military elite in domestic and foreign policy.

XXI century made its own adjustments: the parties began to develop actively their trade and economic relations. In 2006 the parties signed

The Free Trade Agreement (FTA), the preferential regime of which was significantly expanded in 2019.

The signing in April 2015 of the Agreement on the China-Pakistan-Economic Corridor (CPEC) (worth 46 bn USD) on the erection of power plants, transport infrastructure, Special Economic Zones, Gwadar port, etc. confirmed the strategic nature of China-Pakistan relations. By signing the Agreement, Beijing revealed its intention to create a transport and logistics “track” on the territory of Pakistan for access to the Persian Gulf and further — to the markets of the Middle East and Europe, gaining alternative access to the Indian ocean.

In turn, Pakistan supports Beijing's “one China” policy and blocks terrorist groups, including Uighur Muslim rioters, by military operations in the Northern regions of the country near the Chinese border.

The implementation of the first stage of the CPEC construction (2015—2019) sparked criticism from the United States and India, who viewed the success of the Corridor as further strengthening of China's geo-strategic positions in South Asia and the Middle East. Now the project implementation is complicated by some new challenges.

Keywords: China, Islamic Republic of Pakistan (IRP), strategic partnership, economic and trade relations, Free Trade Agreement, China-Pakistan economic corridor (CPEC).

Author: Natalia A. ZAMARAEVA, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: olunja@mail.ru

Первая четверть XXI века — это годы последовательных действий Пакистана, направленных на изменение стратегических приоритетов в его внешней политике и, как следствие, — на смену стратегического союзника с США на нового партнера — Китай. Отношения КНР и Пакистана развивались под влиянием нескольких факторов, к основным из которых следует отнести планы Пекина по выводу Китая на глобальные торговые рынки в рамках инициативы «Пояс и путь» (ИПП), а также давление США на Исламабад по разным вопросам (первоначально в рамках международной антитеррористической кампании в Афганистане (2001—2014 гг.), а позже — в контексте передачи ответственности за безопасность в стране афганским силовым структурам).

Ценность двустороннего стратегического партнерства и Китай, и Пакистан определяют через призму своих государственных интересов. Исламабад рассчитывает на инвестиционные возможности второй экономики мира и поддержку Пекина на международной арене. Китай же — на укрепление его позиции в мусульманском мире, при этом рассматривая территорию Пакистана как торгово-логистический мост на Ближний Восток, в Центральную Азию и Западную Европу.

Установив дипломатические отношения с Пакистаном еще в 1950 г., Китай следовал «пяти принципам мирного сосуществования». Это: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода и мирное сосуществование как таковое. Исламабад полностью разделил эти подходы.

Пакистан, оставаясь идеологическим партнером США в регионе в 1960-х — 1970-х годах входил в так называемый западный лагерь, враждебный коммунистическому Китаю. Несмотря на несогласие по ряду международных вопросов, в апреле 1999 г. Исламабад и Пекин подписали Соглашение о разработке одномоторного многоцелевого истребителя, летные испытания которого начались уже 2003 г.

КНР демонстрировала постоянство во взаимоотношениях с Пакистаном и, несмотря на неустойчивость его государственного строя и непрекращающуюся внутривнутриполитическую борьбу, сотрудничала со всеми администрациями в Исламабаде — военными, военно-гражданскими и сугубо гражданскими. Знакомясь с очередной правящей элитой Исламабада, Пекин подтверждал стратегический характер двусторонних отношений и предлагал конкретные меры по дальнейшему сближению двух стран. Это подкупало Исламабад. Захват генералами власти в ИРП в октябре 1999 г. привел к тому, что «Пакистан оказался в настоящей изоляции на международной арене... Мушарраф (глава исполнительной власти в ИРП. — *Н.З.*) изредка выезжал лишь в мусульманские страны и Китай» [Москаленко В.Н.].

Однако теракт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., начало анти-террористической кампании США/НАТО в Афганистане и присоединение к ней Пакистана в октябре 2001 г. имели неожиданное для Исламабада следствие: ИРП получила от Вашингтона статус вне-

блокового стратегического союзника по НАТО в борьбе с экстремистами. Это резко повысило вес Пакистана на международной арене, и генералу П. Мушаррафу даже «простили» захват власти. Однако ни США, ни другие страны альянса не стали спешить с оказанием Пакистану обещанной экономической или финансовой помощи.

На этом фоне в декабре 2001 г. генерал П. Мушарраф встретился с тогдашним председателем КНР Цзян Цзэминем и подписал семь пакистано-китайских соглашений. Каждый из лидеров видел свои выгоды: в обмен на экономическую помощь Пакистан гарантировал блокировку действий уйгурских сепаратистов в пограничных с Китаем районах, включая Гилгит-Балтистан, и в мае 2003 г. Пекин предложил Исламабаду 1 млрд долл. на реализацию энергетического проекта.

В годы правления Исламского эмирата Афганистан (1996—2001 гг.) исламистские настроения получили широкое распространение в регионе, включая китайский Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР КНР). Боевики запрещенного в России «Исламского движения Восточного Туркестана» (ИДВТ) заявили о создании независимого государства по аналогии с пакистанскими талибами, провозгласившими независимый Вазиристан в 2003 г. на Территории племен федерального управления на границе с Афганистаном. Боевики, базировавшиеся в СУАР, имели контакты с пакистанским движением Талибан (запрещено в ИРП, в России и ООН), располагавшимся в пакистано-афганском пограничье. Китай столкнулся с ростом сепаратизма уйгурских мусульман в Синьцзяне. Однако МИД КНР воздерживался от публичной критики Исламабада. А власти Пакистана заявляли, что не допустят использования своей территории для баз террористов.

Подписание в ноябре 2003 г. новым председателем КНР Ху Цзиньтао и генералом-президентом Пакистана П. Мушаррафом Совместной Декларации между Китайской Народной Республикой и Исламской Республикой Пакистан о развитии двустороннего сотрудничества подтверждало «образцовые отношения между государствами на основе принципов мирного сосуществования ООН и общих ценностей» [China-Pakistan Joint...]. Одновременно стороны

заявляли о серьезной угрозе региональной безопасности и стабильности со стороны сепаратизма, экстремизма и терроризма.

Торговое и экономическое сотрудничество двух стран набирало силу с самых первых лет XXI века в таких сферах, как сельское хозяйство, электроэнергетика, авиация и космические технологии, туризм, телекоммуникации, автоматизация, металлургия, информационные технологии, медицина, здравоохранение, нефтехимия, биотехнология, мирное использование атома, инвестиции. В 2003 г. стороны подписали Соглашение о преференциальной торговле [Preferential Trade Agreement]. Дальнейшее политическое и экономическое сближение Китая и Пакистана развивалось постепенно.

В апреле 2005 г. стороны сделали следующий шаг: они подписали: Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедских отношениях между Китайской Народной Республикой и Исламской Республикой Пакистан; Меморандум о взаимопонимании по Договору о свободной торговле и другим торговым вопросам между правительством Китайской Народной Республики и правительством Исламской Республики Пакистан; Договор по программе раннего сбора урожая (вступил в силу 1 января 2006 г.). Основная суть этих документов — расширение доступа к товарным рынкам, снижение торговых тарифов, предоставление таможенных льгот. Эти документы стали юридической базой будущего Договора о свободной торговле (ДСТ).

В ноябре 2006 г., в дни официального визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Исламабад, этот Договор и был заключен [The complete text...]. Договор ставил целью: увеличение объемов торговли; устранение таможенных барьеров и облегчение процедуры трансграничного передвижения товаров между государствами [Free Trade Agreement]. Пекин уверял Исламабад, что ДСТ придаст импульс пакистанскому экспорту в Китай. По данным Министерства торговли ИРП, объем двусторонней торговли удвоился с 4,1 млрд долл. в 2006—2007 гг. до 9,28 млрд долл. в 2012—2013 гг., но... только в пользу Пекина. Дефицит пакистанского торгового баланса в товарообороте с Китаем в рассматриваемые годы вырос более чем на 60 % [Pakistan, China to soften bank...].

Знаковым для обеих стран стал 2007 год. Президент ИРП генерал П. Мушарраф в торжественной обстановке открыл первые два причала порта Гвадар, расположенного на побережье Ормузского пролива. Пекин, вкладывая 280 млн долл. инвестиций в портовую инфраструктуру Пакистана, ставил целью развитие транспортной сети от Гвадара до Хунджераба¹ в районе Каракорумского шоссе и далее через Пекин — в Шанхай.

Кроме того, Китай для торговли с Ближним Востоком и Европой уже тогда планировал сформировать морскую альтернативу, «короткую» по сравнению с маршрутом через Малаккский пролив. В силу этого КНР намеревалась получить выход к теплым водам Ормузского пролива и далее — к рынкам углеводородов стран Персидского залива и Африки, используя логистическую поддержку Пакистана.

Исламабад, учитывая интерес КНР к обеспечению ее растущих инфраструктурных потребностей (включая получение доступа округа Кашгар в СУАР к внешним рынкам), решил предоставить свою территорию под китайские логистические планы, тем более, что один из механизмов вывода пакистанской экономики из кризиса он усматривал в рациональном использовании геостратегического положения ИРП.

В проекте «Один пояс, один путь» (далее — китайская инициатива «Пояс и путь» (ИПП) порту Гвадар была отведена роль торгово-логического центра и одновременно — «узла» сухопутных и морских путей, составляющих ИПП. Настоятельная потребность Китая в получении морского выхода одновременно и на Восток (в Индийский океан), и на Юго-запад (в страны Персидского залива и на африканский континент) поднимала логистическую значимость Гвадара.

В 2007 г. произошло еще одно знаменательное событие. В военном параде в Исламабаде 23 марта 2007 г. продемонстрировали свою мощь истребители-бомбардировщики JF-17, контракт на совместное производство которых был подписан еще в апреле 1999 г.

В феврале 2008 г. по итогам всеобщих парламентских выборов в ИРП победу одержала Пакистанская народная партия (ПНП). В ав-

---

¹ Перевал в горной системе Каракорум, расположенный вблизи китайско-пакистанской границы (Прим. ред.).

густе 2008 г. генерал П. Мушарраф под угрозой импичмента снял с себя полномочия президента страны. В сентябре 2008 г. пост главы ИРП занял Асиф Али Зардари. Стартовал новый этап китайско-пакистанских отношений, который совпал с социально-экономическими планами Пекина по подъему внутренних районов, сельского хозяйства, повышению уровня жизни населения.

Китай начал еще более активно вкладывать капиталы в инфраструктуру развивающихся стран, подписывая контракты по всему миру по строительству автомагистралей, портов и других транспортных проектов.

В 2009—2013 гг. стабильность внутривнутриполитического развития Пакистана и его успехи в борьбе против исламистских экстремистов во внутренних районах и в пакистано-афганском пограничье убедили Китай поднять статус сотрудничества с ИРП на новую высоту — на уровень стратегического партнерства.

В экономическом плане стороны начали переговоры по привлечению китайских инвестиций в наиболее чувствительные для Пакистана области, среди которых: энергетика, телекоммуникации, промышленность и сельское хозяйство, животноводство, дорожно-транспортная инфраструктура и разработка угольных месторождений. Пакистан гарантировал Китаю неограниченную репатриацию доходов от прибыли. По итогам переговоров уже в 2009 г. стороны подписали ряд соглашений и меморандумов о взаимопонимании в области электроэнергетики, переработки продукции, льготного кредитования.

В ответ Пакистан согласился с давней просьбой Пекина учредить специальную экономическую зону (СЭЗ) в провинции Пенджаб, предоставив китайской стороне налоговые каникулы на пять лет и разрешив беспощинный ввоз машин и оборудования для малых промышленных предприятий. Прецедент был создан, и президент А. Зардари в 2012 г. дал указание разработать законопроект о специальных экономических зонах, предназначенных для строительства промышленной инфраструктуры. Забегая вперед, отметим, что СЭЗ стали составной частью проекта КПЭК, вошедшего в инициативу «Пояс и путь».

Еще в декабре 2010 г. премьер-министр Госсовета КНР Вэнь Цзябао выступил с предложением повысить торгово-экономиче-

ский оборот двух стран до 34 млрд долл. в интересах содействия развитию энергетического сектора Пакистана (строительство ГЭС, ТЭС, ядерных реакторов, использование ветряной и солнечной энергии). А в 2011 г. пакистанская сторона на деле подтвердила целесообразность введения особого двустороннего режима торговли, создавая совместную экономическую зону между СУАР и северным административным районом Пакистана — Гилгит-Балтистаном.

Китай и Пакистан, не сбавляя темпов торгово-экономического сотрудничества, в 2010—2011 гг. подписали более 50 меморандумов о взаимопонимании, направленных на развитие кооперации в области сельского хозяйства, банковского дела, ликвидации последствий наводнений.

Однако вскоре стороны столкнулись с первыми вызовами. «Перекос» в сальдо двустороннего торгового баланса в пользу Пекина проявил себя сразу после подписания Китаем в 2010 г. ряда соглашений о свободной торговле с государствами АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) [Agreement on investment of the framework Agreement...]. В 2012—2017 гг. низкие пошлины, установленные АСЕАН на китайские товары и Китаем — на АСЕАНовские привели к увеличению объема взаимного экспорта, и, как следствие, к сокращению объема импорта Пекином пакистанских товаров.

К тому же свое влияние на состояние китайско-пакистанских отношений оказала и ситуация в Афганистане. Международные силы содействия безопасности сталкивались с ожесточенным сопротивлением местных и иностранных группировок боевиков. А Пекин выражал обеспокоенность не только в связи с усугублением положения в Афганистане, но и растущим военным влиянием США, а также многочисленностью иностранных войск в регионе.

Подчеркивая, что борьба с терроризмом требует международно-го сотрудничества, Пекин совместно с Исламабадом и Кабулом приступили к разработке антитеррористической стратегии. Ее основными составляющими стали: развитие экономических связей, формирование среды безопасности и культурный обмен. Начиная с 2011 г. страны активизировали дипломатические усилия в разрешении внутриафганского конфликта.

Пакистан и Китай договорились о сотрудничестве для оказания помощи народу Афганистана. Пекин самостоятельно или в паре с Исламабадом последовательно побуждал внутриафганские силы и государства региона признать его роль в примирении в Афганистане. С этой целью КНР формировала специальные группы (Афганистан—Китай—Пакистан) или входила в состав международных посреднических структур, например межправительственной конференции «Сердце Азии — Стамбульский процесс», традиционно созываемой Анкарой. Пекин рассматривал территорию Афганистана в качестве следующего торгового «коридора» в рамках ИПП, пролегающего в страны Центральной Азии.

Операция американского спецназа по ликвидации на территории Пакистана Усамы бен Ладена, лидера запрещенной в РФ террористической Аль-Каиды (в мае 2011 г.), ослабив озабоченность ИРП ее внутритерриториальными проблемами, побудила Исламабад обратить большее внимание на его международный курс и диверсифицировать внешнюю политику страны. Так, была принята линия на ослабление военной и экономической зависимости от Вашингтона, укрепление связей с Катаром, Россией и Турцией, но в первую очередь — с Китаем.

После устранения Усамы бен Ладена в Абботтабаде премьер-министр ИРП Ю. Гилани нанес визит в Пекин, во время которого вразрез заявлениям Вашингтона о неконтролируемости со стороны Исламабада ситуации с безопасностью, он особо отметил огромные усилия и жертвы, которые ИРП принесла в борьбе с терроризмом [China, Pakistan in Security Pledge...]. Возникшая после этого напряженность по американскому вектору лишь сблизила Исламабад с Пекином.

Пакистанские СМИ писали, что регион «наводнен» боевиками, которые в феврале 2012 г. совершили нападения на китайских рабочих, которые были привлечены на строительные объекты в Пакистане. Пекин выступил с нотой протеста, одновременно подчеркивая, что китайские компании заинтересованы в инвестировании в ИРП, но процесс сдерживается вызовами безопасности задействованного китайского персонала. Министр иностранных дел ИРП Х. Раббани Хар поспешила заверить Пекин в непричастности Исламабада к терактам.

Несмотря на возникшую двустороннюю напряженность, Китай продолжал оказывать Пакистану поддержку по многим международным вопросам, включая получение ИРП статуса непостоянного члена Совета Безопасности ООН [Any hostility against Pakistan...].

2013 год стал знаковым для Китая. В октябре председатель Си Цзиньпин анонсировал проект «Один пояс, один путь». К этому времени КНР сумела преобразовать ее экономические, политические связи со многими странами, включая Пакистан, в прочные стратегические партнерства. Официальный визит премьер-министра КНР Ли Кэцзяна в Пакистан (май 2013 г.) стал новым свидетельством углубления всестороннего стратегического сотрудничества двух стран. А материальным символом этого явилось комплексное торговое и экономическое со-развитие западных провинций Китая, включая Синьцзян, и внутренних районов Пакистана. В том же году стороны заложили основу будущего проекта КПЭК.

1999—2014 годы следует оценивать как «подготовительный» этап для подписания крупнейшего пакета соглашений по проекту Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), состоявшегося в 2015 г. КПЭК — один из шести транспортно-логических коридоров ИПП, в состав которой также должны войти сухопутный транспортный мост «Новая Евразия», пути «Китай—Монголия—Россия», «Китай—Центральная Азия—Западная Азия», «Китай—Индокитайский полуостров» и «Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма».

К подписанию документов по главному проекту — Китайско-пакистанский экономический коридор (апрель 2015 г.) — Пекин пошел уже подготовленным, имея многолетний опыт работы с разными элитами, военными и гражданскими администрациями ИРП.

Региональная обстановка также благоволила совместному проекту строительства КПЭК. С января 2014 г. Вашингтон запланировал вывод из Афганистана большей части войск Международных сил содействия безопасности и передачу ответственности за режим безопасности в стране афганским силовым структурам.

Однако намеченный на октябрь 2014 г. официальный визит в ИРП председателя КНР Си Цзиньпина не состоялся. Причина — беспорядки в Исламабаде, связанные с требованиями политической оппозиции об отставке тогдашнего премьер-министра Н. Шарифа,

который пришел к власти в 2013 г. по итогам всеобщих выборов. И только в апреле 2015 г. Си Цзиньпин совершил поездку в Исламабад главным образом для подписания пакета соглашений по КПЭК на общую сумму в 46 млрд долл. Китайская сторона сделала максимально конкретное предложение ИРП о состыковке стратегий экономического развития двух стран. Правящая тогда Пакистанская мусульманская лига (Наваз) еще в 2015 г. расценивала проект КПЭК как инструмент экономической модернизации, стимулирующий процессы внутренней интеграции в интересах политической стабильности страны.

На первом этапе в КПЭК планировались работы по четырем ключевым направлениям: порт Гвадар, энергетика, транспортная инфраструктура и промышленность. Срок реализации проекта — 15 лет, и 2030 год — вступление в эксплуатацию всех объектов. По настоянию китайских властей, основное внимание было уделено транспортным (автомагистрали) и энергетическим проектам. Стоимость их реализации на первом этапе составила 22 млрд долл. (включая кредит на 5 млрд долл. и грант в 1 млрд долл., полученные Пакистаном от китайской стороны). По состоянию на август 2018 г., энергетический сектор ИРП за счет ввода в эксплуатацию проектов КПЭК дополнительно получил 2 840 МВт электроэнергии [СРЕС 2018 Summit:...].

Еще до официального подписания документов по КПЭК Пакистан и Китай в 2014 г. согласились построить 27-километровую линию автобусного метро *Orange Line* в родной для М. Шарифа провинции Пенджаб. Упор на восточный маршрут КПЭК, который пролегал через Пенджаб, «ручное» управление проектом и распределение финансовых средств исключительно правящей партией вызвало критику со стороны политической оппозиции и генералитета. Они добивались предоставления финансовой отчетности, согласования сроков запуска объектов в провинциях Белуджистан, Синд и Хайбер-Пахтунхва, с учетом того, что в Пенджабе он проводился в срок. Представляется, что отстранение от власти в июле 2017 г. премьер-министра Н. Шарифа отчасти связано с особенностями управления КПЭК правящей в те годы Пакистанской мусульманской лигой (Наваз).

Победа на парламентских выборах в июле 2018 г. партии Движение за справедливость Пакистана (ДСП) из провинции Хайбер-Пахтунхва во главе с Имран Ханом ознаменовала полную смену политической элиты Пакистана. Это вызвало опасения Пекина за судьбу КПЭК, спровоцированные планами нового пакистанского кабинета министров пересмотреть финансирование и технико-экономическое обоснование ряда объектов КПЭК, а также кризисом платежного баланса Пакистана. Но, не имея рычагов воздействия на Пекин, И. Хан не смог пересмотреть условия сделок. Недофинансирование проектов привело к остановке многих из них.

Кроме того, в августе 2017 г. Китай и Пакистан столкнулись с резкой критикой нового президента США Д. Трампа в адрес КПЭК. Пекин посредством ИПП расширял свое экономическое пространство через создание современной сети торговых и иных коммуникационных связей. Мегапроект ИПП, включая КПЭК, «взрывал» созданную в XX веке постколониальную систему транспортировки товаров и услуг на мировые рынки. Это и обеспокоило американскую администрацию.

Торговая война, объявленная США Китаю в августе 2018 г., затронула и Пакистан. Вашингтон выдвинул жесткие условия Исламабаду по выделению МВФ финансовой помощи Пакистану, настаивая на прозрачности соглашений по КПЭК и одновременно обвиняя Пекин в «заманивании Пакистана в долговые ловушки» [China Hits Back at US for Criticizing...]. Также Белый дом потребовал от Исламабада побудить афганских талибов согласиться на условия Вашингтона и Кабула по урегулированию внутриафганского кризиса.

В 2018—2019 гг. с учетом итогов реализации первого этапа КПЭК работы на нескольких объектах «Коридора» были остановлены. Среди причин СМИ называли недофинансирование, и как следствие — нарушение сроков ввода в эксплуатацию заявленных объектов. Несмотря на освоение 19 млрд долл. в ходе первого этапа КПЭК (2015—2019 гг.), к 2020 г. пуск единой транспортно-логической системы не состоялся и не все энергетические проекты были готовы.

Разразившийся осенью 2018 г. кризис платежного баланса в Пакистане подтвердил несостоятельность новых властей ИПП обеспе-

чить своевременность ввода в эксплуатацию проектов первой очереди КПЭК. Китай выразил новой администрации Пакистана во главе с премьером И. Ханом свою озабоченность в связи со сложившимся положением.

С замедлением роста ВВП Пакистана с 5,2 % в 2018—2019 фин. году до 3,3 % в 2018 г. и до 2,4 % в 2019—2020 фин. году привлекательность для китайских инвесторов деловой среды в стране была поставлена под вопрос. Пекин отказался от позиционирования КПЭК как флагмана ИПП и стал называть КПЭК лишь «пилотным проектом». В ноябре 2019 г. китайская сторона приняла решение не объявлять о каких-либо новых финансовых обязательствах до завершения предыдущих проектов. Это продемонстрировало охлаждение ожиданий и амбиций Пекина, порожденного не собственной стратегией или планами Китая, а текущими пакистанскими реалиями.

В условиях экономического кризиса и слабости государственного управления, в 2019 г. премьер-министр И. Хан согласился передать генералитету Пакистана управление вторым этапом реализации проектов КПЭК.

Ныне основные усилия КПЭК-2 сосредоточены на индустриализации, сельском хозяйстве, социально-экономическом развитии страны с особым упором на формирование СЭЗ и создание рабочих мест.

* * *

Китай, на протяжении многих лет заявляя об уважении независимости, суверенитета и территориальной целостности Пакистана, поддерживает его не во всех международных вопросах. На мировой арене Китай, при всей деликатности его действий, в первую очередь защищает собственные государственные интересы. Так, Китай подписал Сямэньскую декларацию руководителей стран БРИКС (г. Сямэнь, Китай, 4 сентября 2017 г.), которая осудила террористическую группировку Лашкар-и-Тайба (запрещена в России), действующую на территории Пакистана. Этим Пекин поставил под сомнение способность Исламабада поддерживать безопасность в ИРП.

А в феврале 2018 г. Саудовская Аравия, представлявшая интересы Совета сотрудничества стран Персидского залива, на пленарном заседании Целевой группы по финансовым мероприятиям (ЦГФМ) под давлением США выступила за включение Пакистана в «Серый список» ЦГФМ. На этом фоне Китай информировал Исламабад об отказе в своей поддержке, объяснив его нежеланием «потерять лицо, поддерживая шаг, обреченный на провал» [Pakistan may find itself...].

Пакистан вынес свои уроки из китайского «разочарования», главный из которых — избегать экономической, политической и военной зависимости от какого-либо международного актора. Однако кризис платежного баланса и отказ традиционных инвесторов — монархий Персидского залива впредь выделять финансирование на проекты в ИРП побудило Исламабад согласиться на подписание с Пекином очередного крупного инфраструктурного начинания: 442 млрд пакистанских рупий — такова сумма контракта на строительство плотины Диамер-Бхаша, расположенной в стратегически важном Гилгит-Балтистане на стыке границ ИРП, Индии и Китая. Таким образом, зависимость Пакистана от внешнего сильного контрагента была сохранена.

Следует отметить, что в последнее время факторами укрепления китайско-пакистанского сотрудничества стали ухудшение отношений между КНР и США и американо-индийское сближение, направленное на противостояние росту китайского влияния как в регионе, так и на глобальном уровне. Пекин же укрепляет собственные международные позиции, искусно используя уязвимые места своих традиционных партнеров.

Библиографический список

Москаленко В.Н. Политическая роль пакистанской армии // Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. М.: ИВ РАН, 2002. С. 323—355.

Agreement on Investment of the Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation between The People's Republic Of China And The Association

Of Southeast Asian Nations. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/inforimages/200908/20090817113007764.pdf> (accessed: 15.08.2009).

Any hostility against Pakistan not to be tolerated: China. URL: <http://dawn.com/2012/06/03/any-hostility-against-pakistan-not-to-be-tolerated-china/> (accessed: 03.06.2012).

China Hits Back at US for Criticizing Corridor Project With Pakistan. URL: <https://www.voanews.com/economy-business/china-hits-back-us-criticizing-corridor-project-pakistan> (accessed: 22.11.2019).

China, Pakistan in Security Pledge. URL: http://www.bjreview.com/special/2011-05/23/content_360543.htm (accessed: 23.05.2011).

China-Pakistan Joint Declaration. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t40148.shtml (accessed: 11.04.2003).

Free Trade Agreement between The Government of The Islamic Republic of Pakistan and The Government of The People's Republic of China. URL: http://www.commerce.gov.pk/wp-content/uploads/pdf/Pak-China_FTA_Agreement.pdf (accessed: 24.11.2006).

Joint Statement Between The People's Republic of China and the Islamic Republic of Afghanistan. URL: http://www.gov.cn/misc/2006-06/20/content_315724.htm (accessed: 20.06.2006).

Pakistan may find itself on FATF blacklist after June. URL: <https://www.dawn.com/news/1391835/pakistan-may-find-itself-on-fatf-blacklist-after-june> (accessed: 27.02.2018).

Pakistan, China to soften bank opening rules. URL: <http://www.dawn.com/news/1155810/pakistan-china-to-soften-bank-opening-rules> (accessed: 09.01.2015).

Preferential Trade Agreement. Pakistan and China diplomatic relations. URL: <http://mofa.gov.pk/pakistan-and-china-diplomatic-relations/> (accessed: 01.01.2020).

The complete text of the Agreement (Agreement signed at Islamabad on 24th November, 2006). URL: <http://www.commerce.gov.pk/about-us/trade-agreements/pak-china-free-trade-agreement-in-goods-investment/> (accessed: 24.11.2006).

Trade deficit with China swells to \$6.2bn. URL: (accessed: 16.08.2017).

References

Agreement on Investment of the Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation between The People's Republic Of China And The Association Of Southeast Asian Nations. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/inforimages/200908/20090817113007764.pdf> (accessed: 15 August, 2009).

Any hostility against Pakistan not to be tolerated: China. URL: <http://dawn.com/2012/06/03/any-hostility-against-pakistan-not-to-be-tolerated-china/> (accessed: 03 June, 2012).

China Hits Back at US for Criticizing Corridor Project With Pakistan. URL: <https://www.voanews.com/economy-business/china-hits-back-us-criticizing-corridor-project-pakistan> (accessed: 22 November, 2019).

China, Pakistan in Security Pledge. URL: http://www.bjreview.com/special/2011-05/23/content_360543.htm (accessed: 23 May, .2011).

CPEC 2018 Summit: Pakistan to be the new BRI benchmark. URL: <https://www.dawn.com/news/1409503/cpec-2018-summit-pakistan-to-be-the-new-bri-benchmark> (accessed: 24 May, .2018).

Free Trade Agreement between The Government of The Islamic Republic of Pakistan and The Government of The People's Republic of China. URL: http://www.commerce.gov.pk/wp-content/uploads/pdf/Pak-China_FTA_Agreement.pdf (accessed: 24 November, .2006).

Joint Statement Between The People's Republic of China and the Islamic Republic of Afghanistan. URL: http://www.gov.cn/misc/2006-06/20/content_315724.htm (accessed: 20 June, 2006).

Moskalenko V.N. (2002). Politicheskaya rol pakistanskoy armii [Political role of the Pakistani army], *Armiya i vlast na Blizhnem Vostoke: ot avtoritarizma k democratii [Army and power in the Middle East: from authoritarianism to democracy]*, Moscow: IV RAN (IOS RAS): 323-355. (In Russian).

Pakistan may find itself on FATF blacklist after June. URL: <https://www.dawn.com/news/1391835/pakistan-may-find-itself-on-fatf-blacklist-after-june> (accessed: 27 February, 2018).

Pakistan, China to soften bank opening rules. URL: <http://www.dawn.com/news/1155810/pakistan-china-to-soften-bank-opening-rules> (accessed: 09 January, 2015).

Preferential Trade Agreement. Pakistan and China diplomatic relations. URL: <http://mofa.gov.pk/pakistan-and-china-diplomatic-relations/> (accessed: 01 January, 2020).

The complete text of the Agreement (Agreement signed at Islamabad on 24th November, 2006). URL: <http://www.commerce.gov.pk/about-us/trade-agreements/pak-china-free-trade-agreement-in-goods-investment/> (accessed: 24 November, 2006).

Trade deficit with China swells to \$6.2bn. URL: <https://www.dawn.com/news/1277774> (accessed: 16 August, 2017).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10015

К.В. Асмолов

НАЧАЛО НОВОГО ЭТАПА КИТАЙСКО-СЕВЕРКОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (2018—2020 гг.)

Аннотация. Отношения Китая с Северной Кореей занимают существенное место во внешнеполитической структуре Северо-Восточной Азии (СВА).

Автор исходит из того, что если к концу 2017 г. в отношениях двух государств наметилась явная тенденция к их охлаждению, то с 2018 г. благодаря сочетанию таких факторов, как «олимпийское потепление», усиление конфронтации КНР и США и умелый маневр руководства КНДР, стало возможным говорить о развороте сторон к сотрудничеству. Это и ознаменовало начало нового этапа в двусторонних отношениях.

Рассматриваемый период отмечен высоким уровнем политических контактов между двумя странами, включая четыре поездки Ким Чен Ына в Китай и первый государственный визит председателя КНР Си Цзиньпина в Северную Корею. Но хотя риторика двух партий выстроена на лозунгах о традиционной и неизменной дружбе двух социалистических стран, можно заметить, что Китай по-прежнему позиционирует себя как главного друга КНДР, в то время как Пхеньян старается соблюдать некоторую дистанцию. В новогодней речи 2019 г. и иных программных заявлениях Ким Чен

Ын не выделял диалог КНДР и КНР, но говорил об отношениях КНДР с социалистическим лагерем вообще.

Разумеется, Китай использует ситуацию для того, чтобы углубить вынужденную экономическую зависимость Северной Кореи от него и упрочить экономические связи: в 2019 г. на Китай пришлось 92 % всей внешней торговли КНДР.

Китай приветствует диалог КНДР с США и Южной Кореей, но его основное внимание уделено предотвращению нестабильности в регионе, а не его денуклеаризации. К тому же, сохраняющийся статус-кво соответствует российско-китайскому предложению «двойной заморозки»¹. У ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП) нет взаимоприемлемого решения, но процесс можно поставить на паузу.

Сегодняшние отношения КНР и КНДР можно охарактеризовать как тактический союз, обусловленный наличием общей для них угрозы со стороны США: Северная Корея оказывается одной из немногих стран региона, которая в выборе между Америкой и Китаем не будет делать однозначный выбор в пользу Америки. Но пока курс Пхеньяна на разрядку будет продолжаться, а угроза со стороны США и их союзников — представляться весомой, «неизменная дружба» продолжится.

Ключевые слова: Китай, Северная Корея, сотрудничество, риторика нерушимой дружбы.

Автор: Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

ORCID: 0000-0003-1584-2748; E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

K. V. Asmolov

The beginning of a new stage in China-North Korea relations (2018—2020)

Abstract. China's relations with North Korea occupy a significant place in the foreign policy structure of North-East Asia.

---

¹ План «двойной заморозки», предложенный Россией, предусматривает отказ Северной Кореи от любых ядерных испытаний и пусков баллистических ракет в обмен на прекращение США и Южной Кореей крупномасштабных военных учений, провоцирующих Пхеньян на проведение новых ядерных испытаний. (Прим. ред.).

The author believes that if by the end of 2017 the relations between the two countries revealed a clear trend to their cooling, since 2018, thanks to a combination of factors, such as the “Olympic warming”, increased confrontation between China and the United States and the skillful maneuver of the North Korean leadership, it becomes possible to speak about a reversal of the parties to cooperate. Thus has begun a new stage in bilateral relations.

The period under review was marked by a high level of political contacts between the two states, including four trips by Kim Jong-Un to China and the first state visit by Chinese President Xi Jinping to North Korea. But although the rhetoric of the traditional and unchanging friendship between the two socialist countries and the two parties has not changed, it can be noted that if China positions itself as the first friend of the DPRK, Pyongyang tries to maintain some distance. In the new year's speech of 2019 and other statements, Kim Jong Un does not single out the relationship between the DPRK and the PRC in a separate paragraph, mentioning the relationship of the DPRK with the socialist camp in general.

China is using the situation to strengthen the North Korea's forced economic dependence and deepen mutual economic ties: in 2019, China accounted for 92 % of all North Korea's foreign trade.

China welcomes the DPRK's dialogue with the US and South Korea, but its main focus is on preventing instability in the region, rather than actually denuclearizing it. In addition, the current status quo corresponds to the Russian-Chinese proposal for a “double freeze”¹.

So, relations between China and North Korea can be described as a tactical alliance, due to a common threat originating from the United States and its allies. But as long as Pyongyang's course of detente continues, and the threat from the US is considered to be weighty, the “unchangeable friendship” will continue.

Keywords: China, North Korea, cooperation, rhetoric of unbreakable friendship.

Author: Konstantin V. ASMOLOV, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Korean Studies Center, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS).

ORCID: 0000-0003-1584-2748; E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

---

¹ Russia's “double freeze” plan provides for North Korea's refusal of any nuclear tests and ballistic missile launches in exchange for the US and South Korea stopping large-scale military exercises that provoke Pyongyang to conduct new nuclear tests (*editor's note*).

Отношения Китая с Северной Кореей занимают существенное место во внешнеполитической структуре США, и подробный очерк происходящего и анализ главных трендов этого периода (как в политике, так и экономике) остается весьма важным.

В целях более полного раскрытия темы видится целесообразным напомнить, как развивалась ситуация в двусторонних отношениях с конца 2017 г.

Со времени шестого ядерного испытания в сентябре 2017 г. отношения двух стран охладели, так как испытание было проведено почти перед очередным съездом КПК. Приграничное сотрудничество сократилось почти до нуля, и по вопросу поддержки санкционного режима в отношении КНДР Китай почти солидаризировался с США. На экстренном заседании СБ ООН постоянный представитель КНР при ООН Лю Цзеи впервые употребил в адрес КНДР слово «осуждение» и заявил, что КНР категорически против подобных действий Пхеньяна [После шестого ядерного испытания...]. Сократились поставки в Северную Корею китайских продуктов нефтепереработки [Китай ограничил экспорт нефтепродуктов в СК], а банки КНР начали приостанавливать операции по счетам своих северо-корейских клиентов [СМИ узнали о введении Китаем ограничений...].

На этом фоне в западной прессе появились статьи о том, что «традиционной дружбе» конец и в Пекине готовы «сдать» Пхеньян [Why China Won't Rescue North Korea].

«Олимпийское потепление» начала 2018 г. не сразу сказалось на отношениях КНДР и КНР. С 9 марта 2018 г. в «Хуанцю шибао» выходили статьи, которые, с одной стороны, приветствовали процесс разрядки напряженности, с другой — указывали, что «китайский народ должен сохранять спокойствие и не думать, что Китай теснят (с его позиций)» [How China should respond to US-NK talks].

Ситуацию подстегнуло подписание Д. Трампом 16 марта 2018 г. *Taiwan Travel Act*, по сути дающего разрешение на официальные визиты между США и Тайванем [Taiwan Travel Act...]. Это вызвало неудовольствие Пекина [Taiwan Travel Act to jeopardize Taiwan's future], который в качестве ответных мер рассматривал сокращение сотрудничества с США по корейской и иранской проблематике [Taiwan Travel Act to meet countermeasures].

В свете этих событий Ким Чен Ын не упустил шанс улучшить отношения с КНР и 17 марта 2018 г. направил Си Цзиньпину поздравительную телеграмму в связи с переизбранием его на пост председателя КНР. А затем по инициативе Ким Чен Ына и по приглашению Си Цзиньпина руководитель КНДР совершил неофициальный визит в Китай (с 25 по 28 марта 2018 г.) [Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Beijing].

Эта была первая зарубежная поездка северокорейского руководителя, определившая риторику, ставшую главенствующей на всех последующих двусторонних встречах.

Во-первых, оба лидера подчеркнули, что продолжение дружбы — единственно верный стратегический выбор обеих сторон, не зависящий от международной обстановки [Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Beijing].

Во-вторых, они отметили социалистический характер двух стран и то, что отношения КНР и КНДР были установлены в совместной борьбе за дело социализма.

В-третьих, оба руководителя говорили о приверженности идее денуклеаризации Корейского полуострова и готовности прилагать усилия для решения этой проблемы.

Визит ознаменовал разворот в отношениях двух стран, хотя по понятным причинам, соблюдение Китаем санкционного режима ООН не было нарушено. Так, 9 апреля во исполнение сентябрьской (2017 г.) резолюции Совета Безопасности ООН № 2375 Китай ввел запрет на экспорт в КНДР 32-х наименований товаров двойного назначения, которые могли бы быть использованы при создании оружия массового уничтожения [Китай запретил экспорт в СК...].

И уже 4 мая «Голос Америки» сообщил, что в марте 2018 г. северокорейский экспорт в Китай составил 11 млн 800 тыс. долл., что примерно на 3 млн долл. больше, чем было в феврале. Импорт также вырос на 40 млн долл., достигнув 142 млн 900 тыс. долл. Видимо, причина этого заключалась в том, что Китай возобновил поставки в КНДР нефтепродуктов, включая топливо для автомобилей и самолетов [Объем северокорейско-китайской торговли вырос].

7—8 мая северокорейский лидер посетил Далянь [Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Dalian], где встретился с председателем КНР,

который предпочел встречу с Кимом присутствию на трехстороннем саммите с главами Японии и РК, — туда вместо него отправился премьер Госсовета КНР Ли Кэцян. Предположительно, стороны обсуждали стратегию в канун грядущего саммита Кима и Трампа 12 июня в Сингапуре.

После этого СМИ КНР, включая газету «Хуаньцю шибао» (в англоязычной версии *Global Times*), ранее неоднократно критиковавшие КНДР как «непослушного соседа», выступили с поддержкой позиции Пхеньяна, порицая американский подход, ориентированный исключительно на одностороннее разоружение Северной Кореи [Fragile peace prospects on Korean Peninsula].

19 июня 2018 г. председатель Госсовета КНДР вновь прибыл в Пекин. Предполагается, что Ким, по инициативе которого прошел визит, проинформировал Си Цзиньпина о ходе переговоров с Д. Трампом. Лидеры снова обменялись заявлениями в духе риторики «неизменной дружбы», а Си поприветствовал решение северокорейского лидера сосредоточиться на экономическом развитии КНДР.

Тем не менее, тогда же некоторые китайские эксперты выказывали беспокойство относительно того, что саммит в Сингапуре может-де иметь неблагоприятные для КНР последствия. Опирались они в основном на собственные оценки и на тот факт, что Ким и Трамп в течение долгого времени общались тет-а-тет, наверняка замыслив что-нибудьстораживающее. Например, Ким мог предложить Трампу северокорейский нейтралитет в условиях дальнейшего обострения отношений США и КНР.

4 октября 2018 г. заместитель министра иностранных дел Северной Кореи Чхве Сон Хи посетила Китай и имела переговоры со своим визави Кун Сюанью. Затем Чхве и Кун 9 октября в Москве участвовали во встрече с замминистра иностранных дел РФ И. Моргуловым. Три стороны сошлись в том, что у ядерной проблемы Корейского полуострова нет иного решения кроме политико-дипломатического.

В тексте Совместного заявления, сделанного по итогам этой встречи, подчеркивалось общее понимание того, что процесс решения ядерной проблемы на Корейском полуострове, «первоочередной задачей которого является установление взаимного доверия,

должен носить поэтапный и синхронный характер и сопровождаться встречными шагами вовлеченных государств». Кроме того, «стороны сочли необходимым своевременно приступить к пересмотру Советом Безопасности ООН санкционных мер в отношении КНДР. Подтверждена общая позиция против односторонних санкций» [Совместное информационное коммюнике...].

1 ноября 2018 г. представитель Китая при ООН Ма Чжаосюй напомнил совместную позицию Китая и России о том, что денуклеаризация и смягчение санкций должны проходить одновременно, и указал, что в резолюции СБ ООН есть пункты о возможности смягчения санкционного режима [Постпред Китая при ООН..].

6—7 декабря 2018 г. Пекин посетил министр иностранных дел КНДР Ли Ён Хо, которого принял Си Цзиньпин. А на встрече с главой МИД КНР Ван И Ли Ён Хо отметил, что приверженность Пхеньяна денуклеаризации неизменна. В свою очередь, Ван И заявил, что Китай хочет, чтобы Северная Корея поддерживала диалог с США для «сбалансированного решения» нерешенных вопросов и укрепляла межкорейские отношения [North Korean minister reaffirms...].

В новогодней речи 2019 г. Ким Чен Ын не выделял отношения КНДР и КНР в специальный раздел, но говорил об отношениях КНДР с социалистическим лагерем вообще. Однако уже 7 января 2019 г. Ким как председатель Госсовета КНДР в четвертый раз посетил Китай и встречался с Си Цзиньпином. Во время саммита лидер КНДР снова подчеркнул неизменность позиции «придерживаться цели денуклеаризации Корейского полуострова, верно выполнять совместную декларацию, принятую на саммите в Сингапуре, и стремиться к мирному решению путем диалога». Одновременно Ким Чен Ын затронул «трудности и проблемы, возникшие в процессе переговоров о денуклеаризации». В свою очередь, Си Цзиньпин выразил готовность оказывать активное содействие процессу ядерного разоружения Корейского полуострова (формулировка важна, так как касается и Севера, и Юга), укреплять и развивать отношения с КНДР на межпартийном и межгосударственном уровне. Не менее важно согласие Си Цзиньпина с тем, что «утверждаемые корейской стороной принципиальные вопросы являются закономерным требо-

ванием, и рациональные пункты интереса корейской стороны должны быть решены как следует» [Kim, Xi reaffirm denuclearization].

С 24 по 31 января 2019 г. в Пекине прошли гастроли ведущего северокорейского ансамбля «Самчжиён». Артистов сопровождал заместитель председателя Трудовой партии Кореи (ТПК) Ли Су Ён, отвечающий за внешнюю политику страны по линии партии, а 27 января концерт посетили Си Цзиньпин и другие китайские руководители, которые после окончания встретились с Ли Су Ёном [Председатель КНР с супругой побывали на концерте...].

Перед саммитом Кима и Трампа в Ханое 27—28 февраля 2019 г. СМИ КНР в лице *China Daily* давали сдержанную оценку вероятных результатов встречи, но скорее ожидали ее успеха. Когда же неудачные итоги саммита стали известны, Китай призвал КНДР и США «удержать завоеванные достижения» и больше идти на взаимные уступки. При объяснении причин неудачи саммита Пекином была принята версия Севера [DPRK only asked U.S. for partial...]. Однако эксперты отметили, что, хотя поезд лидера КНДР и проследовал во Вьетнам через Китай, однако встреч по пути туда и обратно с китайским руководством не было и об итогах саммита Пекин информировала специальная северокорейская делегация во главе с замминистра иностранных дел КНДР Ли Гиль Соном. К тому же во Вьетнаме Ким Чен Ён посетил мавзолей Хо Ши Мина, однако в мавзолее Мао Цзэдуна во время своей поездки в Китай он не был. Это дало повод толкам о том, что отношения двух стран могут опять ухудшиться.

Тем не менее, в ответ на переизбрание Ким Чен Ёна на пост председателя Госсовета КНДР Си Цзиньпин первым прислал ему поздравительную телеграмму, пожелав новых успехов в развитии экономики и заявив, что придает большое значение отношениям двух стран. В ответном письме Ким указал, что «наша важная задача заключается в том, чтобы и дальше ценить и постоянно развивать дружеские и партнерские отношения между КНДР и Китаем в то время, когда социалистическая миссия КНДР и Китая и ситуация на Корейском полуострове переживают критически значимый период» [Ким Чен Ён назвал важной задачей...].

13 мая 2019 г. Ван И на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел России заявил, что денуклеаризация должна

пройти на территории всего Корейского полуострова [Лавров выступил за денуклеаризацию...]. Далее Китай вместе с Россией неоднократно ставил вопрос о том, что в ответ на конструктивное поведение КНДР уровень санкций должен быть понижен.

20—21 июня 2019 г. Си Цзиньпин посетил КНДР с государственным визитом, формально посвященным 70-летней годовщине установления дипотношений между двумя странами. Это был первый визит высшего руководителя Китая в КНДР за последние 14 лет и вторая поездка Си Цзиньпина в Пхеньян (в 2008 г. он посещал КНДР в качестве заместителя председателя КНР).

Саммит прошел в теплой и дружеской обстановке, о чем косвенно свидетельствовали улыбки на лицах обоих руководителей, которые проинформировали друг друга о положении своих стран и успехах, достигнутых партиями и народами двух стран в борьбе за продвижение дела строительства социализма. Тема денуклеаризации не всплывала, но Си Цзиньпин отметил необходимость поддержки разумных требований Пхеньяна.

Хотя визит не закончился подписанием соглашений, о его повестке и направленности можно судить по набору заявлений и документов, опубликованных в его преддверие. Так, 19 июня в ведущих северокорейских СМИ появилась большая статья Си Цзиньпина «Передавать по наследству дружбу КНР и КНДР, продолжать писать новую главу эпохи».

В статье отмечается, что у двух стран есть великая дружба и общие идеалы, и потому, независимо от изменений международной обстановки, эту дружбу две партии, два государства и два народа должны развивать и передавать по наследству [Си Цзиньпин опубликовал авторскую статью...].

Представляется важным пассаж о том, что Китай будет решительно поддерживать председателя Ким Чен Ына в сосредоточении усилий на развитии экономики, улучшении жизни людей и достижении еще больших успехов в социалистическом строительстве. Это вполне определенное указание на то, куда, по мнению Пекина, должен двигаться Пхеньян.

В той же статье председатель Си описал четыре основные направления дальнейшего сотрудничества, сводящиеся к укреплению

стратегических контактов и прагматичном взаимодействии в сферах образования, культуры, спорта, туризма и др.; по сути, Китаем предлагается усилить связи по всем возможным направлениям.

Со 2 по 4 сентября 2019 г. Пхеньян с рабочим визитом посетил министр иностранных дел Китая Ван И, который во время переговоров призвал обе стороны расширять общение, обмена и взаимную поддержку, углублять взаимодоверие в защите общих интересов.

Кроме того, Ван И познакомил Ли Ён Хо с ситуацией в Гонконге, после чего глава МИД КНДР заявил о недопустимости вмешательства внешних сил в ситуацию, поддержав позицию Китая [В Пхеньяне состоялась встреча глав МИД КНДР и КНР].

Встреча Ван И и Ким Чен Ына не состоялась, но ряд экспертов полагают, что она и не планировалась, и ее отсутствие — не знак ослабления отношений.

11 августа представитель МИД КНДР вновь указал на полную поддержку Северной Кореей политики партии и правительства Китая в отношении Гонконга. События в городе он оценил как вмешательство во внутренние дела Китая и попытки внешних сил подорвать безопасность и порядок.

6 октября 2019 г. исполнилось 70 лет со дня установления дипломатических отношений между Пхеньяном и Пекином: в указанный день Ким Чен Ын и Си Цзиньпин обменялись поздравительными письмами.

2 ноября 2019 г. ЦТАК опубликовало текст телеграммы китайского лидера в адрес Ким Чен Ына, в которой Си Цзиньпин снова заявил об оказываемой Китаем поддержке КНДР в развитии экономики и повышении благосостояния граждан.

В феврале 2020 г. в письме Си Цзиньпину Ким Чен Ын выразил свою поддержку в связи с попытками Китая остановить распространение коронавируса и «передал свои искренние чувства желания разделить страдания и испытания братского китайского народа», проявив уверенность в том, что Китай одержит победу [North Korean leader expresses support...].

8—9 мая 2020 г. Ким Чен Ын и Си Цзиньпин обменялись устными посланиями поддержки в борьбе с коронавирусом. Тогда Ким отметил, что рад результатам борьбы Китая как своим, а Си — что он

надеется на укрепление сотрудничества с КНДР в области карантинных мер.

От политики перейдем к экономике. В 2019 г. на Китай пришлось 92 % всей внешней торговли КНДР (для сравнения: 59,3 % в 2015 г.) [N. Korea's trade deficit with China...].

Как сообщали СМИ РК, в первом полугодии 2019 г. товарооборот между КНДР и Китаем вырос на 15,3 %. Экспорт из КНДР составил 105 млн долл., а импорт в КНДР из Китая — 1,145 млрд долл. Также в Китае работали порядка 80 тыс. северокорейцев [Объем торговли между КНДР и Китаем вырос...].

«Голос Америки» тоже отметил значительный рост поставок в Китай ряда северокорейских товаров: экспорт наручных часов и запчастей к ним вырос на 445 %, составив 68,57 млн долл. Экспорт жемчуга достиг 1, 28 млн долл. При этом, ни наручные часы, ни жемчуг не подпадают под санкции СБ ООН, запрещающие Северу вести торговлю предметами роскоши.

Неформальная помощь тоже оказывается: если верить докладу связанной с Конгрессом США *China Economic and Security Review Commission* [China eases enforcement of sanctions...] и других антипхеньянских СМИ, Китай начал ослаблять режим санкций, особенно в плане проницаемости границы.

Согласно источникам *Daily NK*, после январского визита Ким Чен Ына контрабанда из Северной Кореи в КНР увеличилась [Smuggling flourishes on NK-China border...]. 70 % экспортной продукции КНДР составляют цинк, медь, вольфрам, молибден, магнетитовый клинкер, концентраты золота и серебра. Радио «Свободная Азия» также утверждает, что северокорейские руда, минералы и морепродукты регулярно попадают на китайские рынки [China to toughen N. Korea border...]. В этом же ряду — обвинения в том, что Северная Корея отправляет в Китай десятки тысяч рабочих по временным двухмесячным визам [N.Korea Sends Army of Workers to China...], или сообщения *Korea Times* о подписании некой северокорейской торговой компанией контракта на экспорт в Китай 1 млн куб. м северокорейского песка на сумму как минимум в 3 млн долл., при том, что в соответствии с резолюцией СБ ООН 2397 песок входит в санкционные списки [China, Russia loosening noose...].

Примечательная разногласия наблюдается в информации о поставках энергоносителей. По данным *NK News*, китайский экспорт топлива в Северную Корею в мае 2019 г. был «на нуле» [No Chinese gasoline or diesel shipments...]. Одновременно СМИ Южной Кореи (РК) (со ссылкой на китайский отчет комитету ООН по санкциям) сообщают, что в мае 2019 г. Китай экспортировал в КНДР 1536 тонн рафинированной нефти [China supplies 1,536 tons of refined oil...], а совокупные поставки китайских нефтепродуктов в КНДР с января по май 2019 г. достигали 5730 т.

В завершение — об опасениях, связанных с коронавирусом. Многие западные эксперты отмечают, что ужесточение пограничного контроля и перекрытие границы могут нанести ущерб экономике Пхеньяна, нарушив торговлю с Китаем и импорт ключевых для экономики Северной Кореи материалов. Вирус сократил и приток китайских туристов, причем некоторые источники сообщают, что ради сохранения здоровья нации была пресечена даже «полезная контрабанда». Однако есть и то мнение, что несмотря на сокращение товарооборота двух стран в связи с эпидемией, его объем восстановится, как только ситуация будет урегулирована.

Подведем итоги. Лейтмотивом большинства политических заявлений в рассмотренный период была историческая преемственность отношений тесной дружбы двух социалистических государств, подкрепленных тесными связями двух партий: обе страны продолжают позиционировать свой государственный строй как социализм и полагают его идеологической основой двусторонних отношений.

Также постоянно подчеркивалось, что дружба двух стран не зависит от изменения международной обстановки или политических флуктуаций. Последнее важно, так как среди многочисленных ученых и экспертов Китая можно встретить самые разные точки зрения на Северную Корею. Для одних КНДР — это «непослушный сосед», которого надо приструнить или, как минимум, «укоротить поводок». Для других Северная Корея — «токсичный актив», поддержка которого не несет ничего, кроме неприятностей, и поэтому в торге с Соединёнными Штатами его надо разменять на нечто более выгодное непосредственно Китаю. Третьи полагают, что «нам придется жить с ядерной Северной Кореей» и смириться с тем, что для Пхеньяна во-

просы безопасности выше сотрудничества с любой другой страной. Эти точки зрения встречаются нередко, однако официальный курс Пекина все же иной.

Разумеется, Китай постоянно намекает, что КНДР должна сосредоточить усилия на экономическом развитии и повышении благосостояния народа, и использует ситуацию для того, чтобы углубить вынужденную экономическую зависимость Северной Кореи от КНР. Но, хотя риторика в духе традиционной дружбы двух социалистических стран и двух партий не претерпевала изменения, можно заметить, что если Китай позиционирует себя как первого друга КНДР, то Пхеньян старается соблюдать некоторую дистанцию.

Можно предположить, что с одной стороны — риторический акцент на лозунге неизменной дружбы призван сгладить опасения перед тем, что Пхеньян-де может иметь намерения лавировать между КНР и США так, как он делал это между Москвой и Пекином в период холодной войны. С другой стороны, на наш взгляд, Пхеньян не столько намеревается менять сторону-партнера, сколько рассчитывает на фоне противостояния КНР и США получить больше китайской помощи, причем излишне не вовлекаясь в конфликт двух стран, который почти не освещается в СМИ КНДР.

КНР приветствует диалог КНДР с США и Южной Кореей, но ее основное внимание уделяется предотвращению нестабильности в регионе, а не его денуклеаризации как таковой. К тому же, сохраняющийся статус-кво соответствует российско-китайскому предложению «двойной заморозки». То есть процесс можно поставить на паузу.

Автор полагает, что сегодняшние отношения КНР и КНДР можно охарактеризовать как тактический союз, обусловленный наличием общей для двух сторон угрозой со стороны США и их союзников в регионе: Северная Корея оказывается одной из немногих стран Северо-Восточной Азии, которая в выборе между Америкой и Китаем не будет делать однозначный выбор в пользу США. Но несмотря на все «подводные камни» «неизменная дружба» продолжится, пока курс Пхеньяна на разрядку будет сохраняться, а угроза со стороны США считаться весомой.

Библиографический список

В Пхеньяне состоялась встреча глав МИД КНДР и КНР // Международное радио Кореи. 2019-09-02. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=58843 (дата обращения: 17.05.2020).

Ким Чен Ын назвал важной задачей развитие отношений с Китаем // ТАСС. 19.04.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6352179> (дата обращения: 17.05.2020).

Китай запретил экспорт в СК 32 наименований товаров двойного назначения // Международное радио Кореи. 2018-04-09. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=52507&id=In (дата обращения: 23.05.2020).

Китай ограничил импорт нефтепродуктов в СК // Международное радио Кореи. 2017-09-14. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=49985&id=In (дата обращения: 23.05.2020).

Лавров выступил за денуклеаризацию на всем Корейском полуострове // РБК: 13 мая 2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cd988629a794727fecf6080?from=newsfeed> (дата обращения: 23.05.2020).

Объем северокорейско-китайской торговли вырос // Международное радио Кореи. 2018-05-04. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?lang=r&id=In&No=52857&current_page= (дата обращения: 23.05.2020).

Объем торговли между КНДР и Китаем вырос в первом полугодии на 15,3 % // Международное радио Кореи. 2019-08-08. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=58558 (дата обращения: 17.05.2020).

После шестого ядерного испытания Пекин усилил критику Пхеньяна // Международное радио Кореи. 2017-09-14. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?lang=r&id=In&No=49858&current_page= (дата обращения: 23.05.2020).

Постпред Китая при ООН приветствовал шаги по улучшению ситуации на Корейском полуострове // Международное радио Кореи. 2018-11-02. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55199 (дата обращения: 23.05.2020).

Председатель КНР с супругой побывали на концерте артистов из КНДР // Международное радио Кореи. 2019.01.28. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56288 (дата обращения: 17.05.2020).

Си Цзиньпин опубликовал авторскую статью в северокорейских СМИ // Синьхуа Новости. 2019-06-19. URL: http://russian.news.cn/2019-06/19/c_138155784.htm (дата обращения: 17.05.2020).

СМИ узнали о введении Китаем ограничений по банковским операциям в КНДР // РБК. 10 сентября 2017. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/59b4cc3d9a7947a0e2b61e49?from=newsfeed> (дата обращения: 23.05.2020).

Совместное информационное коммюнике о трехсторонних консультациях заместителей министров иностранных дел Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики. 1891-10-10-2018 // МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/3370331 (дата обращения: 23.05.2020).

China eases enforcement of sanctions on N. Korea: US report // The Korea Herald. Nov. 15, 2018. URL: <http://m.koreaherald.com/view.php?ud=20181115000085> (accessed: 17.05.2020).

China supplies 1,536 tons of refined oil to N. Korea in May: report // The Korea Times. 2019-07-18. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/07/103_272494.html (accessed: 17.05.2020).

China to toughen N. Korea border control with 'state-of-the-art' scanners // The Korea Times. 2018-12-31. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/103_261018.html (accessed: 17.05.2020).

China, Russia loosening noose on North Korea again' // The Korea Times. 2019-08-13. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/08/103_273882.html (accessed: 17.05.2020).

DPRK only asked U.S. for partial sanctions removal, says FM // Global Times. 2019/3/1. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1140592.shtml> (accessed: 17.05.2020).

Fragile peace prospects on Korean Peninsula, *Global Times*, 2018/5/16. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1102592.shtml> (accessed: 23.05.2020).

How China should respond to US-NK talks, *Global Times*, .2018/3/9. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1092615.shtml> (accessed: 23.05.2020).

Kim, Xi reaffirm denuclearization // The Korea Times. 2019-01-11. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/356_261825.html (accessed: 17.05.2020).

N. Korea Sends Army of Workers to China to Make Quick Cash // The Chosun Ilbo. April 02, 2019. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2019/04/02/2019040200986.html (accessed: 17.05.2020).

N. Korea's trade deficit with China hits record high in 2019: KITA // Yonhap News. 19.03.2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200319006100320?section=news> (accessed: 17.05.2020).

No Chinese gasoline or diesel shipments to North Korea in May: data // NK PRO. 09.07.2019. URL: <https://www.nknews.org/pro/no-chinese-gasoline-or-diesel-shipments-to-north-korea-in-may-data/> (accessed: 17.05.2020).

North Korean leader expresses support to Chinese President over coronavirus // *The Korea Times*. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/02/103_282756.html (accessed: 17.05.2020).

North Korean minister reaffirms denuclearization commitment in Beijing talks. By Yonhap // *The Korea Herald*. 07.12.2018. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181207000646> (accessed: 17.05.2020).

Smuggling flourishes on NK-China border after Kim-Xi summit // *The Korea Times*. 2019-01-21. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/103_262381.html (accessed: 17.05.2020).

Taiwan Travel Act to jeopardize Taiwan's future // *Global Times*. 2018/1/10. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1084181.shtml> (accessed: 23.05.2020).

Taiwan Travel Act to meet countermeasures // *Global Times*. 2018/3/21. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1094591.shtml> (accessed: 23.05.2020).

Taiwan Travel Act. Public Law No: 115-135 (03/16/2018). *Congress.Gov*. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/535> (accessed: 23 May, 2020).

US should adapt to North Korea's change // *Global Times*. 2018/5/18. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1103027.shtml> (accessed: 23 May, 2020).

Why China Won't Rescue North Korea // *Foreign Affairs*. January/February 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2017-12-12/why-china-wont-rescue-north-korea> (accessed: 23.05.2020).

Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Beijing // *Xinhua Net*. 2018-03-28. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-03/28/c_137070598_2.htm (accessed: 23.05.2020).

Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Dalian // *Xinhua Net*. 2018-05-08. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-05/08/c_137164363.htm (accessed: 23.05.2020).

References

China eases enforcement of sanctions on N. Korea: US report, *The Korea Herald*, Nov. 15, 2018. URL: <http://m.koreaherald.com/view.php?ud=20181115000085> (accessed: 17 May, 2020).

China supplies 1,536 tons of refined oil to N. Korea in May: report, *The Korea Times*, 2019-07-18. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/07/103_272494.html (accessed: 17 May, 2020).

China to toughen N. Korea border control with 'state-of-the-art' scanners, *The Korea Times*, 2018-12-31. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/103_261018.html (accessed: 17 May, 2020).

China, Russia loosening noose on North Korea again, *The Korea Times*, 2019-08-13. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/08/103_273882.html (accessed: 17 May, 2020).

DPRK only asked U.S. for partial sanctions removal, says FM, *Global Times*, 2019/3/1. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1140592.shtml> (accessed: 17 May, 2020).

Fragile peace prospects on Korean Peninsula, *Global Times*, 2018/5/16. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1102592.shtml> (accessed: 23 May, 2020).

How China should respond to US-NK talks, *Global Times*, 09.03.2018. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1092615.shtml> (accessed: 23 May, 2020).

Kim Chen Yn nazval vazhnoj zadachej razvitie otnoshenij s Kitaem [Kim Jong-UN called the development of relations with China an important task], *TASS*, 19.04.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6352179> (accessed: 17 May, 2020). (In Russian).

Kim, Xi reaffirm denuclearization, *The Korea Times*, 2019-01-11. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/356_261825.html (accessed: 17 May, 2020).

Kitaj ogranicil import nefteproduktov v SK [China has restricted imports of petroleum products to NK], *KBS World Radio*, 2017-09-14. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=49985&id=In (accessed: 23 May, 2020). (In Russian).

Kitaj zapretil jeksport v SK 32 naimenovanih tovarov dvojnogo naznachenija [China has banned the export of 32 items of dual-use goods to NK], *KBS World Radio*, 2018-04-09. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=52507&id=In (accessed: 23 May, 2020). (In Russian).

Lavrov vystupil za denuklearizaciju na vsem Korejskom poluostrove [Lavrov called for denuclearization on the entire Korean Peninsula], *RBK news*: 13 May, 2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cd988629a794727fecf6080?from=newsfeed> (accessed: 23 May, 2020). (In Russian).

N. Korea Sends Army of Workers to China to Make Quick Cash, *The Chosun Ilbo*, April 02, 2019. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2019/04/02/2019040200986.html (accessed: 17 May, 2020).

N. Korea's trade deficit with China hits record high in 2019: KITA, *Yonhap News*, 19.03.2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200319006100320?section=news> (accessed: 17 May, 2020).

No Chinese gasoline or diesel shipments to North Korea in May: data, *NK PRO*, July 9, 2019. URL: <https://www.nknews.org/pro/no-chinese-gasoline-or-diesel-shipments-to-north-korea-in-may-data/> (accessed: 17 May, 2020).

North Korean leader expresses support to Chinese President over coronavirus, *The Korea Times*. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/02/103_282756.html (accessed: 17 May, 2020).

North Korean minister reaffirms denuclearization commitment in Beijing talks. By Yonhap, *The Korea Herald*, 7 December, 2018. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181207000646> (accessed: 17 May, 2020).

Ob'jom severokorejsko-kitajskoj trgovli vyros [The volume of North Korean-Chinese trade has increased], *KBS World Radio*, 2018-05-04. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?lang=r&id=In&No=52857&current_page= (accessed: 23 May, 2020). (In Russian).

Ob'jom trgovli mezhdu KNDR i Kitaem vyros v pervom polugodii na 15,3 % [The trade volume between North Korea and China rose in the first half by 15.3 %], *KBS World Radio*, 2019-08-08. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=58558 (accessed: 17 May, 2020). (In Russian).

Posle shestogo jadernogo ispytaniya Pekin usilil kritiku Phen'jana [After the sixth nuclear test, Beijing increased its criticism of Pyongyang], *KBS World Radio*, 2017-09-14. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?lang=r&id=In&No=49858&current_page= (accessed: 23 May, 2020). (In Russian).

Postpred Kitaja pri OON privetstvoval shagi po uluchsheniju situacii na Korejskom poluostruve [China's UN envoy welcomed steps to improve the situation on the Korean Peninsula], *KBS World Radio*, 2018-11-02. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55199 (accessed: 23 May, 2020). (In Russian).

Predsedatel' KNR s suprugoj pobывали na koncerte artistov iz KNDR [The Chinese President with his wife visited the concert of the artists from the DPRK], *KBS World Radio*, 2019-01-28. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56288 (accessed: 17 May, 2020). (In Russian).

Si Czin'pin opublikoval avtorskuju stat'ju v severokorejskih SMI [XI Jinping published an author's article in the North Korean media], *Xinhua news*, 2019-06-19. URL: http://russian.news.cn/2019-06/19/c_138155784.htm (accessed: 17 May, 2020). (In Russian).

SMI uznali o vvedenii Kitaem ogranichenij po bankovskim operacijam v KNDR [The media learned about China's introduction of restrictions on banking operations in the DPRK], *RBK News*, 10 September, 2017. URL: <http://www.rbk.ru/rbcfreenews/59b4cc3d9a7947a0e2b61e49?from=newsfeed> (accessed: 23 May, 2020). (In Russian).

Smuggling flourishes on NK-China border after Kim-Xi summit, *The Korea Times*, 2019-01-21. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/103_262381.html (accessed: 17 May, 2020).

Sovmestnoe informacionnoe kommjunike o trehstoronnih konsul'tacijah zames-titelej ministrov inostrannyh del Rossijskoj Federacii, Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Korejskoj Narodno-Demokraticheskoj Respubliki. [Joint information communique on the trilateral consultations of the Deputy foreign Ministers of the Russian Federation, the People's Republic of China and the Democratic People's Republic of Korea], *Ministry of foreign affairs of the RF*, 10-10-2018. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7lg5QaAll/content/id/3370331 (accessed: 23 May, 2020). (In Russian).

Taiwan Travel Act to jeopardize Taiwan's future, *Global Times*, 2018/1/10. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1084181.shtml> (accessed: 23 May, 2020).

Taiwan Travel Act to meet countermeasures, *Global Times*, 2018/3/21. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1094591.shtml> (accessed: 23 May, 2020).

Taiwan Travel Act. Public Law No: 115-135 (03/16/2018), *Congress.Gov*. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/535> (accessed: 23 May, 2020).

US should adapt to North Korea's change, *Global Times*, 2018/5/18. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1103027.shtml> (accessed: 23 May, 2020).

V Phen'jane sostojalas' vstrecha glav MID KNDR i KNR [North Korean and Chinese foreign Ministers meet in Pyongyang], *KBS World Radio*, 2019-09-02. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=58843 (accessed: 17 May, 2020). (In Russian).

Why China Won't Rescue North Korea, *Foreign Affairs*, January/February 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2017-12-12/why-china-wont-rescue-north-korea> (accessed: 23 May, 2020).

Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Beijing, *Xinhua Net*, 2018-03-28. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-03/28/c_137070598_2.htm (accessed: 23 May, 2020).

Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Dalian, *Xinhua Net*, 2018-05-08. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-05/08/c_137164363.htm (accessed: 23 May, 2020).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10016

К.К. Меркулов

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ВОСПРИЯТИИ ЗАРУБЕЖНЫХ «МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ»: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЗА 2019 ГОД

Светлой памяти родителей посвящаю¹

Аннотация. В данном аналитическом обзоре характеризуются некоторые особо важные положения и выводы, сделанные в избранных 14 научных документах и материалах, опубликованных в

---

¹ Особые слова благодарности автор априори адресует своим *родителям* — профессору *К.А. Меркулову* (1924—1999) и профессору *Э.А. Меркуловой* (1933—2017).

Автор также благодарит за доброе содействие всех своих *учителей, друзей и коллег*.

Особо автор благодарит «отца-основателя» идеи подготовки данного проекта д.и.н., профессора РАН *А.В. Ломанова* (ныне — заместителя директора ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова) за любезно предоставленные материалы, которые стали исходной методической основой данного начинания.

Также автор выражает признательность ответственному редактору и составителю издания «Китай в мировой и региональной политике. История и современность», ведущему научному сотруднику ИДВ РАН к.э.н. *Е.И. Сафроновой* за редакционное содействие в подготовке настоящей публикации.

Слова благодарности автор адресует и своему непосредственному руководителю — главе Центра научной информации и документации ИДВ РАН, главному редактору электронного научного журнала «Восточная Азия: факты и аналитика», ведущему научному сотруднику к.э.н. *Т.Е. Горчаковой*, которая — вместе с другими руководителями и сотрудниками ИДВ РАН — оказала и оказывает автору содействие в его работе.

Наконец, автор отдельно особо благодарит видного отечественного дипломата и талантливого ученого-международника Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ по особым поручениям, скромно пожелавшего остаться *инкогнито*, за ряд его бесценных редакционных замечаний к тексту данного обзора, которые нашли отражение в аннотации и других частях этой работы.

2019 г. рядом ведущих зарубежных англоязычных «мозговых трестов» и посвященных внешней политике Китая. Работа имеет целью дать читателю представление о взглядах зарубежных (североамериканских, западноевропейских, израильских и австралийских) экспертов на состояние и перспективы социально-экономического развития современного Китая, динамику его внешней политики. Она также характеризует оценку англоязычных политологов перспектив отношений КНР с ведущими мировыми центрами силы — США, ЕС, Россией, Индией и др.

Большинство из рассматриваемых в обзоре материалов свидетельствует о несомненном интересе их авторов к феномену «подъема Китая» и специфике международной «экспансии» КНР как бурно развивающейся региональной и мировой силе.

В обзоре показано, что за пределами Китая, прежде всего, на Западе и в тех странах, где экспертное сообщество находится под сильным влиянием западного политологического дискурса, по отношению к Китаю сформировалось не просто критическое, а зачастую сугубо негативистское мышление, с позиций которого оценивается внутренняя и внешняя политика современного руководства КНР и КПК.

Знакомство с рассматриваемыми разработками приводит к выводу о том, что для исследователей, воспитанных в духе западной политологической школы, в целом характерен схожий аналитический и концептуальный подход к рассматриваемой теме, что и сделало возможным подготовку данного обзора в целостном ключе. Источниками для настоящей работы послужили материалы профильного издания «Глобальный указатель ссылок на доклады мозговых центров в 2019 году» (*McGann, James G. (2020). 2019 Global Go To Think Tank Index Report, TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports, No 17*).

Ключевые слова: Китай (КНР), внешняя политика КНР, синологические документы и материалы, ведущие «мозговые центры».

Автор: Меркулов Катенарий Катенарьевич, кандидат исторических наук, доктор экономических наук (Международная Академия наук Сан-Марино), старший научный сотрудник Центра научной информации и документации Института Дальнего Востока РАН. E-mail: katenariy@gmail.com

K.K. Merkulov

China's external policy in the perception of foreign "think tanks": analytical survey for 2019

Im memorium to my parents

Abstract. This analytical review reflects some particularly important ideas of 14 selected scientific documents and materials published in 2019 by a number of leading foreign English-speaking "think tanks" about Chinese external policy. The work aims to give the reader an idea of the views of foreign (North American, West European, Israeli and Australian) experts on the status and prospects of socio-economic development of modern China, the dynamics of its foreign policy. It also characterizes how English-speaking political scientists assess prospects for relations between China and the leading world centers of power — the USA, EU, Russia, India, etc.

Most of the materials considered in the review testify to the undoubted interest of their authors in the phenomenon of the "rise of China" and the specifics of the international "expansion" of the PRC as a rapidly developing regional and world power and even a new superpower.

The review shows that outside China, especially in the West and in those countries where the expert community is strongly influenced by Western political science discourse, not only critical, but often purely negative thinking has formed in relation to China, from the perspective of which internal and foreign policy of the modern leadership of the PRC and the CCP is studied.

Acquaintance with the considered works leads to the conclusion that researchers brought up in the spirit of the Western political science school generally have a similar analytical and conceptual approach to the topic under discussion, which made it possible to prepare this review in a holistic manner. The sources for this work are represented by the materials of the specialized publication *McGann, James G. (2020). 2019 Global Go To Think Tank Index Report, TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports, No. 17.*

Keywords: China (PRC), PRC foreign policy, synological documents and materials, leading think tanks.

Author: Katenariy K. MERKULOV, Ph.D. (Hist.), Dr. of Sc. (Economics) (International Academy of Sciences of San Marino), Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: katenariy@gmail.com

Уже не раз замечено, что изучение в России проблем современного Китая, включая его внешнюю политику, ныне значительно затруднено в связи с отсутствием практически во всех китаеведческих центрах нашей страны регулярного доступа к целому ряду источников и литературы на китайском и многих других иностранных языках.

В такой ситуации восполнить вышеуказанный информационный пробел отчасти помогает исследование новейших китаеведческих публикаций, подготовленных крупнейшими зарубежными (в том числе англоязычными) «мозговыми центрами». В данном аналитическом обзоре как раз и отражены некоторые особо важные, на взгляд составителя, положения научных документов и материалов, изданных в 2019 г. рядом англоязычных «мозговых трестов» по вопросам внешней политики Китая.

Начнем с доклада «Предотвращение кризиса: американская стратегия, военные расходы и коллективная оборона в Индо-Тихоокеанском регионе» (*Averting Crisis: American Strategy, Military Spending and Collective Defence in the Indo-Pacific*), опубликованного 19 августа 2019 г. группой экспертов Центра исследований США Сиднейского университета (Австралия) (US Studies Centre (USSC), Sydney University, Australia). Авторы достаточно объективно, но при этом в критическом ключе оценивают факт растущего несоответствия между постепенно сокращающимися совокупной мощностью и ресурсами США, с одной стороны, и со стремлением страны сохранить свою прежнюю лидирующую роль в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) (а также и в глобальном масштабе) — с другой. С учетом этого обстоятельства и на фоне «подъема мощи Китая» авторами сформулирован проект стратегии коллективной обороны в ИТР (причем явно антикитайской направленности), включая ряд важных комплексных мер, направленных на компенсацию государствами — партнерами США «слабеющей региональной военной мощи Америки» [*Averting Crisis...*].

В докладе «Может ли мировая экономика выявить нового лидера?» (*Can the World Economy Find a New Leader?*), подготовленном сотрудником всемирно известного лондонского «мозгового центра» Чэтэм-хаус (Chatham House, United Kingdom) Аланом Битти в октябре 2019 г., содержится анализ проблем регулирования междуна-

родной валютной системы и целого ряда вопросов мировой торговли. Автор осторожно оценивает объективно слабеющее лидерство США в мировой экономике и подчеркивает необходимость формирования «межправительственных коалиций с интересами в сфере регулируемого миропорядка» и с соответствующими «многосторонними» функциями. Однако автор не сопровождает эти абстрактные «благие идеи» конкретными проектами международных дипломатических инициатив [Can the World Economy Find a New Leader?].

Примечателен доклад, опубликованный 28 мая 2019 г. экспертами Итальянского института политических исследований (Italian Institute of Political Studies (ISPI), Italy) под названием «Гонка Китая к глобальному технологическому лидерству» (*China — The Race to Global Technology Leadership*). Как отмечают авторы, «текущая торговая война между США и Китаем выглядит как маленький эпизод в гораздо большей загадке мирового лидерства, в котором Китай играет роль восходящего претендента, стремящегося нарушить существующий баланс сил. Технологии и инновации, по-видимому, являются предпочтительным оружием Пекина в его лобовом нападении на Вашингтон в секторах, традиционно возглавляемых США». Более того, по мнению авторов, «Китай не только приобретает технологии. Его амбиции распространяются на регулирование международной торговли и глобального управления. Как будет выглядеть глобальный порядок во главе с Китаем — пока не ясно, но риски, сопровождающие бурное развитие технологий, должны быть тщательно оценены, поскольку они могут преобразовать основные ценности современного общества». В результате авторы дают весьма сбалансированный ответ на вопрос: «В какой степени технологии будут способствовать росту Китая?». Этот ответ, вкратце, заключается в том, что выход КНР на лидирующие позиции в сфере современных технологий открывает путь Пекину и к обретению мировой гегемонии во многих других областях [China — The Race to Global Technology Leadership].

Доклад, опубликованный Энтони Х. Кордесманом 1 октября 2019 г. под эгидой Центра стратегических и международных исследований (США) (Centre for Strategic and International Studies (CSIS), USA) и озаглавленный «Китай и США: сотрудничество, конкуренция и/или конфликт» (*China and the United States: Cooperation,*

Competition, and/or Conflict), представляет собой комплексную оценку фактора становления Китая как мировой сверхдержавы и его конкуренции с США. Помимо включения различных новейших данных о китайских экономических и военных возможностях и ресурсах, материал содержит и ключевые положения из недавно выпущенной в КНР Белой книге, посвященной 70-летию КПК. Эти выдержки являются показательными примерами критики Пекина американской стратегии и практики в отношении КНР и других государств, а также планов Китая взять на себя инициативу по глобальному развитию и возглавить мировой экономической прогресс.

Обобщая содержание своей работы, Э.Х. Кордесман особо отмечает важность принципа учета «широких трендов, а не конкретных цифр». И в то же время многие данные из разных источников, отличающиеся в деталях, тем не менее, совпадают в плане того, как стремительно развиваются экономика, технологическая база и военные силы Китая и как быстро растет значение его региональных и глобальных экономических и военных связей и в целом — политическое влияние и авторитет. Проявляются четкие свидетельства того, что Китай уже сейчас является экономической сверхдержавой с растущими ресурсами и постоянно совершенствующейся технологической базой. Его военный потенциал достиг такого качества, что ныне Китай может конкурировать с США, по меньшей мере в Азии.

Автор доклада также отмечает, что Китай ныне имеет гораздо более мощную экономику, чем Россия, и тратит гораздо больше РФ на оборонные цели. Если эти тенденции сохранятся, то у Китая будет возможность сравняться или даже превзойти по своей хозяйственной мощи экономику США и даже обогнать американские вооруженные силы в течение следующих двух десятилетий. Но конкретика превращения Китая в сверхдержаву видится автору доклада трудно прогнозируемой. Кроме того, многие тренды развития других авторитетных держав, таких, как США и Россия, также очень нестабильны, что не способствует определенности представлений о будущем [China and the United States...].

Статья «Соединение Евразии: возможно ли сотрудничество между ЕС, Китаем и Россией в Центральной Азии?» (*Connecting Eurasia: Is Cooperation Between the EU, China and Russia Possible in Central Asia?*)

была опубликована 1 июля 2019 г. в серии «Тематические статьи» издаваемого один раз в две недели «Центрально-азиатско-кавказского аналитика» (Central Asia-Caucasus Analyst (CACI), United States). Эта публикация подготовлена под эгидой Института Центральной Азии и Кавказа и Программы исследований Шёлкового пути Объединенного центра Американского совета по внешней политике (Вашингтон, округ Колумбия) (Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, Joint Center American Foreign Policy Council (Washington, DC)) и Института политики безопасности и развития (Стокгольм, Швеция) (Institute for Security & Development Policy (Stockholm-Nacka, Sweden)). Автор статьи Фабьен Боссайт — доцент кафедры политологии Гентского университета. В предисловии он отмечает, что, учитывая сохраняющуюся напряженность в отношениях между ЕС и Россией, лишь немногие эксперты серьезно думают о возможности трехстороннего сотрудничества между ЕС, Китаем и Россией в Центральной Азии. Однако по мере реализации Китаем его инициативы «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative — BRI), ЕС и Россия — как незаменимые заинтересованные стороны в деле осуществления любого евразийского сухопутного моста — разрабатывают политические меры реагирования на инициативу Китая и в ряде случаев демонстрируют «неожиданную» для некоторых западных «твердолобых» экспертов «готовность к сотрудничеству». Рассматривая вероятность сотрудничества между ЕС, Китаем и Россией в Центральной Азии, статья характеризует общие интересы трех сторон и подчеркивает большую важность их взаимодействия в Центральной Азии. При этом в статье рассматриваются не только преимущества такого сотрудничества, но и в основном — его «узкие места», которые в массе своей проистекают из разногласий участников по вопросам кооперации и развития [Connecting Eurasia...].

Примечательным представляется выпущенный 12 февраля 2019 г. доклад Целевой группы по политике США и Китая (Task Force on U.S.-China Policy) «Исправление курса: на пути к эффективной и устойчивой политике в отношении Китая» (*Course Correction: Toward an Effective and Sustainable China Policy*). В докладе приводятся выводы группы специалистов по Китаю из разных аналитических центров США, созданной Центром исследований отно-

шений США и Китая Института политики при Азиатском Обществе (Asia Society's Policy Institute Center on U.S.-China Relations) и Центром исследований Китая XXI века при Калифорнийском университете (Сан-Диего) (the University of California San Diego's 21st Century China Center). Авторы отмечают, что за два года пребывания администрации Д. Трампа у власти отношения Соединённых Штатов и КНР оказались на «опасном перекрестке». По мере возникновения в этих отношениях все большего числа точек напряженности обе стороны стремятся переопределить свои интересы и обновить политические цели для их достижения.

В основу меморандума Целевой группы 2019 г. положен ее предыдущий доклад за 2017 г., в котором констатируются основные интересы США в их отношениях с Китаем. К ним относятся «справедливая рыночная глобальная экономическая система», мирный и стабильный Азиатско-Тихоокеанский регион, либеральный политический и экономический порядок, основанный на правилах, стабильные и продуктивные отношения с Китаем. Этот меморандум фокусируется на пяти различных проблемных сферах: 1) экономика и торговля; 2) региональная безопасность; 3) глобальное управление; 4) права человека; 5) стремление Китая к вмешательству и вмешательство КНР за рубежом.

Для продвижения этих интересов Целевая группа предлагает стратегию «умной (интеллектуальной) конкуренции». «Интеллектуальная конкуренция» подразумевает использование сильных сторон Америки для эффективного соперничества с Китаем при поддержании максимально возможного сотрудничества в областях, представляющих общий интерес; создание международных коалиций по побуждению Китая следовать международным законам и нормам; разрешение ключевых споров переговорным путем (там, где это возможно); сохранение и обновление тех международных институтов, которые на протяжении многих десятилетий укрепляли благосостояние и безопасность обеих стран и остального мира [Course Correction...].

Обращает на себя внимание Меморандум № 194 «Израильско-китайские отношения: возможности и проблемы» (*Israel-China Relations: Opportunities and Challenges*), подготовленный в августе 2019 г.

группой экспертов Института исследований национальной безопасности (Израиль) (Institute of National Security Studies (INSS), Israel) во главе с Ассафом Орионом и Галией Лави. В силу своей нетривиальности это исследование заслуживает прочтения в оригинале.

В своей вступительной статье в качестве редактора этого Меморандума бригадный генерал (в отставке) А. Орион (директор израильско-китайской программы этого института) пишет, что и современному Израилю, и КНР — около 70 лет. Каждое из этих государств является родиной древней нации, обладает богатым историческим наследием и вызывает огромную национальную гордость своих граждан.

Со времени установления официальных дипломатических отношений между Израилем и Китаем связи сторон развивались и расширялись, и сегодня они особенно важны в сфере экономики, культуры и туризма. Товарооборот увеличился в основном за счет продукции сельского хозяйства, торговли услугами здравоохранения, водоснабжения, высоких технологий и других позиций. В сфере культуры происходит обмен знаниями, обмен студентами, и очевиден глубокий взаимный интерес к истории, религиям и культурам двух народов. В сфере туризма количество посещений удвоилось за последние годы в обоих направлениях и продолжает неуклонно расти.

Далее редактор доклада отмечает следующее: «Четыре года, проведенные в качестве посла Израиля в Китае, научили меня, что лицевая сторона не всегда отражает реальность и что в Китае гораздо больше внешне неприметного, чем кажется на первый взгляд. Мы должны помнить, что различие культур двух стран значительно, и что сближение между ними — непростое дело. Часто Израиль плохо понимает китайскую сторону. Китайцы полагаются на фактор доверия, который требует времени для развития. Для израильтян, которым нравится «все здесь и сейчас», нелегко долго проявлять терпение, которого требуют китайцы. Стремление израильтян говорить открыто и прямо противоречит китайской традиции косвенной, подтекстной и завуалированной речи, а также важной китайской традиции сохранения чести других и воздержания от причинения им позора и потери лица. Таким образом, истинное намерение китайской стороны часто неясно израильской стороне, которая испыты-

вает затруднения при правильном понимании ситуации и ее последствий» [Israel-China Relations...].

Еще одна интересная статья — «Региональное сотрудничество в Центральной Азии: актуальность зарубежных моделей» (*Regional Cooperation in Central Asia: Relevance of Foreign Models*), опубликованная 13 февраля 2019 г. в издающемся раз в две недели издании «Центрально-азиатско-кавказский аналитик» (*Central Asia-Caucasus Analyst (CACI)*, United States). Эта публикация подготовлена под эгидой Института Центральной Азии и Кавказа и Программы исследований Шёлкового пути Объединенного центра Американского совета по внешней политике (Вашингтон, округ Колумбия) (*the Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, Joint Center American Foreign Policy Council (Washington, DC)*) и Института политики безопасности и развития (Стокгольм, Швеция) (*the Institute for Security & Development Policy (Stockholm-Nacka, Sweden)*). Авторы — известные политологи С. Фредерик Старр, Сванте Э. Корнелл, Хейден Гилмор.

Как пишут авторы в начале статьи, обновление духа регионализма в Центральной Азии наиболее явно заявило о себе на саммите лидеров стран ЦА в Астане в марте 2018 г. и в принятии резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) в июне того же года. В то время, когда жители Центральной Азии размышляют о том, как учесть процессы регионализации в институциональном строительстве, опыт даже очень разных стран в Северной Европе, Южной Америке и Юго-Восточной Азии может быть уместным. В конце концов, эти и другие регионы мира имеют богатую, исторически наработанную практику развития регионального сотрудничества. Они достигали успехов, терпели неудачи и сталкивались с проблемами, которые не отличаются от тех, с которыми сегодня сталкиваются государства Центральной Азии.

Авторы ставят целый ряд насущно важных для ЦАР вопросов (от технических до политических): как следует обращаться со свободой передвижения людей, как решать вопросы трудовых ресурсов и упрощения процедур торговли? Как региональное сотрудничество сказывается на том, что страны ЦАР до сих пор не имеют единой парадигмы участия в международных организациях? Насколько глубоко

ко должны быть институционализированы региональные структуры? Какова их позиция в отношении внешних сил, особенно крупных — «потенциальных гегемонов»? Такие вопросы находятся в центре внимания соответствующих разделов этой примечательной статьи [Regional Cooperation in Central Asia...].

Научный доклад «Переосмысление конкуренции между США и Китаем: перспективы следующего поколения» (*Rethinking US-China competition: Next generation perspectives*) был подготовлен под эгидой Института Брукингса (США) (Brookings Institution, USA) в июне 2019 г. группой молодых ученых, включая Таруна Чхабру, Раша Доши, Райана Хасса, Миру Рапп-Хупер, Брюса Джонса и Уилла Морленда. Отредактированная стенограмма отражает высказанные членами группы оценки внешнеполитических интенций Китая, их дебаты о характере изменяющихся отношений между США и Китаем, а также о динамике стратегической конкуренции между Вашингтоном и Пекином.

Резюме этого документа выглядит так: «Трансформация от роли потенциального «ответственного участника» до статуса «стратегического конкурента» — таково краткое содержание кардинального изменения в политике правительства США в отношении Китая за последние годы. Выступая ранее де-факто в качестве партнера США в период холодной войны, ныне Пекин все чаще воспринимается в США как экономический конкурент и как источник вызова американской мощи в Азии и, возможно, даже в глобальном масштабе. Кроме того, по мере распространения информации о контроле над обществом внутри Китая и о курсе Пекина в отношении этнических уйгуров, многие американцы задаются вопросом, какую роль должны играть ценности и права человека в китайской политике США. В целом, характер дискурса о Китае и его роли в мире меняется» [Rethinking US-China competition...].

Доклад Итальянского института международных политических исследований (ИИМПИ) (Italian Institute for International Political Studies (ISPI), Italy) «Россия и Китай: анатомия партнерства» (*Russia and China: Anatomy of a Partnership*) был опубликован группой экспертов ИИМПИ во главе с Альдо Феррари и Элеонорой Тафуρο Амбросетти 3 мая 2019 г. В докладе говорится, что «хотя «упадок Запада» в

настоящее время считается почти очевидным, впечатляющие экономические показатели Китая и политическое влияние напористой России на международной арене объединяются, чтобы сделать Евразию ключевым центром политической и экономической мощи. Это, безусловно, история, которую Пекин и Москва рассказывают годами. Настало ли время для «евразийского мирового порядка»? Что именно влечет за собой предполагаемый китайско-российский вызов либеральному миру? Стимулируют ли сближение КНР и РФ их усиливающиеся противоречия с Западом?». Рассматривая эти и другие вопросы через призму явно укрепляющегося союза между Москвой и Пекином, авторы отмечают и растущую асимметрию этого союза. Они также предлагают ряд политических мер (раздел «Политические рекомендации для ЕС»), которые могли бы помочь ЕС справиться с этим «евразийским сдвигом», то есть долгосрочной и многогранной перестройкой факторов влияния в пользу РФ и Китая, которая может привести к «концу» известного доселе света.

Так, авторами, в частности, указано: «Блок «Россия—Китай» можно охарактеризовать как чисто прагматичный, асимметричный или даже порой подверженный конфликтам, но он реально существует. Общий момент, с которым, по-видимому, согласны все авторы этого доклада, заключается в том, что китайско-российская экономическая, политическая и (частично) нормативная (правовая) конвергенция является тенденцией, которая способна продолжаться или усиливаться, по меньшей мере, в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Это не очень хорошая новость для ЕС: китайско-российская конвергенция, отчасти «спаянная» ссорами обеих стран с Западом, являет собой «ось растущего инакомыслия и конкуренции с Западом». Тем не менее, вместо того, чтобы чрезмерно драматизировать этот феномен, ЕС должен искать возможные выгоды от расширения китайско-российского сотрудничества или хотя бы пути ограничения ущерба от него.

Подводя итог содержанию доклада, подчеркнем, что это само-бытное исследование заслуживает чтения в оригинале всеми заинтересованными специалистами. Однако необходимо отметить, что в некоторых местах эксперты ИИМПИ, по-видимому, склонны переоценивать внешне (формально) преимущественно центростремитель-

ный характер нынешнего китайско-российского партнерства с одной стороны, и существенно недооценивают его скрытый центробежный потенциал в долгосрочной перспективе — с другой [Russia and China...]. Между тем, несмотря на некоторые реальные успехи в связях РФ и КНР, согласно целому ряду даже «открытых» для широкой читательской аудитории публикаций (и в КНР, и в России, и в других странах), ближе к середине нынешнего века может существенно возрасти потенциал военной конфликтности Китая на региональном и даже глобальном уровне, не исключая и «северного соседа» КНР [Галенович, с. 6].

Еще один интересный документ — доклад под названием «Торговый конфликт США и КНР: возможности для интересов США в области экономики и безопасности в развивающихся странах Юго-Восточной Азии» (*U.S.-China Trade Conflict: Opportunities for U.S. Economic and Security Interests in Developing Southeast Asia*) был подготовлен Ричардом Крониным в октябре 2019 г. под эгидой Центра Стимсона (США) (Stimson Center, United States). Этот анализ является частью издания «Президентский почтовый ящик» — продолжающейся серии Центра Стимсона, в которой рассматриваются основные проблемы и возможности администрации следующего президента США.

Главные идеи этого доклада таковы. Нынешний конфликт США с Китаем по поводу торговых барьеров и нарушений американских прав интеллектуальной собственности создал ряд проблем для американских компаний, которые зависят от китайских партнеров в производстве товаров под их (американскими) торговыми марками или в обеспечении критически важных деталей и компонентов для глобальных операций компаний США. Интеллектуальная собственность — авторские права, патенты, товарные знаки и т. п. представляют собой «драгоценности короны» высоких технологий США и имеют решающее значение для сохранения коммерческих и военных преимуществ США перед лицом все более напористого китайского контрагента. Призыв президента Д. Трампа к тому, чтобы американские компании покинули Китай, стимулировал многие компании сократить в их глобальных «цепочках поставок» элементы китайского производства. Уход из Китая требует перемещения в другое место.

Президент США признал, что большая часть этой продукции вряд ли вернется в США в силу более высоких производственных издержек и других факторов. Однако президент и Конгресс, действуя по целому ряду направлений, способны реально помочь перемещению производства США в другие, стратегически выгодные в плане обеспечения безопасности и экономических интересов США страны и регионы (в первую очередь — в Юго-Восточную Азию).

Резюмируя содержание этого доклада, следует отметить, что он носит преимущественно специализированный, «отраслевой» характер и в этом качестве может представлять интерес прежде всего для экспертов, занимающихся вопросами расширения бизнеса США в Юго-Восточной Азии. Тем не менее, ряд идей этого доклада интересен и для научной аудитории [U.S.-China Trade Conflict...].

Доклад, озаглавленный «Анализируя китайские проекты инфраструктуры в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) в Африке» (*Understanding China's Belt and Road infrastructure projects in Africa*), был подготовлен в сентябре 2019 г. под эгидой Института Брукингса (США) (Brookings Institution, United States) Дэвидом Долларом — экспертом по внешней политике, глобальной экономике и развитию (Китайский центр Джона Л. Торнтона — John L. Thornton China Center).

Общий вывод доклада таков: инициатива ОПОП хоть и кажется нацеленной на создание сугубо региональных экономических коридоров, но на самом деле она носит глобальный характер, будучи мотивированной соответствующими экономическими и стратегическими интересами КНР. Успех ОПОП позволит Китаю более эффективно использовать избыточные сбережения и строительный потенциал, расширить торговлю, укрепить экономические и дипломатические отношения со странами-участницами этого проекта и диверсифицировать импорт энергетических и других ресурсов по экономическим коридорам, обходящим маршруты, контролируемые США и их союзниками.

Как пишет автор, эта инициатива в целом популярна среди развивающихся стран, где почти все акторы сталкиваются с проблемой недостаточности инфраструктуры и нехватки ресурсов для ее преодоления. Благодаря большим займам от Китая на строительство

различной инфраструктуры, страны-участницы ОПОП могут получить немалые выгоды, восполняя свои инфраструктурные пробелы и ускоряя собственный экономический рост. Параллельно с ширящейся популярностью в развивающихся странах, инициатива ОПОП сталкивается с критикой со стороны развитых индустриальных стран, в частности, в том плане, что ей-де не хватает прозрачности; она способствует «экспорту» Китаем его авторитарной модели развития; условия осуществляемого Китаем коммерческого кредитования столь жестки, что приводят к новому витку долговых кризисов в развивающихся странах; проекты, реализуемые в рамках ОПОП, не имеют достаточных экологических и социальных гарантий.

В документе рассматривается процесс реализации инфраструктурных проектов ОПОП в Африке и делается вывод о том, что африканский опыт работы в рамках ОПОП весьма неоднозначен. У некоторых заемщиков есть проблемы с кредитоспособностью, в то время как другие спокойно инкорпорировали китайские кредиты в свои макроэкономические программы. Некоторые из основных заемщиков — это авторитарные страны с не лучшей репутацией в области прав человека, однако другие крупные участники относятся к числу более демократических стран Африки. Поэтому трудно сделать единый прогноз для всех проектов ОПОП в Африке. В силу этого, как отмечает автор, для западных стран было бы разумнее смягчить риторику в отношении ОПОП, ибо многие проекты могут оказаться успешными. Было бы полезно, чтобы западные государства оказали большую поддержку Международному валютному фонду, дабы помочь развивающимся странам управлять своими заимствованиями, а Всемирному банку — выделить большее финансирование на инфраструктурные цели.

Резюмируя содержание этого доклада, следует особо отметить, что он тоже носит преимущественно специализированный, «отраслевой» характер, но тем не менее некоторые важные его идеи могут быть интересны не только для практической, но и научной аудитории [Understanding China's Belt and Road...].

Доклад под названием «Стратегическая конкуренция между США и Китаем: поиск глобального технологического лидерства» (*US—China Strategic Competition: The Quest for Global Technological*

Leadership) был издан группой авторов под эгидой Чэтэм-хауса (Великобритания) (Chatham House, UK) 7 ноября 2019 г. Исследуемая в документе проблема кратко описана следующим образом: нынешний «спор» между США и Китаем выходит далеко за рамки вопроса о торговых тарифах и санкциях по принципу «зуб за зуб»: его основной движущей силой является гонка за глобальное технологическое превосходство. В документе характеризуются риски усиления стратегической конкуренции, а также возможные варианты смягчения экономической конфронтации между США и КНР.

Основные выводы доклада таковы:

Ключевой движущей силой продолжающейся торговой войны между США и Китаем является гонка за глобальное технологическое доминирование. Реальная суть торговых споров с КНР заключается в неуютности для США политики и практики Китая по принудительной передаче технологий и присваиванию интеллектуальной собственности, а также в нездоровых практиках нерыночного свойства.

- По мере расширения международного влияния Китая, становится все более сомнительным, что Пекин будет и далее мириться с существующими глобальными порядками и институтами, широко используемыми развитыми странами на основе «Вашингтонского консенсуса».

- Желание Китая стать альтернативным актором, устанавливающим мировые технологические стандарты, остается нереализованным. Его богатый инновационный талант создает реальную базу для достижения Китаем глобального технологического превосходства, но ужесточение контроля над личными свободами может скомпрометировать его и «отпугнуть» потенциальных международных партнеров.

- Неясно, приведет ли политика китайского правительства к технологической самообеспеченности Китая. Подход КНР к макроэкономическому управлению значительно отличается от подхода США и других стран с реальной рыночной экономикой, особенно в плане поощрения инноваций.

- Китайские участники вовлечены в инновационно-технологическую глобализацию посредством экспорта и импорта высокотех-

нологических товаров и услуг; осуществления трансграничных инвестиций в технологические компании и трансграничного сотрудничества в сфере НИОКР, а также международного научно-технического сотрудничества.

- Нынешние действия США, спровоцированные конкуренцией с Китаем за технологическое превосходство, вряд ли окажутся продуктивными. У США будет больше шансов на успех, если они сосредоточатся на внутренних проблемах, влияющих на конкурентоспособность Америки, а также на выработке общих с международными партнерами принципов технологической политики и на укреплении мировой торговой системы [US—China Strategic Competition...].

* * *

Итак, ключевые положения, сформулированные в рассмотренных документах, можно обобщенно представить в следующем виде:

- наблюдается ускорение роста совокупной мощи Китая, становление КНР как новой полноформатной сверхдержавы, угрожающей интересам безопасности «цивилизованного мира» в лице «традиционного» Запада и его ближайших партнеров и сателлитов;
- Китай все больше из стратегического партнера превращается в стратегического соперника США, на равных конкурируя с ними в геоэкономике и геополитике, сфере безопасности и военной области, в сфере социально-культурных и иных надматериальных ценностей;
- выход КНР на лидирующие позиции в сфере современных технологий ведет к навязыванию Китаем «остальному миру» своих технических стандартов, открывает ему путь к обретению глобального и регионального превосходства во многих других областях;
- очевидна тенденция роста глобальных амбиций Китая, подчиненности действий нынешних лидеров КНР на мировом и региональном уровнях (в первую очередь, на уровне инициативы «Один пояс, один путь») единой стратегии по достижению главной внешнеполитической цели — мирового господства в духе модернизированных идей «мира по-китайски» (*Pax Sinica*), сменяющих доктрину «мира по-американски» (*Pax Americana*);

- концепция «Пояса и пути» является пусть неявным, но ключевым инструментом китайской технико-экономической, а в перспективе и более комплексной (в том числе военно-политической и социально-культурной) экспансии, каналом «экспорта» Китаем его модели развития путем «ползучей китаизации» «остального человечества».

Обращает на себя внимание алармистский характер ряда аналитических выкладок, в том числе содержащегося в некоторых из них прогноза роста в ближайшие 10—20 лет соперничества крупных мировых держав, в первую очередь США и Китая. Ряд аналитиков из США и европейских государств, а также эксперты других стран «бьют тревогу» в связи с отсутствием между основными акторами международных отношений взаимопонимания и доверия и более того — усугубляющимися различиями в походах США, Евросоюза, Китая, России и т. д. к фундаментальным вопросам мира и безопасности, к проблемам развития, формам и методам международного сотрудничества.

Любопытно, что зарубежные политологи порой откровенно жалуется на слабую экспертизу по китайской проблематике, сетуя на то, что за пределами Поднебесной плохо понимают Китай.

По праву особый интерес в данных материалах вызывает трактовка их авторами фактора России. Анализируя феномен усиления международных позиций КНР, экономической мощи и потенциала «мягкой» и «жесткой» силы страны, ряд западных экспертов с беспокойством отмечают формирование в начале текущего века между Китаем и РФ взаимовыгодного внешнеполитического «альянса», расширяющееся взаимодействие двух стран на пространстве Евразии, проявление признаков «нового евразийского порядка». Так, некоторые итальянские аналитики рассматривают нынешнюю «анатомию партнерства» РФ и КНР почти исключительно через призму противостояния между «авторитарным спектром» современного мира, олицетворяемым-де Москвой и Пекином, и западными «либерально-рыночными демократиями». А целью условной «конвергенции» России и Китая называется эффективное противодействие двух стран господству Запада.

Во многих рассматриваемых разработках содержатся рекомендации руководству соответствующих стран и региональных сообществ

относительно того, как необходимо реагировать на «возвышение» Китая. В результате анализа данного феномена, трактуемого многими экспертами преимущественно как «угроза Западу», предлагаются, в частности, следующие меры для включения в коллективную международную «повестку дня» ведущих западных центров силы:

- выработка и проведение странами Запада единой линии в отношении Китая;
- усиление технологической конкурентоспособности Запада путем выработки общих подходов по вопросам охраны интеллектуальной собственности, технологической политики и укрепления международной торговой системы;
- наращивание усилий по сдерживанию Китая методами «умной (интеллектуальной) конкуренции»;
- перемещение американских предприятий из КНР в другие страны, прежде всего в страны ЮВА, как элемент стратегии обеспечения безопасности и экономического доминирования США;
- создание механизма проверки (сертификации, оценки, присвоения рейтингов) иностранных инвестиций и их целевого использования в контексте противодействия продвижению китайской инициативы «Один пояс, один путь»;
- активизация поддержки экономик развивающихся стран, в первую очередь, африканских, через механизмы МВФ и Всемирного банка в целях противодействия укреплению там экономических позиций Китая;
- укрепление роли США как гаранта международной безопасности и недопущение «ухода» США из стратегически важных регионов мира, включая Ближний Восток и Индо-Тихоокеанский регион (ИТР);
- повышение экономической и внешнеполитической активности США и ЕС в Центральной Азии, выработка ими четкого плана согласованных действий в этом регионе.

Понятно, что выводы, к которым приходят авторы, призваны концептуально обосновать непогрешимость «западного образа жизни» и вообще превосходство «западной» цивилизации.

При разборе разноплановых исследовательских разработок бросается в глаза их склонность анализировать мировые проблемы с

конфронтационных позиций «игры с нулевой суммой», инерционное стремление демонизировать Китай в целом (а не его отдельные ультранационалистические силы), ложный посыл о «тотальном» коварстве Пекина. Лишь в отдельных случаях можно найти здравые призывы западных экспертов к налаживанию координации усилий США, ЕС и «прозападных» центров силы с усилиями КНР и РФ для решения глобальных и региональных проблем.

Вместе с тем общую тональность рассматриваемых публикаций задает то, что они были подготовлены до начала пандемии COVID-19, повлекшей за собой системный кризис, возможно, самый глубокий со времен Великой депрессии XX века, заставивший мировое сообщество с новой силой задуматься о перспективах сохранения жизни на Земле.

В заключение следует отметить, что регулярная публикация подобных обзоров в будущем была бы полезна в плане лучшего уяснения как общей тональности западного политологического дискурса, так и выявления свойственных научным центрам различий в политических акцентах, расставляемых при анализе внутренней и внешней политики Китая. Изучение рекомендаций западных экспертов, влияющих на формулирование политики США и других стран на китайском направлении, могло бы стать хорошим подспорьем для отечественных практических ведомств, в частности, МИДа, способствовало бы выработке адекватных мер по оптимизации российско-китайского стратегического партнерства, по действенному обеспечению национальных интересов нашей страны и ее союзников и становлению международного сотрудничества нового типа во имя совместного выживания и устойчивого развития в условиях обострения вызовов и угроз существованию человеческой цивилизации.

Библиографический список

Галенович Ю.М. Войны Нового Китая и его дипломатическая служба. М.: Восточная книга, 2012. 640 с.

Averting Crisis: American Strategy, Military Spending and Collective Defence in the Indo-Pacific / US Studies Centre (USSC), Sydney University (Australia). URL:

<https://www.ussc.edu.au/analysis/averting-crisis-american-strategy-military-spending-and-collective-defence-in-the-indo-pacific> (дата обращения: 09.03.2020).

Can the World Economy Find a New Leader? / Chatham House (United Kingdom). URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/can-world-economy-find-new-leader> (дата обращения: 09.03.2020).

China — The Race to Global Technology Leadership / Italian Institute of Political Studies (ISPI) (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/chinas-race-global-technology-leadership-23169> (дата обращения: 09.03.2020).

China and the United States: Cooperation, Competition, and/or Conflict / Centre for Strategic and International Studies (CSIS) (USA). URL: <https://www.csis.org/analysis/china-and-united-states-cooperation-competition-and-or-conflict> (дата обращения: 09.03.2020).

Connecting Eurasia: Is Cooperation Between the EU, China and Russia Possible in Central Asia? URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/feature-articles/item/13577-connecting-eurasia-is-cooperation-between-the-eu-china-and-russia-possible-in-central-asia?.html> (дата обращения: 10.03.2020).

Course Correction: Toward an Effective and Sustainable China Policy / Asia Society Policy Institute (United States). URL: <https://asiasociety.org/center-us-china-relations/course-correction-toward-effective-and-sustainable-china-policy> (дата обращения: 09.03.2020).

Israel-China Relations: Opportunities and Challenges / Institute of National Security Studies (INSS) (Israel). URL: <https://www.inss.org.il/publication/israel-china-relations-opportunities-and-challenges/> (дата обращения: 10.03.2020).

McGann, James G. 2019 Global Go To Think Tank Index Report // TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. 2020. № 17. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/17 (дата обращения: 14.03.2020).

Regional Cooperation in Central Asia: Relevance of Foreign Models // Central Asia-Caucasus Analyst (CACI) (United States). URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/feature-articles/item/13555-regional-cooperation-in-central-asia-relevance-of-foreign-models.html> (дата обращения: 10.03.2020).

Rethinking US-China competition: Next generation perspectives / Brookings Institution (United States). URL: <https://www.brookings.edu/research/rethinking-us-china-competition-next-generation-perspectives/#cancel> (дата обращения: 09.02.2020).

Russia and China: Anatomy of a Partnership / Italian Institute for International Political Studies (ISPI) (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/russia-and-china-anatomy-partnership-23001> (дата обращения: 10.03.2020).

U.S.-China Trade Conflict: Opportunities for U.S. Economic and Security Interests in Developing Southeast Asia / Stimson Center (United States). URL: <https://>

www.stimson.org/2019/us-china-trade-conflict-opportunities-us-economic-and-security-interests-developing/ (дата обращения: 11.03.2020).

U.S.—China Strategic Competition: The Quest for Global Technological Leadership / Chatham House (United Kingdom). URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/us-china-strategic-competition-quest-global-technological-leadership> (дата обращения: 11.03.2020).

Understanding China's Belt and Road infrastructure projects in Africa / Brookings Institution (United States). URL: <https://www.brookings.edu/research/understanding-chinas-belt-and-road-infrastructure-projects-in-afunde/> (дата обращения: 11.03.2020).

References

Averting Crisis: American Strategy, Military Spending and Collective Defence in the Indo-Pacific, *US Studies Centre (USSC), Sydney University (Australia)*. URL: <https://www.usssc.edu.au/analysis/averting-crisis-american-strategy-military-spending-and-collective-defence-in-the-indo-pacific> (accessed: 9 March, 2020).

Can the World Economy Find a New Leader?, *Chatham House (United Kingdom)*. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/can-world-economy-find-new-leader> (accessed: 9 March, 2020).

China — The Race to Global Technology Leadership, *Italian Institute of Political Studies (ISPI) (Italy)*. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/chinas-race-global-technology-leadership-23169> (accessed: 9 March, 2020).

China and the United States: Cooperation, Competition, and/or Conflict, *Centre for Strategic and International Studies (CSIS) (USA)*. URL: <https://www.csis.org/analysis/china-and-united-states-cooperation-competition-and-or-conflict> (accessed: 9 March, 2020).

Connecting Eurasia: Is Cooperation Between the EU, China and Russia Possible in Central Asia? URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/feature-articles/item/13577-connecting-eurasia-is-cooperation-between-the-eu-china-and-russia-possible-in-central-asia?.html> (accessed: 10 March, 2020).

Course Correction: Toward an Effective and Sustainable China Policy, *Asia Society Policy Institute (United States)*. URL: <https://asiasociety.org/center-us-china-relations/course-correction-toward-effective-and-sustainable-china-policy> (accessed: 9 March, 2020).

Galenovich, Yu. M. (2012). *Voyni Novogo Kitaya i ego diplomaticheskaya sluzhba [Wars of New China and its diplomatic service]*, Moscow: "Vostochnaya kniga" PH, 640 p. (In Russian).

Israel-China Relations: Opportunities and Challenges, *Institute of National Security Studies (INSS) (Israel)*. URL: <https://www.inss.org.il/publication/israel-china-relation-s-opportunities-and-challenges/> (accessed: 10 March, 2020).

McGann, James G. (2020). 2019 Global Go To Think Tank Index Report, *TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports*, No 17. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/17 (accessed: 9 March, 2020).

Regional Cooperation in Central Asia: Relevance of Foreign Models, *Central Asia-Caucasus Analyst (CACI) (United States)*. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/feature-articles/item/13555-regional-cooperation-in-central-asia-relevance-of-foreign-models.html> (accessed: 10 March, 2020).

Rethinking US-China competition: Next generation perspectives, *Brookings Institution (United States)*. URL: <https://www.brookings.edu/research/rethinking-us-china-competition-next-generation-perspectives/#cancel> (accessed: 9 March, 2020).

Russia and China: Anatomy of a Partnership, *Italian Institute for International Political Studies (ISPI) (Italy)*. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/russia-and-china-anatomy-partnership-23001> (accessed: 10 March, 2020).

U.S.-China Trade Conflict: Opportunities for U.S. Economic and Security Interests in Developing Southeast Asia, *Stimson Center (United States)*. URL: <https://www.stimson.org/2019/us-china-trade-conflict-opportunities-us-economic-and-security-in-terests-developing/> (accessed: 11 March, 2020).

U.S.—China Strategic Competition: The Quest for Global Technological Leadership, *Chatham House (United Kingdom)*. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/us-china-strategic-competition-quest-global-technological-leadership> (accessed: 11 March, 2020).

Understanding China's Belt and Road infrastructure projects in Africa, *Brookings Institution (United States)*. URL: <https://www.brookings.edu/research/understanding-chinas-belt-and-road-infrastructure-projects-in-africa/> (accessed: 11 March, 2020).

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10017

K. Zakić

ECONOMIC OUTCOMES OF THE 17+1 PLATFORM FROM THE CHINESE POINT OF VIEW¹

Abstract. Central and Eastern European countries (CEECs) had generally good diplomatic relations with the People's Republic of China in the late 1980s due to similar patterns of development and political systems. Circumstances changed somewhat during the 1990s due to the political and economic transformation in Europe, which placed some strain on this relationship. The CEECs were preoccupied with their transition from command to neo-liberal economy, while at the same time endeavouring to accede to the European Union (EU). Co-operation between the two sides changed direction once more after the global financial crisis in 2009, which resulted in greater Chinese presence in the region, both on the political and the economic level.

The 17+1 co-operation platform (formerly known as '16+1') was officially established in 2012 with the primary aim of improving China's

---

¹ The paper presents the findings of a study developed as part of the research project entitled 'Serbia and challenges in international relations in 2020', financed by the Ministry of Education, Science, and Technological Development of the Republic of Serbia, and conducted by the Institute of International Politics and Economics, Belgrade.

bilateral relations with each of the CEECs. Late 2013 saw the creation of the Belt and Road Initiative (BRI), which the 17+1 platform was subsumed into.

The main aim of this paper is to present the results of economic co-operation between China and member countries of the 17+1 co-operation platform from the Chinese point of view. The paper will use data from the Chinese Statistical Yearbook, and, in summarising the results achieved, will examine the views of Chinese authors. The main parameters that will be analysed are trade, foreign direct investments, and Chinese investment in development projects in the CEECs.

Having quantitatively and qualitatively analysed Chinese official data and positions on economic co-operation between China and the CEECs, the author concludes that China has every reason to be — and indeed is — satisfied with the results achieved. Some aspects of this collaboration (trade and development projects) have been more successful than others (foreign direct investment), but the overall results are good.

Keywords: 17+1 platform, China, Central and Eastern European Countries, economy, results, Belt and Road Initiative (BRI).

Author: Katarina Zakić, Ph.D. (Economics), Research Fellow, Centre for Belt and Road Initiative, Institute of International Politics and Economics (Belgrade, Serbia). E-mail: katarina@diplomacy.bg.ac.rs

К. Закич

Экономические результаты работы платформы «17+1»: взгляд из Китая

Аннотация. В конце 1980-х гг. страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) имели с Китайской Народной Республикой в целом благоприятные дипломатические отношения в силу сходства моделей развития сторон и их политических систем. Ситуация несколько изменилась в 1990-е гг. по причине политических и экономических преобразований в Европе, спровоцировавших определенную напряженность в отношениях государств ЦВЕ и Китая. Страны Центральной и Восточной Европы встали перед сложной задачей перехода от командной экономики к неолиберальной, одновременно стремясь войти в состав Европейского союза (ЕС). Направление сотрудничества сторон вновь изменилось после глобального финансового кризиса 2009 г., в результате которого произошло расширение китайского присутствия в регионе как на политическом, так и на экономическом уровне.

Платформа сотрудничества «17+1» (ранее известная как «16+1») была официально учреждена в 2012 г. с главной целью улучшить двусторонние отношения Китая с каждой из стран ЦВЕ. В конце 2013 г. была провозглашена инициатива «Пояс и путь» (ИПП), в которую была включена и платформа «17+1».

Основная цель данной статьи — охарактеризовать взгляд китайской стороны на результаты экономического сотрудничества КНР и стран-участниц кооперационной платформы «17+1». В статье используются данные Китайского статистического ежегодника, а при обобщении достигнутых результатов рассматриваются подходы китайских авторов. Основными сферами, подвергнувшимися анализу, являются торговля, прямые иностранные инвестиции и китайские инвестиции в проекты развития в странах ЦВЕ.

Проведя количественный и качественный анализ китайских официальных данных и позиций по экономическому сотрудничеству между Китаем и странами ЦВЕ, автор приходит к выводу, что Китай имеет все основания быть удовлетворенным (и действительно удовлетворен) достигнутыми результатами. Некоторые аспекты этого сотрудничества (проекты в области торговли и развития) были более успешными, чем другие (прямые иностранные инвестиции), однако результаты этого взаимодействия в целом весьма успешны.

Ключевые слова: платформа «17+1», Китай, страны Центральной и Восточной Европы, экономика, результаты, инициатива «Пояс и путь» (ИПП).

Автор: Катарина Закич, доктор философии (экономика) (Ph.D. (Ec.)), научный сотрудник, Центр инициативы «Пояс и путь», Институт международной политики и экономики (Белград, Сербия). E-mail: katarina@diplomacy.bg.ac.rs

Introduction

The history of diplomatic relations between China and Central and Eastern European countries (CEECs) has for decades been one of peace and co-operation. China established close relationships with some of these nations (Albania, Hungary, and Yugoslavia) as early as in the aftermath of World War II, whilst contacts with others may not have been as friendly but nonetheless always remained cordial (as was the case with Czechoslovakia). These bilateral relations saw many shifts throughout history, but

one thing was always certain: there were never insurmountable or threateningly serious disputes. This is likely one of the many underlying reasons why the traditionally good relationship between China and the CEECs improved again significantly in 2012 with the establishment of the 16+1 platform.

At the time, China was committed to pursuing its Going Global Policy, which constituted the first official declaration of the country's resolve to invest abroad. The policy was closely fulfilled, as was in previous times the Open Door Policy. Whilst the Open Door Policy allowed foreign capital to enter China, the Going Global Policy worked in the opposite direction: it allowed China to deploy its capabilities to invest in foreign countries, showcasing its determination to assert its economic presence beyond its borders. Its cautious moves to initially invest into geographically and culturally close nations (those of South East Asia) and those with which it had especially good political relations and needed their natural resources (such as Africa), proved unerring.

The CEECs, on the contrary, were not China's first choices when it came to investment. China was primarily interested in Western Europe and the United States, where Chinese firms could acquire companies operating in established markets and possessing excellent know-how, good management, skilled workforces, and stable purchasing power. These reasons were too attractive to be overlooked. This persistence paid off, and, in 2016, China saw record-breaking levels of outward investments worldwide. At the same time, China was able to increase its global trade on an unprecedented scale. It soon became the world's second largest economy, not only demonstrating its resilience in difficult times such as during the financial crisis and the SARS pandemic, but also improving its performance.

Why did China turn its attention towards the CEECs, and why did it choose this time to do so? The main reasons for the Chinese presence in Central and Eastern Europe (CEE) are:

- A sizeable market with a population of 129 million people;
- Reasonable opportunities to realise Chinese investment projects in these countries;
- CEECs are a bridge towards the European Union (EU) as most are EU members but not the bloc's top economic performers, meaning they

are easier to co-operate and negotiate with, and the remaining countries are also in the process of joining the EU;

- Members of this platform, except Greece, are all former socialist or communist countries that had been co-operating with China for many decades, mainly in the diplomatic sphere.

The timing was also important. China saw the situation at that time as a ‘window of opportunity’ that could be utilised [Liu. China-CEEC..., p. 10]. After the financial crisis broke out, the EU put all its efforts into addressing the issues faced by its members that needed the most help, namely Greece, Portugal, Spain, and Ireland. The new EU member states, mainly CEECs, did not receive attention immediately after the crisis began. This also meant that all new members’ investment projects were postponed. Countries that had recently embarked on the EU accession process were also told to be patient and wait for the crisis to die down. These messages from the EU were received in the CEECs with concern, and, in some cases, resentment, as such response had not been anticipated.

This was the moment in which China saw its ‘window of opportunity’ to invest in the region, correctly surmising that these countries needed investment but could not afford it. Moreover, opportunities for trade also looked good, which constituted another benefit. China also realised the opportunity would not remain open for long and it needed to act quickly. It is important to emphasise that, even though the 16+1 platform structure may have formally been introduced in 2012, the preparations for it ran from 2009 to late 2011.¹

Countries that became members of the mechanism at the time were: Albania, Bulgaria, Bosnia and Herzegovina, Croatia, Czechia, Estonia, Hungary, Lithuania, Latvia, Montenegro, North Macedonia, Poland, Romania, Serbia, Slovenia, and Slovakia. Greece joined in 2019, and the platform’s name was changed accordingly to ‘17+1’.

The first ever Summit of Prime Ministers of the 16+1 countries was held in Warsaw, Poland (2012). Before the summit, China’s former Prime Minister Wen Jiabao had identified four key points for future co-operation: (1) respect and equality, with deepening mutual political trust;

---

¹ The first China-CEEC Trade Forum took place in the Hungarian capital of Budapest in 2011.

(2) strengthening of economic and trade co-operation; (3) closer cultural and people-to-people exchanges; and, finally, (4) joint efforts of the two sides to inject new vitality into China-Europe relations [Wen outlines proposals...].

In late 2013, the newly appointed Chinese President Xi Jinping proposed establishing one or several international initiatives under what was at that time termed the New Silk Road or the One Belt, One Road (OBOR). The idea was to build a new network of countries that would co-operate on new infrastructural projects to better connect China with Asia, Europe, and Africa. In the meantime, the idea was elaborated on in many ways, and regional involvement was broadened. As the idea of the 16+1 platform proved similar to that of the Belt and Road Initiative (BRI), the earlier mechanism was subsumed into the BRI. All countries that are now members of the 17+1 platform are also involved in the BRI.

Literature review

For the brief literature review publishing's by China-CEEC Institute, will be used. This institute has disseminated much Chinese research into this platform and its results, challenges, and opportunities.

Chen and Yang were among first to analyse economic co-operation under the 16+1 umbrella. The authors examined the correlation between economic co-operation and trade and business environments in the CEECs. Their main conclusions were: co-operation between China and the CEECs almost exactly matches their (CEEC) business environment; co-operation in investments and people-to-people exchange is at an outstanding level, followed by political co-operation, whilst trade and financial co-operation could be improved [Chen, Yang, p. 17–18].

Similarly, in a recent paper, Lin discusses co-operation between China and the CEECs through the lens of three economic indicators (trade, outbound direct investment, or ODI, and development finance). The author concludes that the extent of trade between China and the CEECs corresponds to those countries' roles in global trade chains: the better a country is integrated into these networks, the greater its volume of trade with China. According to Lin, Chinese ODIs in the CEECs are strategic-as-

set-seeking, in contrast to ODIs from EU countries, which are efficiency- and market-seeking. Lin believes this explains why Chinese companies invest mainly in the CEECs' traditionally attractive sectors. Finally, Lin's view is that using state resources to finance development projects is the traditional Chinese way of investing, and that this as a win-win situation for both parties involved [Lin, p. 24–26].

Discussing the broader links between the BRI and the 16+1 platform, Liu states that 'China hopes to receive an integrated response from the CEE region regarding its regional policy' [Liu. China-CEEC..., p. 12]. Liu also emphasises that the stability and economic development of the CEECs will have a positive impact on the future development of the EU, and that these countries' co-operation with China leads them in that positive direction.

Examining Chinese investments in the Balkans as part of the 17+1 platform and the BRI, Liu states that, notwithstanding China's unprecedented economic presence in the Balkans, these countries remain more closely connected to the EU, meaning China's involvement should not be exaggerated [Liu, 2019]. Liu also believes Chinese companies currently prefer investing in the Balkans as the region is seen 'the gateway to the EU market and the land bridge between China's Piraeus port and Central Europe [p. 104].

Having reviewed the literature dedicated to 17+1 co-operation, we will now turn to the analysis.

Economic results of the 17+1 platform: data and findings

The economic results of this regional organisation can be measured by the volume of trade, foreign direct investments, and investment projects in its area of coverage. These numbers should give us some insight into the platform's state of development and provide a perspective of where it is going. This paper uses data from the Chinese Statistical Yearbook, and will as such present an analysis from the Chinese point of view.

Chinese statistical methods for calculating the indicators listed above differ from those used in the West. As such, we will first briefly explain these methodological differences before presenting the actual findings of the analysis.

1. Trade

According to the Chinese Statistical Yearbook, ‘export commodities are calculated at the Customs of the countries (regions) of destination and the import commodities are calculated at the Customs of the countries (regions) of origin’ according to instructions of the ‘*Harmonized Commodity Description and Coding System (HS)* stipulated by the Customs Cooperation Council (World Customs Organization) and China’s reality of imports and exports’ (CSY, Brief Introduction, 2015). Even though China’s calculations follow international practice, there are major differences between its figures and those produced by Western countries. Noting the significant discrepancy between US and Chinese trade volume data, the Congressional Research Service Report (Martin, 2018) goes on to say: ‘The greatest discrepancy is in the “eastbound trade” data, which accounts for 80–90 % of the overall difference in annual trade balance...can be attributed to goods that “leave China, enter the commerce of **intermediate** countries or regions, and then [are] re-exported to the United States” ’ [Martin, p. 7]. Other factors that compound this problem, according to the same author, are differences in official definitions of exports and imports, definition of territory, timing, declaration of country of origin, value differences in direct trade, and under-invoicing [Martin, p. 5–6]. Those factors also contribute to the major discrepancies seen in statistics of the volume of China-CEEC trade.¹

What do Tables 1 and 2 reveal about the volume of trade between China and the CEECs? Firstly, trade has increased on both sides, but growth on the Chinese side has been far greater. Secondly, of the 17 countries, only five decreased their trade deficits with China between 2012 and 2018, namely Croatia, Estonia, Hungary, Latvia, and Lithuania (highlighted in green in Table 2). Thirdly, only one country, Slovakia, has a trade surplus

---

¹ For example, the 2018 Statistical Yearbook of the Statistical Office of the Republic of Serbia reported that Serbian exports to China amounted to US\$ 92mn, while Serbian imports from China were valued at US\$ 2.16bn [*Statistički godišnjak*, 2019, p. 302]. By contrast, Chinese data shown in Table 2 indicate that Serbian exports amounted to US\$ 72.8mn, whilst Chinese exports to Serbia stood at US\$ 223.87mn. For statistical purposes, Serbia considers the country of origin to be the exporting country, so that many Western multinational companies’ products made in China and imported into Serbia are deemed to be Chinese exports (and not those of the country where the multinational is based). This consideration goes some way towards explaining the huge discrepancy in trade volume figures.

with China.¹ Fourthly, countries with the greatest volume of trade with China are, in decreasing order, Poland, Czechia, Hungary, Slovakia, Greece, and Romania. It would appear, then, that countries of the Visegrad Group (V4) trade with China the most extensively. Fifthly, countries that have significantly increased their trade deficits with China are Albania, Bulgaria, Czechia, Greece, North Macedonia, Poland, and Serbia.

Even though a number of European researchers have examined the same issue using a variety of data sources, their findings on global trend trade have been similar to presented findings [Szunomar A. *et al.*, p. 41].

Chinese authors who focus on this aspect of 17+1 co-operation are aware of the current state of trade relations. According to them, the growth of trade is a positive development, and the 17+1 initiative has allowed many new CEE products to find their way to the Chinese market. For instance, Chen reports that China's trade with Central and Eastern European countries increased by 28 % from 2011 to 2017. During the same period, the trade volume between China and the 28 EU countries only increased by 8.5 %' [Chen, p. 4]. Chen's view is clearly that China has significantly increased its trade with the CEECs, especially when compared to EU countries.²

Chinese researchers do note there are trade issues that need to be addressed, such as the huge trade imbalance that has been causing CEECs significant trade with China. Measures they propose for achieving greater balance include decreasing tariffs, ensuring CEEC products are better represented in the Chinese market, lowering regulatory requirements, developing free trade zones [Liu. China-CEEC..., p. 16], lifting China's embargoes on some products (such as Polish pigs), and exporting to China greater quantities of superior-quality products such as environmentally-friendly equipment and anti-pollution devices China urgently needs [Liu. China-CEEC..., p. 19].

---

¹ Interestingly, Slovakia exports cars and food to China; automobile exports are the main reason for the country's good performance. Nevertheless, the Slovak Government and economic analysts are dissatisfied with the results even though they are better than those achieved by other CEECs.

² That being said, we should be aware that the starting point of trade volume in the EU and the CEEC with China was not the same, and that should be also taken under consideration.

Table 1. Chinese trade with 17+1 countries (2012–2014, USD 0000s)

Year	2012			2013			2014		
Country	Export	Import	Total	Export	Import	Total	Export	Import	Total
Albania	34 391	14 312	48 702	32 460	23 484	55 944	37 827	18 932	56 759
Bih	4671	2330	7001	9133	2088	11 221	28 398	3724	32 123
Bulgaria	105 457	83 889	189 346	111 698	95 674	207 373	117 806	98 486	216 292
Czechia	632 304	240 699	873 003	683 780	261 492	945 272	799 290	298 669	1 097 959
Croatia	129 983	7451	137 434	138 994	10 427	149 421	102 733	10 066	112 799
Estonia	123 354	13 577	136 932	110 982	19 958	130 940	114 610	22 550	137 160
Greece	359 317	42 730	402 047	321 898	43 327	365 224	418 561	34 567	453 127
Hungary	573 797	232 310	806 107	569 228	271 515	840 743	576 417	325 990	902 407
Latvia	131 271	6883	138 154	137 427	9916	147 343	131 670	14 691	146 361
Lithuania	163 043	8950	171 992	168 618	12 479	181 096	165 829	15 749	181 578
Montenegro	14 576	2202	16 778	8638	1614	10 253	15 707	5356	21 063
North Macedonia	8875	13 978	22 853	6348	10 797	17 145	7666	9058	16 725
Romania	279 718	97 957	377 675	282 254	120 750	403 004	322 318	152 067	474 384
Poland	1 238 646	199 690	1 438 336	1 257 488	223 180	1 480 667	1 425 680	293 474	1 719 154
Serbia	41 288	10 135	51 422	43 191	18 013	61 204	42 456	11 274	53 730
Slovakia	242 303	365 523	607 826	308 444	345 816	654 259	282 850	337 608	620 457
Slovenia	156 664	25 603	182 267	183 281	30 280	213 561	199 194	33 146	232 341
Total			5 607 875			5 874 668			6 474 419

Source: Chinese Statistical Yearbook for 2013, 2014, and 2015.

Liu also notes that there are problems with the current transport channels that are also affecting trade such as: lack of cargo, railway technology and standards, the electrification level, and transport efficiency of the Central and Eastern Europe railway [Liu. Europe and the “Belt and Road” Initiative..., p. 62–63].

Lin comments that ‘[f]or smaller states, however, China’s growing import demands of primary goods and resource-based manufactures, which are also the defining feature of China’s trade relations with other developing countries, seems a promising new path to enhance the trade relation-

Table 2. Chinese trade with 17+1 countries (2015–2018, USD 0000s)

Year	2015			2016			2017			2018		
	Export	Import	Total									
Albania	43 019	12 786	55 805	50 672	12 860	63 532	45 403	19 622	65 026	53 991	10 804	64 794
Bih	5998	5373	11 371	6413	4355	10 768	7882	5725	13 607	10 972	7740	18 712
Bulgaria	104 326	74 831	179 157	105 654	59 011	164 664	116 905	96 918	213 823	144 025	114 643	258 668
Czechia	822 613	278 045	1 100 659	806 175	295 154	1 101 329	879 297	369 571	1 248 868	1 190 958	439 905	1 630 863
Croatia	98 556	11 179	109 735	101 724	16 144	117 868	115 964	18 308	134 273	132 716	21 200	153 916
Estonia	95 329	23 496	118 825	96 417	21 179	117 597	100 635	26 034	126 669	103 151	24 519	127 670
Greece	366 498	28 550	395 048	420 269	28 311	448 580	475 138	43 004	518 142	649 832	56 251	706 083
Hungary	519 745	287 555	807 300	542 517	346 423	888 940	604 935	407 722	1 012 657	654 021	434 207	1 088 229
Latvia	102 251	14 459	116 709	106 272	13 221	119 493	114 824	17 724	132 548	116 609	21 305	137 914
Lithuania	121 090	13 879	134 969	129 167	16 401	145 568	160 027	25 515	185 543	176 296	33 004	209 299
Montenegro	13 415	2427	15 842	10 835	3258	14 093	13 246	6640	19 886	17 810	4174	21 983
North Macedonia	8653	13 270	21 923	9014	4671	13 684	7804	8669	16 473	10 574	4834	15 409
Romania	316 224	129 495	445 719	344 872	145 522	490 394	377 796	182 432	560 228	450 711	216 785	667 496
Poland	1 434 487	274 195	1 708 682	1 510 002	253 772	1 763 774	1 787 305	335 351	2 122 656	2 087 621	364 537	2 452 158
Serbia	41 510	13 374	54 883	43 224	16 270	59 494	54 564	21 159	75 722	72 830	22 387	95 217
Slovakia	279 447	223 732	503 178	286 234	241 017	527 251	272 948	258 496	531 444	253 585	524 563	778 148
Slovenia	209 174	28 951	238 124	227 026	43 686	270 712	288 693	49 535	338 228	442 423	59 102	501 526
Total			6 017 929			6 317 741			7 315 793			8 928 085

Source: Chinese Statistical Yearbook for 2016, 2017, 2018, and 2019.

ship in the short and medium-term. In the long run, it depends on the investment carried by Chinese multinationals in the region, as their European counterparts, to promote and develop bilateral trade in goods and services' [Lin, p. 10].

2. Foreign direct investments

The introductory section on foreign direct investments in the 2015 Chinese Statistical Yearbook defines 'overseas direct investment' as comprising the 'basic situation of domestic investors and overseas enterprises, investment, earnings and their distribution between domestic and overseas invested enterprises, import and export of commodities through overseas enterprises, approval of overseas enterprises'.

Lin notes that China established its system for calculating ODI in 2002, even though it used definition of FDI as employed by the International Monetary Fund (IMF). In that regard, Lin explains that '[a]s found in other countries, China's ODI statistics are limited to report direct investing destinations of Chinese enterprises, thus **disguising round-tripping or trans-shipping FDI transactions**. Taking into account the fact that 72 % of China's ODI in the world at the end of 2017 were concentrated in Hong Kong, Cayman Islands, and Virgin Islands, we may have very limited information about ultimate investing destinations of a big part of China's ODI, causing underestimation of Chinese ODI in CEE' [Lin, p.10]. This is, of course, the same reason for the underestimation of data on Chinese FDI in the CEECs, with the real values certainly being higher.¹

A look at Table 3 shows that Czechia, Poland, Slovakia, and Lithuania have benefited the most from Chinese FDI in CEE. With the exception of Lithuania, the V4 group are again revealed to be the leading countries here. It is once again apparent that Chinese companies prefer investing into the more developed CEECs, and these are the countries that are EU members.

How do Chinese authors see this situation? Lin reports that, according to his research, Chinese companies tend to avoid investing in CEECs, ins-

---

¹ This is again well illustrated by an example from Serbia. According to the National Bank of Serbia, in 2018 China invested EUR 190mn in FDI, whilst FDI from Hong Kong amounted to another EUR 457.6mn (see [URL: nbs.rs/internet/english/80/platni_bilans.html]), significantly higher than the values shown in Table 3.

tead preferring to engage in mergers and acquisitions, as they see these as safer options for starting businesses locally due to the various issues Chinese firms can experience in these countries, including due to political, financial, business-related, and cultural differences [Lin, p. 17–18]. On FDI, Lin concludes: ‘In this context, China’s future ODI in CEE countries would be largely shaped and influenced by policy coordination and bilateral political factors’ [Lin, p. 18].

Table 3. Chinese FDI in 17+1 countries (2012–2018, USD 0000s)

Country	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Total FDI by country
Albania								
Bih		70						70
Bulgaria	747	165	219	14	133	9	66	1353
Czechia	2071	1099	3371	1627	1148	797	421	10 534
Croatia	289	21	2	10	37		615	974
Estonia	9		8	7				24
Greece	140	158	147	7	9	85	126	672
Hungary	615	311	45	317	325	148	131	1892
Latvia			2		10		4	16
Lithuania		8		22	1554	2372	20	3976
Montenegro								
North Macedonia								
Romania	456	135	21		204	711	272	1799
Poland	357	155	219	8227	585	289	247	10 079
Serbia						7	12	19
Slovakia	429	847	360	1071	66	44	2877	5694
Slovenia	269	86	6	3	55	37	421	877
Total FDI in year	5382	3055	4400	11 305	4126	4499	5212	37 979

Source: Chinese Statistical Yearbook, 2013–2019.

Liu notes that Chinese FDI has been increasing in the Balkans in recent years, observing that ‘China expects the Balkan countries to join the EU as soon as possible to ensure that investments in the Balkans become “potential stocks.” Whether it is doing business with the candidate countries or doing business with the EU, China benefits from the stability and prosperity of the EU’s single market’ [Liu, 2019].

3. Investment projects financed by loans in different fields

Many Chinese authors note that key areas of Chinese interest in the CEECs are infrastructure and energy, with China providing much-needed finance for projects that have remained unbuilt for a variety of reasons. As stated above, most CEECs joined the EU relatively close to the 2009 outbreak of the global financial crisis, which meant many infrastructure projects were placed on hold. Also, many Balkan countries outside the EU lacked the funds for new cycles of infrastructural development that could boost their economies.

As in earlier cases, China saw this as an opportunity to launch perhaps the most important part of its co-operation with the CEECs: ensuring its state banks extended development loans to finance these projects. The loans are offered under favourable conditions, with low interest rates, attractive grace periods, and at reasonable prices that the CEECs find attractive. In choosing this approach, China opted for the same financing model it had previously deployed in Africa, whereby it financed projects that at the same time employed Chinese state companies and their workers. China achieved this by bilaterally negotiating with interested countries and making sure that those conditions were non-negotiable. It proved a successful model for China as it was not only able to employ its surplus capital, but also generated work for the country’s state companies and workers and helped them gain international experience and earn profits.

Yet whilst this approach may have been justified in Africa, where providing machinery and experienced workers was one solution to these countries’ absence of expertise in infrastructure construction, the CEECs were a different matter. These countries lacked neither the knowledge nor the technology to undertake and complete these projects, and this was one of the reasons why China’s policy was received negatively in Europe from the outset. It ought to be noted, however, that no better offers were forthcoming from any other side.

To the best of the author's knowledge, there is no official Chinese English-language register of loans, grants, or concessionary loans that could reveal information about 17+1 or BRI projects in the CEECs. For that reason, we can only give information that is available on the key infrastructure and energy projects financed by Chinese loans, concessionary loans, and grants.

Bosnia and Herzegovina may have entered into the largest number of agreements with China, but not all these projects were actually completed. Currently ongoing is construction of Unit 7 at Tuzla thermal power plant (worth EUR 722mn)¹ [Đugum]. Montenegro is building the Bar — Boljare motorway (EUR 689mn), and two motorway sections in North Macedonia, in progress Kicevo — Ohrid (EUR 580mn), and Miladinovci — Štip (EUR 306mn) [Dimohlea]. The greatest number of development projects are probably concentrated in Serbia. Firstly, the country is building Unit B at the Kostolac thermal power plant and expanding the nearby Drmno mine (EUR 715mn) [Ralev]. Serbia has also started construction on its section of the Belgrade to Budapest railway line, of which two segments will be built by Chinese companies and financed by loans (EUR 1.5bn), and one by Russian firms backed by Russian funding [Martinovic]. In addition, Chinese companies are participating in the construction of two sections of roads on Pan-European Corridor XI in Serbia (EUR 567mn) [Kinesko čudo...]. In January 2020, Serbia also signed a contract with China for the construction of a hot water pipeline to connect the Obrenovac thermal power plant and the New Belgrade heating plant (valued at EUR 193mn) [Kinezi će graditi...].

Many projects are still being negotiated and it remains unclear whether they will actually be accomplished, but Chinese firms are actively pursuing these contracts. For example, in early 2020 China was at some stage of negotiating no fewer than five energy projects in Bosnia and Herzegovina.²

---

¹ Construction work did start but was halted due to objections from the European Commission. Bosnia and Herzegovina is currently negotiating to resume the project.

² Banovići thermal power plant, Gacko 2 thermal power plant, Dabar hydropower plant, hydropower plants on the Drina River (Buk Bijela, Foča, and Paunci), and four small-scale hydropower plants (three on the Bistrica River and one on the Janjina).

Lin says of China's development finance: 'The development finance in transport and energy is therefore considered as a toolkit to improve the trade and ODI relationship with China (...) In other words, Sino-CEE type South-South cooperation should not be subject to the same set of expectations as Western aid. Correspondently, evaluation standards should take into account mutual benefits' [Lin, p. 23].

Liu's view is that, China pays more attention to the Balkans, because its main interest now is to connect the Greek port of Piraeus with the EU by building more infrastructure [Liu. Europe and the "Belt and Road" Initiative ..., p. 104].

Both authors agree that China has been insisting on the mutual benefits of both parties, and that Chinese projects are offered under commercial terms and nominated by the CEECs rather than by the Chinese government.

Conclusion

China may be satisfied with the state of the 17+1 co-operation platform, but nonetheless believes there is still room for improvement. From the point of view of trade, the results are more than favourable for China as the platform has allowed it to improve its balance of trade, diversify its exports into the CEECs, and increase its volume of outward trade. At the same time, China is aware that the CEECs are dissatisfied with this situation, and that voices from those countries are increasingly calling for urgent changes. This is why China is exploring different ways to reduce the huge imbalance of this trade, but there is no easy solution, at least not in the short term.

Chinese foreign direct investments are slowly increasing, but still mainly come from Chinese state companies that primarily invest in traditional economic sectors. Chinese private investors remain hesitant to invest the CEECs for a variety of factors, with political and financial risk seen as leading issues. China is certainly dissatisfied with this aspect of its co-operation with this group of countries, one of the reasons being strict EU policy measures regarding Chinese investments in CEECs that are EU member states, which have been limiting Chinese efforts to invest there.

Apart from trade, China has achieved very good results with its development investment projects in the CEECs, especially in infrastructure and energy. These projects are financed by loans from Chinese state banks and constructed by Chinese state companies with the involvement of a Chinese workforce. China is pursuing these initiatives bilaterally with Balkan states without having to undergo complicated procurement procedures required by the EU of its member states. By doing so, China has amassed an impressive portfolio of investments in Europe, which would have been difficult to achieve had the projects been located within the EU.

From the Chinese point of view, economic results of the 17+1 platform could be improved further and there is enough room and opportunity for that. China is willing to discuss future co-operation, which can be improved whilst respecting the boundaries inherent to the CEECs' current environment. As discussed in the introduction, China's narrative has always been 'win-win' co-operation, together with the promotion of mutual respect and injection of a new vitality into Sino-European relations.

Is this the best China can do regarding economic co-operation with the CEECs? The answer is no. Is it enough at the moment? The answer is yes. Will it help in the future? Certainly, especially judging by current events, such as the Covid-19 pandemic and changes to international relations and international economics, with countries becoming increasingly exposed to risk at all levels and economic risks coming to the fore.

Библиографический список

Chen X., Yang C. An Quantitative Analysis on China-CEEC Economic and Trade Cooperation / Institute of European Studies, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing // Working paper series on European studies. 2016. No. 5 (December). Vol. 10.

Chinese Statistical Yearbook (2013—2019) / National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/> (accessed 10.04. — 05.05.2020).

Dhimolea A. Chinese Economic Cooperation in the Balkans: Challenges and Future Expectations // Balkanalysis.com. 11.05.2017. URL: <http://www.balkananalysis.com/blog/2017/05/11/chinese-economic-cooperation-in-the-balkans-challenges-and-future-expectations/> (accessed: 05.05.2020).

Dugum A. Energetska zajednica: Prekršajna procedura zbog državne garancije za kineski kredit // Radio Slobodna Evropa. 13.12.2019. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/bih-termoelektrane-kina/30324387.html> (accessed: 01.05.2020).

Kinesko čudo u Srbiji od 10 mlrd\$ // Tanjug, 06.01.2019. URL: https://www.b92.net/biz/vesti/srbija.php?yyyy=2019&mm=01&dd=06&nav_id=1489973 (accessed: 01.05.2020).

Kinezi će graditi toplodalekovod Obrenovac-Novi Beograd // RTS. 27.11.2017. URL: <https://www.rts.rs/page/stories/sr/story/13/ekonomija/2952919/kinezi-ce-graditi-toplodalekovod-obrenovac-novi-beograd.html> (accessed: 01.05.2020).

Lin Y. Economic “highway” with three speed tracks and destinations between China and CEE / China — CEE Institute (Budapest) // Working paper. 2018. No.14.

Liu Z. China’s Investment in the Balkans under the Belt and Road Initiative: A Chinese Perspective // Insight Turkey. 2019. Vol. 21. No. 2. P. 91—105. DOI: 10.25253/99.2019212.07

Liu Z. China-CEEC Cooperation: China’s Building of a New Type of International Relations // CIRR XXIII. 2017. No 78. P. 19—34. DOI 10.1515/cirr-2017-0005

Liu Z. Europe and the “Belt and Road” Initiative: Responses and Risks / Chinese Academy of Social Sciences, 2017. URL: http://cdinstitute.eu/web/wp-content/uploads/2017/08/Liu_Zuokui-Europe_and_the_Belt_and_Road_Initiative.pdf (accessed: 10.04.2020).

Martin F.M. What’s the Difference? Comparing U.S. and Chinese Trade Data / Congressional Research Service 7-5700. RS22640. 23.04.2018. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RS22640.pdf> (accessed: 05.04.2020).

Martinovic I. Svi rokovi brze pruge Beograd — Budimpesta. 23.01.2020. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/rekonstrukcija-pruga-beograd-budimpesta/30392693.html>, (accessed: 01.05.2020).

Narodna banka Srbije. Platni bilans Srbije: SDI po zemljama, 2018. URL: nbs.rs/internet/english/80/platni_bilans.html (accessed: 15.04.2020).

Ralev R. China’s CMEC to build 3rd unit at Serbia’s Kostolac B power plant // See News. 21.11.2017. URL: <https://seenews.com/news/chinas-cmec-to-build-3rd-unit-at-serbias-kostolac-b-power-plant-591835> (accessed: 01.05.2020).

Republički zavod za statistiku / Statistički godišnjak Republike Srbije, 2019. URL: <http://publikacije.stat.gov.rs/G2019/pdfE/G20192052.pdf> (accessed: 05.04.2020).

Szunomar A., Karindi, L., Leonte A. Economic relations: A sugar cane, or a sugar-coated stick? // Empty shell no more: China’s growing footprint in Central and Eastern Europe / ed. Karaskova, I., Bachulska, A., Szunomar, A., Vladislavljev, S.). Republic Association for International Affairs (AMO). Policy Paper (Prague: Czech), 2020. P. 35—57. ISBN 978-80-87092-71-2 (pdf version).

Wen outlines proposals on building closer China-Central Eastern Europe ties / Secretariat for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries. 26.04.2012. URL: http://www.china-ceec.org/eng/ldrhw_1/2012hs/hdtj/t1410550.htm (accessed: 05.04.2020).

References

Chen, X., Yang, C. (2016). An Quantitative Analysis on China-CEEC Economic and Trade Cooperation, *Institute of European Studies, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, Working paper series on European studies*, Vol. 10 (5).

Chinese Statistical Yearbook (2013—2019), *National Bureau of Statistics of China*. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/> (accessed 10.04. — 05.05.2020).

Dhimolea, A. (2017). Chinese Economic Cooperation in the Balkans: Challenges and Future Expectations, *Balkananalysis.com*, May 11. URL: <http://www.balkananalysis.com/blog/2017/05/11/chinese-economic-cooperation-in-the-balkans-challenges-and-future-expectations/> (accessed: 5 May, 2020).

Dugum, A. (2019). Energetska zajednica: Prekršajna procedura zbog državne garancije za kineski kredit, *Radio Slobodna Evropa*, December 13. URL: <https://www.sl-obodnaevropa.org/a/bih-termoelektrane-kina/30324387.html>. (accessed: 1 May, 2020).

Kinesko čudo u Srbiji od 10 mlrd\$, *Tanjug*, January 6, 2019. URL: https://www.b92.net/biz/vesti/srbija.php?yyyy=2019&mm=01&dd=06&nav_id=1489973, (accessed: 1 May, 2020).

Kinezi će graditi toplodalekovod Obrenovac-Novi Beograd, *RTS*, November 27, 2017. URL: <https://www.rts.rs/page/stories/sr/story/13/ekonomija/2952919/kinezi-ce-graditi-toplodalekovod-obrenovac-novi-beograd.html> (accessed: 1 May, 2020).

Lin, Y. (2018). Economic “highway” with three speed tracks and destinations between China and CEE, *China — CEE Institute (Budapest), Working paper*, No.14.

Liu, Z. (2017). China-CEEC Cooperation: China’s Building of a New Type of International Relations, *CIRR XXIII* (78): 19—34. DOI 10.1515/cirr-2017-0005

Liu, Z. (2017). Europe and the “Belt and Road” Initiative: Responses and Risks, *Chinese Academy of Social Science, Beijing*. URL: http://cdinstitute.eu/web/wp-content/uploads/2017/08/Liu_Zuokui-Europe_and_the_Belt_and_Road_Initiative.pdf (accessed: 10 April, 2020).

Liu, Z. (2019). China’s Investment in the Balkans under the Belt and Road Initiative: A Chinese Perspective, *Insight Turkey*, Vol. 21 (2): 91—105. DOI: 10.25253/99.2019212.07

Martin, F.M. (2018). What's the Difference? Comparing U.S. and Chinese Trade Data, *Congressional Research Service 7-5700, RS22640*, April 23. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RS22640.pdf> (accessed: 5 April, 2020).

Martinovic, I. (2020). Svi rokovi brze pruge Beograd — Budimpesta, January 23. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/rekonstrukcija-pruga-beograd-budimpesta/30392693.html> (accessed: 1 May, 2020).

Narodna banka Srbije. Platni bilans Srbije: SDI po zemljama, 2018. URL: nbs.rs/internet/english/80/platni_bilans.html (accessed: 15 April, 2020).

Ralev, R. (2017). China's CMEC to build 3rd unit at Serbia's Kostolac B power plant, *See News*, November 21. URL: <https://seenews.com/news/chinas-cmec-to-build-3rd-unit-at-serbias-kostolac-b-power-plant-591835> (accessed: 1 May, 2020).

Republički zavod za statistiku, *Statistički godišnjak Republike Srbije*, 2019. URL: <http://publikacije.stat.gov.rs/G2019/pdfE/G20192052.pdf> (accessed: 5 April, 2020).

Szunomar A., Karindi, L., Leonte A. (2020). Economic relations: A sugar cane, or a sugar-coated stick? *Empty shell no more: China's growing footprint in Central and Eastern Europe* (ed. Karaskova, I., Bachulska, A., Szunomar, A., Vladislavljev, S.), *Association for International Affairs (AMO), Policy Paper (Prague, Czech Republic)*: 35—57. ISBN 978-80-87092-71-2 (pdf version).

Wen outlines proposals on building closer China-Central Eastern Europe ties, *Secretariat for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries* (26.04.2012). URL: http://www.china-ceec.org/eng/ldrhw_1/2012hs/hdtj/t1410550.htm (accessed: 5 April, 2020).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10018

Я.В. Лексютина

КОНТУРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Цель статьи состоит в фиксации современных масштабов экономического присутствия Китая в Центральной Азии. В качестве переломного момента в экономическом присутствии Китая в регионе в статье выделяются 2008—2009 гг., когда Китай сменил Россию в качестве крупнейшего торгового партнера Центральной Азии, а китайские кредиты и инвестиции в регионе начали увеличиваться и диверсифицироваться между странами и секторами экономики. Опираясь на анализ последних статистических данных о китайских кредитах и инвестициях в странах Центральной Азии, автор характеризует значимость Китая как крупного кредитора, инвестора и поставщика инфраструктурных услуг для стран Центральной Азии, в особенности для Киргизии и Таджикистана. Статья состоит из нескольких смысловых блоков, каждый из которых объясняет конкретный приоритет или цель Пекина в регионе и соответствующую экономическую активность Китая в достижении этой цели. Прежде всего, экономическое взаимодействие Китая с Центральной Азией рассматривается как нацеленное на обеспечение социально-политической стабильности и региональной безопасности посредством стимулирования экономического развития. Вторым приоритетом Пекина называется получение доступа к обширным природным ресурсам Центральной Азии. В связи с этим в ста-

ть рассматриваются основные формы и результаты вовлеченности Китая в нефтегазовую и урановую отрасли, разработку месторождений золота и серебра в Центральной Азии. С 2013 г., времени провозглашения инициативы «Пояс и путь», экономические движущие силы или приоритеты Китая в Центральной Азии меняются. Пекин смещает акценты с занятия ниши в нефтегазовом секторе стран Центральной Азии на расширение участия в инфраструктурном развитии региона и создание международных транспортных коридоров, проходящих через Центральную Азию и ориентированных на Китай. В статье делается вывод о том, что в предстоящие годы усилия Китая будут сосредоточены на дальнейшем расширении сотрудничества со странами Центральной Азии в области производственных мощностей и участия в инфраструктурном развитии региона — высокодоходной сфере, где Пекин не встречает конкуренции со стороны других мировых экономических акторов.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, инициатива «Пояс и путь» (ИПП), экономическое сотрудничество, инфраструктурное развитие, Казахстан, Киргизия, Таджикистан.

Автор: Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор Кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lexyana@ya.ru

Ya. V. Leksyutina

The Outlines of China's Economic Presence in Central Asia

Abstract. The article gives an updated picture of China's economic engagement with Central Asia (as of beginning of 2020). It identifies the years of 2008—2009 as a fracture point in China's economic presence in this region. That was the time when China overtook Russia as Central Asia's major trade partner, and when Chinese loans and investment in the region started to enhance considerably and to be diversified between different countries and sectors of economy. Basing on the analysis of recent statistics on China's loans and investment in Central Asian countries, the article demonstrates the importance of China as a provider of financing, investment, and infrastructure expertise for Central Asian countries, specifically for Kyrgyzstan and Tajikistan. The article is arranged in several thematic blocks with each block explaining Beijing's specific priority or goal in Central Asia and China's corresponding economic undertakings aimed to meet this goal. First of all, China's economic engagement with

Central Asia is seen as targeted at ensuring socio-political stability and regional security through economic development. Beijing's second priority is to gain access to Central Asia's vast natural resources. In this respect, the article discusses major forms and accomplishments of China's involvement in Central Asian hydrocarbon, uranium, gold and silver sectors. Since 2013, the initiation of China's Belt and Road Initiative (BRI), the economic drivers or priorities of Chinese activities in Central Asia are changing. Beijing has shifted its focus from occupying a niche in the oil and gas sector of Central Asian countries to expanding its participation in the region's infrastructure development and the creation of international transport corridors passing through Central Asia and oriented to China. The article concludes that in the years to come China's efforts in Central Asia will concentrate on further expanding its activities in construction and infrastructure development — highly profitable areas where Beijing doesn't meet competition from other world economic actors.

Keywords: China, Central Asia, Belt and Road Initiative (BRI), economic cooperation, construction and infrastructure development, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan.

Author: Yana V. LEKSYUTINA, Dr.Sc. (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences; Professor of the American Studies Department, Saint-Petersburg State University.

ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lexyana@ya.ru

Становление Китая в качестве крупного торгового партнера, инвестора, кредитора и донора помощи в Центральной Азии (ЦА) — сравнительно недавний феномен. Обусловлен он как активной внешнеэкономической политикой Китая, так и временно снизившимся вниманием к региону со стороны ведущих экономических акторов. Казалось бы совсем недавно, еще десятилетие назад крупнейшим торговым партнером для Центральной Азии в региональном и пострановом срезе была Россия, тогда как масштаб китайского присутствия был невелик. Россия наряду с западными, а в отдельных случаях, с ближневосточными, странами была крупнейшим источником инвестиций и кредитов для центральноазиатских государств.

Ситуация стала стремительно меняться с 2008—2009 гг. Так, с 2009 г., когда товарооборот Центральной Азии с Китаем впервые превысил товарооборот с Россией, Китай неизменно остается круп-

нейшим торговым партнером региона. По результатам 2019 г., на Китай пришлось 22,3 % товарооборота Центральной Азии [European Union, Trade in goods...]. Для Туркменистана, Киргизии и Узбекистана Китай на протяжении ряда лет неизменно остается крупнейшим торговым партнером. Доля Китая в торговом обороте этих стран в 2019 г. составила 63,2 %, 28,2 и 19,9 % соответственно.

Более того, буквально за одно десятилетие Китай превратился в ведущего кредитора стран Центральной Азии. Если до 2008 г. страны региона практически не брали кредиты у Китая, и большая часть их задолженности приходилась на международные финансовые институты (такие, как Всемирный банк, Азиатский банк развития или Исламский банк развития), то по мере экономического проникновения Китая в регион и стимулирования им инфраструктурного развития Центральной Азии закредитованность центральноазиатских стран стала стремительно возрастать. Страны ЦА стали брать кредиты у Экспортно-импортного банка Китая и Банка развития Китая на освоение месторождений, строительство энергетических объектов, возведение и реконструкцию шоссе и железных дорог и пр.

На текущий момент весьма серьезный долг перед Китаем сформировался у Киргизии и Таджикистана — их задолженность перед Китаем превышает 40 % от всего их внешнего долга. На 1 января 2019 г. внешний долг Таджикистана составил 2,9 млрд долл., что эквивалентно 39 % ВВП этой страны. В общем объеме кредитов, полученных от правительств иностранных государств (в размере 1,87 млрд долл.), основной объем долга Таджикистана приходится на Экспортно-импортный банк Китая — 1,21 млрд долл. [Отчет о состоянии...]. Китай является крупнейшим кредитором и для Киргизии: на январь 2020 г. из 3,9 млрд долл. внешнего долга 1,8 млрд долл. пришлось на Китай [Структура государственного внешнего...].

Со сменой власти в Узбекистане в 2016 г. и последовавшим изменением ориентиров национального развития прослеживается рост задолженности страны перед Китаем: если в 2015 г. долг Узбекистана перед КНР насчитывал 1 млрд долл. (хотя уже тогда Китай был крупнейшей страной-кредитором Узбекистана), то на начало 2020 г. он достиг 3 млрд долл., что составило 20 % от всего государственного внешнего долга этой страны [Бюджет для граждан..., с. 49].

Хотя в отличие от других центральноазиатских стран для Казахстана Китай не является крупнейшим кредитором¹, его задолженность перед КНР весьма ощутима — согласно официальным данным казахстанской стороны, это 10,6 млрд долл. при общей внешней задолженности в 156,8 млрд долл. [Статистика внешнего долга...]. При этом, официальные китайские данные свидетельствуют о гораздо более высоком уровне задолженности Казахстана перед Китаем: на 2019 г. у Казахстана насчитывалось различных займов перед КНР на сумму, превышающую 50 млрд долл. [Дуйвай тоуцзы хэцзо...].

С 2008—2009 гг., так же, как и в случае с торговлей и кредитованием, начался стремительный рост китайских инвестиций в Центральной Азии. При этом, если сначала китайские инвестиции шли практически только в Казахстан (на 2008 г. это 97 % всех ПИИ Китая в регионе [Жуков, с. 68]), с течением времени ситуация стала выравниваться, и уже сейчас на Казахстан приходится только половина всех ПИИ Китая в регионе (табл. 1). Хотя по китайским меркам инвестиции в экономику стран ЦА невелики. Для отдельных центральноазиатских стран — Таджикистана и Киргизии — Китай стал крупнейшим инвестором, чьи предприятия играют важную роль в национальных экономиках, приносят налоговые поступления и обеспечивают занятость населения. Согласно Министерству финансов Таджикистана, в 2018 г. на Китай пришлось 51 % поступивших в

Таблица 1. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Китая в странах Центральной Азии, долл.

	Туркменистан	Киргизия	Таджикистан	Узбекистан	Казахстан	Центральная Азия
Накопленные ПИИ на 2018 г.	0,312 млрд	1,393 млрд	1,945 млрд	3,69 млрд	7,341 млрд	14,681 млрд
ПИИ в 2018 г.	38,3 млн	100 млн	388 млн	99,01 млн	118 млн	743,31 млн

Источник: Министерство торговли Китая. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/>

¹ На 1 января 2020 г. крупнейшими кредиторами Казахстана выступают Нидерланды (44,3 млрд долл.), Великобритания (22,3 млрд долл.), США (13 млрд долл.) и Франция (11,7 млрд долл.) [Статистика внешнего долга...].

Таджикистан инвестиций (при общем объеме привлеченных ПИИ в 0,6 млрд долл.), тогда как доля Великобритании составила 10 %, а России — лишь 3 % [Отчет о состоянии...]. На протяжении ряда лет Китай остается крупнейшим инвестором и для Киргизии. Доля Китая в общем объеме поступивших в Киргизию ПИИ в 2019 г. составила 34,3 %, или 0,3 млрд долл. [Поступление прямых...]. Инвестиции направляются преимущественно в предприятия обрабатывающих производств, добычу полезных ископаемых и геологоразведку.

Среди стран Центральной Азии наибольшие объемы китайских инвестиций направляются в Казахстан: накопленные инвестиции Китая в Казахстане в 2018 г. составляли 7,34 млрд долл. [Чжунго дуйвай тоуцзы...]. Однако Китай отнюдь не является крупнейшим инвестором для Казахстана. Согласно казахстанской статистике, наибольшие объемы инвестиций в 2019 г., поступили из Нидерландов, США и Швейцарии. Инвестиции же из Китая составили 1,7 млрд долл., или лишь 7 % от всех поступивших в страну инвестиций [Валовый приток...].

На 2-м месте по критерию привлеченных в Центральную Азию китайских инвестиций, согласно китайской статистике (см. табл. 1), сейчас находится Узбекистан. На конец 2018 г. накопленные ПИИ Китая в Узбекистане достигли 3,69 млрд долл. Однако выход Узбекистана на вторую позицию произошел только по результатам 2018 г., ранее размеры привлеченных Таджикистаном и Киргизией инвестиций превышали поступавшие в Узбекистан капиталовложения.

И, наконец, наименьший объем китайских инвестиций идет в Туркменистан: накопленные ПИИ на 2018 г. составили лишь 312 млн долл. (см. табл. 1). Связано это с особенностями инвестиционного климата Туркменистана и ориентацией Ашхабада на приоритетность привлечения кредитов, нежели ПИИ.

Расширяя свое экономическое присутствие в Центральной Азии, Китай ориентируется на ряд приоритетов или целей. *Во-первых*, Китай заинтересован в обеспечении стабильности региональной обстановки в ЦА как граничащей с Китаем. Пекин опасается как социально-политической нестабильности в регионе, так и распространения там экстремизма и террористических угроз из Афганистана или

Ближнего Востока. В связи с этим Китай концентрирует свои усилия на стабилизации региона посредством содействия региональному экономическому развитию. Пекин исходит из представлений о том, что экономическое развитие Центральной Азии укрепляет стабильность как в регионе, так и опосредованно в самом Китае, а именно, в граничащем с Центральной Азией Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Полагая, что процветание на одной стороне границы помогает обеспечивать стабильность и процветание на другой стороне, Китай заинтересован в создании пояса стабильности вблизи СУАР.

Во-вторых, с конца 1990-х — начала 2000-х годов Китай, переживавший этап форсированного промышленного развития и ставивший целью диверсификацию источников поставок ресурсов (прежде всего, энергетических), стал проявлять заинтересованность в получении доступа к природным ресурсам Центральной Азии. Интерес Китая совпал по времени с обозначившимся в центральноазиатских странах стремлением диверсифицировать их внешнеэкономические связи и экспортные энергетические маршруты. На момент образования центральноазиатских государств почти вся трубопроводная инфраструктура, по которой транспортировались нефтегазовые ресурсы из ЦА на внешние рынки, проходила через Россию [Мирзоолимов]. Диверсификация каналов транспортировки нефти и газа, экспортных рынков для углеводородов и поступающих в нефтегазовую отрасль иностранных инвестиций приобрели большое значение для центральноазиатских государств. Комплементарность интересов Китая и стран Центральной Азии позволила сторонам наладить энергетическое сотрудничество. Туркменистан стал для Китая крупным экспортером газа, Казахстан — урана и нефти. Таджикистан и Киргизия рассматриваются как имеющие потенциал — пока еще нереализованный — для экспорта гидроэлектроэнергии и воды в Китай.

В нефтегазовом секторе магистральными партнерами КНР стали Казахстан и Туркменистан как имеющие крупнейшие в регионе нефтяные и газовые месторождения соответственно. Формами участия Китая в нефтегазовом сотрудничестве с центральноазиатскими странами стали импорт углеводородов, участие в разработке место-

рождений, оказание инженерно-технических услуг на нефтегазовых месторождениях, строительство трубопроводов, газо- и нефтеперерабатывающих заводов (например, строительство газоперерабатывающих заводов на месторождении Галкыныш и на правом берегу Амударьи в Туркменистане, модернизация Атырауского НПЗ в Казахстане, строительство НПЗ в СЭЗ Дангара в Таджикистане, НПЗ Джунда и Токмоцкий НПЗ в Киргизии).

Приступив к инвестированию в нефтегазовый сектор центральноазиатских стран довольно поздно (например, в Казахстане ведущие позиции уже успели занять Нидерланды, Великобритания и США), Китай быстро смог нарастить свою долю в добыче углеводородов в регионе (зачастую благодаря инвестициям в проекты, которые не представлялись привлекательными для других иностранных инвесторов). Китаю удалось осуществить крупные капиталовложения в энергетический сектор Казахстана. Так, китайские нефтегазовые корпорации имеют значительные доли в шести из десяти крупнейших нефтедобывающих компаний Казахстана (по результатам 2018 г.): 8,33 % *North Caspian Operating Co.*, 50 % «Мангистаумунайгаз», «Казгермунай» и «Каражанбасмунай», 100 % «СНПС-Актобемунайгаз» и «Бузачи Оперейтинг» [Тасымов, 2019]. В 2018 г. на принадлежащие Китаю активы пришлось около 18 % общего объема добычи нефти в Казахстане [Национальный энергетический..., с. 69].

В Туркменистане, который в отличие от Казахстана не продает свои газовые активы [Парамонов, Строков, с. 204], Китаю удалось получить права на разработку газовых месторождений или выступить в роли кредитора проектов освоения месторождений в обмен на поставки газа в счет погашения кредитов.

На настоящий момент функционируют две системы трубопроводов из Центральной Азии в Китай: нефтепроводная система Казахстан—Китай (начинается в Атырау на берегу Каспийского моря, проходит через Кенкияк, Кумколь и Атасу, выходит на погранпереход Алашанькоу и заканчивается в китайском Душаньцзы) и сеть газопроводов Центральная Азия—Китай (состоит из трех параллельных линий А, В и С и проходит по маршруту Туркменистан—Узбекистан—Казахстан—Китай). Трубопроводы строились с привлече-

нием китайского финансирования, и китайская сторона является их владельцем и оператором поставок на паритетных началах с соответствующими национальными компаниями стран Центральной Азии.

Пропускная способность нефтепровода Казахстан—Китай составляет 20 млн тонн нефти в год, из которых 10 млн т используются для транзита российской нефти, а около 2—3 млн т — для экспорта казахстанской нефти [Роснефть хочет...]. Нефтепровод Казахстан—Китай стал для Казахстана первым нефтепроводом, позволяющим напрямую (а не через Россию) осуществлять экспорт нефти за рубеж. При этом главным маршрутом экспорта казахстанской нефти по-прежнему остается проходящий через Россию нефтепровод КТК (Каспийский трубопроводный консорциум). В 2018 г. более 90 % экспорта казахстанской нефти прошло транзитом через территорию России [Национальный энергетический..., с. 74]. На этом фоне поставки казахстанской нефти по нефтепроводу Казахстан — Китай объемом 1,4 млн т в 2018 г. выглядят очень скромными.

Газопровод Центральная Азия—Китай также способствовал диверсификации экспортных маршрутов транспортировки газа трех центральноазиатских государств: по нему туркменский и в гораздо меньших объемах узбекский и казахстанский газ (10 и 5 млрд куб.м газа в год¹ соответственно) поступает в Китай. Пропускная способность газопровода Центральная Азия—Китай составляет 55 млрд куб. м газа в год, а после строительства планируемой линии D, которая пройдет через Узбекистан, Киргизию и Таджикистан, объем поставок газа по газопроводу сможет достичь 85 млрд куб. м в год.

К настоящему моменту Китаю удалось занять монопольные позиции на газовом рынке Туркменистана. Если до 2009 г. 90 % поставок туркменского природного газа шло в Россию, то с 2017 г. Китай стал единственным крупным покупателем туркменского газа. В 2016 г. Россия временно приостановила покупку туркменского газа (из-за разногласий по цене), возобновив ее в 2019 г. подписани-

---

¹ В соответствии с заключенным в 2018 г. соглашением между Казахстаном и Китаем экспорт казахстанского газа в КНР будет увеличен до 10 млрд кубометров газа в год в период 2019—2023 гг.

ем 5-летнего контракта на приобретение ежегодно до 5,5 млрд куб. м. В 2017 г. импорт туркменского газа прекратил Иран.

Помимо нефтегазовых ресурсов, большой привлекательностью для Китая обладают рудные месторождения Центральной Азии (урановые руды, редкоземельные и благородные металлы и пр.). Так, в середине 2000-х годов Китай проявил интерес к запасам урана (на этот регион приходится 17 % мировых запасов урана). Бурное развитие ядерной энергетики в КНР и реализуемая с 2007 г. политика накопления стратегических запасов урана обусловили растущие потребности Китая в нем.

Казахстан как мировой лидер по добыче природного урана и второй в мире по разведанным запасам урана, а также Узбекистан, обладающий значительными запасами урана, стали крупнейшими поставщиками урана для КНР. С 2012 г. Китай стал крупнейшим покупателем казахстанского урана, на него приходится более половины казахстанского экспорта урана. И с казахстанской, и с узбекской сторонами Китай создал совместные предприятия для проведения геологоразведки и освоения месторождений с последующей поставкой урана в КНР (в 2008 г. было создано китайско-казахстанское СП «Семизбай-У», а в 2009 г. — китайско-узбекское СП *Uz-China Uran*). Таджикистан и Киргизия, также обладающие запасами урана, пока не возобновили масштабную добычу урана и, соответственно, не проявляют встречной заинтересованности в сотрудничестве с Пекином в вопросах добычи урана.

Весьма велик интерес Китая к месторождениям золота и серебра в Центральной Азии. Интенсивно развивается сотрудничество в этом направлении с Таджикистаном. Более 80 % производства золота в Таджикистане в 2018 г. пришлось на компании с китайским капиталом: 73 % — на крупнейшее золотодобывающее предприятие Таджикистана «Зеравшан» (70 % в нем принадлежат китайской компании *Zijin Mining*) и 13 % — на предприятие «Пакрут», принадлежащее *China Nonferrous Gold Limited* [Золото Таджикистана...]. В 2019 г. китайская компания *TBEA* получила право на разработку золотых месторождений Верхний Кумарг и Дуоба в масштабах, необходимых для возмещения ранее вложенных ею средств на постройку ТЭЦ Душанбе-2. В 2019 г. Китай также получил лицензию на разработку ме-

сторождения серебра Якчилва. В 2020 г. совместная китайско-таджикская компания *TALCO Gold* построила крупный производственный комплекс на рудном месторождении Кончоч, который, как ожидается, станет лидером по переработке сурьмяного концентрата в Центральной Азии с мировой долей переработки в 10 %.

Китайские компании также получили права на разработку золоторудных месторождений Киргизии (нередко по схеме «инвестиции/кредиты в обмен на месторождения»). Так, крупное месторождение Талды-Булак Левобережный разрабатывается киргизско-китайской компанией «Алтынкен» (60 % которой принадлежит китайской *Superb Pacific*). Китайские компании получили лицензии на разработку месторождений Иштамбери (в 2008 г.), Бучук (2009 г.), Куру-Тегерек (2013 г.) и Шамбесай (2017 г.). Однако работа китайских золотодобытчиков в Киргизии сильно осложнена систематическими протестами со стороны местного населения.

Третий приоритет Пекина в Центральной Азии, особенно отчетливо проявившийся с началом реализации инициативы «Пояс и путь», — это поиск новых внешних рынков сбыта товаров и услуг китайских компаний, специализирующихся на строительстве, развитии инфраструктуры и создании новых производственных мощностей. Предоставление китайской стороной кредитов центральноазиатским партнерам зачастую сопровождается наймом китайских подрядчиков для реализации соответствующих проектов строительства промышленных и инфраструктурных объектов в Центральной Азии (НПЗ, горно-обогатительных комбинатов, фабрик, транспортной и энергетической инфраструктуры, телекоммуникационных сетей и пр.). Занятие ниши в инфраструктурном развитии региона сулит огромные прибыли. Так, например, по состоянию на 2018 г., только в Казахстане с китайскими компаниями было заключено различных контрактов о подряде на строительство на общую сумму около 32 млрд долл. [Дуйвай тоуцзы хэцзо...]. Только в 2018 г. китайские предприятия подписали в Казахстане 258 новых контрактов на подрядные работы общей стоимостью 4,36 млрд долл. [Дуйвай тоуцзы хэцзо...].

Силами китайских подрядчиков были модернизированы или построены новые ТЭЦ и ГЭС (ТЭЦ в Бишкеке, ТЭЦ Душанбе-2,

ГЭС на канале Бозсу под Ташкентом), сооружены новые линии электропередач (ЛЭП Датка—Кемин в Киргизии; ЛЭП Юг—Север, Лолазор—Хатлон, Худжанд—Айни, Айни—Рудаки и Душанбе—Оби Гарм, Рогун—Душанбе в Таджикистане). Китайские компании построили и реконструировали шоссейные и железные дороги в Киргизии и Таджикистане, возвели мосты и тоннели (тоннели Шахристон, Хатлон, Шар-Шар в Таджикистане, Камчик в Узбекистане). Этот список можно продолжать. Вовлеченность Китая в инфраструктурное развитие Центральной Азии и оказание различных инженерно-технических услуг велика.

Побочным эффектом инфраструктурного развития Центральной Азии стала локализация на территории региона производств, выпускающих строительные материалы. Произошел даже бум появления цементных заводов: при участии китайских инвесторов в Таджикистане, Киргизии и Узбекистане было построено несколько цементных заводов.

Четвертым приоритетом Пекина, также ярко проявившимся с реализацией инициативы «Пояс и путь», является создание международных транспортных коридоров, призванных поддержать экспортные потоки Китая. Центральная Азия в этой связи рассматривается Пекином скорее как транзитный пункт на пути к европейским и ближневосточным рынкам, нежели конечный пункт назначения¹. Создаваемая в регионе транспортная инфраструктура призвана связать Китай с ключевыми мировыми рынками. Пока, к настоящему моменту, из пяти центральноазиатских государств только Казахстан сумел в наибольшей степени реализовать свой транзитный потенциал.

И, наконец, *в-пятых*, расширение экономического присутствия в регионе рассматривается Пекином в контексте обретения дипломатической поддержки от стран региона как по «проблемному» уйгурскому вопросу, так и по широкому спектру вопросов международной повестки.

---

¹ Это, однако, не отменяет заинтересованности Китая в создании развитой транспортной сети в Центральной Азии с целью выхода на центральноазиатские рынки и содействия экономическому процветанию региона.

В целом, в завершение статьи можно указать на то, что с течением времени движущие силы китайской экономической активности в ЦА несколько изменились. В сфере торговли в течение ряда последних лет Пекин столкнулся с некоторыми ограничителями ее дальнейшего расширению, что связано с созданием ЕАЭС в 2015 г., невысокими перспективами формирования зон свободной торговли между Китаем и странами региона и невысокой платежеспособностью потребительского рынка Центральной Азии. Это не значит, что товарооборот не будет расти, но нужно понимать, что его рост более не будет форсированным. Также с 2013 г., даты выдвигания инициативы «Пояс и путь», в своей внешнеэкономической активности Пекин сместил акценты с занятия ниши в нефтегазовом секторе стран ЦА на расширение участия в инфраструктурном развитии региона и создание международных транспортных коридоров, проходящих через Центральную Азию и ориентированных на Китай. Нефтегазовое сотрудничество Китая со странами региона продолжит развиваться, но с учетом ряда важных обстоятельств: в декабре 2019 г. был сдан в эксплуатацию газопровод из России в Китай «Сила Сибири» с экспортной пропускной способностью 38 млрд куб. м в год, успешно развивается целый ряд российско-китайских проектов в области сжиженного природного газа (Ямал СПГ, Арктик СПГ-2), Китай успешно диверсифицирует свой импорт энергетических ресурсов в то время, как проект прокладки линии D газопровода Центральная Азия — Китай пока пробуксовывает. Исходя из этого, можно предположить, что в фокусе усилий Китая останется расширение участия в инфраструктурном развитии региона и то, что китайцы называют «сотрудничество в области производственных мощностей».

Библиографический список

Бюджет для граждан. Проект 2020. URL: https://www.mf.uz/media/file/state-budget/pub/citizens_budget_2020_ru.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

Валовый приток прямых инвестиций в Казахстан. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian> (дата обращения: 11.05.2020).

Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 180 с.

Золото Таджикистана переходит Китаю. 03.09.2019. URL: <https://knews.kg/2019/09/03/zoloto-tadzhikistana-perehodit-kitayu/> (дата обращения: 13.05.2020).

Мирзоолимов М.М. Центральнo-азиатская трубопроводная геополитика // Мир и политика. 2012. № 6. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m6-2012/14920-centralno-aziatskaya-truboprovodnaya-geopolitika.html> (дата обращения: 01.05.2020).

Национальный энергетический доклад 2019. URL: http://www.kazenergy.com/upload/document/energy-report/NationalReport19_ru.pdf (дата обращения: 05.05.2020).

Отчет о состоянии государственного долга за 2018. URL: <http://minfin.tj/index.php?do=static&page=gosdolg#vdolg> (дата обращения: 10.05.2020).

Парамонов В., Строков А. Китайское присутствие в нефтегазовой отрасли // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Том 18. № 3—4. С. 200—212.

Поступление прямых иностранных инвестиций в 2019 г. URL: <http://www.stat.kg/ru/news/postuplenie-pryamih-inostrannyh-investicij-v-2019-godu/> (дата обращения: 07.05.2020).

Роснефть хочет нарастить экспорт нефти в Китай через Казахстан до 18 млн тонн в год. 09.10.2017. URL: https://www.kaztransoil.kz/ru/press-centre/publication/s/rosneft_hochet_narastit_eksport_nefti_v_kitay_cherez_kazahstan_do_18 mln_tonn_v_god/ (дата обращения: 13.05.2020).

Статистика внешнего долга. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=346&switch=russian> (дата обращения: 06.05.2020).

Структура государственного внешнего долга КР на 31.01.2020. URL: <http://www.minfin.kg/ru/novosti/mamlekettik-karyz/tyshky-karyz/struktura-gosudarstvenno-go-vneshnego-dolga-kyrgyzs> (дата обращения: 12.05.2020).

Тасымов Д. Кто добывает и продает казахстанскую нефть. 23.08.2019. URL: <https://kursiv.kz/news/vlast-i-biznes/2019-08/kto-dobyvaet-i-prodaet-kazahstansku-yu-neft> (дата обращения: 03.05.2020).

Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (лицу) чжинань. Хасакэсытань (2019 няньбань) : [Страновое (региональное) руководство по иностранному инвестиционному сотрудничеству. Казахстан (издание 2019 г.)]. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/#> (дата обращения: 12.05.2020). (На кит. яз.).

Чжунго дуйвай тоуцзы фачжань баогао : [Доклад о развитии китайских иностранных инвестиций], 2018, 2019. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/> (дата обращения: 12.05.2020). (На кит. яз.).

European Union, Trade in goods with Central Asia. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/region/details_central-asia-5_en.pdf (accessed: 02.05.2020).

References

Byudzhët dlya grazhdan. Proyekt 2020 [Budget for citizens. Project 2020]. URL: https://www.mf.uz/media/file/state-budget/pub/citizens_budget_2020_ru.pdf (accessed: 10 May, 2020). (In Russian).

Duiwài tóuzì hézuò guó bié (dìqū) zhǐnán. Hāsàkè sītǎn (2019 niánbǎn) [Country (regional) guide for foreign investment cooperation. Kazakhstan (2019 edition)]. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/#> (accessed: 12 May, 2020). (In Chinese).

European Union, Trade in goods with Central Asia. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/region/details_central-asia-5_en.pdf (accessed: 2 May, 2020).

Mirzoolimov, M.M. (2012). Tsentral'no-aziatskaya truboprovodnaya geopolitika [Central Asian Pipeline Geopolitics], *World and Politics*, No. 6. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m6-2012/14920-centralno-aziatskaya-truboprovo-dnaya-geopolitika.html> (accessed: 1 May, 2020). (In Russian).

Natsional'nyy energeticheskiy doklad 2019 [National Energy Report 2019]. URL: http://www.kazenergy.com/upload/document/energy-report/NationalReport19_ru.pdf (accessed: 5 May, 2020). (In Russian).

Otchet o sostoyanii gosudarstvennogo dolga za 2018 [State Debt Report 2018]. URL: <http://minfin.tj/index.php?do=static&page=gosdolg#vldolg> (accessed: 10 May, 2020). (In Russian).

Paramonov, V., Strokov, A. (2015). Kitayskoye prisutstviye v neftegazovoy otrasli [Chinese presence in the oil and gas industry], *Central Asia and the Caucasus*, Vol. 18 (3–4): 200–212. (In Russian).

Postupleniye pryamykh inostrannykh investitsiy v 2019 godu [Foreign direct investment in 2019]. URL: <http://www.stat.kg/ru/news/postuplenie-pryamyh-inostrannyh-investitsiy-v-2019-godu/> (accessed: 7 May, 2020). (In Russian).

Rosneft' khochet narastit' eksport nefti v Kitay cherez Kazakhstan do 18 mln tonn v god [Rosneft wants to increase oil exports to China through Kazakhstan to 18 million tons per year], 09.10.2017. URL: https://www.kaztransoil.kz/ru/press-centre/publications/rosneft_hochet_narastit_eksport_nefti_v_kitay_cherez_kazahstan_do_18 mln_tonn_v_god/ (accessed: 13 May, 2020). (In Russian).

Statistika vneshnego dolga [External Debt Statistics]. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=346&switch=russian> (accessed: 6 May, 2020). (In Russian).

Struktura gosudarstvennogo vneshnego dolga KR na 31.01.2020 [The structure of the state external debt of the Kyrgyz Republic as of 01/31/2020]. URL: <http://www.minfin.kg/ru/novosti/mamlekettik-karyz/tyshky-karyz/struktura-gosudarstvenno-go-vneshnego-dolga-kyrgyzs> (accessed: 12 May, 2020). (In Russian).

Tasymov D. Kto dobyvayet i prodayet kazakhstanskuyu nef't' [Who produces and sells Kazakhstani oil], 23.08.2019. URL: <https://kursiv.kz/news/vlast-i-biznes/2019-08/kto-dobyvaet-i-prodaet-kazakhstanskuyu-neft> (accessed: 3 May, 2020). (In Russian).

Valovyy pritok pryamykh investitsiy v Kazakhstan [Gross inflow of direct investment in Kazakhstan]. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian> (accessed: 11 May, 2020). (In Russian).

Zhongguo duiwai touzi fazhan baogao [Report on Development of China's Outward Investment], 2018, 2019. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcyj/tzhz/> (accessed: 12 May, 2020). (In Chinese).

Zhukov, S.V., Reznikova, O.B. (2009). Tsentral'naya Aziya i Kitay: ekonomicheskoye vzaimodeystviye v usloviyakh globalizatsii [Central Asia and China: economic interaction in the context of globalization], *Moscow, IMEMO RAN*, 180 p. (In Russian).

Zoloto Tadzhikistana perekhodit Kitayu [Tajikistan's gold goes to China], 03.09.2019. URL: <https://knews.kg/2019/09/03/zoloto-tadzhikistana-perehodit-kitayu/> (accessed: 13 May, 2020). (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10019

В.А. Матвеев

КИТАЙ В ПЕРЕКРЕСТЬЕ ТЕКУЩИХ ТРЕНДОВ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития мирового энергетического рынка в условиях его нарастающей нестабильности, дисбаланса спроса и предложения на нефть и природный газ. При этом фактором углубления этого дисбаланса является расширение добычи и промышленного использования в США сланцевых углеводородов, которые усиливают межтопливную конкуренцию на национальных и мировом рынках и провоцируют новые «шоковые» явления в мировом хозяйстве.

Анализируются новые тренды развития мировой энергетики, которые оказывают воздействие и на Китай.

Один из основных трендов в мировой энергетике — это «Четвертый энергетический переход», то есть переход к широкому использованию возобновляемых источников энергии, замещающих ископаемые виды топлива. Автор оценивает текущие успехи Китая в области возобновляемой энергетики, особенно в геотермальной, и выдвигает прогнозы в отношении дальнейших перспектив альтернативной энергетики в Китае.

Серьезным вызовом мировому сообществу является принятая в 2017 г. «Стратегия энергетического доминирования» США, которая закладывает основу энергетической политики США на среднесрочную перспективу. Одним из «коньков» Стратегии стала всемерная

поддержка интенсивной добычи американских сланцевых ресурсов на прибрежных территориях США.

Американским политическим истеблишментом сейчас обсуждается вопрос о возможности использования энергетического потенциала страны для защиты ее интересов. На практике стремление к этому уже проявилось на состоявшейся в январе 2020 г. первой стадии торговых переговоров между США и Китаем. Аналогичная ситуация складывается при контактах США с Евросоюзом по вопросам вытеснения российских энергоносителей с европейского рынка.

Действия США на рынке энергоресурсов, направленные на осуществление гигантского скачка в производстве сланцевых углеводородов и расширение их экспорта к началу 2020 г., привели к мировому дисбалансу спроса и предложения энергоресурсов. Этот дисбаланс усугубили рецессия мировой экономики и пандемия COVID-19, резко сократившие спрос на энергоресурсы.

В статье также анализируются позитивные и негативные для Китая последствия падения цен на нефть. Делается вывод, что нынешняя кризисная ситуация, сложившаяся в мировой энергетике, несет в себе и конструктивные возможности, связанные с особенностями конкуренции традиционной и альтернативной энергетике.

Ключевые слова: энергетика, возобновляемые источники энергии, «Энергопереход», «Стратегия энергетического доминирования» США, Китай.

Автор: Матвеев Владимир Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: matveevva@mail.ru

V.A. Matveev

China at the Crossroads of Current Global Energy Trends

Abstract. The article discusses prospects for the development of the world energy market, associated with the growth of its instability, the imbalance of supply and demand for oil and natural gas. At the same time, the factor of the imbalance deepening is the expansion of production and industrial use of shale hydrocarbons in the United States, which increase inter-fuel competition in national and global markets and provoke new “shock” phenomena in the world economy.

The article analyzes new trends in the development of global energy, which have an impact on China.

One of the main trends in the global energy sector is the “Fourth energy transition”, i.e. the transition to the widespread use of renewable energy sources that replace fossil fuels. The author assesses the current success of China in the field of renewable energy, especially in heliogenesis, and puts forward forecasts for the future prospects of alternative energy in China.

A serious challenge to the world community is the “2017 Energy Dominance Strategy” of the United States, which lays basis for American energy policy in the medium term. One of the “nubs” of the Strategy is its full support for intensive development of American shale resources on the coasts of the United States.

The American political establishment is currently discussing the possibility of using the country's energy potential to protect USA interests. In practice, the strive for this has already been shown at the first stage of trade negotiations between the US and China. A similar situation is developing when the United States contacts the European Union on the issues of ousting Russian energy carriers from the European market.

Actions of the USA in the energy market, resulting in a giant growth of production of shale hydrocarbons and expansion of their exports by early 2020, has led to a global imbalance of supply and demand of energy. This imbalance was exacerbated by global economic recession and COVID-19 pandemic, which sharply reduced demand for energy resources.

The article also analyzes positive and negative consequences for China of the oil prices' falling. It is concluded, that the current crisis situation in the world energy sector also brings constructive opportunities due to the competition between traditional and alternative energy.

Keywords: energy, renewable energy sources, Energy Transition, the Strategy of “energy dominance” of the United States, China.

Author: Vladimir A. MATVEEV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: matveeva@mail.ru

При анализе последствий широкого вовлечения Китая в процессы глобализации, значительное внимание должно быть уделено таким факторам развития мирового энергетического рынка, как изменение геополитической ситуации и связанная с этим высокая волатильность мировых цен на нефть и газ, возрастание роли государства в мировой торговле энергоносителями, ужесточение протекционизма, коррекция инвестиционных приоритетов и т. п.

Несмотря на весьма значительные финансовые вложения Китая в геологоразведку, дефицит высокоэффективных энергоресурсов в стране нарастает и полное обеспечение ими потребностей национального хозяйства становится одним из активных движителей внешнеполитической стратегии КНР. Исходя из этого, ключевой задачей современной энергетической политики Китая можно назвать стабильное и гарантированное обеспечение потребностей страны в высокоэффективных энергоресурсах, к которым относятся нефть и природный газ.

Между тем ближайшая перспектива развития мирового энергетического рынка связана с проявлениями нестабильности, главным из которых является дисбаланс спроса и предложения на нефть и природный газ.

Главным стимулятором этого дисбаланса является широкое промышленное использование в США таких новых видов энергоносителей, как сланцевые углеводороды. США ныне находятся на 1-м месте в мире по добыче углеводородов, к числу которых присоединились сланцевые газ и нефть. Это явно обостряет межтопливную конкуренцию на национальных и мировом рынках и порождает новые «шоковые» явления в мировой экономике. Добавило напряженности в межстрановой конкуренции и объявление в 2017 г. президентом США Д. Трампом новой «Стратегии энергетического доминирования». Но об этом ниже.

Серьезнейший вызов мировой энергетике заключается в переоценке основными участниками рынка долгосрочных стратегий развития в пользу возобновляемых источников энергии (ВИЭ) за счет сдерживания роста углеродной энергетики. Это вытекает из рекомендаций Парижского соглашения по климату. Развитие ВИЭ является «мейнстримом» текущего и перспективного развития мирового рынка энергии.

Итак, можно сказать, что в настоящее время закладываются новые тренды развития мировой энергетики, которые оказывают или непременно окажут свое воздействие и на Китай.

1. Энергопереход

Ввиду смещения приоритетов в государственной энергетической политике многих стран и активного внедрения новых техноло-

гий мировая энергетика входит в очередной период фундаментальных изменений, или этап так называемого Четвертого энергетического перехода, то есть перехода к широкому использованию ВИЭ и замещению ими ископаемых видов топлива. Однако темпы этих изменений и скорость перехода в странах мира разнятся и с трудом подлежат точной оценке.

Сейчас наступил период высокой конкуренции между ископаемым топливом и ВИЭ. Возобновляемые источники энергии стали реальной альтернативой традиционным энергоресурсам — нефти и природному газу. На протяжении многих лет природный газ (наряду с углем) считался одним из самых дешевых источников энергии, однако теперь, когда себестоимость солнечной и ветряной энергии снизилась, последние стали реальными конкурентами газу.

Здесь передовые позиции занимает Китай. За последние годы в КНР благодаря вложению гигантских финансовых средств, произошел настоящий прорыв в области возобновляемой энергетики. Это касается не только собственно строительства электростанций, но и производства всего сопутствующего оборудования.

Так, КНР является крупнейшим в мире производителем и экспортером солнечных батарей, ветряных турбин, аккумуляторов и электрических транспортных средств. 13-й пятилетний план Китая (2016—2020 гг.) в области электроэнергии нацелен на повышение к 2020 г. доли ВИЭ, включая и ГЭС, с 35 до 39 % в общем объеме производства электроэнергии. Национальное управление Китая по энергетике и Национальная комиссия по развитию и реформам запланировали вложить более 360 млрд долл. в разработку возобновляемых источников энергии и создание к 2020 г. 13 млн рабочих мест в этом секторе (для сравнения: в США в этом секторе задействовано около 800 тыс. сотрудников) [Маслов].

Особенно впечатляет рывок в области солнечной энергетики.

В Китае построены крупные мощности новых солнечных и ветряных электростанций. Установленная мощность ветряных и солнечных электростанций в 2019 г. достигла 414,73 ГВт. Тем не менее, накопленные мощности действующих угольных ТЭС пока существенно больше — 1190,55 ГВт [Электроэнергетика Китая...].

В выработке электроэнергии по разным типам электростанций разброс показателей еще больше. Доля ВИЭ (без учета ГЭС) в производстве электроэнергии составила в 2019 г. всего 8,6 %, а доля тепловой генерации, преимущественно угольной, — 68,9 %.

При среднем приросте выработки электроэнергии в размере 4,7 % (2019 г.) максимальные приросты получены за счет солнечной энергетики — 26,5 % и ветряной энергетики — 10,9 % [Электрoэнергетика Китая...].

Высокие приросты мощностей солнечной и ветряной генерации достигаются благодаря широкой поддержке властей. Результатом стимулирующей политики стало то, что Китай уже перевыполнил план 13-й пятилетки (2016—2020 гг.) по развитию солнечной энергетики. Однако сейчас Китай резко снизил объемы субсидирования, из-за чего прогнозируется спад в объемах ввода новых мощностей.

Ныне в рамках государственной политики по оптимизации бюджетных расходов Национальной комиссией по развитию и реформам Китая принято решение о реализации новой энергетической политики страны. Основной мерой новой политики в отношении ВИЭ является прекращение выдачи квот на строительство промышленных солнечных электростанций, претендующих на субсидии, и запрет провинциям с 2018 г. выдавать разрешения на строительство таких электростанций.

В соответствии с этим решением идет последовательное снижение темпов прироста мощностей в солнечной энергетике Китая. Если в рекордном 2017 г. в стране было введено в строй 53 ГВт солнечных электростанций, в 2018 г. — 43,6 ГВт, то в 2019 г. Китай ввел в эксплуатацию около 30 ГВт фотоэлектрических станций [Электрoэнергетика Китая...].

Весьма важно, что использование альтернативных источников энергии в последние годы рассматривалось Китаем не только как способ строительства новой безуглеродной экономики, но и как механизм повышения энергетической безопасности за счет сокращения импорта ископаемых энергоресурсов.

Однако сооружение гигантских полей фотоэлектрических батарей, генерирующих солнечную энергию, оказалось весьма дорогостоящим делом. И текущее падение цен на нефть (и соответственно

на газ) делает практически невыгодной всякую альтернативную энергетику, в том числе и использование энергии ветра и солнца. Поэтому перспективы дальнейшего развития безуглеродной энергетики требуют взвешенного решения именно для Китая.

2. Сланцевая революция

На фоне значительных успехов в сфере сланцевой добычи в 2017 г. США одними из первых заявили о принципиально новой энергетической политике, а именно — о «Стратегии энергетического доминирования». Это прозвучало как серьезный вызов мировому сообществу.

Президент Д. Трамп опубликовал на своем веб-сайте «Энергетический план “Америка прежде всего”» (*America First Energy Plan*). Этот план заложил основу энергетической политики США, по крайней мере, на среднесрочную перспективу.

Его основополагающими пунктами явились: 1) аннулирование «Плана действий по климату и водному регулированию США» и ряда других законов, унаследованных от администрации Б. Обамы, сдерживающих развитие энергетической отрасли; 2) акцент на использовании сланцев, нефтяных и газовых запасов в США; 3) восстановление добычи угля в Западной Виргинии и Пенсильвании при использовании «чистых» технологий в угольной промышленности; 4) рост производства всех видов энергии в целях обеспечения энергетической независимости от картеля ОПЕК и «любых стран, враждебных интересам США» [Remarks by President Trump...].

Д. Трамп объявил, что планирует сделать Соединённые Штаты «энергетически доминирующей державой» (*energy dominant power*). Он заявил о начале «золотой эры» энергетики США, которая установится благодаря интенсивному росту добычи в стране нефти, природного газа и угля и расширению их экспорта [Remarks by President Trump...].

С позиций энергетической безопасности США, главной целью Стратегии является снижение зависимости экономики страны от импорта нефти и газа. Причем, до сих пор сохраняются угрозы национальной безопасности США, связанные с необходимостью импортировать ряд углеводородов, таких как тяжелая нефть, отдельные виды нефтепродуктов.

Внешнеполитическая часть «Стратегии энергетического доминирования» нацелена на усиление позиций США (даже в условиях неопределенности мирового спроса на энергоресурсы) благодаря экспорту американского сжиженного природного газа (СПГ) в крупные регионы повышенного спроса — Азию и Европу, причем, при вытеснении российских энергоносителей с европейского рынка.

Таким образом, реализация «Стратегии энергетического доминирования» США, ориентированной на два «конька» — интенсивный рост добычи американских сланцевых ресурсов, запасы которых огромны, и всемерное стимулирование разработки нефтяных месторождений на побережьях страны и в ее природных резерватах типа Аляски, стала особым обстоятельством, могущим серьезно изменить современную мирохозяйственную реальность.

Безусловно, Соединённые Штаты в настоящий момент являются крупнейшим мировым производителем нефти. Ежедневно США, по данным на март 2020 г., добывают больше нефти, чем кто-либо еще в мире — 17,9 млн баррелей в сутки [Новая реальность...]. К 2020 г. США осознали, что их лидерство в мировой энергетике дает преимущество, которое можно использовать не только в экономических интересах, но и во внешней политике как таковой. В американской политической элите сейчас обсуждается вопрос об оптимальном использовании энергетической мощи страны в деле защиты интересов США и усилении международных позиций страны.

Практически это проявилось на прошедшей в январе 2020 г. первой стадии торговых переговоров США с Китаем.

КНР является крупнейшим в мире импортером нефти и газа, а США — крупнейшим производителем нефти, контролирующим более 10 % мировых поставок. Между тем Китай закупает большую часть своего топлива в Саудовской Аравии и России, что совсем не устраивает США. Поэтому расширение американских поставок нефти и СПГ в Китай стало предметом торга на переговорах с КНР в январе 2020 г. Результатом этих торговых переговоров явилось принятие Китаем обязательства увеличить импорт товаров из США на 200 млрд долл., включая приобретение дополнительных объемов энергоносителей на сумму в 18,5 млрд долл. в текущем году и на 34 млрд долл. в 2020 г. [Коронавирус...].

Следует отметить, что внешнеполитическая часть Стратегии Д. Трампа предусматривает пошаговое продвижение США к мировому лидерству, прежде всего в сфере экспорта газа и угля, а также технологий добычи и использования углеводородов, всемерного расширения сбыта своих ресурсов и вытеснения всех «недружественных США государств» с мировых рынков посредством конкуренции, экономического и политического торга [Хлопов, с. 86—100].

До недавнего времени энергетическая политика Трампа в целом вселяла американцам оптимизм и надежду на высокие темпы развития большинства отраслей энергетического комплекса США.

Однако, как известно, регулятором мирового энергетического рынка является цена на углеводороды, которая может поколебать даже самые решительные намерения. Очень многое зависит от динамики цен на нефть. При понижительной тенденции прибыль энергетических компаний будет сокращаться, что в конечном итоге может подорвать способность США к дальнейшему расширению производства энергоресурсов и достижению глобального энергетического доминирования.

Естественно, уровень мировых цен на нефть и соответственно — на природный газ и СПГ будет влиять на дальнейшую активность Китая как в сфере традиционной энергетики, так и в альтернативной.

Реалией и основным вызовом 2020 г. стала пандемия коронавируса, усугубившая мирохозяйственную ситуацию наряду с общей рецессией глобальной экономики и резким падением спроса на углеводороды в мировом масштабе.

3. Падение цен на энергоресурсы и передел мирового рынка нефти

Следование властей США положениям «Стратегии энергетического доминирования», выразившееся в стимулировании гигантского скачка в производстве сланцевых углеводородов и расширении их экспорта, привело к мировому дисбалансу спроса и предложения энергоресурсов. Этот дисбаланс усугубился рецессией мировой экономики и пандемией COVID-19, резко сокративших спрос на энергоресурсы. При этом никто из стран — производителей нефти не хотел сокращать ее добычу. Это привело к резкому превышению предложения над спросом и затовариванию мирового нефтяного рынка.

И в конечном итоге — «уронило» мировые цены на углеводороды до минимальных значений.

В целях предотвращения нефтяного коллапса в апреле 2020 г. было проведено несколько экстренных онлайн-заседаний стран ОПЕК+ (с привлечением России и ряда других стран), которое в конце концов выработало компромиссное решение о пропорциональном сокращении добычи нефти всеми сторонами соглашения в целях поддержания оптимальной цены на нефть. Это решение, может, и не сильно поднимет уровень цены на нефть, но хотя бы стабилизирует ситуацию.

Тем не менее, ожидается достаточно длительный период (до полутора лет) сохранения низкой цены на нефть.

Китай, как значимый покупатель нефти на мировом рынке, конечно заинтересован в невысоком уровне импортных цен на нефть, однако эта ситуация не дает однозначных выгод Китаю. Здесь есть позитивные и негативные моменты.

Так, возможность закупать нефть по значительно более низкой цене предоставляет серьезный выигрыш Китаю, как и многим другим странам-потребителям, и позволит стимулировать потребительский спрос и восстановление экономики.

Но есть и другие «нюансы»: оздоровление экономики Китая во многом зависит от товарного спроса в других странах. Китай является ключевым поставщиком промежуточных компонентов для компаний в Соединённых Штатах, Европе, Японии и Южной Корее. Примерно 20 % глобального производства промежуточной продукции приходится на Китай. Нынешние приостановки в работе производственных мощностей, прежде всего в Европе и в США, не способствуют стабилизации экономической жизни в Китае.

С одной стороны, снижение цен на нефть может негативно сказаться на нефтедобывающей промышленности Китая, спровоцировав приостановку разведки и добычи многих сложных высокочатратных месторождений. Кризис нефтяного сектора способен подорвать доверие инвесторов и правительства к нему и стимулировать развитие «зеленой» энергетики. Однако, с другой стороны, длительное сохранение низкой цены на нефть ставит под вопрос целесообразность наращивания мощностей альтернативной энергетики. И разреше-

ние именно этой дилеммы весьма важно не только для Китая, но и других стран, подписавших Парижское соглашение.

Однако в любом случае кризисная ситуация, сложившаяся в мире, в том числе и в мировой энергетике, несет в себе и конструктивное начало. Так, на взгляд многих аналитиков, ускорится поиск новых источников энергии и дальнейшее развитие традиционных высокотехнологичных ВИЭ. Рост конкуренции между традиционной и альтернативной энергетикой — позитивен, поскольку он приведет к отказу от разработки многих капиталоемких долгосрочных нефтегазодобывающих проектов. Кроме того, в традиционных отраслях ТЭКа ускорится поиск новой модели развития в условиях декарбонизации.

Библиографический список

Коронавирус разводит американско-китайские мосты // Нефтегазовая вертикаль. 2020. № 5. URL: <http://www.ngv.ru/magazines/article/koronavirus-razvodit-amerikano-kitayskie-mosty/> (дата обращения: 20.04.2020).

Маслов А. Кто в выигрыше от падения нефтяных цен и краха альтернативной энергетики? URL: <https://news-front.info/2020/03/17/kto-v-vyigryshe-ot-padeniya-neftyanyh-czen-i-kraha-alternativnoj-energetiki> (дата обращения: 20.04.2020).

Новая реальность нефтегаза. URL: <https://oilcapital.ru/article/general/30-04-2020/novaya-realnost-neftegaza> (дата обращения: 20.04.2020).

Хлопов О. Новые подходы в энергетической стратегии администрации Д. Трампа и их влияние на внешнюю политику США // Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С.86—100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-podhody-v-energeticheskoy-strategii-administratsii-d-trampa-i-ih-vliyaniye-na-vneshnyuyu-politiku-ssha> (дата обращения: 20.04.2020).

Электроэнергетика Китая: итоги 2019 г. URL: <https://in-power.ru/news/novostitek/27781-elektroenergetika-kitaja-itogi-2019-goda.html> (дата обращения: 20.04.2020).

Remarks by President Trump at the Unleashing American Energy Event. The White House. Energy and Environment. 2017. June 29. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-unleashing-american-energy-event/> (дата обращения: 20.04.2020).

References

Elektroenergetika Kitaya: itogi 2019 goda [China's Power Industry: 2019 Results]. URL: <https://in-power.ru/news/novostitek/27781-elektroenergetika-kitaja-itogi-2019-goda.html>. (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Khlopov O. (2018). Novye podhody v energeticheskoy strategii administracii D.Trampa i ih vliyanie na vneshnyuyu politiku SSHA [New approaches in the energy strategy of the D. Trump administration and their impact on US foreign policy], *Vestnik RGGU. Seriya: "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie.Vostokovedenie"* [Herald of the RSUH. Series: "Political Science. Story. International relationships. Foreign regional studies. Oriental studies"], No 1(11): 86—100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-podhody-v-energeticheskoy-strategii-administratsii-d-trampa-i-ih-vliyanie-na-vneshnyuyu-politiku-ssha> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Koronavirus razvodit amerikano-kitajskie mosty [Coronavirus builds American-Chinese bridges], *Neftegazovaya vertical [Oil and Gas Vertical]*, 2020, No 5 (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Maslov, A. (2020). Kto v vyigryshe ot padeniya neftyanyh cen i kraha al'ternativnoj energetiki? [Who benefits from the falling oil prices and the collapse of alternative energy?]. URL: <https://news-front.info/2020/03/17/kto-v-vyigryshe-ot-padeniya-neftyanyh-czen-i-kraha-al'ternativnoj-energetiki/> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Novaya real'nost' neftegaza [The new reality of oil and gas]. URL: <https://oilcapital.ru/article/general/30-04-2020/novaya-realnost-neftegaza> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Remarks by President Trump at the Unleashing American Energy Event. The White House. Energy and Environment, 2017, June 29. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-unleashing-american-energy-event/> (accessed: 20 April, 2020).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10020

С.Л. Сазонов

КИТАЙ — МИРОВОЙ ЛИДЕР В ОБЛАСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ БЕСПИЛОТНОГО ВОЖДЕНИЯ?

Аннотация. В статье анализируется факт того, что Китай стремительно вырывается на перспективный мировой рынок технологий полу- и автоматического вождения автомобилей, а также производства инновационного программного обеспечения с интегрированной возможностью вождения без участия водителя. Руководство КНР полагает добиться полной автоматизации транспортных средств в конце 14-й пятилетки. Планируется, что программное обеспечение на основе искусственного интеллекта будет управлять работой всех систем автомобиля, а сенсоры — собирать информацию об окружающей обстановке. В итоге беспилотный автомобиль сам проанализирует дорожную обстановку и рассчитает оптимальную траекторию движения.

Уже сегодня многие китайские производители создают автомобили, способные передвигаться по дорогам общего пользования автономно, а не под управлением водителя. Лидерами в этом направлении являются корпорации *Chongqing Changan Automobile*, *Dongfeng Motor*, *FAW Group* и *Hongqi*, которые одними из первых мировых производителей беспилотных автомобилей начали работы в этом направлении. Развитие беспилотного вождения в Китае имеет как зна-

чительный социальный, так и экономически мультипликативный эффекты. Кардинально снижается количество дорожно-транспортных происшествий, практически полностью исключаются человеческие жертвы. Это приводит к сокращению расходов на автострахование и медицину быстрого реагирования. Уменьшается себестоимость транспортировки грузов и пассажиров за счет экономии на заработной плате персонала и снижения расхода топлива. Повышается рентабельность автомобильных магистралей за счет полного соблюдения беспилотными автомобилями правил дорожного движения. Появляются новые отрасли, связанные с разработкой, производством и обслуживанием беспилотных автомобилей; генерируется значительный мультипликативный эффект в отраслях промышленности, связанных с производством электронной начинки «умных» автомобилей.

В итоге автор разделяет мнение о том, что Китай уже сегодня становится крупнейшим мировым рынком беспилотных АИИЭ с встроенными технологиями искусственного интеллекта (ИИ) и 5G, что к 2030 г. способно обеспечить КНР только от одной продажи этих технологий значительный ежегодный рост доходной части бюджета.

Ключевые слова: Китай, беспилотные автомобили, автономное движение, искусственный интеллект (ИИ), программное обеспечение, облачные вычисления, большие данные, алгоритмы, мультипликативный эффект.

Автор: Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-8889-7072; E-mail: sazonovch@mail.ru.

S.L. Sazonov

Does China become a world leader in innovation driverless driving technologies?

Abstract. The article notes that China is rapidly breaking into the promising global market of semi- and automatic car driving technologies, as well as the production of innovative software with integrated driverless autonomous driving capability. The Chinese leadership believes to achieve full automation of vehicles at the end of the 14th Five-year plan — driverless cars will be able to move independently thanks to special software and sensors. Software based on artificial intelligence will control the ope-

ration of all car systems, and sensors will collect information about the surrounding environment, which will form the basis of the car's actions — the driverless car will analyze the road situation and calculate the correct trajectory.

Today, many Chinese manufacturers are creating cars that can move on public roads independently, rather than under the control of a driver, and the leaders in this direction are the corporations *Chongqing Changan Automobile*, *Dongfeng Motor*, *FAW Group* and *Hongqi*, which are among first global manufacturers of self-driving cars which started working in this direction. The development of driverless automobiles in China creates both significant social and multiplier effects. The number of road accidents drastically diminish and human casualties can be almost completely eliminated, what leads to a significant reduction in the cost of car insurance and urgent response medicine. The cost of transporting goods and people is reduced due to the saving of wages and fuel. The efficiency of using highways increases because of full compliance of driverless cars with traffic rules. New industries related to development, production and maintenance of self-driving cars are emerging, and a significant multiplier effect is being generated in industries related to the production of electronic filling of «smart» cars.

As a result, the author shares the opinion that China is already becoming the world's largest market for unmanned vehicles with built-in artificial intelligence (AI) and 5G technologies, which by 2030 can provide China with a significant annual increase in state revenue from the sale of these technologies.

Keywords: China, self-driving cars, autonomous driving, artificial intelligence (AI), software, cloud computing, big data, algorithms, multiplicative effect.

Author: Sergey L. SAZONOV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-8889-7072; E-mail: sazonovch@mail.ru.

Сегодня в Китае практически все крупные автопроизводители стремятся занять заметное место не только на развивающемся рынке продаж высокотехнологичных автомобилей, использующих альтернативные источники энергии (АИАИЭ), но и на пока еще мало «разработанном», но перспективном мировом рынке технологий автомобилестроения полу- и автоматического вождения, а также ин-

новационного программного обеспечения со встроенной возможностью вождения без участия водителя.

Ныне в КНР уже практически разработаны автомобили, оснащенные автопилотом, функционирующем в полуавтоматическом режиме (в стране для полуавтоматического режима по степени автономности управления введены три уровня, или классификатора, системы вождения: L-1, L-2, L-3), а сами машины оборудуются разного рода датчиками и камерами видеофиксации и слежения, компьютерными модулями, которые анализируют складывающуюся на дороге обстановку и автоматически управляют автомобилем.

Аналитики Китайской ассоциации автопроизводителей (КААП) уверены, что автономная система вождения — наиболее безопасна, поскольку 90 % дорожных аварий происходит в силу человеческого фактора — усталости водителя, невнимательности при возникновении препятствий или при дефектах дорожного полотна, или вследствие вождения в нетрезвом виде [Smart cars put...]. В феврале 2019 г. муниципальные власти Пекина заявили, что с 2020 г. они начнут решать задачу беспилотного вождения АИАИЭ уровня L-1, который, в частности, предусматривает способность беспилотной парковки за 1,5 мин (двойной парковки — за 3,5 мин), а также автоматического определения скорости впереди идущего транспортного средства, а также функцию распознавания знаков дорожного движения и возникающих препятствий без участия водителя.

Автомобили, которым будут присваивать уровень L-4 и уровень L-5, еще находятся в стадии доработки и будут запущены в эксплуатацию в период 2022—2025 гг. Они будут обладать полностью автономной системой вождения при любых скоростях, причем последняя получит способность самообучения: в процессе эксплуатации компьютер системы станет собирать и обрабатывать данные о дорожной обстановке и отправлять их на центральный сервер автопроизводителя, который будет посылать обратно обновленные программы и алгоритмы действий для автономной системы вождения.

Китайские автопроизводители постоянно наращивают усилия по разработке технологии автономного вождения. Так, автомобили компании *Chongqing Changan Automobile* (являющейся единственным китайским автомобильным производителем, получившим лицензии

не только в КНР, но и в США, на испытания беспилотных автомобилей) прошли более 12 млн км дорожных испытаний в автономном режиме. Системы с 1-го по 3-й уровень оборудованы радарными миллиметрового диапазона, которые обеспечивают обнаружение пешеходов и других препятствий с разрешением 25 см даже на расстоянии до 50 м менее чем за 0,2 с и рассчитаны на то, что водитель постоянно следит за обстановкой на дороге и в любой ситуации может взять управление на себя. Либо же, в случае, если водитель временно отвлекся, система контроля может оповестить водителя о проблеме и принудительно возвратит его внимание к дорожной обстановке [Zhang Dandan]. Те системы, которые находятся выше по классификации (L-4 и L-5), автономно от водителя осуществляют управление АИИЭ и абсолютно не нуждаются в его участии и контроле, а отличительная характеристика 5-го уровня заключается в том, что все эти функции могут выполняться на любой, даже менее подготовленной дороге [Stronger demand...]. Руководство компании заявляет, что в ближайшие 10 лет намерено инвестировать 20 млрд юаней (2,98 млрд долл.) в исследования и разработки, а к 2025 г. начать массовое производство автомобилей со степенью автоматизации 4-го уровня.

Ведущие китайские автопроизводители *Dongfeng Motor*, *FAW Group* и *Hongqi* к 2025 г намерены запустить в эксплуатацию соответственно 13, 17 и 14 новых моделей электромобилей. В 2022 г. (примерно по 100 тыс. автомобилей у каждого из указанных производителей) машины будут оснащены системами беспилотного вождения 4-го уровня; в 2025 г. (по 300 тыс. соответственно) — системами автономного «умного» вождения уровня L-4 и в 2035 г. (по 500 тыс. единиц) — системами 5-го уровня [Liu Kunin, Zhao Ruixue].

Китайская компания *Baidu* (первая в Китае научно-техническая компания по продвижению технологий искусственного интеллекта (ИИ) и беспилотных автомобилей), которая начала исследования систем беспилотного вождения еще в 2013 г., в последние годы вышла в мировые лидеры в области разработки систем автоматического управления. 8 января 2019 г. на автомобильной выставке «CES 2019» в Лас-Вегасе (США) она представила свою новую платформу *Apollo Enterprise*, которая является набором настраиваемых решений

для автономного вождения и системы IoV¹ для серийных АИАИЭ, решающими проблему возможной аварийности, возникающей вследствие человеческих ошибок, и обеспечивающими совместимость при обмене цифровыми активами между «интеллектуальными» автомобилями [Huang Ge].

Представленная *Baidu* платформа *Apollo Enterprise* совместима с картами высокого разрешения и платформами на базе ИИ и предоставляет разработчикам такие возможности беспилотного вождения, как ощущение личного присутствия, планирование маршрутов, управление транспортным средством и др. Последнее обновление *Apollo Enterprise* включает возможность управления в условиях сложных городских и пригородных районов.

В конце января 2019 г. 22 автомобиля, оборудованных автономной системой вождения, прошли тестирование в г. Янцюань (пров. Шаньси). Испытания показали, что уже сегодня АИАИЭ, оборудованные автономной системой вождения, способны самостоятельно участвовать в городском движении без нарушений правил и без ДТП [Nation leads]. В 2019 г. корпорация *Baidu* приняла решение создать центр облачных вычислений² с применением технологий ИИ

---

¹ IoV — Input/Output Virtualization (виртуализация систем ввода/вывода цифровых данных на единой базе) — алгоритм, координирующий синхронизацию автомобилей с ИИ и других автомашин, который к ней подключены [A more innovative...].

² Облачные вычисления (Cloud computing) — это метод управления ресурсами IT, дата-центров, в которых размещаются серверное и сетевое оборудование с виртуальной инфраструктурой. Облачные технологии крайне необходимы в процессе передвижения автомобиля, поскольку инновационные АИАИЭ представляют собой не только набор механических элементов и электронных компонентов, но и сложное программное обеспечение, являющееся основой программируемых сервисов, помогающих водителю управлять машиной. Облако подключенного АИАИЭ (Connected Vehicle Cloud) изменяет автомобильную электронику и способ взаимодействия водителя с автомобилем и является частью комплексной автоматизированной системы, позволяющей подключенным АИАИЭ в режиме реального времени обмениваться данными о ситуации на магистралях с целью повышения безопасности и эффективности организации трафика. Сегодня основными инструментами оповещения водителя являются дорожные знаки, поэтому Облако подключенного трафика (Connected Traffic Cloud) позволяет передавать актуальную информацию о каждом участке пути на дисплей бортового компьютера. Именно этими вопросами занимается компания *Huawei*, разрабатывающая новую технологию, благодаря которой АИАИЭ может определять местоположение дорожных промоин, сломанных ливневых решеток и крышек дорожных люков, а затем через Облако делиться полученной информацией с дорожными

в г. Баодин (пров. Хэбэй). Новый центр облачных вычислений обещает стать самым крупным по масштабам и будет обслуживать пользователей в новом районе Сюньань и других районах на севере Китая благодаря своей гигантской базе данных и высокопроизводительным вычислительным мощностям. Этот центр станет вторым по счету мегацентром облачных вычислений корпорации *Baidu* после центра, созданного в г. Янцюань. Эти центры займутся разработкой искусственной нейронной сети *Baidu Brain*, основанной на технологиях искусственного интеллекта. В целом эта работа будет направлена на превращение китайских мегаполисов в «умные» города с удобной транспортной инфраструктурой и интеллектуальным автомобильным транспортом [Cheng Yu].

В 2018 г. Министерство транспорта КНР впервые одобрило проведение испытаний автомобилей, оснащенных автономной системой вождения, на дорогах общего пользования в городах Пекин, Шанхай и Гуанчжоу. Оно планирует постепенно вводить подобную систему тестирования и в других городах страны¹. По сообщениям Транспортного управления муниципалитета г. Пекин, в 2018 г. 56 автомобилей, оборудованные системами ИИ и автономной системой вождения, в тестовом режиме проехали более 153 тыс. км по улицам столицы КНР [Chai Hua].

Муниципальные власти Пекина установили строгие стандарты безопасности для компаний, намеревающихся проводить испытания в автономном режиме. Согласно постановлению Управления транс-

---

службами и другими участниками дорожного движения. Получив предупреждение от впереди идущего АИИЭ, водитель имеет время, чтобы сбросить скорость и избежать повреждения колеса или подвески, что, в свою очередь, уменьшает вероятность случаев ДТП, а если бортовая система АИИЭ фиксирует опасный (обледеневший, либо скользкий участок магистрали), то вся информация об этом загружается в базу данных и затем направляется тем автомобилям, которые приближаются к проблемному участку магистрали. Собранная информация идет в соответствующие дорожные службы, что значительно повышает качество обслуживания магистралей.

¹ Китай активно развивает инфраструктуру для Облачных вычислений и Интернета вещей (IoT): в 2018 г. в КНР было совершено более 700 млн IoT-соединений, их рыночный объем превысил 1 трлн юаней, а общий объем облачной индустрии в Китае достиг 330 млрд юаней, в то время как в индустрии IoT он превысил 1,2 трлн юаней [China accelerates...].

порта Пекина, компании должны предоставить каждому испытуемому беспилотному автомобилю страховое покрытие ответственности в размере 5 млн юаней (716 870 долл.) или предоставить эквивалентную гарантию компенсации. Также власти должны убедиться, что автомобили могут быть переведены из автопилота в ручной режим в любое время [Zhang Hongpei].

В августе 2019 г. в г. Чанша начались тестовые испытания небольшого парка такси, оснащенных возможностями автономного вождения. В настоящее время в Чанша проводятся тестовые прогоны в рамках усилий по превращению этого административного центра пров. Хунань в «умный» город. Эти «роботакси» (robotaxis), совместно произведенные китайским гигантом искусственного интеллекта *Baidu* и автопроизводителем *FAW Hongqi*, представляют собой автономные пассажирские транспортные средства уровня L-4, способные управлять вождением без вмешательства человека в определенных условиях и зонах [Changsha test...].

В конце 2019 г. *Baidu* и две хунаньские компании создали совместное предприятие, предварительно заключив стратегическое соглашение о превращении г. Чанша в демонстрационный город для автономного вождения [Driverless taxis...].

К началу 2020 г. в общей сложности 20 провинций Китая разработали и опубликовали стандарты тестирования автомобилей, оборудованных автономной системой вождения; в 11 городах этих провинций было выдано 95 лицензий на проведение подобных испытаний 27 компаниям, а тестирование беспилотных автомобилей началось в шести китайских городах, включая Пекин и Шанхай, Гуанчжоу (пров. Гуандун), Чанша (пров. Хунань), Ухань (пров. Хубэй) и Цанчжоу (пров. Хэбэй) [Self-Driving Cars...].

Председатель совета директоров компании *Baidu* Ли Яньхун заявил, что к началу 2021 г. автомобильная компания *Jinlong* начнет серийное производство беспилотных микроавтобусов и первая партия в 100 автобусов выйдет на улицы Пекина и Шэньчжэня [Chang Jun]. Не отстает от них и компания *SAIC Motor*, которая также совместно с компанией *Intel* разрабатывает систему беспилотного вождения 3-го уровня, основанную на технологии «Мобильный глаз» (Mobil eye technology). Ведущая компания Китая по производству средних и

легких грузовиков *FAW Jiefang* намерена в 2021 г. приступить к продажам тяжелого грузовика *Jiefang — J7* с пятью функциями интеллектуального вождения, такими как распознавание светофоров и препятствий, обгон, следование за автомобилем, а также дистанционное управление.

Беспроводная сеть 5-го поколения обещает более быструю скорость, меньшую задержку при подключении к сети, а также возможность подключения многих устройств к Интернету без перегрузки системы (максимальная плотность подключенных к сети устройств — 1 млн устройств/кв. км в городских условиях, и возможность работы автономных датчиков — не менее 15 лет без подзарядки при поддержке мобильности на скоростях движения устройств до 500 км/ч). «Умная» скоростная автомагистраль на базе 5G позволит собирать информацию о транспортном потоке в реальном времени и делать прогнозы на основе интеллектуальной агрегации и анализа больших объемов данных («Больших данных»). В период 2019—2021 гг. КНР проведет масштабные испытания стандарта связи 5G, нацеленного на совершенствование не только телекоммуникаций, но и IoT для автомобильных приложений. Технология 5G обеспечит реальную скорость работы в примерно 20 Гбит/с (для загрузки данных) и более 10 Гб/с — для передачи данных. Также эта технология будет способна обрабатывать запросы более 1 млн устройств на 1 кв. км [Cao Yingying].

Приложения системы 5G для беспилотных автомобилей обеспечивают связь автотранспортных средств с окружающей средой посредством их подключения к информационной сети, которая применяет систему управления движением. Одним из главных их преимуществ является уменьшение рисков ошибки водителей во время движения на высоких скоростях, а основной фактор безопасности автономной езды заключается в отсутствии проблем с передачей данных, а также в сокращающемся времени отклика, которое должно стремиться к нулю. Само внедрение сетей 5G в Китае намечено на период 2020—2022 гг., и многие научные центры в стране активно вовлечены в их разработку, понимая исключительную технологическую и коммерческую важность данной технологии. А в ноябре 2019 г. заместитель министра Министерства науки и техники Ван Си

заявил, что в Китае созданы два научных центра для разработки системы сотовой передачи данных уже следующего поколения — в формате 6G, которая появится после сверхбыстрого 5G [Li Xuanmin].

В 2019 г. в городе центрального подчинения Чунцин начались испытания беспилотного электробуса с использованием мобильной сети 5G, оснащенного инновационными технологиями — сетью контроллеров (Controller Area Network) и обзорным лазерным локатором, способным выполнять все автономные операции с помощью мобильной сети 5G. Китайский автопроизводитель *Zhejiang Geely Holding Group* объявил о запуске серийного производства в 2021 г. первых автомобилей с поддержкой 5G и системой C-V2X (Cellular Vehicle-To-Everything), которая представляет собой беспроводную технологию, обеспечивающую связь между автомобилями, водителями, автодорожной инфраструктурой и трафиком. Новые автомобили компании *Geely* будут производиться в сотрудничестве с интернет-провайдерами *Qualcomm Inc* (США) и *Gosuncin Technology Group Co* (КНР) и станут первыми автомобилями с автономной технологией 3-го уровня.

Специалисты компании *Geely* утверждают, что в начале 2019 г. некоторые модели их автомобилей уже достигли 2-го уровня, но с внедрением вышеуказанных технологий к концу 2021 г. они будут повышены до 3-го уровня [Automakers embrace...].

В начале 2018 г. был сдан в тестовую эксплуатацию самый большой в мире автоматизированный контейнерный терминал — 4-я очередь шанхайского глубоководного порта «Яншань», который оснащен как полностью автоматизированным оборудованием, так и автоматизированной системой управления, и способен обрабатывать до 15 млн контейнеров в год. Именно здесь в 2019 г. начались испытания полностью автоматизированного беспилотного грузовика-погрузчика для перевозки контейнеров по зонам проведения погрузочно-разгрузочных работ. Грузовик оборудован шестью камерами слежения, радаром миллиметрового диапазона (который определяет местоположение объектов путем измерения отражения излучаемых радиоволн) и автоматическим навигатором, способен самостоятельно выбирать самый удобный маршрут перевозки контейнеров по портовой территории со скоростью 30 км/час. Погрузчик умеет объ-

ездать препятствия и способен избегать аварийных ситуаций благодаря встроенным системам экстренного торможения. Погрузчик работает 24 часа в сутки и может увеличить эффективность работы порта на 50 % [Chai Hua].

На пристани автоматического контейнерного терминала в портовой зоне Цяньвань порта Циндао (пров. Шаньдун) больше не используется труд стивидорных рабочих — их заменили беспилотные электромашины, которые двигаются упорядоченно и организованно, а портовые краны без кабины управления активно работают в контейнерном секторе. В портовой зоне осталось лишь несколько инженеров, которые контролируют работу автоматических транспортных средств через компьютеры, и сейчас только 9 человек управляют погрузочно-разгрузочными работами, для чего раньше требовалось более 60 человек. Министерство транспорта КНР намерено постепенно внедрять подобные грузовики-погрузчики в ведущих китайских портах, таких как Чжухай, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Нинбо-Чжоушань и др. 28 ноября 2019 г. первый в мире терминал, оборудованный системой 5G с автопогрузчиками на водороде, был введен в эксплуатацию в порту Циндао. В отличие от традиционных терминалов не только загрузка, но и разгрузка контейнеров автопогрузчиками и грузовиками с платформами автономно контролируются интеллектуальными системами, и один контейнер загружается и выгружается менее чем за 90 секунд. Уже сейчас по эффективности стивидорных работ порт намного превосходит другие порты мирового класса.

В марте 2020 г. Китай обнародовал амбициозный план по разработке собственных стандартов для автономных транспортных средств к 2025 г. (которые, по мнению аналитиков, создадут обширные инвестиционные возможности и трансформируют автомобильную промышленность страны) — «Стратегию разработки интеллектуальных транспортных средств». Согласно документу, Китай к 2025 г. в основном завершит разработку своего набора стандартов для автономных АИИЭ, охватывающего такие аспекты, как технологические инновации, дорожная инфраструктура, законодательство, надзор и безопасность сетей. В частности, в стране поставлена задача по реализации «масштабного производства АИИЭ, способных

к условному автономному вождению», и ожидается, что в 2025 г. будет достигнут прогресс в программах «умный» транспорт и «умный» город. В документе отмечается, что «Китай располагает стратегическими преимуществами в разработке автономных АИАИЭ, в стране есть несколько телекоммуникационных и интернет-гигантов мирового класса и Китай лидирует в сфере коммуникационных и навигационных систем 5G, являясь крупнейшим в мире рынком АИАИЭ». Ли Цзюнь, член Китайской инженерной академии, отметил, что, помимо автомобильного сектора, от новой стратегии выиграют многие отрасли, включая производство микросхем и датчиков, разработку и внедрение систем и алгоритмов искусственного интеллекта.

По прогнозам *Beijing News*, в 2020 г. объем рынка сбыта автономных АИАИЭ в Китае достигнет 170 млрд юаней (24,31 млрд долл.), а согласно долгосрочным прогнозам издания, в общем объеме пассажирооборота на долю беспилотных АИАИЭ в 2040 г. может прийти до 66 % пассажиро-километров, что обеспечит доход в размере 0,9 трлн долл. от продаж беспилотных АИАИЭ и 1,1 трлн долл. от предоставления услуг мобильной связи. В 2040 г. объем продаж беспилотных АИАИЭ в Китае составит более 40 % объема продаж новых «умных» автомобилей и 12 % общего автомобильного парка КНР [Smart vehicle...].

Следует отметить, что стремительное развитие новых технологий связи и беспилотного вождения в КНР становится не только одним из важнейших драйверов инновационного развития китайской промышленности, генерирующим значительный социальный¹ и экономический мультипликативные эффекты в экономике страны, но и конкурентным преимуществом китайских компаний на мировом рынке продаж «умных» автомобилей. Согласно прогнозу аналитиков КААП,

---

¹ В период 2014—2019 гг. правительство Китая инвестировало более 720 млрд юаней в разработку технологий 4G, а в период 2020—2025 гг. рассчитывает вложить от 900 млрд юаней (134 млрд долл.) до 1,5 трлн юаней в развитие технологий связи 5G (в 2019 г. объем мирового рынка технологий 5G оценивался в 24 млрд долл, а доля Китая составляла 9,2 %). Это позволит к 2025 г. создать более 3 млн новых рабочих мест в стране. Китайские аналитики утверждают, что развитие технологии передачи данных в формате 5G будет стимулировать увеличение темпов роста ВВП КНР на 0,1 п.п. в 2020 г. и на 5,8 п.п. в 2030 г. [Zhou Mo].

в 2025 г. объем мирового рынка автомобилей, оборудованных технологиями связи формата 5G и 6G¹, а также системами автономного вождения и IoV, составит 72,5 млн ед. общей стоимостью 1,48 трлн юаней (221 млрд долл.). Ежегодные темпы роста этого рынка достигнут 10 %, и на Китай придется около 45 % его объема (на 2-м месте будут США (30 %), а на 3-м — страны ЕС (23 %)). Поэтому видятся обоснованными прогнозы одного из крупнейших американских финансовых холдингов — *JP Morgan Chase*, согласно которым Китай уже сегодня становится крупнейшим мировым рынком беспилотных АИАИЭ с встроенными технологиями ИИ и 5G, что к 2030 г. способно обеспечить КНР только от одной продажи этих технологий значительный рост доходной части бюджета в размере 280—300 млрд долл. [How will 5G...].

Библиографический список

A more innovative China plays «leading» role in developing AI, big data, says scholar. URL: http://en.ce.cn/Business/opinion/201902/28/t20190228_31588364.shtml (accessed: 28.02.2019).

Automakers embrace 5G for smart vehicles. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-02/28/content_74513421.htm (accessed: 29.02.2019).

Cao Yingying. Carmakers embrace 5G technology to boost future mobility. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/11/WS5c60ebf4a3106c65c34e8a8e.html> (accessed: 11.02.2019).

Chai Hua. Autonomous driving cars travel over 150,000 km in Beijing in 2018. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201904/02/WS5ca3545ea3104842260b4039.html> (accessed: 02.04.2019).

Chang Jun. Joint efforts essential for self-driving industry as explosive growth is expected. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201812/18/WS5c1917c8a3107d4c3a0017fb.html> (accessed: 19.12.2018).

---

¹ Благодаря увеличению скорости передачи данных, значительно превышающей скорость обмена данными в формате 4G, разработанные в Китае технологии 5G и 6G будут стимулировать развитие цифровой экономики других стран, что станет основой для имитационного моделирования программ, которые превратятся в эффективный инструмент, активно применяющийся при проектировании национальных интеллектуальных транспортных систем [China leads...].

Changsha test rides offer glimpse into driverless future. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1172467.shtml> // Xinhua-Global Times. 2019/12/5 (accessed: 05.12.2019).

Cheng Yu. Baidu plans new AI cloud computing center in North China. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/01/WS5c5402a4a3106c65c34e7d16.html> (accessed: 02.02.2019).

China accelerates construction of IoT, cloud computing infrastructure. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-05/20/content_74801572.htm (accessed: 21.05.2019).

China leads in global 5G rollout. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1173465.shtml> // Globaltimes.cn. 2019/12/14 (accessed: 15 December, 2019).

Driverless taxis make test runs in central China. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-08/07/content_75074435.htm (accessed: 08.08.2019).

How will 5G change the world? URL: http://www.china.org.cn/opinion/2019-08/14/content_75098265.htm (accessed: 8 August, 2019).

Huang Ge. China's autonomous driving gets boost from 5G. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1165295.shtml> // Global Times. 2019/12/23 (accessed: 24.12.2019).

Li Xuanmin. Why is 6G important for China? URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1172827.shtml> // Global Times. 2019/12/9 (accessed: 09.12.2019).

Liu Kunin, Zhao Ruixue. Sweden OK's Chinese firm to test self-driving cars on roads. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201912/13/WS5df33de8a310cf3e3557e050.html> (accessed: 14.12.2019).

Nation leads the world in applications for AI patents. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-12/19/content_75528749.htm (accessed: 09.12.2019).

Self-Driving Cars Test Carrying Passengers in 6 Chinese Cities. Drivers participating in this test must have more than 100 hours of normal road testing experience for the same vehicle type. URL: http://www.bjreview.com.cn/Business/201912/t20191224_800188337.html (accessed: 25.12.2019).

Smart cars put China's auto industry on fast track. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1145040.shtml> // Xinhua-Global Times. 2019/4/8 (accessed: 09.04.2019).

Smart vehicle strategy set to put China strides ahead. URL: http://www.china.org.cn/business/2020-03/02/content_75763236.htm (accessed: 02.03.2020).

Stronger demand, higher expectations from new energy vehicle owners. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201904/22/WS5cbdb3517a3104842260b784d.html> (accessed: 22.04.2019).

Zhang Dandan. Self-driving in China gets investment boosts. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202003/30/WS5e8164aea310128217282fa2.html>

Zhang Hongpei. Beijing starts road tests for autonomous-driving cars with passengers. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1173694.shtml> // Global Times. 2019/12/16 (accessed: 17.12.2019).

Zhang Shiyu. Self-driving freight transport makes a debut at Zhuhai Port. URL: <https://defence.pk/pdf/threads/self-driving-freight-transport-makes-a-debut-at-zhuha-i-port.540754/> (accessed: 24.01.2018).

Zhou Mo. 5G will drive China's digital economy // Consultant. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201904/23/WS5cbeff71a3104842260b7db7.html> (accessed: 23 April, 2019).

References

A more innovative China plays «leading» role in developing AI, big data, says scholar. URL: http://en.ce.cn/Business/opinion/201902/28/t20190228_31588364.shtml (accessed: 28 February, 2019).

Automakers embrace 5G for smart vehicles. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-02/28/content_74513421.htm (accessed: 29 February, 2019).

Cao Yingying (2019). Carmakers embrace 5G technology to boost future mobility. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/11/WS5c60ebf4a3106c65c34e8a8e.html> (accessed: 11 February, 2019).

Chai Hua (2019). Autonomous driving cars travel over 150,000 km in Beijing in 2018. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201904/02/WS5ca3545ea3104842260b4039.html> (accessed: 2 April, 2019).

Chang Jun (2018). Joint efforts essential for self-driving industry as explosive growth is expected. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201812/18/WS5c1917c8a3107d4c3a0017fb.html> (accessed: 19 December, 2018).

Changsha test rides offer glimpse into driverless future. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1172467.shtml>, *Xinhua-Global Times*, 2019/12/5 (accessed: 5 December, 2019).

Cheng Yu (2019). Baidu plans new AI cloud computing center in North China. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/01/WS5c5402a4a3106c65c34e7d16.html> (accessed: 2 February, 2019).

China accelerates construction of IoT, cloud computing infrastructure. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-05/20/content_74801572.htm (accessed: 21 May, 2019).

China leads in global 5G rollout. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1173465.shtml>, *Globaltimes.cn*, 2019/12/14 (accessed: 15 December, 2019).

Driverless taxis make test runs in central China. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-08/07/content_75074435.htm (accessed: 8 August, 2019).

How will 5G change the world? URL: http://www.china.org.cn/opinion/2019-08/14/content_75098265.htm (accessed: 8 August, 2019).

Huang Ge (2019). China's autonomous driving gets boost from 5G. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1165295.shtml>, *Global Times*, 2019/12/23 (accessed: 24 December, 2019).

Li Xuanmin (2019). Why is 6G important for China? URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1172827.shtml>, *Global Times*, 2019/12/9 (accessed: 9 December, 2019).

Liu Kunin, Zhao Ruixue (2019). Sweden OK's Chinese firm to test self-driving cars on roads. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201912/13/WS5df33de8a310cf3e3557e050.html> (accessed: 14 December, 2019).

Nation leads the world in applications for AI patents. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-12/19/content_75528749.htm (accessed: 9 December, 2019).

Self-Driving Cars Test Carrying Passengers in 6 Chinese Cities. Drivers participating in this test must have more than 100 hours of normal road testing experience for the same vehicle type. URL: http://www.bjreview.com.cn/Business/201912/t20191224_800188337.html (accessed: 25 December, 2019).

Smart cars put China's auto industry on fast track. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1145040.shtml>, *Xinhua-Global Times*, 2019/4/8 (accessed: 9 April, 2019).

Smart vehicle strategy set to put China strides ahead. URL: http://www.china.org.cn/business/2020-03/02/content_75763236.htm (accessed: 2 March, 2020).

Stronger demand, higher expectations from new energy vehicle owners. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201904/22/WS5cbd3517a3104842260b784d.html> (accessed: 22 April, 2019).

Zhang Dandan (2020). Self-driving in China gets investment boosts. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202003/30/WS5e8164aea310128217282fa2.html> (accessed: 30 March, 2020).

Zhang Hongpei (2019). Beijing starts road tests for autonomous-driving cars with passengers. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1173694.shtml>, *Global Times*, 2019/12/16 (accessed: 17 December, 2019).

Zhang Shiyu (2018). Self-driving freight transport makes a debut at Zhuhai Port. URL: <https://defence.pk/pdf/threads/self-driving-freight-transport-makes-a-debut-at-zhuhai-port.540754/> (accessed: 24 January, 2018).

Zhou Mo (2019). 5G will drive China's digital economy, *Consultant*. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201904/23/WS5cbeff71a3104842260b7db7.html> (accessed: 23 April, 2019).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10021

М.В. Александрова

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО ЭКСПОРТА ПРОДУКЦИИ ВОДНОГО ПРОМЫСЛА

Аннотация. За период экономических реформ КНР стала крупнейшим производителем продукции водного промысла в мире: доля Китая в мировом производстве этой продукции выросла с 6 % (начало 1980-х годов) до 35—36 % (2018 г.). Активный рост производства рыбохозяйственного комплекса стимулировал экспорт части продукции. С 2002 г. страна становится крупнейшим мировым экспортером продукции водного промысла. В статье рассматривается феномен взаимозависимости объемов экспорта провинций-лидеров водно-биологической продукции и форм экспорта. Для КНР в настоящее время характерно 3 формы экспорта: обычный экспорт, реэкспорт, толлинг. Автор на основании статистического анализа делает вывод о том, что на начальных этапах реформ для КНР был выгоден реэкспорт и толлинг, но по мере роста стоимости китайской рабочей силы и цен на импортируемые в КНР водно-биологические ресурсы, а также появления новых конкурентов в странах ЮВА, КНР оказалась в ситуации, когда «выигрывают» провинции, производящие дорогие виды морепродуктов, а также полуфабрикаты или готовую продукцию из них. Основу обычного экспорта составляет продукция рыбоводства. Некоторые экспортные позиции отличаются относительной стабильностью: их доля не зависит от состояния мирового рынка и незначительно колеблется во времени. Но есть и по-

зиции, подверженные влиянию мирового рынка. В настоящее время основу китайского экспорта составляют головногие моллюски — по этим позициям КНР является лидером в мировом экспорте.

В заключение автор исследует особенности географии торговых потоков китайской продукции водного промысла. Среди импортеров выделяются Япония и США, с которыми у КНР сформировались долгосрочные торговые, а порой и кооперационные связи. Также за последнее десятилетие возрос импорт стран АСЕАН. Россия как импортер малозначима для Китая, но сама КНР входит в первую тройку поставщиков продукции водно-биологических ресурсов в нашу страну.

Ключевые слова: аквакультура, водно-биологические ресурсы (ВБР), реэкспорт, Шаньдун, Фуцзянь, гормональные препараты, тяжелые металлы.

Автор: Александрова Мария Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

M. V. Alexandrova

Specifics of Chinese Fishery Products Export

Abstract. In the period of the economic reforms the PRC has become the number one producer of fishery products in the world, as its share in the global output of such products has grown from 6 % in the early 1980s through to 35—36 % as of today. The active growth of the output in the fishery sector motivated China to export a part of these products, and since 2002 the PRC has become the world's largest exporter of fishery products. The article offers the analysis of interdependence between the exported volumes of aqua-biological products as supplied by the leader provinces and the forms of exports as such. At present, the PRC uses to practice three forms of exports, such as: conventional export, re-export, and tolling. Basing on the analysis of the statistics, the author draws the conclusion that at initial stages of reforms, the re-export was more profitable for the PRC, but as the cost of Chinese labor and the volume of imported from China aqua-biological resources was growing together with the numbers of new competitors in South-East Asian countries, the PRC has found itself in the situation when the “winners” are represented by the provinces, which produce expensive types of seafood and its semi-finished and/or finished products. The bulk of conventional exports is re-

presented by fish-breeding products. Their assortment being exported is featured by some relatively stable positions, the share of which — irrespectively of the world-market situation — does not fluctuate in time too strongly, and is also featured by other positions, which are subject to tangible world-market influence. At the present time the bulk of the Chinese seafood exports is represented by the squids, and the PRC has become the absolute world leader in exports of such products.

In the final part of the article, the author focuses her analysis on the geography of the “trade flows” of Chinese fishery products. Leading importers thereof are Japan and the US, with whom the PRC has established the long-term trade and, in some cases, cooperative ties. Besides, in the last decade the positions of the ASEAN as importer countries have become stronger than before. Russia as an importer country is less important for the PRC, but China is the third largest exporter of aqua-biological resources to Russia.

Keywords: aqua-culture, aqua-biological resources, re-export, Shandong, Fujian, hormonal preparations, heavy metals.

Author: Maria V. ALEXANDROVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

За 70 лет, прошедших с момента образования КНР, рыбохозяйственный комплекс (РХК) страны добился значительных успехов и прошел путь от состояния «трудно достать рыбу для стола» до «полного изобилия» продукции водного промысла. В 2018 г. валовый продукт отрасли достиг 2,59 трлн ю, увеличившись в 4317 раз по сравнению с 1952 г., а ее доля в сельском хозяйстве страны возросла за период 1952—2018 гг. более чем в 8 раз. Экономика РХК росла не только в стоимостных объемах, но и в физическом измерении: так, если в 1950 г. общий объем производства составлял 910 тыс.т., то в 2018 г. он достиг 64,58 млн т [Цун «чи юй нань» дао «нянь нянь ю юй»...].

Начало современного этапа развития РХК в КНР было положено в 1978 г. Тогда и был сделан акцент на развитие аквакультуры, чья история насчитывает в Китае не одно тысячелетие. По последним данным археологов, разводить карпов в Китае начали около 8 тыс. лет назад. Древнейший китайский труд по рыбоводству датируется 460 годом до н.э. Во II тысячелетии до н.э. карпов разводили в искус-

ственных прудах и на заливных рисовых полях. Однако, учитывая то, что заливные рисовые поля появились в Китае еще в V тысячелетии до н.э., возможно, что и аквакультура возникла в Поднебесной примерно в то же время [В Китае нашли следы аквакультуры...].

В опоре на исторический опыт и современные технологии, производство аквапродуктов в КНР в период с 1980—2014 гг. росло по экспоненте. Так, если в 1980-х годах страной с самым высоким в мире объемом производства гидробионтов была Япония, то уже к 1990 г. КНР превзошла Японию и заняла место лидера на глобальном рынке рыбопродукции. В 1993 г. объем продукции аквакультуры впервые превысил объем вылова дикой рыбы, и с тех пор доля выращенной рыбы в Китае продолжает расти [Корнейко]. В результате подобного развития аквакультуры, по состоянию на 2018 г., соотношение рыболовства к рыбоводству в КНР достигло 23,77 % (по миру оно составило 53,47 %).

Таблица 1. Структура производства РХК КНР, %

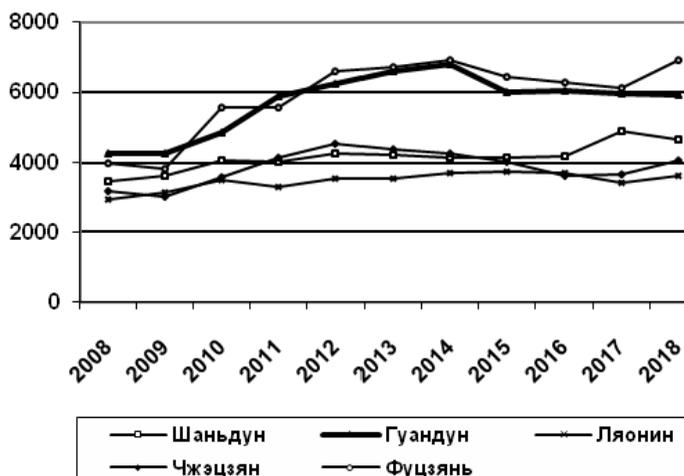
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Рыболовство	28,11	27,11	26,33	26,17	26,13	25,28	23,88	22,43	21,71
Рыбоводство	71,89	72,89	73,67	73,83	73,87	74,72	76,12	77,57	78,29

Источник: 2019 нянь Чжунго шуйчаньпинь чаньян...

За последние 40 лет роль КНР в мировом производстве продукции водного промысла возростала следующим образом: в 1980-х годах на Китай приходилось порядка 6 % от общемирового объема производства, в 1990 г. доля страны увеличилась до 13,44 %, к 1995 г. достигла 20 %, а к концу 2010 г. превысила отметку 35 % и в последнее десятилетие держится на уровне 35—36 % [Корнейко; 2018 нянь Чжунго шуйчаньпинь ...].

Ускоренный рост производства РХК сделал рентабельным экспорт части продукции; отрасль стала экспортно ориентированной. В 2002 г. страна заняла позиции крупнейшего в мире экспортера водных продуктов. За период реформ выделились провинции — лидеры по экспорту водно-биологических ресурсов (ВБР). Среди них следу-

ет назвать Шаньдун, Гуандун, Ляонин, Чжэцзян, Фуцзянь, доля которых в китайском экспорте продукции водного промысла достигает 90 % [2010 нянь чукоулян..., 2019 нянь Чжунго шуйчаньпинь...]. Долгие годы признанным лидером была пров. Шаньдун, хотя за последние 10 лет ситуация в корне изменилась. 1-е место по стоимостному объему экспорта с 2012 г. занимает пров. Фуцзянь, а за Шаньдуном осталось первенство по физическим объемам экспорта. Сначала Фуцзянь начал активно внедрять свою продукцию на рынок Тайваня, а затем — продвигать ее и на рынки стран АСЕАН [2012 нянь цюаньго шуйчаньпинь...; 2015 нянь шуйчаньпинь цзиньчукоу...]. В 2018 г. провинция стала крупнейшим экспортером продукции водного промысла в Малайзию и Филиппины. При этом следует отметить, что Фуцзянь занял кластер элитной продукции — консервированного мяса краба, кальмаров и др., о чем наглядно свидетельствует статистика графика № 1. Средняя цена тонны продукции, экспортированной из Фуцзяни в 2018 г., превышала среднюю цену экспорта в 1,34 раза [2018 нянь Чжунго шуйчаньпинь...].

График № 1. Цена экспорта тонны продукции водного промысла китайских провинций-лидеров. Построено и рассчитано по материалам Министерства сельского хозяйства и развития сельских территорий КНР (URL: <http://www.moa.gov.cn>)

Кроме Шаньдуна, доля которого в стоимостном экспорте ВБР сократилась на 10 % за период 2008—2018 гг., некоторая «потеря рынка» была отмечена и у пров. Ляонин. Эти две провинции имеют сходную специализацию — осуществляют переработку импортного сырья для дальнейшего реэкспорта и толлинговых операций. К примеру, экспорт Шаньдуна пострадал в кризис 2012 г., когда произошел экономический спад в странах ЕС, США и Японии [2012 нянь цюаньго шуйчаньпинь...]. Несмотря на это, в 2017 г. более 50 % экспорта Ляонина и Шаньдуна приходилось на реэкспорт и толлинг [Нуньбу: 2017 нянь вого шуйчаньпинь...]. Еще одним негативным фактором для двух провинций стал резкий рост стоимости рабочей силы в КНР, в результате чего им стало невыгодным быть перерабатывающими центрами и реэкспортерами. Это привело к изменению структуры экспорта продукции водного промысла.

Ныне экспорт продукции водных промыслов осуществляется в следующих *основных формах*: обычный экспорт, реэкспорт, толлинг. Являясь крупнейшим в мире экспортером переработанных ВБР, Китай долгие годы поддерживал тенденцию к быстрому росту их экспорта. Но начиная с 2008 г. данный тренд затормозился. Причиной тому были: рост внутрикитайских производственных издержек и стоимости труда, колебание цен на ВБР на мировом рынке, нестабильность обменного курса «юань — доллар» и слабый спрос на внешнем рынке и др. Доли реэкспорта и толлинга стали ежегодно снижаться в суммарном экспорте страны.

В период 2010—2018 гг. происходил «отход» от реэкспорта и толлинга, которые стали КНР экономически не выгодны. Тогда же цена импорта сырья водного промысла, которое закупалось для переработки на китайских предприятиях, выросла на 34 %, цена продукции по линии реэкспорта увеличилась на 26 %, а по линии толлинга — на 54 % [2010 нянь чукоулян 333.88 вань дунь..., 2018 нянь Чжунго шуйчаньпинь...].

Начиная с 2010 г. толлинговые операции все меньше стали соответствовать интересам китайских производителей. Обрабатывающие экспортные предприятия КНР уже не были удовлетворены скудными доходами от переработки, а больше сосредоточились на создании

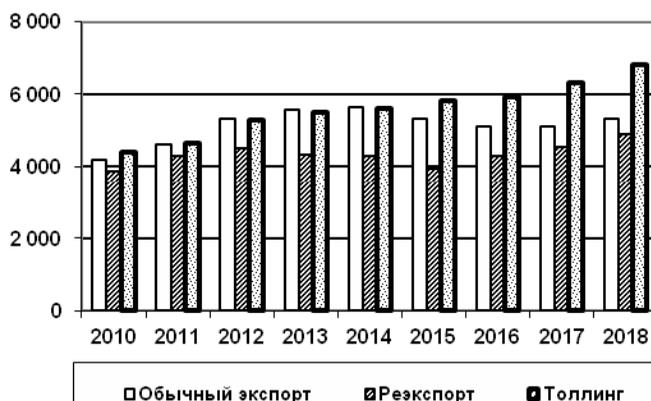
Таблица 2. Доля форм экспорта продукции водного промысла КНР (в физических объемах)

Год	Обычный экспорт	Экспорт переработанного импортного сырья (реэкспорт)	Толлинг	Прочие
2010	67,17	24,72	8,08	0,03
2011	69,12	22,95	7,91	0,02
2012	62,96	22,56	7,23	7,25
2013	66,00	23,16	6,14	4,70
2014	68,38	22,59	5,91	3,12
2015	68,91	24,37	5,55	1,17
2016	69,03	20,84	4,57	5,56
2017	70,75	20,49	4,42	4,34
2018	71,34	20,06	4,45	4,14

Источник: рассчитано по материалам Министерства сельского хозяйства и развития сельских территорий КНР (URL: <http://www.moa.gov.cn>).

независимых производственных брендов, превращаясь из пассивных в активных «игроков» мировой торговли ВБР.

При рассмотрении средних цен по трем формам экспорта, представленных на графике № 2, может сложиться впечатление, что толлинг, как и прежде, выгоден китайским производителям. Но если сравнить это с ценами, которые предоставляют западным компаниям переработчики стран ЮВА, то станет очевидным нецелесообразность для зарубежных заказчиков осуществлять переработку продукции в КНР. Так, последнее десятилетие Вьетнам нарастил рыбоперерабатывающие мощности, он постепенно расширяет импорт сырья как для переработки, так и последующего реэкспорта. Страна закупает креветки, тунец и каракатицу у Тайваня; лосось у Норвегии; скумбрию, лосось и треску у Японии; креветки, крабы и водоросли у Индонезии. Ассортимент продукции, выпускаемой вьетнамскими переработчиками, схож с китайским: это в основном заморо-

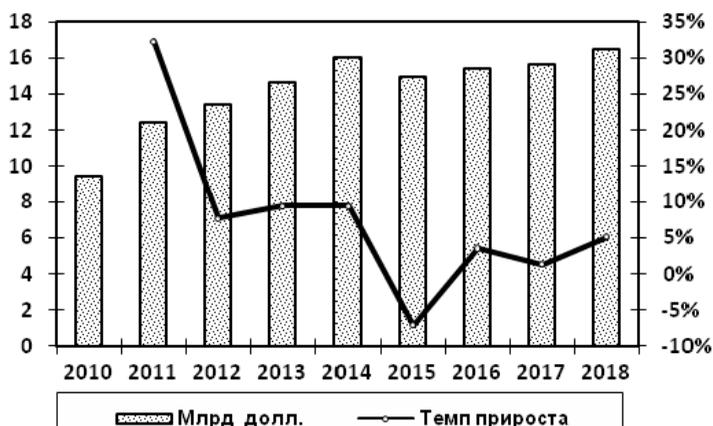
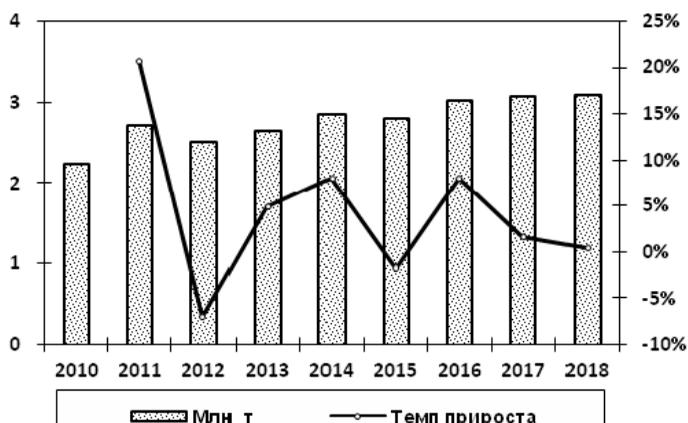
График № 2. Средняя цена экспорта продукции водного промысла (долларов за тонну). Построено и рассчитано по материалам Министерства сельского хозяйства и развития сельских территорий КНР (URL: <http://www.moa.gov.cn>).

женные продукты в виде блоков. Однако в настоящее время экспортный ассортимент расширяется (например, в перечень вывозимой продукции вошли суши, сурими, сашими и т. д. [*Ле Динь Чинь, Гиринский А.В., Као Тхи Хуе*; Вьетнам увеличивает импорт...]).

Исходя из сложившейся ситуации, китайская сторона активизирует обычный экспорт собственной продукции РХК.

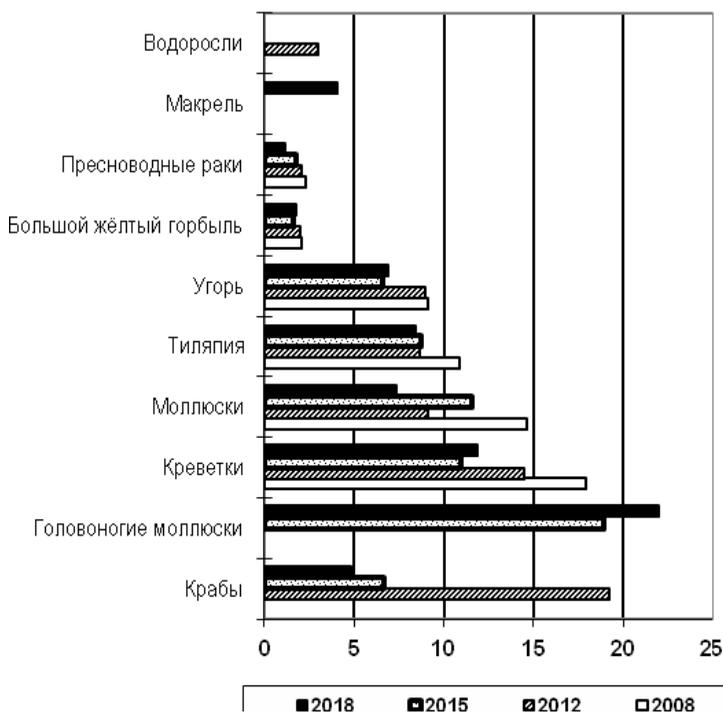
С учетом данных, приведенных на графике № 3, становится очевидным, что при незначительном росте физических объемов экспорта в 1,37 раза, стоимость обычного экспорта Китая выросла за рассматриваемый период в 1,74 раза, что напрямую связано с *товарным ассортиментом* вывозимой продукции.

Основу китайского экспорта ВБР составляет продукция рыбодводства. Ряд позиций отличается относительной стабильностью: их доля в экспорте, независимо от состояния на мировом рынке, не сильно колеблется. Но есть и позиции, подверженные значительным влияниям мирового рынка. Так, долгие годы моллюски, креветки, тилапия, угорь, большой желтый горбыль, пресноводные раки составляли «костяк» китайского экспорта. Если посмотреть данные графика № 4, то видно, что с 2008 по 2018 г. доля тилапии и угря практически не изменилась по сравнению с другими позиция-

График № 3. Обычный китайский экспорт ВБР. Физические объемы (верхний график) и стоимостные объемы (нижний график). Построено и рассчитано по материалам Министерства сельского хозяйства и развития сельских территорий КНР (URL: <http://www.moa.gov.cn>).

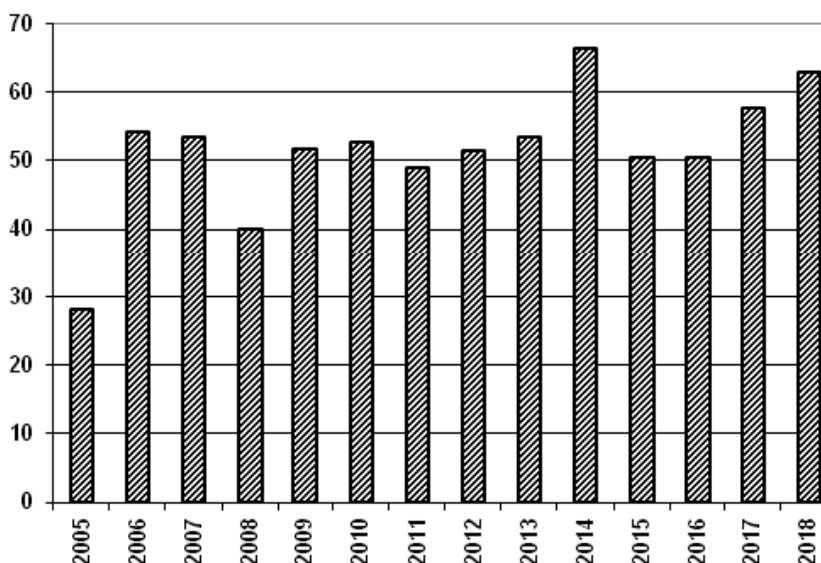
ми, хотя небольшое уменьшение доли угря все же наблюдалось, будучи связанным с сокращением экспорта в Японию после трагедии на Фукусимской АЭС [2013 нянь вого шуйчаньпинь...; 2014 нянь

График № 4. Структура экспорта водно-биологических ресурсов (%). Построено и рассчитано по материалам Министерства сельского хозяйства и развития сельских территорий КНР (URL: <http://www.moa.gov.cn>)

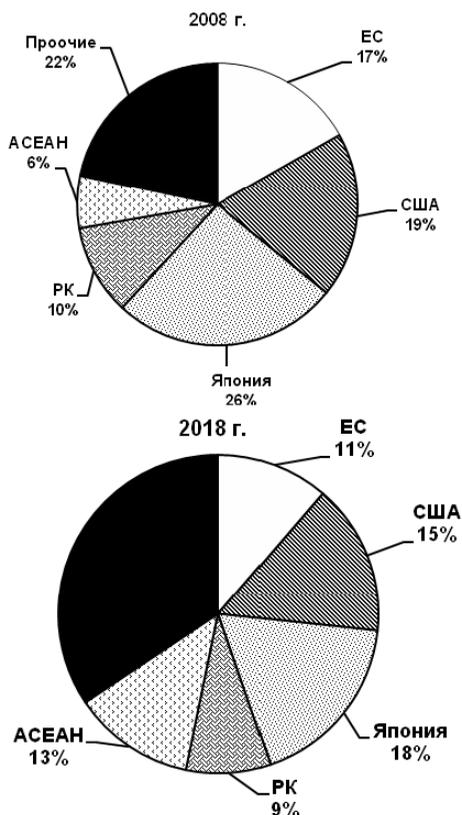
шуйчаньпинь...]. У тилапии, как дешевой рыбы, — широкая география экспорта: особенностью последних лет стало активное освоение Китаем рынков Африки и Латинской Америки.

Последние годы крупнейшей позицией китайского экспорта стали *головоногие моллюски* (кальмары, каракатицы, осьминоги и др.): на их долю приходится 22 % от стоимости китайского экспорта ВБР. При этом в 2018 г. в мировом экспорте по товарной группе «Прочие каракатицы и кальмары» КНР заняла лидирующее место, или 26 %, а по группе «Осьминоги (*Octopus spp.*), живые, свежие или охлажденные» доля Китая — 63 % [World Merchandise...].

График № 5. Доля КНР в мировом экспорте осьминогов (%). Построено и рассчитано на основании *World Merchandise Exports and Imports by Commodity*, 22.12.2019. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/030751 (accessed: 5—7 May, 2020).

Долгие годы *креветки* лидировали в экспорте КНР. Были периоды, когда на Китай приходилось 66,8 % мирового экспорта белой южноамериканской креветки (*Litopenaeus Vannamei*), но с 2014 г. началось существенное уменьшение производства креветок. Это было связано с ограничительными мерами, принятыми китайским правительством в отношении отраслей аквакультуры и рыболовства и направленными на решение экологических проблем [Состояние мирового рыболовства...]. Еще одним сдерживающим фактором производства креветок стали заболевания, вызванные большой плотностью креветок, выращиваемых в одном водоеме. Чтобы уничтожить болезнетворные бактерии, креветок в Китае обрабатывают хлорамфениколом, противогрибковым бензоилгрюном и генцианвиолетом, то есть препаратами, опасными для жизни людей [Производство креветок в Китае сталкивается...]. Из-за этого

График № 6. География китайского экспорта ВБР (по стоимости экспорта). *Построено и рассчитано по материалам Министерства сельского хозяйства и развития сельских территорий КНР (URL: <http://www.moa.gov.cn>).*

ЕС и США ввели ограничения на импорт креветок из КНР. В результате поставки китайских креветок в США сократились, аналогичная ситуация наблюдалась и со странами Евросоюза. За период 2012—2018 гг. доля КНР в мировом экспорте креветок снизилась с 8,45 до 4,13 %.

В последнее десятилетие климатические изменения оказывают значительное влияние на производство аквакультуры: риски растут,

но и внутрикитайское потребление тоже увеличивается, причем стремительно. Все это делает ситуацию в экспортной сфере еще более непредсказуемой. Так, к примеру, внутрикитайское потребление *пресноводных раков* ныне непрерывно растет, и цены на внутреннем рынке продолжают оставаться высокими, поэтому предприятиям, выращивающим и перерабатывающим раков, становится «неинтересен» экспорт, поскольку прибыль от него год от года снижается [2016 нянь во го шуйчаньпинь...]. В отношении *крабов* ситуация схожая, но, помимо увеличения внутреннего потребления, нельзя забывать и о внешних факторах: так, внешний спрос на крабов упал до самого низкого уровня за счет снижения закупок основными импортерами — Японией и США.

География китайского экспорта ВБР широка, при этом существует ряд торговых партнеров, с которыми у КНР сформировались долгосрочные и даже кооперационные связи. Среди них следует выделить Японию и США, которые долгие годы являются крупнейшими покупателями китайской продукции РХК, хотя за последнее десятилетие наблюдаются существенные изменения и в их импорте ВБР. Так, если в 2010 г. на долю двух стран в суммарной стоимости китайского экспорта приходилось свыше 45 %, а в физических объемах — 38 %, то в 2018 г. доля лидеров-импортеров снизилась до 33 и 27 % соответственно. Доля Японии стала резко сокращаться после землетрясения 2011 г., которое привело к снижению темпов экономического роста страны и покупательной способности ее населения. Уменьшение американского импорта из КНР было связано с девальвацией доллара, антидемпинговой политикой США в отношении китайской продукции, обнаружением в китайских ВБР лекарственных средств и гормонов. США являются крайне важным рынком сбыта следующей китайской продукции: креветки, тилапия, треска, каракатицы и кальмары, лосось, краб, тунец, морской гребешок и т. д. [Сюй Вэй, Лю Цзыфэй, Ху Бинчуань; Чжао Лэй, Гэн Жуй, Оуян Хай Ин].

Республика Корея (РК) в целях защиты своего РХК практикует определенные ограничения на импорт китайской продукции водного промысла, что привело к замедлению темпов роста китайского экспорта в РК. За рассматриваемый период (2008—2018) заметно возрос импорт ВБР стран АСЕАН. К примеру, в 2008 г. на АСЕАН

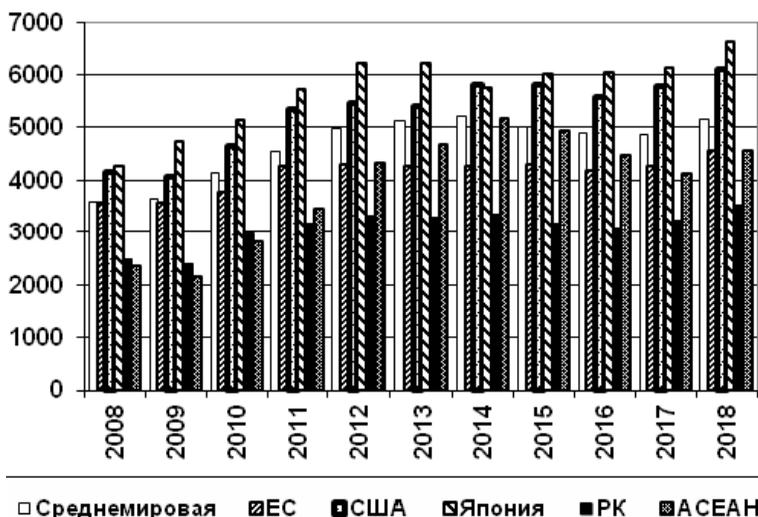
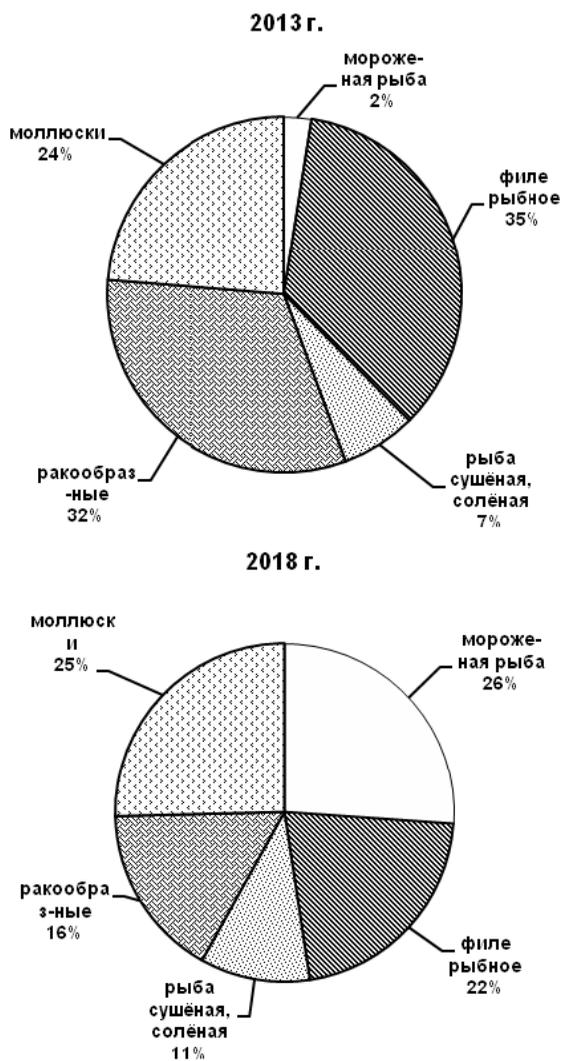

График № 7. Цена экспорта продукции водного промысла основным странам и регионам (долларов за тонну). Построено и рассчитано по материалам Министерства сельского хозяйства и развития сельских территорий КНР (URL: <http://www.moa.gov.cn>)

приходилось лишь 6 % китайского экспорта в денежном эквиваленте и 9 % в физических объемах, а в 2018 г. эти доли соответственно возросли до 12 и 14 %.

Судя по представленной на графике № 7 информации, самая дорогостоящая китайская продукция водного промысла экспортируется в Японию (в 2008 г. ее средняя цена за тонну была выше среднеэкспортной в 1,19 раз, а в 2018 г. — в 1,28 раз) и в США (в 2008 г. — в 1,15 раз, в 2018 г. — в 1,18 раз), а наименее дешевую импортирует РК (в 2008 г. — в 0,69 раз, в 2018 г. — в 0,68 раз). Удивительно, но средняя цена за тонну продукции, поставляемой в страны ЕС, начиная с 2010 г., остается ниже среднемировой экспортной цены. Средняя цена экспорта в страны АСЕАН — несколько ниже средней по миру, но выше экспортной цены в Республику Корея. При этом с 2008 по 2018 г. средняя цена экспорта в АСЕАН возросла в 1,9 раз, а, к примеру, в РК — в 1,4 раз.

График № 8. Ассортимент импортируемой в РФ из КНР продукции водного промысла (по стоимости). *Источник:* рассчитано и построено по данным Сайта Федеральной таможенной службы (URL: <https://customsonline.ru>).

Россия для КНР — малозначимый импортер ВБР, о чем наглядно свидетельствует статистика. Так, в 2018 г. на долю РФ по стоимостным объемам пришлось 1,2 % китайского экспорта, а по физическим объемам — 1,9 %. Для России же по стоимости поставок ВБР Китай занимает 3-е место после Чили и Фарерских островов, с 2013 по 2018 г. доля Китая выросла с 9,2 % до 14,8 %.

Несмотря на значимость для России китайских ВБР, по результатам проведенной в период с 14 по 27 декабря 2019 г. инспекции предприятий КНР, с 9 января 2020 г. были введены временные ограничения на ввоз в РФ продукции аквакультуры всех китайских производителей следующих наименований гидробионтов: угорь, тилапия, осетр, форель, креветка (за исключением *Pandalus borealis*, *Sclerocrangon salebrosa*, *Pandalus latirostris*, *Pandalus montagui*, *Pandalus goniurus*) [Ввоз рыбы и креветок из Китая...; Указание Россельхознадзора от 13 января 2020 г.]. В ходе инспекции были выявлены многочисленные нарушения, связанные с недостаточным контролем безопасности выпускаемой продукции, с применением лекарственных средств и гормональных препаратов при выращивании гидробионтов. Также в рамках инспекции была обнаружена рыбопродукция 2013 г. выпуска. В замороженной тилапии обнаружены сульфаниламиды. (Российская сторона сделала результаты инспекции достоянием гласности, разместив их в сети Интернет) [Ввоз рыбы и креветок из Китая...]. Правда, к середине апреля 2020 г. ввоз в нашу страну живых ракообразных и моллюсков вновь был разрешен [Указание Россельхознадзора от 17 апреля 2020 г.]. Но надо ли России при ее водно-биологическом богатстве закупать китайскую или иную продукцию рыбоводства?

Из материалов инспекций Россельхознадзора следует, что «участились случаи выявления запрещенных и вредных веществ в рыбе и морепродукции, поступающих в Россию из Китая. Речь идет, в том числе, о наличии тяжелых металлов (мышьяк, ртуть и кадмий), а также окситетрациклина, сульфадиазина, нитрофуранов. Стоит отметить, что количество выявленных нарушений на текущий период 2019 г. в 2 раза превысило аналогичный показатель таковых за весь период 2018 г.» [Россельхознадзор крайне обеспокоен...].

В заключение хотелось бы выделить несколько тенденций в экспорте китайского РХК:

- список китайских провинций — лидеров в производстве ВБР на протяжении последних 10—15 лет не претерпел значительных изменений: это по-прежнему 5—6 прибрежных восточных провинций КНР, хотя внутри их производственного процесса произошли значительные подвижки, связанные с изменением как ассортимента экспортируемой продукции, так и самих форм экспорта;

- если в течение более 20 лет Китаю было выгодно заниматься реэкспортом и толлингом, то в настоящее время, в силу сложившихся обстоятельств, страна стремится к увеличению доли простого (обычного) экспорта;

- Китай старается перейти из ниши поставщика дешевой продукции водного промысла в нишу обладателя собственных независимых производственных брендов, превращаясь из пассивного в активного «игрока» мировой коммерции ВБР;

- в ассортименте экспортируемой продукции существуют как устойчивые позиции (угорь и тилапия), так и непостоянные в силу изменчивости конъюнктуры мирового рынка (крабы, креветки, моллюски и др.);

- экспорт китайских водно-биологических ресурсов сталкивается с проблемой качества, порожденной производственным применением гормональных, лекарственных и иных компонентов, которые могут нанести ущерб жизни людей;

- география китайского экспорта остается достаточно устойчивой на протяжении последних двух десятилетий, хотя после 2008 г. и стали проявляться тенденции к диверсификации рынка сбыта.

Библиографический список

В Китае нашли следы аквакультуры возрастом восемь тысяч лет. URL: <https://nplus1.ru/news/2019/09/17/old-aquaculture> (дата обращения: 01.03.2020).

Ввоз рыбы и креветок из Китая в Россию запретили с 9 января 2020 г. URL: <http://www.irk.ru/news/20200109/fish> (дата обращения: 10.05.2020).

Вьетнам увеличивает импорт морепродуктов. URL: http://drh24.ru/news/vetn_am_uvelichivaet_import_moreproduktov (дата обращения: 03.05.2020).

Корнейко О.В. Опыт развития рыбохозяйственной деятельности Китая // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 4. С. 59—64. DOI: 10.25136/2409-8647.2017.4.24256

Ле Динь Чинь, А. В. Гиринский, Као Тхи Хуе. Анализ современного состояния рыбного хозяйства Вьетнама и его роли в экономике страны // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2019. № 2. С.82—92. DOI: 10.24143/2073-5537-2019-2-82-92

Производство креветок в Китае сталкивается с рядом проблем. URL: <https://www.fishnet.ru/news/gynok/59894.html> (дата обращения: 30.04.2020)

Россельхознадзор крайне обеспокоен множественными случаями выявления запрещенных и вредных веществ в продукции аквакультуры, ввозимой в Россию из Китая. URL: <http://www.fsvps.ru/fsvps/news/33438.html> (дата обращения: 27.04.2020).

Состояние мирового рыболовства и аквакультуры 2018 г. — Достижение целей устойчивого развития / ФАО (Рим), 2018. URL: <http://www.fao.org/3/i9540ru/19540RU.pdf> (дата обращения: 03.04.2020).

Указание Россельхознадзора от 13 января 2020 г. № ФС-КК-7/311. URL: <https://www.fsvps.ru/fsvps/laws/7010.html> (дата обращения: 08.05.2020).

Указание Россельхознадзора от 17 апреля 2020 г. № ФС-КК-7/12036. URL: <https://www.fsvps.ru/fsvps/laws/7237.html> (дата обращения: 08.05.2020)

2010 нянь чукоулян 333.88 вань дунь, чукоуэ 138.28 и мэйюань, тунби фэнъбе цзэнчжан 12.6 % хэ 28.09 % : [В 2010 г. физический объем экспорта составил 3,338 млн т, стоимостной объем — 13,828 млрд долл., по сравнению с аналогичным периодом прошлого года он соответственно увеличился на 12,6 % и 28,09 %]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_64453a8a0100q4i6.html (дата обращения: 04.03.2020). (На кит. яз.).

2012 нянь цюаньго шуйчаньпинь цзиньчукоу маои цинкуан : [Общенациональная внешняя торговля продукцией водного промысла в 2012 г.]. URL: http://www.moa.gov.cn/gk/jcyj/shc/201301/t20130129_3210802.htm (дата обращения: 17.01.2020). (На кит. яз.).

2013 нянь вого шуйчаньпинь чукоуэ шоуцы тупо 200 и мэйюан : [В 2013 г. экспорт продукции водного промысла нашей страны впервые превысил 20 млрд долл. США]. URL: http://jiuban.moa.gov.cn/zwillm/jcyj/shc/201402/t20140211_3755451.htm (дата обращения: 13.03.2020). (На кит. яз.).

2014 нянь шуйчаньпинь цзиньчукоу шуанцзэн маоицун'э тупо 300 и мэйюань : [В 2014 г. импорт и экспорт продукции водного промысла увеличился вдвое, суммарный объем торговли превысил 30 млрд долл. США]. URL: <http://>

www.moa.gov.cn/ztl/nybrl/rlxx/201502/t20150213_4408806.htm (дата обращения: 23.03.2020). (На кит. яз.).

2015 нянь шуйчаньпинь цзиньчукоу маои цинкуа : [Внешняя торговля продукцией водного промысла в 2015 г.]. URL: http://www.moa.gov.cn/ztl/nybrl/rlxx/201604/t20160412_5090837.htm (дата обращения: 14.04.2020). (На кит. яз.).

2016 нянь вого шуйчаньпинь чукоу цзунлян 827.91 цань дунь : [В 2016 г. общий экспорт продукции водного промысла составил 8,2791 млн т]. URL: <http://www.fishfirst.cn/article-88091-1.html> (дата обращения: 21.04.2020). (На кит. яз.).

2018 нянь Чжунго шуйчаньпинь цзунчаньян 6458 вань дунь, шуйчаньян-чжи чаньян цзюй шицзе шоуэвэй : [В 2018 г. общий объем производства продукции водного промысла в КНР составил 64,58 млн т; по производству аквапродукции Китай занял первое место в мире.]. URL: <https://www.shangyexinzh.com/article/details/id-260673> (дата обращения: 13.04.2020). (На кит. яз.).

2019 нянь Чжунго шуйчаньпинь чаньян гунци сяньчжуан цзи 2020 нянь фачжань цэлэо чжаньван : [Текущее состояние предложения по выпуску водной продукции в Китае в 2019 г. и перспективы стратегии развития отрасли на 2020 год]. URL: <http://www.chyxx.com/industry/202004/848391.html> (дата обращения: 08.05.2020). (На кит. яз.).

Нуньбу: 2017 нянь вого шуйчаньпинь цзиньчукоу маои цзай чуаньсингао : [Министерство сельского хозяйства: в 2017 г. внешняя торговля продукции водного промысла вновь достигла нового рекордного уровня. Ожидается, что в 2018 г. положительный торговый баланс сократится]. URL: http://www.moa.gov.cn/xw/bmdt/201803/t20180314_6138388.htm (дата обращения: 07.03.2020). (На кит. яз.).

Сюй Вэй, Лю Цзыфэй, Ху Бинчуань. Чжунго дуй Мэй шуйчаньпинь маои цзинчжэнли фэнси : [Анализ конкурентоспособности экспортных китайских водных продуктов в США] // Чжунго юе цзинци : [Экономика китайского рыболовства]. 2018. № 06. (На кит. яз.).

Цун «чи юй нань» дао «нянь нянь ю юй» — синь Чжунго чэньли 70 няньлай вого юе фачжань чэнцзю хэ цзиньянь : [От состояния «трудно достать рыбу для стола» до «полного изобилия» — путь успехов и опыта развития рыболовства страны за 70-летний период с образования нового Китая]. URL: http://www.moa.gov.cn/ztl/70zncj/201909/t20190916_6327997.htm (дата обращения: 09.02.2020). (На кит. яз.).

Чжао Лэй, Гэн Жуй, Оуян Хай Ин. Чжунго шуйчаньпинь цзиньчукоу маои фачжань синши цзи чжаньван : [Состояние и перспективы развития внешней торговли продукцией водного промысла] // Шицзе нунь [Мировое сельское хозяйство]. 2015. № 5. С. 121—125. (На кит. яз.). DOI 10.13856/j.cn11-1097/s.2015.05.026.

World Merchandise Exports and Imports by Commodity, 22.12.2019. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/030749 (accessed: 05—07.05.2020).

References

2010 nian chukouliang 333.88 wan dun, chukoue 138.28 yi meiyuan, tongbi fenbie zengzhang 12.6 % he 28.09 % [As evidenced by the time-series analysis, in 2010 the volume of exports amounted to 3,338 million tons, and the value of export — to 13,828 billion USD, and thus both indices have grown by 12.6 % and 28.09 % respectively]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_64453a8a0100q4i6.html (accessed: 04 March, 2020). (In Chinese).

2012 nian quanguo shuichanpin jinchukou maoyi qingkuang [The national foreign trade of fishery products in 2012]. URL: http://www.moa.gov.cn/gk/jcyj/shc/201301/20130129_3210802.htm (accessed: 21 April, 2020). (In Chinese).

2013 nian woguo shuichanpin chukoue shouci tupo 200 yi meiyuan [In 2013, it was for the first time when the value of fishery product exports from our country exceeded 29 billion USD]. URL: http://jiuban.moa.gov.cn/zwllm/jcyj/shc/201402/t20140211_3755451.htm (accessed: 13 March, 2020). (In Chinese).

2014 nian shuichanpin jinchukou shuangzeng maoyizong'e tupo 300 yi meiyuan [In 2014, the imports and exports of fishery products have grown two-fold, and the total volume of has exceeded 30 billion USD]. URL: http://www.moa.gov.cn/ztzl/nybrl/rllx/201502/t20150213_4408806.htm (accessed: 23 March, 2020). (In Chinese).

2015 nian shuichanpin jinchukou maoyi qingkuang [Foreign trade with fishery products in 2015]. URL: http://www.moa.gov.cn/ztzl/nybrl/rllx/201604/t20160412_5090837.htm (accessed: 14 April, 2020). (In Chinese).

2016 nian woguo shuichanpin chukou zonglizng 827.91 wan dun [In 2016, the total volume of exported fishery products amounted to 82,791 million tons]. URL: <http://www.fishfirst.cn/article-88091-1.html> (accessed: 21 April, 2020). (In Chinese).

2018 nian Zhongguo shuichanpin zongchanliang 6458 wan dun, shuichanyangzhi chanliang ju shijie shouwei [In 2018, the total volume of products by the PRC water industry has amounted to 64,58 million tons, and the aqua culture products have the first place in the world]. URL: <https://www.shangyexinzhishi.com/article/details/id-260673> (accessed: 13 April, 2020). (In Chinese).

2019 nian Zhongguo shuichanpin chanliang gongji xianzhuang ji 2020 nian fazhan celue zhanwang [The current state of the proposal for the issue of aquatic products in 2019 and the prospects of the development strategy for 2020]. URL: <http://www.chyxx.com/industry/202004/848391.html> (accessed: 8 May, 2020). (In Chinese).

Cong “chi yu nan” dao “nian nian you yu” — xin Zhongguo chenli 70 nianlai woguo yuye fazhan chengjiu he jingyan [From the condition of “it’s hard to get fish for the table” through to the “full abundance” — the road of success and the development experience of national fishery for the 70-year period after foundation of the new China].

URL: http://www.moa.gov.cn/ztl/70zncj/201909/t20190916_6327997.htm (accessed: 9 February, 2020). (In Chinese).

Korneiko O.V. (2017) Opyt razvitiya rybohozyajstvennoj deyatel'nosti Kitaya [China's experience in developing fish farming], *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika [Theoretical and Applied Economics]*, No 4: 59–64. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-8647.2017.4.24256.

Le Dinh Chinh, A. V. Girinsky, Cao Thi Hue (2019). Analiz sovremennogo sostoyaniya rybnogo hozyajstva Vjetnami i ego roli v ekonomike strany [Analysis of current state of fisheries and its role in the economy of Vietnam], *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, Seriya: Ekonomika [Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series Economics]*, No 2: 82–92. (In Russian). DOI: 10.24143/2073-5537-2019-2-82-92

Nongebu: 2017 nian woguo shuichanpin jinchukou maoyi zai chuangxingao. Yuji 2018 quannian maoyi shuicha jiang shouzhai [Ministry of Agriculture: in 2017, the foreign trade with fishery products again reached the new record-beating level. The positive trade balance is expected to shrink]. URL: http://www.moa.gov.cn/xw/bmdt/201803/t20180314_6138388.htm (accessed: 7 March, 2020). (In Chinese).

Rossel'hoznadzor krajne obespokoen mnozhestvennymi sluchayami vyyavlenij zapreshchennyh i vrednyh veshchestv v produkcii akvakul'tury, vvozimoj v Rossiyu iz Kitaya [Rossel'khoznadzor is gravely concerned by the multiple cases of the revealed prohibited and hazardous substances in the aqua-culture products being imported into Russia from China]. URL: <http://www.fsvps.ru/fsvps/news/33438.html> (accessed: 27 April, 2020). (In Russian).

The State of World Fisheries and Aquaculture 2018. Meeting the sustainable development goals, FAO (Rome), 2018. URL: <http://www.fao.org/3/i9540en/i9540en.pdf> (accessed: 3 April, 2020).

Ukazanie Rossel'hoznadzora ot 13 yanvarya 2020 goda № FS-KS-7/311 [The Instruction of the Administration of Federal service in veterinary and phytosanitary inspectors dated January 13, 2020 No. FS-KS-7/311]. URL: <https://www.fsvps.ru/fsvps/laws/7010.html> (accessed: 8 May, 2020). (In Russian).

Ukazanie Rossel'hoznadzora ot 17 aprelya 2020 goda № FS-KS-7/12036 [The Instruction of the Administration of Federal service in veterinary and phytosanitary inspectors dated April 17, 2020 No. FS-KS-7/12036]. URL: <https://www.fsvps.ru/fsvps/laws/7237.html> (accessed: 8 May, 2020). (In Russian).

V Kitae nashli sledy akvakul'tury vozrastom vosem' tysyach let [The traces of the aqua-culture, age 8000 years, have been found in China]. URL: <https://nplus1.ru/news/2019/09/17/old-aquaculture> (accessed: 1 March, 2020). (In Russian).

Vietnam uvelichivaet import moreproduktov [Vietnam builds up its import of sea foods]. URL:http://drh24.ru/news/vietnam_uvelichivaet_import_moreproduktov (accessed: 3 May, 2020). (In Russian).

Vvoz ryby i krevetok iz Kitaya v Rossiyu zapretili s 9 yanvaryya [Since January 9, the import of fish and shrimps from China to Russia is prohibited]. URL: <http://www.irk.ru/news/20200109/fish> (accessed: 10 May, 2020). (In Russian).

World Merchandise Exports and Imports by Commodity, 22.12.2019. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/030749 (accessed: 5–7 May, 2020).

Xu Wei, Liu Zifei, Hu Bingchuan (2018). Zhongguo dui Mei shuichanpin maoyi jingzhengli fenxi [Analysis on Export Competitiveness of Chinese Aquatic Products to US], *Zhongguo yuye jingji* [Chinese Fisheries Economics], No 06. (In Chinese).

Zhao Lei, Geng Rui, Ouyang Hai Ying (2015). Zhongguo shuichanpin jinchukou maoyi fazhan xingshi ji zhanwang [Development and expectations of China's import and export trade of aquatic products], *Shijie nongye* [World Agriculture], No 5: 121–125. (In Chinese). DOI 10.13856/j.cn11-1097/s.2015.05.026

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10022

С.Л. Сазонов, Ван Цзинвэй

О ПЕРСПЕКТИВАХ КИТАЯ НА МИРОВОМ РЫНКЕ «ЗЕЛЕННЫХ» АВТОМОБИЛЕЙ

Аннотация. Бурный хозяйственный рост Китая в течение последних 30 лет был обеспечен многократным увеличением потребления энергоресурсов и в первую очередь — нефти. Рост доходов населения страны катализировал рост объемов производства и продаж автомобилей, особенно в крупных городах. Сегодня руководство КНР признает, что эра автомобилей с двигателем внутреннего сгорания заканчивается. Рост объемов и продаж продукции автомобильной промышленности обострил зависимость страны от импорта нефтепродуктов, но и усугубил экологическую ситуацию в мегаполисах КНР. Осознавая эти вызовы, правительство страны разработало программу развития автомобилестроения на основе энергосбережения и новой энергетики, направленную на создание инновационного транспортного парка и соответствующей инфраструктуры нового поколения.

С конца 12-й пятилетки (2010—2015 гг.) в Китае стремительно развивается отрасль производства автомобилей, использующих альтернативные источники энергии (АИАИЭ или «зеленые» автомобили), обеспечиваемая как бюджетной поддержкой со стороны государства, так и системой льгот, включая освобождение от налога с продаж, государственное субсидирование при покупке инновационных автомобилей, использующих альтернативные источники

энергии. Целенаправленная государственная финансовая и экономическая политика в отношении производства АИИЭ позволила стране выйти в мировые лидеры в создании передовых технологий в «зеленом» автомобилестроении и гарантирует получение значительной доли мирового рынка продаж конкурентоспособных АИИЭ с высокой добавленной стоимостью. Рост объемов продаж «зеленых автомобилей» в КНР позволит также решить две глобальные проблемы, с которыми сталкивается современный Китай, а именно: значительно сократить зависимость страны от импорта углеводородов и кардинально решить проблему загрязнения воздушного пространства в крупнейших мегаполисах страны.

Автор приходит к выводу, что цели руководства КНР на среднесрочную и долгосрочную перспективу по развитию АИИЭ определяется положением современного Китая в мировой экономике, отличающимся высоким уровнем развития инноваций и конкурентоспособности. Этот уровень как на национальном, так и международных автомобильных рынках, является главным фактором и залогом эффективности китайских производителей автомобилей.

Ключевые слова: Китай, энергетическая безопасность, загрязнение окружающей среды, энергосбережение, мировой рынок продаж, альтернативная энергетика, гибридные автомобили, электромобили, совершенствование технологий, налоговые льготы, транспортная инфраструктура, дотация.

Авторы: Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-8889-7072. E-mail: sazonovch@mail.ru

Ван Цзинвэй, аспирант Института Дальнего Востока РАН. E-mail: wjw07@yandex.ru

S.L. Sazonov, Wang Jingwei

On the Prospects of China in the World Market of «Green» Cars

Abstract. China's rapid economic growth over the past 30 years has been driven by a multiple increase in energy consumption, primarily — crude oil. The growth of income of the population has catalyzed the growth of car production and sales, especially in major cities. Today, the Chinese leadership recognizes that the era of cars with an internal combustion engine is ending. The growth in volumes and sales of automotive products has exacerbated the country's dependence on imported petrole-

um products, but also worsened the environmental situation in China's megacities. Recognizing relevant globally negative consequences the government has elaborated the programme of automobile industry development, based on power economy and new power engineering. The programme is aimed at the creation of innovative motor vehicles' fleet and transport infrastructure of a new generation.

Since the end of the 12th five-year plan (2010—2015), Chinese industry of new auto production has been rapidly developing, due to both state budget support and system of benefits, including exemption from sales tax and system of state subsidies for the purchase of innovative cars running on alternative energy sources. Targeted state financial and economic policy in relation to the «green cars» production has allowed the country to become a world leader in the creation of advanced technologies in the «green» automotive industry and guarantees a significant share of the world market for sales of competitive innovative cars, using alternative energy sources, with high added value. The growth in sales of «green cars» in China will also help to alleviate two global problems faced by modern China, namely, the significant dependence on the country's dependence on imported hydrocarbons and the air pollution in the country's largest megacities as well.

The author concludes that the goals of the Chinese leadership in the medium and long term for the development of «green cars», is determined by the position of modern China in the world economy, characterized by a high level of innovation and competitiveness. This level, both on the national and international automobile markets, is the main factor and the key to the effectiveness of Chinese car manufacturers.

Keywords: China, energy security, environmental pollution, power economy, global sales market, alternative energy, hybrid motor car, «green cars», electric vehicle, technology advancement, tax exemption, transport infrastructure, subsidy.

Authors: Sergey L. SAZONOV, Ph.D., Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-8889-7072. E-mail: sazonovch@mail.ru;

WANG Jingwei (China), Postgraduate student of the Institute of Far Eastern Studies. E-mail: wjw07@yandex.ru

В целях снижения степени зависимости Китая от внешних поставок нефтепродуктов и улучшения экологической обстановки в стране в 2016 г. Государственный совет КНР принял Программу по

развитию энергетики и сокращению выбросов соединений углерода на период 2016—2020 гг., которая поставила главной целью достижение к 2020 г. резкого увеличения доли возобновляемых источников энергии в общем энергобалансе страны, которая должна составить примерно 20 % (с последующим ростом до 35—40 % в 2050 г.). А объем выбросов углекислого газа на единицу ВВП в 2030 г. должен уменьшиться на 60—65 % по сравнению с этим показателем 2005 г. [State Grid Corp...].

Серьезным стимулом к активизации мер по изменению структуры энергобаланса страны стало и стремление Китая заявить о своей солидарности с мировым сообществом в деле достижения глобальной экологической безопасности. Согласно данным Белой книги по вопросам охраны окружающей среды, ежегодно издаваемой в КНР, в настоящее время в стране действуют около 1 тыс. неправительственных организаций, специализирующихся в области охраны окружающей среды. Китай присоединился к более чем 50 международным конвенциям об охране окружающей среды и активно выполняет установленные ими обязательства. В число этих конвенций входят: Киотский протокол, Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Международный протокол к Венской конвенции об охране озонового слоя, Конвенция о биологическом разнообразии и др. На сегодняшний день Китай подписал договоры о двустороннем сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды и меморандумы о взаимопонимании с 46 странами, включая Россию, Японию, Францию, США, Канаду и др.

Кроме того, в 2018 г. Госсовет КНР принял новый трехлетний план действий по борьбе с загрязнением воздуха и определил цель по сокращению выбросов диоксида серы и оксида азота к 2020 г. более чем на 15 % по сравнению с уровнем 2015 г. [China's air quality...]. Все это должно способствовать росту иностранного туризма в эти города, который, бывало, сокращался из-за опасений зарубежных туристов за свое здоровье.

В 2012 г. правительство КНР разработало положения о необходимости развития ряда инновационных направлений и отраслей, в список которых не попали легковые автомобили с традиционными двигателями внутреннего сгорания, в первую очередь по причине

чрезвычайно сильной конкуренции на мировом авторынке с ведущими западными и азиатскими производителями [Lan Xinzhen, p. 33]. Правительство КНР приняло решение сделать основной упор на развитие производства нового поколения автомобилей, использующих альтернативные источники энергии. До 2035 г. китайское правительство намерено инвестировать 1,6 трлн долл. в повышение энергоэффективности, и из этой суммы около 17 % будет вложено в повышение энергоэффективности транспортной отрасли КНР [Du Juan].

Еще одной причиной, побудившей китайское руководство принять решение о будущем прекращении производства автомобилей с двигателем внутреннего сгорания, стал полный учет Пекином достигнутого конкурентного преимущества КНР, которое заключается в преодолении технологического отставания страны от развитых государств в области разработки двигателей, использующих альтернативные источники энергии, и аккумуляторных батарей.

Китай решил установить срок прекращения производства автомобилей с ДВС и ускорить научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки в области производства нового поколения инновационных АИАИЭ к 2040 г. [Li Fangfang].

Министр науки и технологий КНР Вань Ган на пресс-конференции в рамках 1-й сессии ВСНП 13-го созыва (март 2018 г.) заявил, что «переход от традиционных автомобилей на электромобили является глобальным трендом, а развитие отрасли производства электромобилей (ЭМ) в Китае стало важным звеном в модернизации и оптимизации автомобильного производства» [He Wei, Ouyang Shijia, Zhong Nan].

В январе 2019 г. Постоянный комитет Собрания народных представителей пров. Хайнань принял «Правила профилактики загрязнения воздуха в провинции Хайнань», которые вступили в силу с марта 2019 г. Согласно «Правилам», планируется постепенно вводить запрет на реализацию автомобилей с ДВС, а к 2035 г. пров. Хайнань должна достичь «самого передового в мире уровня по качеству воздуха» — *таким образом, пров. Хайнань стала первой в Китае административной единицей, где будет запрещена продажа автомобилей с ДВС*. С 2018 г. в провинции был принят ряд мер для стимулиро-

вания использования АИИИЭ. Власти провинции установили конкретные сроки для отказа от использования бензиновых и дизельных автомобилей, причем этот процесс будет происходить в 3 этапа: все автомобили общественного транспорта должны быть заменены на экологичные АИИИЭ в 2020 г., все грузовые транспортные средства должны стать «экологически чистыми» к 2022 г., а все государственные и частные легковые автомобили должны быть обновлены на АИИИЭ до конца 2030 г. Власти пров. Хайнань планируют также создать в ближайшие 5 лет общенациональную сеть электрозаправочных станций, а также станций по заправке автомобилей, использующих водородное топливо. В начале 2019 г. в провинции насчитывалось около 23 тыс. АИИИЭ, что составляло 1,8 % от общего количества местных автомобилей.

Согласно опросу, проведенному компанией *JD Power* в начале 2019 г. (опрошено 2212 автолюбителей по всей стране), 86 % респондентов отметили, что будущее китайского автопрома связано с широким внедрением АИИИЭ, а 95 % опрошенных заявили, что в следующем году планируют приобрести новый ЭМ в качестве альтернативы покупке автомобиля с ДВС. В декабре 2018 г. Государственный комитет по развитию и реформам КНР (ГКРР) опубликовал руководство, запрещающее учреждение любой новой компании, производящей лишь автомобили с ДВС, и с 10 января 2019 г. этот документ вступил в силу [Li Fusheng. NDRC guidelines...].

Международные аналитики признают, что значительный прогресс в развитии отрасли производства АИИИЭ, обеспечивающей выпуск конкурентоспособной инновационной продукции с высокой добавленной стоимостью, создает благоприятный климат для роста прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Китай.

30 июля 2019 г. ГКРР и Министерство коммерции КНР обнародовали обновленные списки специальных административных мер (негативные списки) для доступа на рынки иностранных инвестиций, еще больше сократив запретительные позиции в отношении иностранного капитала. Это уже пятый раз за последние шесть лет, когда негативные списки были пересмотрены. Позиции, ограничивающие доступ иностранных инвестиций в пилотные зоны свободной торговли (ЗСТ), которые открываются на более высоком уров-

не, в итоге были сокращены с 45 до 37, в то время как в списке для зон, не входящих в ЗСТ, число позиций было снижено с 48 до 40. Реформы позволят иностранным инвесторам управлять предприятиями со своим мажоритарным участием или стопроцентной собственностью в большем количестве секторов экономики. Каталог поощряемых направлений для иностранных инвестиций включает отрасли экономики КНР из тех, чьи предприятия расположены в центральном, западном и северо-восточном регионах Китая.

Основываясь на последней версии, выпущенной в 2017 г., новый каталог насчитывает 415 отраслей после добавления 67 новых. Более 80 % новых или пересмотренных отраслей связаны с высокотехнологичным, интеллектуальным и экологичным производством, включая изготовление основных компонентов технологии связи 5G, автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, интегральных микросхем, оборудования для производства чипов и полупроводников для АИИЭ, оборудования для Облачных вычислений¹, создание искусственного интеллекта, логистику холодной цепи².

Руководство Китая диверсифицирует источники финансирования новой инновационной отрасли: оно не только активно привлекает ПИИ в развитие отрасли производства АИИЭ, но и поощряет использование предприятиями автомобильного комплекса прямых иностранных инвестиций для проведения сделок по «слиянию и поглощению» (M&As), что позволяет абсорбировать новейшие иностранные технологии западных компаний. Так, в марте 2017 г. кор-

---

¹ Облачные вычисления представляют собой технологию обработки данных и удобного сетевого доступа к компьютерным ресурсам (к примеру, сетям передачи данных, устройствам хранения данных, сервисам и приложениям) и мощностям, которые предоставляются пользователю в качестве услуги интернет-сервиса. При этом весь набор данных, необходимых для коммуникаций, находится на удаленном сервере в интернете.

² Логистика холодной цепи представляет собой систему мероприятий, направленных на обеспечение оптимальной температуры хранения и транспортировки фармацевтических препаратов, продуктов питания и т. п. (строго соблюдая различные температурные режимы — от глубокой заморозки до простого охлаждения) для обеспечения их качества и сохранности в пределах установленных нормативов срока годности.

порация *Tencent Holdings Ltd.* купила за 1,78 млрд долл. 5 % акций одного из ведущих американских производителей электромобилей *Tesla* [He Wei]. Это сотрудничество не только позволяет *Tesla* повысить свою капитализацию, но и повышает возможности китайской компании *Tencent* по созданию нового поколения аккумуляторов для ЭМ, которые полезны и в разработке искусственного интеллекта для алгоритмов, применяемых при беспилотном вождении.

Причем огромные объемы инвестиций, направляемые Китаем в сферу АИАИЭ (около 4 трлн юаней)¹, наличие значительной производственной автомобилестроительной базы и емкого внутреннего рынка уже позволили Китаю занять лидирующее место в гонке за лидерство в области производства «экологических автомобилей» (по объемам рынка АИАИЭ КНР уже в 2015 г. обогнала США). Согласно данным агентства Bloomberg, в 2017 г. мировой объем продаж АИАИЭ по сравнению с предыдущим годом вырос на 58 % и составил 1,22 млн ед. и более 60 % этого количества или 777 тыс. ед. было продано в КНР (рост на 53,3 % по сравнению с 2016 г.) [Top 10 best-selling...].

В 2018 г. объем производства АИАИЭ в мире составил 2,1 млн ед., а по данным аналитиков Китайской ассоциации автопроизводителей (КААП), в 2018 г. в КНР было реализовано 1,25 млн АИАИЭ (что составило 56 % объема мировых продаж АИАИЭ и было в 17 раз больше, чем в 2014 г.), а по прогнозам в 2020 г. эта цифра превысит 2 млн «зеленых» автомобилей, поскольку в 2019 г. было продано в общей сложности 1,2 млн ед. [China's auto sales...].

Согласно сообщениям КААП, в начале 2019 г. парк китайских автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, уже равнялся 1,99 млн единиц (из них около 1,7 млн электромобилей, которые использовались в более 145 городах 16 провинций и автономных районах Китая), что составляло более 50 % от общего чис-

---

¹ Объем бюджетных инвестиций в инновационное развитие китайского автопрома является крупнейшим в мире: по информации Министерства транспорта КНР, в 2018 г. объем инвестиций в развитие транспортного комплекса КНР по сравнению с 2017 г. вырос на 5,9 % и составил 3,2 трлн юаней (около 478,9 млрд долл.), причем объем инвестиций в основные фонды в автомобильный и водный виды транспорта превысил 2,3 трлн юаней.

ла АИИЭ в мире. Согласно данным Министерства общественной безопасности (МОБ), в апреле 2019 г. общий парк АИИЭ в Китае вырос до 2,61 млн «зеленых» автомобилей, а в начале июля 2019 г. он уже составлял 3,44 млн ед., в августе 2019 г. — 3,5 млн ед. За последние 5 лет в КНР ежегодно регистрировалось в среднем около 500 тыс. АИИЭ [Zhang Jie]. Кроме того, Китай является бесспорным мировым лидером по объемам производства и продаж этого типа автомобилей, а также по количеству электростанций, установленных по всей стране. 5 марта 2018 г. министр промышленности и информатизации КНР Мяо Вэй на ежегодной сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) заявил, что *«китайские электромобили в целом соответствуют передовому международному уровню»*. Позднее, выступая на ежегодном форуме EV100 (Пекин, 2019 г.), он отметил, что к 2025 г. стоимость АИИЭ будет ниже стоимости автомобилей с ДВС, а дальность пробега АИИЭ на одной заправке превзойдет традиционные автомобили с заправкой полного бака [Li Fusheng. Govt to ensure...].

Цели руководства КНР на среднесрочную и долгосрочную перспективу по развитию АИИЭ определяется положением современного Китая в мировой экономике, отличающимся высоким уровнем развития инноваций и конкурентоспособности. Этот уровень, как на национальном, так и международных автомобильных рынках, является главным фактором и залогом эффективности китайских производителей автомобилей, использующих альтернативные источники энергии.

Библиографический список

China's air quality improves in 2018. URL: http://en.ce.cn/National/big-news/201901/08/t20190108_31205653.shtml (accessed: 02.01.2019).

China's auto sales down 8.2 pct in 2019. URL: http://www.china.org.cn/business/2020-01/13/content_75608741.htm (accessed: 14.01.2020).

Du Juan. Report: Energy costs to hit \$5.7t. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2018-06/20/content_17602494.htm (accessed: 20.06.2018).

He Wei, Ouyang Shijia, Zhong Nan. Innovation pays rich dividends. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201903/11/WS5c85b68da3106c65c34edd2b.html> (accessed: 11 March, 2019).

He Wei. Tencent buys 5 % Tesla stake in AI drive. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/motoring/2017-03/30/content_28731707.htm (accessed: 30.03.2017).

Lan Xinzhen. Emerging Hopes. China looks to strategically important emerging industries for innovation-driven economic growth // Beijing Review. 2016, Vol. 53, № 34. P. 31–35 (accessed: 27.08.2016).

Li Fangfang. Seek Technological Revolution. The Summer Davos focuses on the path to inclusive growth. URL: http://www.bjreview.com/Business/20181215/t20181215_800112344.html (accessed: 16.12.2018).

Li Fusheng. Govt to ensure new energy car growth in post-subsidy era. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/14/WS5c3bfc30a3106c65c34e4428.html> (accessed: 15.01.2019).

Li Fusheng. NDRC guidelines set to boost auto industry competitiveness. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201812/20/WS5c1af0c6a3107d4c3a001cb2.html> (accessed: 20.12.2018).

State Grid Corp makes major strides in clean power. URL: http://en.ce.cn/Business/topnews/201904/12/t20190412_31843303.shtml (accessed: 12.04.2019).

Top 10 best-selling electric vehicles in 2017. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201802/08/WS5a7b829ca3106e7dcc13b653.html> (accessed: 02.08.2018).

Zhang Jie. China sees 70 pct increase in new-energy cars. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/11/WS5c384249a3106c65c34e3f4f.html> (accessed: 02.11.2019).

References

China's air quality improves in 2018. URL: http://en.ce.cn/National/big-news/201901/08/t20190108_31205653.shtml (accessed: 2 January, 2019).

China's auto sales down 8.2 pct in 2019. URL: http://www.china.org.cn/business/2020-01/13/content_75608741.htm (accessed: 14 January, 2020).

Du Juan (2018). Report: Energy costs to hit \$5.7t. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2018-06/20/content_17602494.htm (accessed: 20 June, 2018).

He Wei (2017). Tencent buys 5 % Tesla stake in AI drive. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/motoring/2017-03/30/content_28731707.htm (accessed: 30 March, 2017).

He Wei, Ouyang Shijia, Zhong Nan (2019). Innovation pays rich dividends. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201903/11/WS5c85b68da3106c65c34edd2b.html> (accessed: 11 March, 2019).

Lan Xinzhen (2016). Emerging Hopes. China looks to strategically important emerging industries for innovation-driven economic growth, *Beijing Review*, Vol. 53 (34): 31—35. (accessed: 27 August, 2016).

Li Fangfang (2018). Seek Technological Revolution. The Summer Davos focuses on the path to inclusive growth. URL: http://www.bjreview.com/Business/20181215/t20181215_800112344.html. (accessed: 16 December, 2018).

Li Fusheng (2018). NDRC guidelines set to boost auto industry competitiveness. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201812/20/WS5c1af0c6a3107d4c3a001cb2.html> (accessed: 20 December, 2018).

Li Fusheng (2019). Govt to ensure new energy car growth in post-subsidy era. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/14/WS5c3bfc30a3106c65c34e4428.html> (accessed: 15 January, 2019).

State Grid Corp makes major strides in clean power. URL: http://en.ce.cn/Business/topnews/201904/12/t20190412_31843303.shtml (accessed: 12 April, 2019).

Top 10 best-selling electric vehicles in 2017. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201802/08/WS5a7b829ca3106e7dcc13b653.html> (accessed: 2 August, 2018).

Zhang Jie (2019). China sees 70 pct increase in new-energy cars. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/11/WS5c384249a3106c65c34e3f4f.html> (accessed: 2 November, 2019).

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ДВУСТОРОННИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10023

А.Л. Верченко

СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ГОДЫ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ (1931—1945 гг.) И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. В статье дается краткий обзор взаимодействия СССР и Китая в период антияпонской войны (1931—1945 гг.), начавшейся на Северо-Востоке Китая и обернувшейся многолетней оккупацией значительной части китайской территории. С самого начала войны Советский Союз поддерживал освободительную борьбу народа китайского Северо-Востока, принимал на своей территории группы партизан и отдельных граждан, спасавшихся от японских агрессоров. Под Хабаровском была создана интернациональная 88-я отдельная стрелковая бригада, в которой вместе проходили службу китайские и советские военнослужащие. Сложившееся боевое братство сыграло важную роль в наступательной Маньчжурской операции и создании Маньчжурской революционной базы, ставшей основой для полного освобождения Северо-Вос-

тока и строительства нового Китая. Взаимодействие в военные годы вылилось в сотрудничество по восстановлению китайского народного хозяйства.

Автор напоминает, что после начала широкомасштабного наступления Квантунской армии вглубь территории Китая в 1937 г. Советский Союз был единственной страной, которая предоставила реальную военно-техническую помощь правительству Китая, направила военных советников и специалистов, организовала обучение китайских военнослужащих, выделила кредиты, выступила в поддержку Китая на международной арене.

Автор считает, что главными действующими лицами тех исторических событий были люди, память о которых не стирается, живет и поддерживается в России и Китае как на государственном уровне, так и в массовом сознании, что проявляется в заботе о ветеранах, награждении их знаками отличия, проведении памятных российско-китайских совместных мероприятий, встречах потомков участников войны, распространении правды о событиях военного времени. Отмечается важность сохранения исторической памяти, противодействия попыткам исказить факты и переписать историю в угоду сиюминутным политическим интересам.

Ключевые слова: СССР, Китай, история, антияпонская война, историческая память, 88-я бригада, ветераны.

Автор: Верченко Алла Леонидовна, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. E-mail: veailan@yahoo.com

A.L. Verchenko

Soviet-Chinese Interaction during the Sino-Japanese War (1931—1945) and Preservation of Historical Memory

Abstract. The article gives an overview of the interaction of the USSR and China during China's anti-Japanese war (1931—1945), which began in the Northeast of China and turned into a long-term occupation of a vast part of the country. From the very beginning, the Soviet Union supported the patriots of the Northeast, hosted partisan groups and individual citizens. The International 88th Separate Rifle Brigade was created near Khabarovsk in order to strengthen Chinese troops. Chinese and Soviet soldiers did military service together. This wartime fraternity played an important role in the Manchu offensive operation and creation of the Manchu revolutionary base, which became the strong point for the com-

plete liberation of the Northeast and afterwards — the foundation of New China. Bilateral interaction during the war years turned into cooperation in China's national economic recovery.

The author stresses that after the outbreak of the wide-scale war in 1937, the Soviet Union was the only country that provided real military and technical assistance to the Chinese government, sent military advisers and specialists, organized training for Chinese servicemen, granted total USD 250 million loans, and supported China on the international arena.

The article emphasizes that people has been real actor of all historical events. Both Russia and China keep alive the memory of war heroes. The memory is supported on the state level and in the mass consciousness. This is manifested in taking care of veterans, awarding them with insignia, holding memorable Russian-Chinese joint events, meetings of descendants of war veterans, spreading the truth about wartime events. The article notes the importance of preserving historical memory, opposing attempts to distort facts and revise history for the sake of momentary political interests.

Keywords: USSR, China, history, anti-Japanese war, historical memory, 88th Brigade, veterans.

Author: Alla L. VERCHENKO, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: veailan@yahoo.com

Антаяпонская война китайского народа, длившаяся 14 лет¹, принесла Китаю разорение, привела в упадок его промышленность и сельское хозяйство, резко ухудшила качество жизни населения. Эта война стала частью Второй мировой войны и окончилась 2 сентября 1945 г. в день подписания Японией капитуляции. О том, что Вторая мировая война закончилась именно в Китае, свидетельствует монумент, установленный в поселке Хутоу (пров. Хэйлунцзян) на месте построенной в 1934 г. неприступной крепости под названием «Голова тигра». Это был последний оплот Квантунской армии в Китае. Несмотря на приказ имперского генерального штаба о безогово-

---

¹ В Китае в последние годы наблюдается более частое употребление термина «14-летняя война» (1931—1945 гг.) по сравнению с «8-летней войной» (1937—1945 гг.) В 2016 г. Госсовет направил Министерству образования указание об изменении концепции 8-летней войны на 14-летнюю во всех учебниках для начальных и средних школ.

рочной капитуляции японских вооруженных сил от 16 августа 1945 г., ее гарнизон не сдался и продолжал сопротивление, которое было ликвидировано частями советской армии 26 августа. На месте боев открыт музей и сооружен монумент. На высокой стеле надпись: «Место, где окончилась Вторая мировая война».

Инцидент «18 сентября» 1931 г. в Шэньяне¹ стал свидетельством перехода Японии к силовому захвату Северо-Востока Китая, ознаменовал начало оккупации его территории. В обстановке пассивного сопротивления официального китайского правительства, находившегося тогда в Нанкине, в Китае началось развертывание широкого добровольческого антияпонского движения, в которое включились многочисленные представители разных социальных групп: крестьяне, рабочие, профессиональные военные из местных армий, представители интеллигенции, национальной буржуазии, бизнеса, тайных обществ. Из 30-миллионного населения Дунбэя в 1932 г. в партизанском движении участвовало около 250 тыс. человек. По мнению военных историков, огромный размах антияпонского движения создавал серьезную угрозу тылам Квантунской армии, вынуждал ее руководство направлять значительные армейские силы на подавление многочисленных партизанских отрядов, своими нападениями наносивших урон японским военным и гражданским объектам.

Начиная с первых лет сопротивления, партизанские силы получали помощь со стороны Советского Союза, прежде всего возможностью в критические моменты укрыться на советской территории. Нередко, спасаясь от японских «карательных походов», китайцы переходили советско-китайскую границу, чтобы пройти переформирование, сохранить и вооружить личный состав, дать людям отдохнуть и подлечиться, спасти членов семей, которые сопровождали партизан. По сводкам советской военной разведки, к 1933 г. на советскую территорию перешло до 10 тыс. человек, в том числе в районе станции Отпор (ныне — Забайкальск) — 17 генералов и 450 офицеров регулярной китайской армии [Военно-политический бюллетень, с. 22].

---

¹ «Инцидент 18 сентября»: в этот день в 1931 г. японские войска спровоцировали подрыв участка железной дороги в районе г. Шэньян и, обвинив китайскую армию в нападении, начали боевые наступательные действия на Северо-Востоке Китая.

Многие разными путями, даже через Европу, возвращались на родину для продолжения борьбы, другие оставались в Советском Союзе, поступали там на работу. Отношение советского государства к китайскому народу в тот период прекрасно показано в фильме «Офицеры» режиссера В. Рогового и выразилось в словах командира погранзаставы: «Надо помочь китайским товарищам».

В самоотверженной борьбе с превосходящими силами регулярной Квантунской армии плохо вооруженные, не знавшие стратегии и тактики ведения партизанской войны, не имевшие общего руководства отряды, несли колоссальные людские потери. В 1933 г. численность отрядов сократилась до 60 тыс. человек. Японская армия наращивала мощь, использовала танки, самолеты, бронепоезда, другие виды современного вооружения, создавала укрепрайоны, возводила крепости. Партизаны на первых порах имели в своем распоряжении лишь мечи, пики, редко — охотничьи ружья. Китайские командиры признавали, что к концу 1939 г. партизанское движение на Северо-Востоке потерпело поражение [РГВО, л. 18], многие отряды были обескровлены и не могли продолжать боевые действия. Случай, когда китайские партизаны спасались, переходя на советскую территорию, не прекращались.

Поддержка Советским Союзом партизан шла вразрез с политикой официального китайского правительства, давшего указание регулярной армии на Северо-Востоке не оказывать сопротивления японским войскам, и привела к неоднократным протестам со стороны Нанкина, требованиям к советским властям выдавать партизан. Эти претензии советская сторона систематически отклоняла. Пограничники продолжали пропускать китайцев на нашу территорию. Одновременно СССР выступал на международной арене за признание действий Японии в Китае агрессивными, защищал суверенные права Китайской Республики в Лиге Наций. Символично, что СССР был принят в Лигу Наций 18 сентября 1934 г., в третью годовщину начала японской агрессии.

С развертыванием широкомасштабной войны в 1937 г. СССР начинает оказывать помощь Китаю на государственном уровне. Советский Союз стал первой страной, которая предоставила реальную помощь сражавшемуся Китаю, и единственной, откликнувшейся на

обращение Чан Кайши о поддержке, проигнорированное западными державами.

Буквально сразу после событий «7 июля»¹ 21 августа 1937 г. СССР подписал с Китаем Договор о ненападении, что фактически означало конец международной изоляции Китайской Республики. На предоставленные в 1938—1939 гг. три кредита на общую сумму 250 млн долл. Советский Союз еще до официального оформления первого кредитного соглашения (что произошло в марте 1938 г.) начал осенью 1937 г. поставки вооружения гоминьдановской армии.

Для доставки срочных грузов наша страна специально организовала дорогу и авиалинию Алма-Ата—Ланьчжоу. Всего с октября 1937 г. по июнь 1941 г. Китай получил 1250 советских самолетов, в учебном центре в Урумчи советские инструкторы обучали китайских летчиков [Мухин, с. 236].

В 1938 г. в Китай прибыла первая группа советских военных советников. В гоминьдановской армии работали такие видные военачальники, как будущие маршалы СССР П.Ф. Батицкий и В.И. Чуйков, маршалы: бронетанковых войск П.С. Рыбалко, артиллерии К.П. Казаков, авиации П.Ф. Жигарев; генерал армии П.И. Батов, генералы А.И. Черепанов, А.Я. Калягин, А.Н. Боголюбов, А.Г. Рыжов, М.И. Дратвин, К.М. Качанов, Г.И. Тхор и др. Многие получили звание Героя Советского Союза. Советские летчики-добровольцы прикрывали с воздуха гоминьдановскую армию, более 200 из них погибли, 14 стали Героями Советского Союза, свыше 400 награждены орденами и медалями [Красные соколы...]. Чан Кайши неоднократно в переписке со Сталиным выражал восхищение знаниями и военным искусством советников, летчиков, сражавшихся в небе Китая, многочисленного отряда военных специалистов разного профиля. Он высоко оценивал военную помощь и моральную поддержку Советского Союза в самые тяжелые годы.

Память об этом этапе военного взаимодействия Советского Союза и Китая сохранилась в архивных документах, работах истори-

---

¹ «События у моста Лугоуцяо» 7 июля 1937 г. — столкновение между японскими солдатами и ротой китайских военных, охранявших важный стратегический пункт, послужившее поводом для наступления японской армии вглубь территории Китая.

ков (Вартанов В.Н. «Операция «Z»; Чудодеев Ю.В. «На земле и в небе Китая»; работы М.Л. Гареева и др.), мемуарах советских советников и летчиков («На китайской земле», «В небе Китая», «Миссия в Китае», «По дорогам Китая»). Эти материалы не только фиксируют события, связанные с антияпонской войной, но и, что представляется более важным, хранят память о людях, которые по долгу службы и велению сердца в неимоверно трудных условиях отдавали все свое умение делу справедливой борьбы китайского народа за освобождение. Активная фаза советской помощи продолжалась вплоть до 1942 г.

На Северо-Востоке Китая основной силой и ядром сопротивления Японии стала образованная в 1936 г. Дунбэйская объединенная армия сопротивления Японии (ДОАСЯ) под командованием Ян Цзинъюя, объединившая в своих рядах патриотические силы региона: партизан, остатки регулярной армии, добровольцев, охранные отряды и др. В 1939 г. прошло реформирование: армия была разделена на три армейские группы¹: 1-я под командованием Ян Цзинъюя, 2-я под командованием Чжоу Баочжуна и 3-я под командованием Ли Чжаолина. Все командиры были членами КПК. По существу, это были отдельные партизанские отряды. Именно в таком организационном составе они перешли на советскую территорию.

Еще с весны 1939 г. военные советы Дальневосточного военного округа (ДВО) получили разрешение оказывать партизанам помощь оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами иностранного происхождения либо без маркировки, а также руководить их работой [Алепко, с. 87]. В условиях потери связи с руководством КПК армейские группировки получали указания от делегации КПК в Коммунистическом интернационале, устанавливали связи с командованием советской Дальневосточной армии. В начале 1940 г., когда ДОАСЯ оказалась в крайне тяжелом положении, ее руководство начало прорабатывать вопрос о возможности перемещения так называемой учебной бригады армии на советскую территорию с

---

¹ В советских документах встречаются также названия НРА (народно-революционные армии) и полевые армии.

целью сохранения личного состава, укрепления рядов, прохождения военной подготовки.

В 1940 и 1941 г. на двух совещаниях, проведенных в Хабаровске с участием представителей советского военного командования на Дальнем Востоке и китайских командиров, обсуждались вопросы дальнейшей организации сопротивления, выработки тактики совместных действий. Уже тогда стало ясно, что общее руководство мог взять на себя Чжоу Баочжун, один из немногих среди партизан, имевший за плечами Юньнаньскую военную академию, прошедший военно-политическую подготовку в Коммунистическом университете трудящихся Китая и Международной Ленинской школе и обладавший богатым опытом военных операций.

Китайские части были объединены в одно воинское соединение, получившее наименование 88-й отдельной стрелковой бригады (в/ч 8461) Дальневосточного фронта. Чжоу Баочжун бессменно, до возвращения в Китай в 1945 г., занимал должность командира бригады. Политкомиссаром был назначен Ли Чжаолинь (в СССР он носил имя Чжан Шоуцзянь). Он занимал эту должность до 1943 г., когда был повышен в должности до заместителя командира бригады. За короткое время численность бригады достигла почти 1,5 тыс. человек, из которых 643 были бойцами учебной бригады Дунбэйской антияпонской армии [Цзюньжэнь фужэнь ху чжэнь...]. Бригада была интернациональной, в ее состав входили, помимо китайских партизан (ханьцев, корейцев, представителей других проживавших в Китае национальностей), советские китайцы, корейцы, нанайцы, эвенки и др. Сам командир был *бай* по национальности. Бригада находилась в подчинении разведотдела штаба Дальневосточного фронта, выполняла разведывательно-диверсионные задания. Отдельные бойцы и группы разведчиков совершали вылазки на территорию Китая и Кореи для сбора оперативных данных, которые особенно пригодились в период подготовки к Маньчжурской операции. Бригаду готовили к будущим боевым действиям в Китае и Корее, а в случае нападения Японии на СССР (при согласии командиров бригады) — к совместным с советской армией действиям по отражению противника. В течение трех лет складывалось боевое и политическое

взаимодействие военных двух стран, формировались дружеские личные отношения.

Бригаде в качестве воинской части не довелось принять участие в боевых действиях. Наиболее подготовленных в политическом отношении коммунистов советское командование планировало после завершения военных действий использовать на работе в Дунбэе. Для этого летом 1945 г. в программу занятий личного состава был включен курс по административно-хозяйственной деятельности. Таким образом, советское руководство готовило бывших партизан не только для участия в боевых действиях, но и в перспективе — для работы по восстановлению мирной жизни.

В китайских источниках отмечается, что до 400 человек из 88-й бригады участвовали в Маньчжурской операции Красной армии в качестве разведчиков, проводников, переводчиков [Са Су, с. 20]. В сентябре 1945 г. бригада была расформирована, и в течение месяца несколькими группами вернулась домой основная часть бойцов и командиров. В 1945 г. Чжоу Баочжун, Ван Сяомин и Ван Мингуэй были награждены орденами боевого Красного знамени [Щелоков, с. 60]. Весь личный состав бригады получил медали «За победу над Японией».

Бывшие военнослужащие 88-й бригады оказали большую помощь советским войскам в период их временного пребывания на территории Дунбэя, сыграли важную роль в создании очагов народно-демократической власти. По предложению Чжоу Баочжуна, кадровые работники из бригады были направлены в 57 городов и уездов, на базе которых позже образовалась Маньчжурская революционная база, откуда под руководством Северо-Восточного бюро ЦК КПК началось наступление НОА и где шла подготовка политических, административно-хозяйственных кадров для нового Китая.

Вернувшись на родину, бывшие бойцы бригады заняли должности заместителей советских комендантов, а также были переводчиками, работали в партийных, государственных, полицейских органах разного уровня, в общественных организациях, учреждениях связи, в газетах, на радио. Чжоу Баочжун занял должность заместителя военного коменданта г. Чанчунь, стал первым губернатором провинции Цзилинь. Ван Мингуэй был назначен заместителем военного комен-

данта в г. Цицикар. Ли Чжаолин был вице-губернатором провинции Суйюань, первым председателем Общества китайско-советской дружбы в Харбине. Многие бывшие бойцы бригады работали в обществах дружбы, распространяли правдивую информацию о Советском Союзе, укрепляли дружбу между народами. В 1950-е гг. они трудились бок о бок с советскими советниками и специалистами, принимали участие в совместной работе по реконструкции и строительству промышленных объектов, восстановлению народного хозяйства КНР.

Потомки помнят имена военачальников, командовавших стратегическим наступлением Красной армии в Дэнбэе: главнокомандующего маршала А.М. Василевского, командующего 1-м Дальневосточным фронтом маршала К.А. Мерецкова, командующего 2-м Дальневосточным фронтом генерала М.А. Пуркаева, командующего Амурской военной флотилией контр-адмирала Н.В. Антонова, командующего Забайкальским фронтом маршала Р.Я. Малиновского и многих других. В списке советских высших военачальников, участвовавших в освобождении Дунбэя, около 100 фамилий.

В истории наших стран были взлеты и падения. Сегодня российско-китайский диалог находится на беспрецедентно высоком уровне, наши народы живут как добрые соседи и хорошие друзья. Мы с уверенностью смотрим в будущее, строим отношения, устремленные в новую эпоху, не забывая прошлое — то, что нас связывало на предыдущих исторических этапах.

В годы, прошедшие после окончания войны, в обеих странах всегда помнили, как в тяжелейший период Великой Отечественной войны и войны Сопrotивления японским захватчикам народы наших стран кровью на полях сражений крепили нерушимую боевую дружбу, своим трудом в тылу приближали победу. Какое-то время документы о 88-й бригаде хранились под грифом «секретно». Возможно, по этой причине в юбилейные даты наша страна не отмечала китайских ветеранов. Кроме того, несколько юбилеев окончания войны пришлось на годы охлаждения в советско-китайских отношениях и ограничения взаимных контактов. Представляется уместным напомнить, что в 88-й бригаде служил некий Цзинь Жичэн, будущий вождь корейского народа Ким Ир Сен, сведения о котором так-

же считались не подлежащими широкому распространению, пока Ким Ир Сен не издал свои мемуары «В водовороте века».

Начавшееся при М.С. Горбачеве постепенное смещение акцента с революционных праздников на День Победы нашло отражение в гуманитарном сотрудничестве с Китаем. В 1985 г., в год 40-летия Победы, советские ветераны впервые после окончания войны встретились в Харбине с сослуживцами из 88-й бригады [Иванов, с. 13]. Напоминание о боевом братстве и восстановление контактов между людьми сыграли свою позитивную роль и внесли существенный вклад в процесс нормализации советско-китайских отношений, что и произошло в 1989 г.

В 1995 г., в дни празднования 50-й годовщины окончания Второй мировой войны, российское правительство наградило китайских участников антияпонской войны юбилейными медалями «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», что стало признанием общего вклада народов двух стран в Победу и напоминанием о совместных действиях в военное время. Генеральный консул Российской Федерации в Шэньяне В.Н. Верченко по поручению правительства вручил награды 72 участникам ДОАСЯ.

О высокой оценке вклада китайских патриотов в победу в войне свидетельствует награждение в 1996 г. группы китайских ветеранов медалью Жукова, которая «вручается военнослужащим и лицам вольнонаемного состава Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД, партизанам, участникам подполья за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в боевых действиях с немецко-фашистскими захватчиками, японскими милитаристами, и в ознаменование 100-летия со дня рождения Г.К. Жукова» [Об утверждении статута...].

1 сентября 1996 г. председатель Общероссийской общественной организации ветеранов войны и военной службы Герой Советского Союза, генерал армии В.Л. Говоров в Харбине вручил медали пяти ветеранам: Чэнь Ляю, Ван Мингую, Чжан Жуйлиню, Ли Минь, Ван Цзюнью [Во шэн у мин фаньфасисы лао чжаньши...]. Аналогичная церемония прошла 18 сентября в Шэньяне. «Ляонин жибао» писала: «Российское правительство вручило награды ветеранам бывшей советской армии из нашей провинции». Вице-губернатор провинции Ляонин Гао Гочжу в своем выступлении отметил, что в ходе антифа-

шистской войны между советским и китайским народами завязалась крепкая дружба, которая «сегодня получает новое развитие и демонстрирует мощную жизненную силу, что несет пользу народам обеих стран и всего мира». Президент России подписал Указ о награждении 10 ветеранов 88-й бригады: Дань Личжи, Ван Сяньчжуна, Ван Цинъюня, Чжоу Шулин (ж), Фань Шоуе, Мэн Сяньдэ, Чжан Чжэньэня, Ван Техуань (в 8 лет девочка вместе с отцом вступила в ряды антияпонских борцов), Хао Фэнью [Цюй Лиминь].

Российские ветераны, пока им позволяло состояние здоровья, посещали Китай, встречались с бывшими бойцами 88-й бригады. Во время визитов руководителей России и Китая проходили встречи с участниками войны, что демонстрирует уважение к ним и признание их заслуг на самом высоком уровне. В 2010 г. президент России Д.А. Медведев начал визит в Китай с посещения русского воинского кладбища в Льюйшуне, почтил память павших при освобождении Северо-Восточного Китая солдат и офицеров Советской армии, встретился с российскими и китайскими ветеранами антияпонской войны. Китайские руководители Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин во время визитов в Россию встречались с ветеранами и вручали им в юбилейные годы памятные медали «Мир» (2010, 2015).

В 2018 г. на церемонию награждения президента В.В. Путина китайским орденом Дружбы в Золотой зал Всекитайского собрания народных представителей пригласили ветеранов обеих стран, что в очередной раз стало свидетельством сохранения памяти о дружбе и взаимопомощи двух стран в тяжелые военные годы. С китайской стороны присутствовали пожилые люди, некоторым из них уже исполнилось 100 лет. Они помнят события прошлых лет и взаимную поддержку в военные годы.

Награждение китайских ветеранов российскими медалями стало доброй традицией. Накануне 60-летия победы в Великой Отечественной войне, посол РФ в КНР И.А. Рогачев от имени президента России В.В. Путина вручил 27 ветеранам Китая, в том числе ветеранам 88-й бригады, юбилейные медали «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Это вновь продемонстрировало, что в нашей стране не забывают и никогда не забудут о вкладе китайского народа в общую Победу. Обращаясь к ветеранам, посол

сказал: «Многие из вас, находясь во время войны на территории Советского Союза, не жалея сил, трудились в тылу, обеспечивая советские войска обмундированием, продовольствием, работая в госпиталях, ухаживали за раненым» [Китайским ветеранам...] Среди награжденных — дочь Ли Фучуня¹ Ли Тэтэ, которая, как и другие воспитанники Ивановского интернационального дома, работала в тылу, трудилась в советском военном госпитале. Медаль получили летчик Тан До, воевавший в годы Великой Отечественной войны в Советском Союзе.

Юбилейные медали вручались также по случаю 65-й и 70-й годовщин Победы. В 2015 г. посол РФ в Китае А.И. Денисов с глубокой благодарностью вручил награды 32 китайским гражданам, которые внесли свой вклад в победу в Великой Отечественной войне. На церемонии присутствовал заместитель председателя ВК НПКСК Ван Чжэнвэй. Он отметил, что «народы Китая и России должны ценить прочную дружбу, завязавшуюся во время Второй мировой войны ценой жизни и пролитой крови, совместно защищать результаты Второй мировой войны и международную справедливость» [Посольство РФ в КНР...].

В 2015 г. — в год 70-летия Победы в обеих странах прошло около 60 совместных мероприятий. Си Цзиньпин принял участие в празднованиях в Москве в мае, В.В. Путин присутствовал в сентябре в Пекине на торжествах и параде, в котором впервые принял участие российский парадный расчет (в мае по Красной площади прошли китайские военнослужащие). Представляется, что в КНР дате окончания войны сегодня придают большее, чем раньше, значение. Единственный парад, связанный с победой над Японией, прошел в Харбине 16 сентября 1949 г.; тогда по городу прошли части Советской армии.

Из всего изложенного следует, что совместные усилия политических, общественных и научных кругов России и Китая направлены на сохранение исторической правды, противодействие любым попыткам исказить и переписать историю. А подобные попытки предпринимались сразу после окончания войны: американский пре-

---

¹ Ли Фучунь — видный партийный и государственный деятель.

зидент Г. Трумэн на встрече с ветеранами заявил, что «русские не внесли никакого военного вклада в победу» [Оценка вклада...], хотя американские и даже японские военные отмечали, что вступление СССР в войну поставило Японию в безвыходное положение. Этот факт подтверждают также архивные документы и опубликованные воспоминания участников событий. Несмотря на очевидные доказательства, на Западе через 75 лет после окончания войны в угоду политическим интересам набирает силу искусственно инспирированная кампания по приуменьшению роли Советского Союза в победе над фашизмом и японским милитаризмом. В этой связи весьма своевременной представляется предложенная в 2020 г. поправка к Конституции Российской Федерации, сформулированная следующим образом: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [Путин предложил...]. Это — важнейшая задача общества, наказ будущим поколениям.

Проводимые в России и Китае мероприятия, издаваемые книги и документы, организуемые фотовыставки, правдиво отражающие события Второй мировой войны, помогут поставить заслон клевете и отрицанию очевидных фактов. Этим целям отвечает патриотическая работа, которая проводится в России и Китае по сохранению исторической памяти. В Китае в 2018 г. образовано Министерство по делам ветеранов. Оно обновляет политику и законодательство, касающиеся ветеранов, с особым вниманием относится к ветеранам антияпонской войны. Российское правительство в год 75-летия Победы также объявило о мерах по поддержке ветеранов.

Сегодня память о советско-китайском боевом содружестве поддерживают потомки ветеранов, их дети и внуки. Они используют современные технические достижения, становятся блогерами, создают сайты о ветеранах, публикуют материалы о них в социальных сетях, проводят интернет-конференции, разыскивают и делают достоянием общественности неизвестные ранее архивные документы. Например, младшая дочь Ли Чжаолина Ли Чжоя (ее называли Зоей в честь Зои Космодемьянской), ведет посвященный отцу блог, где размещает статьи, фотографии, воспоминания детей участников

ДОАСЯ. У нее 300 тыс. подписчиков. И она не одинока в своем начинании. Вместе с другими потомками участников антияпонской войны Ли Чжоя рассказывает молодежи об истории Китая, борьбе за национальное освобождение и демократические преобразования, выступает в школах и вузах по всей стране, чтобы привить молодежи так называемый красный ген, развить в них чувство патриотизма и гордости за свою страну, напомнить о героических делах участников антияпонской войны.

В России большую военно-патриотическую работу, особенно среди молодежи, ведет общественная организация «Ассоциация потомков летчиков, воевавших в Китае в 1937—1940 гг.». Дети и внуки героев выступают перед общественностью, проводят пресс-конференции, организуют фотовыставки, поддерживают связь с китайскими музеями антияпонской войны. Таким образом они сохраняют историческую память, подтверждают мысль о неразрывности связи поколений, выполняют моральный долг перед отцами и дедами. Связь между ветеранами двух стран сохраняют Российский и Московский комитеты ветеранов. В последнем на китайском направлении работает участник освобождения Северо-Востока Китая генерал-майор Т.Г. Щудло, которому в 2020 г. исполнилось 93 года.

В 2020 г., в год 75-летия Победы планируется провести серию масштабных мероприятий. В Китае, например, состоится фестиваль фильмов о войне, будут показаны художественный фильм «Т-34», художественно-документальный фильм о летчиках-добровольцах в небе Уханя, состоятся награждения ветеранов. Продолжается пополнение экспонатами китайских музеев, посвященных антияпонской войне и помощи Советского Союза. Будут проведены разного рода фотовыставки. Одна из них посвящена 120-летию со дня рождения маршала В.И. Чуйкова, в 1940—42 гг. занимавшего должности военного атташе СССР в Китае и главного военного советника главнокомандующего китайской армией Чан Кайши. Общество российско-китайской дружбы организует молодежный фестиваль «Мы наследники Великой Победы», который пройдет в более, чем в 10 городах России.

Большую пользу приносят совместные встречи на российской и китайской земле, участие китайских делегаций и отдельных граждан в акциях Бессмертного полка, встречи россиян и китайцев у памят-

ников советским воинам и китайским героям в Китае. Возложение цветов к памятникам советским воинам в Китае стало частью празднования Дня поминовения усопших и воспринимается китайцами как часть своей традиции. Таким образом, люди отдают дань уважения тем, кто обеспечил сегодняшнюю мирную жизнь, и показывают, что герои навсегда остались в народной памяти.

Народы наших двух стран скрепили дружбу своей кровью и собственными жизнями, тем самым сцементировав фундамент китайско-российских отношений и дружбы поколений.

Библиографический список

Аленко А.В. Советско-китайское военное сотрудничество в Дальневосточном приграничье в годы Второй мировой войны // Культура и наука Дальнего Востока. 2018. № 1. С. 86—92.

Военно-политический бюллетень по Китаю по состоянию на 5 июня 1933 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 154. Д. 528. Л. 20—66.

Иванов В.И. В тылах Квантунской армии. М.:ИДВ РАН, 2009. 335 с.

Китайским ветеранам вручены российские государственные награды. URL: <https://gia.ru/20050429/39760376.html> (дата обращения: 10.02.2020).

Красные соколы. Советские летчики. 1936—1953. URL: <http://airaces.narod.ru/china/china.htm> (дата обращения: 20.02.2020).

Мухин М.Ю. Советский авиазавод в Синьцзяне. 1930—1940-е годы // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 236—239.

Об утверждении статута ордена Жукова, положения о медали Жукова и их описаний. URL: <https://zakonbase.ru/content/part/151818> (дата обращения: 10.01.2020).

Оценка вклада СССР в победу над милитаристской Японией. URL: <http://usa-history.ru/books/item/f00/s00/z0000041/st011.shtml> (дата обращения: 12.01.2020).

Посольство РФ в КНР наградило 32 китайских граждан российской юбилейной медалью «70 лет Победы в ВОВ». URL: http://russian.news.cn/china/2015-04/16/c_134154711.htm (дата обращения: 12.01.2020).

Путин предложил закрепить в Конституции защиту исторической правды. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2872816.html> (дата обращения: 12.01.2020).

Российский государственный военный архив (РГВО). Ф. 34725. Оп. 1. Д. 146. Л. 1—67.

Шелоков А.А. Деньги мира: занимательные факты, курьезы, истории. М.: ЭКСМО, 2015. 261 с.

Во шэн у мин фаньфасисы лао чжаньши бэй шоууй чжукэфу сюньчжан : [Пять ветеранов-антифашистов из нашей провинции удостоены медали Жукова] // Хэйлунцзян жибао : [Ежедневная газета Хэйлунцзяна]. 02.09.1996. (На кит. яз.)

Са Су. Дунбэй канжи лянцзюнь цзюодао люй: чань туди паньшэн дэ чжунго цзэнбао : [Учебная бригада Дунбэйской антияпонской объединенной армии: рожденные китайской землей гепарды] // Дан дэ шэнхо. 2015. № 10. С.18—21. (На кит. яз.)

Цзюньжэнь фужэнь ху чжэнь — цзай су цянсянь вэй чжаньши фэнчжи ифу : [Жена бойца Ху Чжэнь на фронте в СССР шила одежду для солдат]. URL: <http://www.dragonnewsru.com/ez70ntopic/tt/20150505/13518.html> (дата обращения: 12.02.2020). (На кит. яз.)

Цюй Лиминь. Э чжэнфу сян во шэн цаньцзя цянью сулян хунцзюнь дэ лао чжаньши шоусюнь : [Правительство России наградило ветеранов нашей провинции, служивших в бывшей советской Красной армии] // Ляонин жибао : [Ежедневная газета провинции Ляонин]. 19.09.1996. (На кит. яз.)

References

Alepko, A.V. (2018). Sovetsko-kitayskoye voyennoye sotrudnichestvo v Dal'nevostochnom prigranich'ye v gody Vtoroy mirovoy voyny [Soviet-Chinese military cooperation in the Far Eastern border region during World War II], *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka [Culture and Science of the Far East]*, No 1: 86—92. (In Russian).

Ivanov, V.I. (2009). V tylakh Kvantunskoy armii [In the rear of the Kwantung army], М.: *IDV RAN (IFES RAS)*, 335 p. (In Russian).

Junren furen hu zhen — zai su qianxian wei zhanshi men fengzhi yifu [The wife of soldier Hu Zhen, who served at the frontline in the USSR, sewed clothes for soldiers]. URL: <http://www.dragonnewsru.com/ez70ntopic/tt/20150505/13518.html> (accessed: 12 January, 2020). (In Chinese).

Kitajskim veteranam vrucheny rossijskie gosudarstvennyye nagrady [Chinese veterans received Russian state awards]. URL: <https://ria.ru/20050429/39760376.html> (accessed: 10 February, 2020). (In Russian).

Krasnyye sokoly. Sovetskiye letchiki [Red falcons. Soviet pilots]. 1936—1953. URL: <http://airaces.narod.ru/china/china.htm> (accessed: 20 February, 2020). (In Russian).

Mukhin, M.Yu. (2004). Sovetskiy aviazavod v Sin'tszyane. 1930—1940-ye gody [Soviet aircraft factory in Xinjiang. 1930—1940s], *Novaya i noveyshaya istoriya [New and Recent History]*, No. 5: 234—236. (In Russian).

Ob utverzhenii statuta ordena Zhukova, polozheniya o medalii Zhukova i ikh opisaniy [On the approval of the statute of the Order of Zhukov, the regulations on the Medal of Zhukov and their descriptions]. URL: <https://zakonbase.ru/content/part/151818> (accessed: 10 January, 2020). (In Russian).

Otsenka vklada SSSR v pobedu nad militaristskoy Yaponiyey [Assessment of the USSR's contribution to the victory over militaristic Japan]. URL: <http://usa-history.ru/books/item/f00/s00/z0000041/st011.shtml> (accessed: 12 January, 2020). (In Russian).

Posol'stvo RF v KNR nagradilo 32 kitayskikh grazhdan rossiyskoy yubileynoy medal'yu «70 let Pobedy v VOV» [The Russian Embassy in China awarded 32 Chinese citizens with the Russian jubilee medal «70 years of Victory in the Great Patriotic War»]. URL: http://russian.news.cn/china/2015-04/16/c_134154711.htm (accessed: 12 January, 2020). (In Russian).

Putin predlozhit zakreplit' v Konstitucii zashchitu istoricheskoy pravdy [Putin proposed the constitutional protection of historical truth]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2872816.html> (accessed: 12 January, 2020). (In Russian).

Qu Limin (1996). E zhengfu xiang wo sheng canjia qian sulian hongjun de lao zhanshi shouxun [Russian government awarded our province's veterans who served in the former Soviet Red Army]. *Liaoning ribao [Liaoning Daily]*. 19 September. (In Chinese).

Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyi arkhiv [Russian State Military Archive (RGVO-RSMA)]. F. 34725. Op.1. D. 146. L. 1—67 [Fund 34725, Inventory 1, File 146: 1—67]. (In Russian).

Sa Su (2015). Dongbei kangri lianjun jiaodao lv: chan tudi pansheng de hongguo zengbao [Dongbei anti-Japanese United army training brigade: Chinese-born cheetahs]. *Dang de shenghuo [Party's life]*, No. 10: 18—21. (In Chinese).

Shchelokov, A.A. (2015). Den'gi mira: zanimatel'nyye fakty, kur'yezy, istorii [Money of the world: interesting facts, curiosities, stories]. M.: EKSMO PH, 261 p. (In Russian).

Voyenno-politicheskiy byulleten' po Kitayu po sostoyaniyu na 5 iyunya 1933 g. [Military and political Bulletin on China as of June 5, 1933], *Russian State Archive of socio-political history [Rossijskiy gosudarstvennyy arkhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI-RSASPH)]*. F. 495. Op. 154. L. 22, 65 [Fund 495, Inventory 154, File 528: 22, 65]. (In Russian).

Wo sheng wu ming fanfaxisi lao zhanshi bei shouyu zhukefu xunzhang [Five anti-fascist veterans from our province are awarded Zhukov medals], *Heilongjiang ribao [Heilongjiang Daily]*. 2 September, 1996. (In Chinese).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10024

В.Г. Шаронова

РОЛЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПОДГОТОВКЕ КИТАЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ (НА ПРИМЕРЕ ХАРБИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА) (1920—1932 гг.)

Аннотация. В статье рассказывается об истории основания и деятельности ведущего высшего технического учебного заведения современного Китая — Харбинского политехнического института (университета), отмечающего в этом году столетний юбилей. Его открытию способствовало развитие промышленности на Северо-востоке Китая и строительство Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), нуждавшихся в высококвалифицированных кадрах. В 1920 г. по инициативе группы российских инженеров и профессоров императорских университетов из среды «белой эмиграции» было создано «Общество по учреждению Русско-Китайского техникума в городе Харбине», которое и провело всю необходимую организационно-подготовительную работу. И в октябре 1920 г. Русско-Китайский политехникум принял своих первых учащихся — молодых русских и китайцев.

В руководство Техникума (впоследствии преобразованного в Институт) вошел ряд ведущих деятелей русской науки и высокие чины администрации Харбина. Ими были приняты на вооружение самые передовые методики обучения техническим наукам, соответствующие мировым стандартам высшего образования.

В работе освещаются вопросы организации и ведения учебных процессов, описывается жизнь и работа студентов и преподавателей Института. Большую роль в деле становления Института сыграло правление КВЖД. Так, за счет предоставлявшихся им субсидий для Института приобреталось самое современное оборудование, предназначенное для оснащения учебных аудиторий и научных лабораторий. Принцип совместного управления Харбинским политехническим институтом русскими (потом советскими) и китайскими гражданами стал важным фактором, благоприятно сказавшимся на эффективности работы вуза. Харбинский политех внес большой вклад в развитие системы высшего образования в Китае, будучи авторитетным учебным заведением и служа примером для других технических вузов Китая, готовящих национальные кадры.

С момента своего открытия, Институт несколько раз менял свою структуру и название, что было обусловлено как потребностями развития экономики, так и политическими изменениями, однако история его деятельности проходит красной нитью в истории всей Маньчжурии. Время показало, что заложенная русскими учеными-эмигрантами система высшего образования была наилучшей. В наши дни отмечающий свое столетие Харбинский политехнический университет продолжает оставаться одним из самых престижных и востребованных вузов Китая.

Ключевые слова: Харбинский политехнический институт (университет), дорожно-строительный факультет, электро-механический факультет, Китайская Восточная железная дорога (КВЖД), Китай, СССР, Россия, высшее образование, подготовка национальных кадров.

Автор: Шаронова Виктория Геннадьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. E-mail: vsharonova@mail.ru

V.G. Sharonova

The Role of Russian Emigration in the Training of Chinese National Staff (on the Example of Harbin Polytechnic Institute (1920—1932))

Abstract. The article tells about the history of foundation and activities of the leading higher technical institution (university) in modern China — Harbin Polytechnic University, which is celebrating its cente-

nary this year. Its establishment was due to the development of industry in the North-East of China and the construction of the Chinese Eastern railway, which needed highly qualified personnel. In 1920 at the initiative of a group of Russian engineers and professors of Imperial universities belonging to the “white emigration”, the “Society for the establishment of a Russian-Chinese technical college in Harbin” was created. The Society carried out all the necessary organizational and preparatory work. And in October 1920 The Russo-Chinese Polytechnic College welcomed its first students — young Russians and Chinese.

The administration of the Technical College (later transformed into an Institute) included a number of celebrated Russian scientists as well as high municipal officials of Harbin. They adopted the most advanced methods of teaching technical sciences that met the world standards of higher education.

The paper highlights organization and management of educational processes, describes life and work of students and teachers of the Institute. The Board of the Chinese Eastern railway played a major role in the development of the Institute. For example, the Institute received most advanced equipment for classrooms and research laboratories. The principle of joint management of Harbin Polytechnic Institute by Russian (later on — Soviet) and Chinese citizens became an important factor that had a positive impact on the efficiency of the Institute. Harbin Polytechnic Institute has made a great contribution to the development of higher education in China, being an authoritative educational institution that serves as an example for other Chinese technical universities that train national staff.

Since its opening, the Institute has changed its structure and name several times due to the needs of economic development and political changes as well, but the history of its activities has been an important page in the history of entire North-East China. Time has shown that the system of higher education established by Russian emigrant scientists was one of the best. Today, celebrating its centenary, Harbin Polytechnic University remains to be one of the most prestigious and popular universities in China.

Keywords: Harbin Polytechnic Institute (University), faculty of road construction, electro-mechanical faculty, Chinese Eastern railway (CER), China, USSR, Russia, higher education, training of national staff.

Author: Victoria G. SHARONOVA, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: vsharonova@mail.ru

В начале XX века, с развитием промышленности и железных дорог в Северной Маньчжурии встал вопрос об открытии «местного» учебного заведения по подготовке технических кадров, способных отвечать требованиям развивающейся экономики региона. Подрастала местная русская и китайская молодежь, желавшая работать в разных хозяйственных сферах Северо-Востока Китая. А поездки на учебу в Россию были малодоступными для большинства молодых людей.

Само время сделало необходимым открытие специализированного учебного заведения, тем более, что в Харбине и по линиям Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), при наличии целой сети средних учебных заведений, выпускающих ежегодно около пятисот человек [Щелков, с. 242], не было ни одной образовательной структуры высшего технического звена. В этой обстановке руководство КВЖД приняло решение о создании техникума для подготовки инженерно-технического персонала.

5 августа 1920 г. состоялось первое собрание членов Общества по учреждению Русско-Китайского техникума в городе Харбине. Почетным председателем Общества был избран председатель правления Общества КВЖД генерал Сунь Сяолян, председателем Общества — генерал Д.Л. Хорват, товарищем председателя — товарищ председателя правления КВЖД В.Д. Лачинов. В число членов Общества по учреждению Русско-Китайского техникума в городе Харбине вошли и другие представители КВЖД, а также члены городского самоуправления Харбина, Биржевого комитета и др. Новое общество выбрало правление будущего учебного заведения, которому поручило разработать и осуществить проект создания высшего технического учебного заведения в г. Харбине с тем, чтобы оно было открыто уже осенью 1920 г. В состав Правления вошли следующие авторитетные в Харбине люди: Н.Л. Гондатти¹ (председатель), ин-

---

¹ Гондатти Николай Львович (Людвигович) (21.11.1860 г., Москва — 5.04.1946 г. Харбин, Китай). Государственный деятель: губернатор Томской губернии (1906), в 1908 — губернатор Тобольской губернии. Приамурский генерал-губернатор (1911), этнограф, исследователь Сибири и Дальнего Востока. Шталмейстер (1910). Член Императорского Русского Географического общества (с 1887). Начальник земельного отдела Китайско-Восточной железной дороги (1918—1924).

женер В.К. Калабановский (казначей), инженер П.Ф. Козловский¹, инженер А.А. Щелков².

Как писал в своих воспоминаниях А.А. Щелков, «дружный состав Правления, его творческий порыв, трудоспособность и технические специальные познания — дали место только плодотворной работе, а не теоретическим и всеобъемлющим рассуждениям. Важно было определить надлежащий масштаб, в котором начать дело, и как его постепенно расширять; важно было организовать личный штат Института, который горел бы идеей творчества и всю энергию свою тратил бы на плодотворную работу; важно было здоровое начинание финансировать и поставить его на материально скромных, но твердых основаниях» [Щелков, с. 242].

Правление разработало Устав Русско-Китайского техникума и назначило А.А. Щелкова директором создаваемого учебного заведения. Осенью 1920 г. состоялось открытие Русско-Китайского политехникума, которому предшествовало первое заседание Педагогического совета (28 сентября). А уже 5 октября прошел первый вступительный экзамен. Регулярные занятия Политех начал через две недели — 18 октября.

В Техникуме были открыты два отделения — дорожно-строительное (специальность — инженер путей сообщения) и электро-механическое по специальностям инженер-механик и инженер-электрик.

Срок обучения в Политехникуме был определен в 3 года.

В октябре 1920 г. начали работу и одногодичные курсы русского языка для китайских студентов, поскольку преподавание в Техникуме велось на русском языке.

---

¹ Козловский Павел Фадеевич (3.03.1887 г., Екатеринослав — 11/24.01.1949 г., Япония). Инженер путей сообщения. В эмиграции в Харбине с 1920 г. Работал на КВЖД, декан дорожно-строительного отделения ХПИ (1920—1928), зав. кафедрой строительного искусства, профессор.

² Щелков Алексей Алексеевич (23.04.1876 г., Ярославль — 28.11.1942, Шанхай). Инженер путей сообщения. Участвовал в строительстве железной дороги между Ижевском и Воткинским заводом и ж/д линии «Казань—Екатеринбург». В эмиграции в Китае: директор Харбинского политехнического техникума/института в 1920—1924 гг., преподаватель геодезии; после переезда в Шанхай — профессор геодезии в Русском Техническом центре.

В число преподавателей учебного заведения в разные годы входили известные ученые, выпускники русских столичных и ведущих провинциальных вузов, совершенствовавшие свои знания в крупнейших европейских университетах и имевшие огромный опыт теоретической и практической работы. Среди них можно назвать профессоров: В.А. Барри, В.А. Белобродского, А.А. Боголюбского, Ф.Ф. Ильина, Ф.Н. Индриксона, В.А. Кулябко-Корецкого, Н.К. Пафнутьева, А.А. Щелкова и др.; инженеров: Д.А. Борейко, Н.А. Гейкинга, М.П. Извекова, В.Я. Кирпатовского, М.Ф. Кочержинского, В.Н. Флерова; преподавателей китайских подготовительных классов: С.Н. Усова, Цзунь Жэня, Чжан Айтана, В.В. Болгарского, Хуан Гуйфу, Чэнь Ланьсуна, П.А. Шосса и др.

В деле создания Техникума (впоследствии — Института) руководство Китайской Восточной железной дороги сыграло главную роль, поскольку именно оно предоставило для нужд учебного процесса современные здания, закупило большую часть необходимого оборудования. Руководство КВЖД ежегодно выделяло Техникуму (затем — Институту) субсидию в размере 75 тыс. руб.

И 2 апреля 1922 г. Техникум был преобразован в высшее техническое учебное заведение (втуз) — Русско-Китайский политехнический институт.

Китайское правительство высоко оценило успехи Политехнического института и, начиная с лета 1923 г., объявляло по всем китайским провинциям, что лица, окончившие средние учебные заведения Китая, приглашаются в Пекин и Харбин держать конкурсные экзамены для поступления в данный втуз, а также ежегодно выделяло китайским студентам, наиболее успешно выдержавшим экзамен, по двадцать стипендий, каждая из которых — в сумме от 600 до 100 долл. Среди студентов были и стипендиаты центрального правительства.

Приходная и расходная смета Института на 1925 г., утвержденная его Правлением, составила 165 тыс. золотых рублей. Ежегодная плата за обучение равнялась 200 руб. (для семей железнодорожников) и 300 руб. (для обычных семей). Для семей тех китайцев, которые обучались на подготовительных отделениях — 100 руб. и 150 руб. соответственно.

Все это свидетельствовало о важности созданного по инициативе русских эмигрантов Русско-Китайского политехнического института не только для русской, но и для китайской молодежи и в целом — для всей системы образования Китая. Как отмечал в 1924 г. ректор Института А.А. Щелков, — «Прошло свыше четырех лет со дня основания Института, и на пятый год его существования лица, создавшие Институт, могут с чувством глубокого удовлетворения оглянуться на прошлое и констатировать, как положительные результаты, достигнутые дружной, совместной работой административного и учебного персонала Института, так и укрепление того авторитета и веса, каким должно пользоваться среди русского и китайского населения единственное Высшее Техническое Учебное заведение в Маньчжурии» [Щелков, с. 243].

В первые годы во втузе учились только юноши, девушки-студентки стали появляться только в 1923/24 учебном году.

В октябре 1924 г. и в январе 1925 г. состоялись первый и второй выпуски инженеров путей сообщения, окончивших полный курс Русско-Китайского политехнического института. Выпускники сдавали экзамены по инженерным дисциплинам и защищали дипломные проекты перед Особой экзаменационной комиссией. В ее состав входили представители Союза инженеров Маньчжурии и Китайской Восточной железной дороги, а также профессора и экзаменаторы Академического совета института.

В числе первых выпускников было много талантливых инженеров, которые внесли большой вклад в развитие промышленности Китая и тех стран, в которые они в дальнейшем уехали.

1-й выпуск (12 октября 1924 г.): Е.П. Топорнин (*с занесением на золотую доску*), К.И. Погодин, Б.С. Фалькенштейн, Н.П. Калугин, Д.Н. Долматов, М.В. Карбышев.

2-й выпуск (20 января 1925 г.): П.А. Щелков (*с занесением на золотую доску*), М.Н. Покровский, Ю.М. Грабовский, С.Н. Покровский, В.В. Корягин, В.Г. Мелихов, В.В. Яценко-Хмелевский, В.Н. Агуров, В.В. Дистерло, Л.С. Будагианц, С.К. Иваницкий, И.С. Скоблин, Н.А. Воскресенский, С.В. Шешуков, А.Н. Бабаев, И.К. Богданов [Щелков, с. 247].

С 1924 по 1931 г., согласно подписанным советско-китайским соглашениям, Китайская Восточная железная дорога находилась под совместным управлением СССР и Китая. Переходу к совместному управлению предшествовала определенная подготовительная работа, одним из важных этапов которой было принятие гражданства (советского или китайского) железнодорожными рабочими и служащими в соответствии со ст. V Соглашения по КВЖД: «Назначение служащих в различных управлениях дороги производится на основе равного представительства граждан СССР и Китайской Республики». Окончательной датой определения гражданства было назначено 1 октября 1924 г. [Аблова, с. 157]. Вопросами перехода жителей в советское гражданство занималось Генеральное консульство СССР в Харбине.

Всем русским сотрудникам было предложено принять или советское, или китайское гражданство. Такие же требования предъявлялись и к русским студентам. Лицам, которые оставались в статусе

Таблица 1. Количество студентов института с разбивкой по гражданству (на 1.10.1931 г.)

Фак-т	Год обучения	Граждане СССР	Граждане Китая (китайцы)	Граждане Китая (русские)	Итого китайских граждан	Лица вне гражданства	Всего
Инженерно-строительный	I	42	32	4	36	—	78
	II	34	9	9	18	—	52
	III	29	24	9	33	—	62
	IV	30	8	13	21	—	51
	V	31	6	10	16	—	47
	Выше V	40	10	17	27	—	67
Итого		206	89	62	151	—	357
Электромеханический	I	52	27	8	35	—	87
	II	46	22	22	44	—	90
	III	59	16	24	40	—	99
	IV	50	9	12	21	—	71
	V	48	7	15	22	2	72
	Выше V	50	16	26	42	4	96
		305	97	107	204	6	515

Источник: [РГИА. Ф.323. 1931. Оп.5. Д.1257. Л.12].

эмигранта и не имели гражданства, было позволено завершить свое образование, но новый набор для таких лиц был закрыт.

Новым ректором Института был назначен Л.А. Устругов¹. Расширившаяся к тому времени структура Института включала: подготовительные трехгодичные курсы для китайских юношей, не знавших русского языка; факультеты: Дорожно-строительный и Электро-механический с пятилетним сроком обучения.

В подчинении Института находилось еще несколько учебных заведений: младшее и старшее Отделение подготовительных классов для китайцев, желающих поступить в Русско-Китайский политехнический институт; вечерние курсы для китайских студентов, окончивших Харбинское коммерческое училище, и служащих КВЖД; курсы по подготовке к экзаменам на звание «техник путей сообщения»; Техническое железнодорожное училище.

Научной жизнью Института руководил Академический совет. На каждом факультете проводились совещания по разработке программ обучения, учебного плана, порядка сдачи зачетов и т. д. В состав Академического совета входили заведующие кафедрами и лекторы вне кафедральных предметов во главе с председателем (ректором) [Новая жизнь. Л. 83].

Динамика роста количества преподавателей и студентов (включая китайских) представлена в табл. 2.

Пятилетний курс обучения включал в себя 4 года теоретической, научно-практической работы в лабораториях и кабинетах и подготовку курсовых проектов, а также 1 год для дипломной работы в лабораториях и написания дипломных проектов. Программы обучения были разработаны по базовым программам, принятым в технических вузах Российской империи.

---

¹ Устругов Леонид Александрович (23.11.1877 г., Москва — 15.02.1938 г., Москва). Инженер путей сообщения. В 1902—1916 гг. работал на различных железных дорогах Российской империи. С 1 ноября 1916 г. — помощник начальника управления железных дорог Министерства путей сообщения России. С февраля по октябрь 1917 г. — товарищ министра путей сообщения при Временном правительстве. Министр путей сообщения в правительстве адмирала А.В. Колчака (1918—1920 гг.). В 1920 г. эмигрировал в Китай. Ректор Харбинского политехнического института. С 1935 г. — в СССР, работал в Народном комиссариате путей сообщения.

Таблица 2. Общая численность студентов и преподавателей

№ п/п	Учебный год	Кол-во студентов и преподавателей	Из них: кит. студенты
1	1920/21	98	8
2	1921/22	174	28
3	1922/23	268	48
4	1923/24	278	45
5	1924/25	374	57
6	1925/26	420	62
7	1926/27	549	62

Научная жизнь Института постоянно совершенствовалась. С 1 января 1926 г. по 1 января 1927 г. состоялось 16 заседаний Академического совета, 45 заседаний академического комитета и 37 факультетских заседаний и комиссий.

В учебном процессе уделялось самое серьезное внимание теоретической подготовке, сочетавшейся с систематическими практическими работами студентов. Большую роль в этом играла обязательная летняя практика на Китайско-Восточной железной дороге и местных железных дорогах в службах тяги, путей и сооружений, эксплуатации, телеграфа и на заводско-промышленных предприятиях края.

В докладной записке «О студентах, практикующихся в Харбинском политехническом институте», подготовленной ректором Политеха для руководства КВЖД, сообщалось, что для прохождения летней практики «В 1929 году было назначено 93 человека из них 70 европейской и 23 китайской национальности. В 1930 году было назначено 81 человек, из них 43 европейской и 38 китайской национальности с окладами содержания по 30 рублей в месяц» [РГИА. 1931-Ф. 323. Оп. 5. Д. 1257. Л. 6].

Практика проходила как в Харбине, так и на линии КВЖД. Студенты находились там под наблюдением специальных кураторов,

отвечающих за эффективность стажировки. Все проведенные студентами работы регистрировались в особых журналах, которые представлялись в Институт по окончании практики.

Пополнение числа учебно-вспомогательных учреждений требовало расширения институтских площадей. Поэтому помещения служб КВЖД последовательно освобождались и предоставлялись Институту. С 1920 по 1926 гг. общая площадь всех помещений Института увеличилась в 5 раз и составила 1508 кв. м.

Для печати научных пособий Институт имел свою литографию. Почти по всем предметам, читаемым во втузе, были изданы литографированные лекции (60 изданий). Благодаря этому пособию, студенты имели возможность хорошо подготовиться к зачетам и экзаменам.

Студенческая жизнь Института была очень насыщенной. Администрация этому всячески способствовала. Активно работал Совет курсовых старост (Старостат), который материально помогал малообеспеченным студентам, особенно старших курсов, внося за них часть платы за обучение, предоставляя им оплачиваемые работы по переписке лекций, по изготовлению чертежей, а также возможность вести частные уроки. Ежегодно устраивался благотворительный студенческий бал, который собирал на нужды студентов от 3 до 5 тыс. руб. При институте был открыт студенческий технический кружок. Ежегодно студенты выпускали журнал «День политехника».

В 1928 г. Институт перешел в ведение Особого района восточных провинций, после чего средства для содержания Института начали поступать от руководства ОРВП¹. В ноябре 1928 г., на основании достигнутого между советской и китайской сторонами соглашения,

---

¹ ОРВП — Особый район Восточных провинций: особая административно-территориальная единица провинциального уровня, существовавшая в составе Китайской Республики в 1921—1932 гг. 23 сентября 1920 г. декретом президента Китайской Республики Сюй Шичана «О прекращении признания полномочий российских посланников и консулов в Китае» было отменено право экстерриториальности для подданных Российской империи, а 5 февраля 1921 г. зона отчуждения КВЖД была преобразована в «Особый район Восточных провинций», во главе которого стоял главноначальствующий, подчинённый генерал-инспектору Трех восточных провинций Чжан Цзолиню. В 1922 г. было установлено, что под юрисдикцией главноначальствующего

была произведена реорганизация вуза, утвержден состав его Правления и ревизионного комитета. На должность ректора был назначен китаец, а проректором — русский. С этого времени Институт начал именоваться Харбинским политехническим институтом (ХПИ).

В 1931 г. в ХПИ произошли изменения: был открыт новый, Транспортно-коммерческий факультет с двумя отделениями, готовящий специалистов по ведению коммерческих сделок на железнодорожном транспорте. Делами академического характера занимался Совет профессоров.

В 1931—1932 учебном году на службе в Институте состояло 178 преподавателей, из которых 72 имели китайское гражданство, 83 — советское, 9 — поданных Японской империи и 14 лиц — «без подданства». В 1931 г. произошла «чистка» профессорско-преподавательского состава. Некоторые профессора лишились своих мест и часть из них перешла на работу в другие вузы, в том числе в Институт Св. Владимира. Среди перешедших были инженер В.А. Кулябко-Корецкий, инженер М.П. Извеков, инженер В.В. Калошин, инженер В.Н. Флеров, инженер С.И. Масловский, инженер П.А. Иванов и др. [ГАХК.1935—1941.Ф. Р830. Оп. 3. Д. 3697. Л. 49].

В 1931 г. в числе преподавателей ХПИ состояли: В.В. Белоконев, Л.А. Витман, И.А. Георгов, М.Н. Горвиц, А.Н. Губарев, Б.А. Зеликовский, В.С. Иванов, П.Н. Карасев, Г.Б. Кибель, В.В. Малеванный, П.К. Порженинский, В.В. Невский, И.З. Пейсах и др. [РГИА. 1.05.1931—12.1931 г. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1257. Л. 48.].

О приоритетах в выборе специальности студентов ХПИ можно судить по данным табл. 3 и 4, составленных по архивным материалам [РГИА. 1931. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1257. Л. 21—22].

Из данных табл. 3 следует, что как у русских, так и у китайских студентов самой популярной на Инженерно-строительном факультете была специальность по Отделению городского строительства. На

находилась примыкающая к КВЖД полоса шириной 10—15 км. В мае 1924 г. постановлением центрального правительства Китайской Республики «Особый район Восточных провинций» был признан отдельной административно-территориальной единицей провинциального уровня, не входящей в состав провинций Хэйлунцзян и Гирин. 1 сентября 1926 г. место размещения администрации главноначальствующего было выделено в отдельную административную единицу — «Особый город Харбин».

Таблица 3. Инженерно-строительный факультет (распределение по специализации) (на 15.07.1932 г.)

Отделение	Год обучения	Граждане СССР	Китайские граждане китайцы	Китайские граждане русские	Без гражданства	Всего
Городского строительства	III	8	14	4	0	26
	IV	11	5	8	0	24
	V	13	1	1	0	15
	VI и выше	4	1	4	0	9
Итого по Отделению		36	21	17	0	74
путей сообщения	III	11	8	0	0	19
	IV	6	2	2	0	10
	V	—	—	—	0	0
	VI и выше	3	2	0	0	5
Итого по Отделению		20	12	2	0	34
инженерных сооружений	III	4	2	2	0	8
	IV	6	0	0	0	6
	V	5	1	0	0	6
	VI и выше	0	0	1	0	1
Итого по Отделению		15	3	3	0	21
по старому плану*	III	—	—	—	—	—
	IV	—	—	—	—	—
	V	8	1	2	0	11
	VI и выше	16	2	3	0	21
Итого по Отделению		24	3	5	0	32
Не определившиеся	III	3	0	1	0	4
	IV	2	0	1	0	3
	V	3	1	4	0	8
	VI и выше	6	2	2	0	10
Итого по Отделению		14	3	8	0	25
Всего		109	42	35	0	186

* «По старому плану» — это по программе Института, действовавшей до 1929 г., до советского-китайского конфликта на КВЖД в 1929 г.

**Таблица 4. Электро-механический факультет (распределение по специализации)
(на 15 июля 1932 г.)**

Отделение	Год обучения	Граждане СССР	Китайские граждане китайцы	Китайские граждане русские	Без гражданства	Всего
Электротехническое	III	26	8	11	0	45
	IV	24	4	7	0	35
	V	2	2	3	1	8
	VI и выше	3	3	4	1	11
Итого по Отделению		55	17	25	2	99
Теплотехническое	III	19	5	5	0	29
	IV	20	4	4	0	28
	V	8	3	0	0	11
	VI и выше	1	2	2	0	5
Итого по Отделению		48	14	11	0	73
Технологическое	III	7	3	0	0	10
	IV	—	—	—	—	—
	V	—	—	—	—	—
	VI и выше	—	—	—	—	—
Итого по Отделению		7	3	0	0	10
по старому плану*	III	—	—	—	—	—
	IV	—	—	—	—	—
	V	16	1	5	1	23
	VI и выше	13	1	3	1	18
Итого по Отделению		29	2	8	2	41
Неопределившиеся	III	0	0	5	0	5
	IV	2	0	1	0	3
	V	8	3	3	0	14
	VI и выше	2	3	2	0	7
Итого по Отделению		12	6	11	0	29
Всего:		151	42	55	4	252

* «По старому плану» — это по программе Института, действовавшей до 1929 г., до советского-китайского конфликта на КВЖД в 1929 г.

втором месте — обучение на Отделении путей сообщения. Третье место — специальность по Отделению инженерных сооружений. 25 студентов из 186 свою специальность не выбрали. Как видно из Таблицы, лица, не имевшие гражданства, к середине 1932 г. на Инженерно-строительном факультете в ХПИ уже не обучались.

По данным, приведенным в табл. 4, видно, что наиболее популярным на Электро-механическом факультете было Электро-техническое отделение. На втором месте — Тепло-техническое. И совсем малое количество студентов обучалось на Технологическом отделении. Что касается обучения лиц, не имеющих гражданства, то данные Таблицы свидетельствуют о том, что они учились только на выпускных курсах.

С каждым годом количество студентов увеличивалось. Институт стал главным, ключевым техническим вузом по подготовке кадров для обслуживания различных линий Китайско-Восточной железной дороги. Выпускники, в том числе китайцы, получали хорошо оплачиваемую и престижную работу.

В 1935 г. в Харбинский политехнический институт пришла японская администрация. Русские преподаватели были уволены. Но они нашли себе новую работу в Северо-Маньчжурском Политехническом университете, в котором продолжили обучение и русские студенты.

В том же 1935 г. бывший ректор ХПИ Л.А. Устругов, получивший приглашение Советского правительства работать в Народном комиссариате путей сообщения в Москве, вернулся в СССР вместе с сотрудниками КВЖД, имевшими советское гражданство. В числе вернувшихся были и выпускники Политехнического института. 7 октября 1937 г. Леонид Александрович был арестован, а 15 февраля 1938 г. расстрелян по обвинению в шпионаже¹. Та же трагическая участь ожидала и большинство выпускников Харбинского политехнического института, работавших на железных дорогах СССР.

После образования КНР в 1949 г. в жизни Харбинского Политехнического института вновь произошли изменения. С 1950 г. в нем вместе стали обучаться советские и китайские студенты.

---

¹ Реабилитирован в мае 1989 г. Пленумом Верховного Суда СССР.

В настоящее время ХПИ имеет статус университета и пользуется огромным авторитетом в КНР. Среди его преподавателей можно часто встретить педагогов из России. В созданном несколько лет назад Музее истории Института целый зал отведен экспозиции, рассказывающей об истории создания вуза, которому в этом году исполняется 100 лет. Среди самых ценных экспонатов музея — фотографии первых преподавателей — русских профессоров и инженеров, основавших первый на Северо-Востоке Китая Политехнический институт, сыгравший большую роль в становлении технического образования в Китае.

Библиографический список

Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.

Газета «Новая Жизнь». Харбин. Юбилейный выпуск (1907—1927).

Государственный Архив Хабаровского Края (ГАХК). Ф. Р830. БРЭМ. 1935—1941 гг. Оп.3. Д. 3697. Белобородский В.А.

Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Правление Общества Китайской Восточной Железной Дороги. 1931 г. Материалы о Харбинском политехническом институте. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1257.

Щелков А. Русско-Китайский Политехнический Институт к началу 1925 года // Известия Юридического факультета / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1925. Том I.

References

Ablova, N.E. KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitaye: mezhdunarodnyye i politicheskiye aspekty istorii (pervaya polovina KhKh v.) [Chinese Eastern railway and Russian emigration in China: international and political aspects of history (first half of the 20th century)]. M.: Russkaya panorama PH, 2004, 432 p. (In Russian).

Rossiyskiy Gosudarstvennyy Istoricheskiy Arkhiv (RGIA) [Russian State historical archive], Praveniye Obshchestva Kitayskoy Vostochnoy Zheleznoy Dorogi [Board of the East China road Society]; Materialy o Kharbinskom politekhnicheskom institute

[Documents about Harbin Polytechnic Institute], *1.05.1931—12.1931, Fund 323, Inventory 5, File 1257.*

Gosudarstvennyy Arkhiv Khabarovskogo Kraya (GAKhK) [State archive of the Khabarovsk territory], *Fund R830. BREM. 1935—1941, Inventory 3, File 3697.* Beloborodskiy V.A.

Gazetta «Novaya Zhizn» [*“New Life” Gazette*]. *Yubileynyy vypusk [Anniversary issue]* (1907—1927).

Shchelkov, A. Russko-Kitayskiy Politekhnicheskiy Institut k nachalu 1925 goda [Russian-Chinese Polytechnic by the beginning of 1925], *Izvestiya Yuridicheskogo fakulteta [News of the faculty of Law], Higher school in Kharbin, 1925, Vol. I.* (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10025

Г.И. Саркисова

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 3-й КОМИССИИ О КОММЕРЦИИ ПО УЛУЧШЕНИЮ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ В 70-е ГОДЫ XVIII в.

Аннотация. Статья рассматривает один из важных эпизодов деятельности 3-й Комиссии о коммерции, учрежденной в 1763 г. по распоряжению императрицы Екатерины II и находившейся в ее ведении.

Вопрос о работе Комиссии по налаживанию русско-китайских торговых отношений не затрагивался ни в одном из немногочисленных исследований, посвященных истории ее учреждения. Вместе с тем, в архивах сохранились интересные исторические источники, связанные с деятельностью 3-й Комиссии о коммерции в направлении улучшения русско-китайской торговли. Среди них обращает на себя внимание обнаруженный в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) документ, представляющий собой таблицу с вопросами 3-й Комиссии и ответами на них купцов, торговавших на китайской границе. Значимость этих материалов объясняется тем, что они отражают процесс выполнения Комиссией поставленных перед ней самой императрицей конкретных задач по поводу установления пошлин на товары, которые продавали на границе русские купцы, поскольку от таможенного режима непосредственно зависела успешность двусторонней коммерции.

Данные опроса купцов свидетельствовали о сложности и масштабности проблем в русско-китайской торговле. Полученные от них сведения были переполнены названиями как российских, так и китайских товаров, на которые Комиссии предстояло установить пошлины. Кроме этой непростой работы, она должна была устранить и названные купцами недостатки в организации торговли: затягивание в досмотре и клеймении товаров, а также присутствие при этом китайских купцов, которые использовали сведения о количестве российских товаров для понижения на них цен. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что деятельность Комиссии осуществлялась в условиях отсутствия единомыслия в купеческой среде по многим вопросам и в первую очередь — относительно установления пошлин на различные товары. Вопросы Комиссии и ответы на них, отразив назревшие проблемы русско-китайской торговли, определили дальнейшее направление деятельности 3-й Комиссии о коммерции.

Ключевые слова: 3-я Комиссия о коммерции, русско-китайская торговля, московские купцы, тульские купцы, депутат Сибиряков, пошлины.

Автор: Саркисова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. E-mail: sarkisova1954@mail.ru

G.I. Sarkisova

On the Activities of the Third Commission on Commerce on the Improvement of Russian-Chinese Trade in the 70s of the XVIII Century

Abstract. The article examines activities of the 3rd Commission on Commerce, established under the jurisdiction of Empress Catherine II in 1763. The question of the Commission's work on establishing Russian-Chinese trade relations has not been touched upon in any of the few studies devoted to the history of its establishment.

The article draws on materials found in Russia's Foreign Policy Archive (AVPRI), specifically a series of questionnaires distributed by the 3rd Commission to merchants trading along the Russo-Chinese border. These documents provide valuable information about the Commission's implementation of Catherine's directive to impose trade duties on goods sold by Russian merchants at the border. The responses of the merchants

include the names of goods to be taxed and reveal central issues in Russia's trade with China at the time. The Commission had to eliminate shortcomings in the organization of trade that merchants had named: delays in the inspection and branding of goods, as well as the presence on the procedures of Chinese merchants, who used information about the quantities of Russian goods to lower their prices. The Commission worked at a time when mutual understanding and agreed rules upon trade and taxation principles were absent.

Attention is also drawn to the fact that the Commission's activities were carried out in the absence of unanimity in the very merchant community on many issues, and first of all — regarding the establishment of duties on various goods. The Commission's questions and answers, reflecting multiple and urgent problems in Russian-Chinese trade, determined the future mission of the 3rd Commission on Commerce.

Keywords: 3rd Commission on Commerce, Russian-Chinese trade, Moscow merchants, Tula merchants, deputy Sibiriyakov, duties.

Author: Galina I. SARKISOVA, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Целый ряд важных вопросов экономической политики России в XVIII веке был связан с деятельностью Комиссий о коммерции, обсуждавших пути улучшения экономики, внутренней и внешней торговли, положения купечества. Из трех Комиссий о коммерции (1-я — 1727—1729 гг.; 2-я — 1760—1762 гг.; 3-я — 1763—1796 гг.) последняя, учрежденная по распоряжению императрицы Екатерины II и находившаяся в ее ведении, просуществовала дольше остальных. 3-я Комиссия была сформирована из видных государственных деятелей: сенатора князя Я.П. Шаховского, действительного тайного советника, первого губернатора Оренбургского края (1744—1758) И.И. Неплюева, действительного тайного советника, члена Таможенной комиссии графа И.-Э. Миниха, статс-секретаря императрицы Екатерины II Г.Н. Теплова. Комиссии предписывалось решение двух основных задач: изыскание способов увеличения вывоза из России сырьевых материалов и товаров («Дабы из империи нашей, — как наставляла императрица в своем указе, — больше произращений российских в натуре и в деле выпускаемо было» и укрепле-

ние положения русского купечества на внутренних и внешних рынках («Дабы купечество наше как между собою внутри государства, так и вообще у чужестраннаго кредит надежный имело» [ПСЗ..., с. 453]). В результате 3-я Комиссия разработала таможенные тарифы 1766 г., 1782 г. и 1796 г., инструкции о порядке работы таможен, приняла ряд решений по активизации внешней торговли русскими компаниями в Средиземном море, много внимания уделила проблемам купечества и обсуждению проектов о развитии торговли.

В исторической литературе деятельность Комиссий в основном освещалась при изучении социально-экономических аспектов и развития экономической мысли России в XVIII в. Непосредственно истории учреждения 3-й Комиссии на основе архивных материалов посвящены исследования Н.В. Молодцовой, А.В. Космынина, М.Ю. Государевой. Однако ни в одном из них не затрагивается вопрос о работе Комиссии по налаживанию русско-китайских торговых отношений, сопряженных в тот период с целым рядом проблем. Вместе с тем, в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Архиве внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ) сохранились интересные исторические источники, связанные с деятельностью 3-й Комиссии о коммерции в направлении улучшения русско-китайской торговли. Среди них обращает на себя внимание обнаруженный в АВПРИ документ, представляющий собой таблицу с вопросами 3-й Комиссии и ответами на них купцов, торговавших на китайской границе. Интерес к этим материалам объясняется тем, что они отражают процесс выполнения Комиссией поставленных перед ней самой императрицей конкретных задач.

Начало 60-х годов XVIII века отмечено осложнениями в русско-китайских отношениях, проявившихся в приостановке в 1762 г. русско-китайской торговли, которая к тому времени была сосредоточена на границе в Кяхте¹. Цинская сторона настаивала на ликвидации установленных Россией «по границе от Кяхты в 1747 г. для прекращения потаенных...проездов и воровства» деревянных надобов [АВПРИ. Оп. 62/2. 1770—1773. Д. 19. Л. 96], часть которых была

---

¹ Торговая слобода на реке Кяхте, в XVIII—XIX вв.— крупнейший центр торговли с Китаем.

расположена на китайской территории. Кроме того, китайские власти требовали отмены пошлин, взимавшихся Кяхтинской таможней с русских товаров, поскольку это повышало их стоимость для китайских купцов и противоречило Кяхтинскому трактату от 21 октября 1727 г.

Для урегулирования пограничных проблем в 1767 г. на китайскую границу по указу императрицы Екатерины II в качестве полномочного комиссара был направлен полковник И.И. Кропотов (1724—1769). Он успешно выполнил в 1768 г. возложенную на него непростую миссию по прекращению споров с китайской стороной в пограничных делах и наведению порядка в делах таможенных и коммерческих (подробнее см. [Саркисова]). В результате не только возобновилась кяхтинская торговля, но и была достигнута договоренность о пропуске в Пекин российского торгового каравана. Поскольку купцы, намеревавшиеся присоединиться к этому каравану, должны были платить пошлины с привозимых российских и вывозимых китайских товаров, И. Кропотов представил на решение императрицы предложение «упустить есть ли не всю, то хотя некоторую часть пошлины» с купцов, которые «необыкновенные в пути трудности и издержки тем охотнее снести могли» [АВПРИ. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. 8. Л. 402 об.]. 18 марта 1769 г. на докладе Коллегии иностранных дел императрицей Екатериной II была сделана следующая резолюция: «Что касается до упущения пошлины купцам, торгующим в Китай, о том Комиссии о коммерции сделать рассмотрение» [АВПРИ. Л. 404 об.]. 26 марта 1769 г. Коллегия иностранных дел в своей промемории оповестила Комиссию о коммерции об императорском наказе [АВПРИ. Л. 404 об.].

Каким же образом Комиссия приступила к выполнению поставленной задачи? Исходя из опыта «сочинения санктпетербургского портового тарифа¹, подтвержденного Ея императорским величеством», 3-й Комиссии прежде всего «сделать...надлежало правила, спо-

---

¹ По всей видимости, речь идет о проектах санкт-петербургского портового тарифа, подготовленных Комиссией в двух частях в 1771 г. Кроме того, проекты этого же тарифа в двух частях были составлены также в 1772, 1777 г. и пересмотрены в 1781—1782 гг. (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 397. Оп. 1. Д. 691—696. 1771—1782).

собствующие торгу китайскому, и оныя поднести на высочайшую апробацию Ея величества» [АВПРИ. Оп. 62/2. 1770—1773. Д. 19. Л. 58]. Для выработки правил Комиссии потребовались все сведения о торговле России с Китаем. В наибольшем объеме эти сведения были получены на основании ответов на конкретные вопросы, подготовленные Комиссией. В опросе приняли участие разные группы купцов: купцы сибирские, торговавшие на месте, и купцы московские и тульские, выбор которых объяснялся тем, что они «яко знатнейшие купцы, не токмо торг свой ведут с китайцами на границе, продавая им из России товары, но и от китайцов полученные как внутри России распродают, так и чрез порты российские и в чужие государства морем отпускают» [АВПРИ. Л. 58 об.]. От сибирских купцов на вопросы ответил находившийся в Петербурге депутат Уложенной комиссии¹ от города Иркутска Сибиряков, хорошо знавший китайский торг. В результате сформировался документ на 32 страницах (л. 61—76 об.) в виде таблицы, в которой вопросы Комиссии были размещены слева «под литерою А», объяснения иркутского депутата Сибирякова — в центре «под литерою В», а объяснения московских купцов — справа под литерой С. Ответы тульских купцов под литерой D в таблицу не вошли, а составили отдельный документ.

Опрос начинался с выяснения того, какими отечественными товарами торгуют российские купцы на китайской границе. Наиболее подробный ответ был дан иркутским депутатом Сибиряковым. Он перечислил названия зверей, шкурки которых участвовали в торговом обороте. Это — бобры, белки, выдры, лисы, песцы, горностаи, хорьки, соболя и др. Кроме того, Сибиряков упомянул обработанные на российских и европейских фабриках сукна разных цветов и сермяжные российские, сайгачьи рога, кожи морских котиков, юфть, ножи, топоры, стремена, лошадей, верблюдов, баранов. Из ответа московских купцов ко всему перечисленному можно добавить парчу и зеркала, сделанные из немецких и российских стекол [АВПРИ. Л. 61—61 об.].

---

¹ Собрание сословных представителей, созванное императрицей Екатериной II в 1767 г.

Далее Комиссию интересовало, в какое время года и каким способом товары доставлялись к месту назначения. По словам иркутского депутата, «во всякое время» товары привозились тремя разными путями. Первый сухой путь пролегал до Верхотурья, Ирбитской ярмарки, Тюмени и Тобольска. С наступлением весны из этих мест товары переправлялись водным путем к октябрю — ноябрю до Иркутска, откуда некоторые продолжали свой путь на судах через Байкал, а затем сухим путем до Кяхты [АВПРИ. Л. 61 об.]. Второй путь тот же самый — из Москвы до Иркутска — «с начала первого зимнего пути», затем через Байкал до Кяхты. Третий способ доставки товаров «из Москвы водяным путем до Макарьевской ярмонки¹». Здесь происходил обмен на китайские товары. Затем маршрут по воде был до Соли Камской, откуда, дождавшись зимнего пути, товары переправляли в марте в Иркутск и в Кяхту (в том же марте или апреле) [АВПРИ. Л. 62].

В ответе московских купцов о перевозке товаров Комиссия о коммерции усмотрела несоответствие с объяснением иркутского депутата: «московские купцы, противореча Сибирякову, говорят, что оныя товары во всякое время сухим путем уже доставляются потому, что ныне от Тобольска до Иркутска жителей населено довольно» [АВПРИ. Л. 59].

Относительно названий товаров, которые вывозились с китайской границы, разногласий между купцами не было. К перечисленным Сибиряковым товарам (китайские голи², канфы³, фанзы⁴, шелк-сырец, бархат, дабы⁵, корень ревеня, лаковые изделия, фарфоровая и глиняная посуда, куклы, сахар-леденец, фрукты, конфеты, чай и «служащие в пользу человеческую медикаменты») московские

---

¹ Макарьевская ярмарка — крупнейшая в России в XVII — начале XIX в. Возникла у стен Свято-Троицкого Макариево-Желтоводского монастыря на середине волжского торгового пути, по которому издревле проходил торговый обмен между Азией и Европой.

² Голь — китайская шелковая ткань наподобие камки (шелковой узорчатой ткани).

³ Канфа (канф) — толстая одноцветная китайская ткань, похожая на атлас.

⁴ Фанза — китайская шелковая ткань.

⁵ Даба — китайская бумажная ткань.

купцы добавили китайку¹ и финифтяную посуду [АВПРИ. Л. 62—62 об.].

На вопрос о местах реализации китайских товаров и спросе на них ответы купцов в целом совпали. Они назвали сибирские города, Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки, Москву, российские и мало-российские города [АВПРИ. Л. 62 об.]. «Из китайских товаров по небольшому числу отпускается за моря от Санктпетербургскаго порту, — по заключению тульских купцов, — чай жулан, ревень, бадьян и лаковые вещи, в Польшу чрез пограничныя по польскому тракту таможни по немалому числу китайки, голи, канфы черныя, чай и бадьян» [АВПРИ. Л. 77—77 об.].

Особого внимания заслуживал вопрос Комиссии о том, какие препятствия возникали перед участниками торгова на китайской границе. Последствия отмеченной всеми купцами естественной преграды в виде штормов при транспортировке товаров водным путем через реки и озеро Байкал были оценены ими неоднозначно. Так, депутат Сибириков сделал заключение, что при перевозке «по водяным коммуникациям» «редко сохраняются товары от подмочки» [АВПРИ. Л. 64 об.], а из-за этого купцы вынуждены продавать их за полцены притом, что на Кяхтинской таможене они платят за такие товары пошлину по тарифу как за неповрежденные.

Тульские купцы, будучи также обеспокоены этой проблемой, предложили «пошлину брать не по тарифу с каждой мерлушки, но с расценки, ибо естли с тех подмоклых товаров, как, например, с каждой мерлушки, пошлину брать, то несчастным купцам сверх следуемых от подмочки убытков еще оных последует умножение» [АВПРИ. Л. 7 об.]. Другое предложение тульских купцов касалось обеспечения безопасности перевозки товаров по Байкалу на таких построенных морских судах, «в кои б погрузить было можно от 1000 до 2000 пудов». А во избежание нередких крушений груженых товарами дощаников² на ангарских порогах тульские купцы пред-

¹ Китайка — шелковая ткань.

² Дощаник — плоскодонное несамоходное деревянное речное судно небольшого размера с палубой и одной мачтой, использовавшееся главным образом для транспортных целей на большинстве рек России. Грузоподъемность от 7 до 200 т.

ложили их расчистить, «естли не все, хотя несколько» [АВПРИ. Л. 77 об.—78].

Московские купцы не сочли необходимой мерой уменьшение пошлины с подмоченных товаров, объясняя это тем, «что многие будут для своего корыстолюбия называть и не подмоченные с мало подмоченными заодни...от чего и последует в обществе подрыв» [АВПРИ. Л. 64 об.—65].

Неблагоприятным фактором в организации кяхтинской торговли были отмеченные как депутатом Сибиряковым, так и тульскими купцами проволоочки в досмотре и клеймении товаров. Между подачей росписи на привезенные товары в таможду и их досмотром проходило несколько дней. После чего в таможене досматривалась «по порядку на счет» всякая вещь, вносилась в книгу, и «с привозу» взыскивалась пошлина. Неудовольствие купцов вызывало и то обстоятельство, что их товары досматривались «явным образом в бытность при том китайцов, кои чрез то, узнавши привоз всяких товаров, полагают по тому свои потребности и находят при торгах явным образом свои выгоды» [АВПРИ. Л. 65—65 об.].

Всеобщее нареkanie купцов вызывала сама система взимания пошлин с привезенных товаров. По существовавшей на момент опроса практике пошлины взыскивались как с российских, так и выменных китайских товаров. В этой связи московские купцы высказали Комиссии о коммерции такое предложение: «Когда российские товары привезены к китайской таможене будут, то с оных до промену китайцам пошлин не брать, а должно, по нашему мнению, брать тогда, когда те товары променяются за границу и выменены будут на оныя уже китайския товары и привезены будут к таможене, ибо нередко бывает, что товары отвозятся за непроменом китайцам и обратно во внутрь России. В таком случае только освидетельствовать должно оной таможене и отпускать без всякаго задержания, не взыскивая никаких пошлин» [АВПРИ. Л. 65—65 об.].

Не менее важным для принятия решений Комиссией о коммерции было мнение купцов о величине пошлин на те или иные товары. В представлении депутата Сибирякова, при установлении тарифа следовало учитывать «казенную и купеческую пользу» [АВПРИ. Л. 66]. По его словам, наиболее востребованным товаром у китайцев

был скот, употреблявшийся ими в пищу и использовавшийся в работе. Поэтому Сибиряков, а также московские и тульские купцы считали необходимым увеличение пошлины на этот товар, «ибо сей скот до запрещения отпускался прежде сего за малейшую цену, кою российские почитали еще за прибыль» [АВПРИ. Л. 66 об.]. В то же время русские люди покупали скот «дороже отпускаемого» даже в местах, «изобильных скотоводством». В связи с этим депутат Сибиряков выразил опасение: «ежели впредь на сей артикул положена будет по тарифу малая пошлина, то из российских границ может выгоняться сего скота великое множество, от чего не последовало бы российским людям в том недостатка, а особливо в съестных припасах дороговизны» [АВПРИ. Л. 67].

Однако в вопросе о продаже лошадей китайцам между Сибиряковым и московскими купцами возникли разногласия. Если последние не считали нужным повышение пошлины на лошадей и введение ограничений в их отборе, то депутат, напротив, предложил «возвысить пошлину с таким притом предостережением, чтоб только пропускать табунных лошадей, то есть жеребят плохой породы... а хороших лошадей не пропускать или положить на них пошлину против табунных превосходнейшую, ибо оные и в России покупаются дорого, а китайцам еще того дороже продаются» [АВПРИ. Л. 67—67 об.].

Рассуждения Сибирякова относительно пошлин на другие товары, также основанные на коммерческом опыте и стремлении учитывать как купеческие, так и государственные интересы, не нашли, однако, поддержки у московских и тульских купцов, которые в предложении об установлении пошлин на шкурки камчатских бобров¹ с учетом их качества («доброты») увидели возможность злоупотреблений. Сибиряков обосновал свою точку зрения, исходя из самой истории промысла этих зверей, который сначала был незначительным, и торг этим товаром с китайцами был казенным. Самым высоким качеством отличались шкурки бобров, обитавших на Курильских

---

¹ Калан (морской бобр, камчатский бобр, морская выдра) — хищное морское млекопитающее семейства куньих. В XVIII—XIX вв. каланы из-за своего ценного меха подверглись безжалостному истреблению и в XX в. были занесены в Красную книгу России, а также в охранные документы других стран.

островах. Со временем количество островов для промысла увеличилось, но по-прежнему курильские бобры превосходили остальных качеством и продавались дороже. «Из сего общего звания, — объяснял Сибиряков, — исключаются matka¹, ценою в полы против бобра, а пуховик² еще того дешевле. Рыжие³ в той же цене, кошлок⁴ против матки вполов, медведки⁵ ж бобровые за самые низкия цены отпускаются... Но тариф, не различая звания и доброт, положен на всех одинакой, что для купцов отяготительно» [АВПРИ. Л. 68]. Во избежание тайного провоза этого товара купцами и соблюдения казенных интересов депутат Сибиряков предложил «бобров росписать на статьи и обложить их пошлиною по цене и добротам, различа на пуховики, рыжие, матки, кошлоки и бобровые медведки» [АВПРИ. Л. 68 об.]. Кроме того, он рекомендовал взимать пошлины в Охотском порту при выгрузке из судов товаров, которые потом выпускать за границу беспошлинно. Это позволило бы, по мнению Сибирякова, избежать подлога в пошлинах и тайного провоза товаров. В результате «не будет виновных и сохранится целость общества» [АВПРИ. Л. 68 об.]. В случае если у кого из купцов в Охотске не окажется денег на оплату пошлин, Сибиряков предлагал под «порук или вернейший залог» отпускать их до Якутска или Иркутска, где они должны были произвести оплату [АВПРИ. Л. 69].

Московские же купцы, признав правильным предложение о взимании пошлин в Охотском порту, сочли необходимым брать за них с купцов векселя при отсутствии денег [АВПРИ. Л. 68—68 об.].

Тульские купцы предложили осуществлять оплату пошлин в Москве и Санкт-Петербурге в течение 6 месяцев беспроцентно медной монетой, будучи уверены в том, что «от того не только казенна-

---

¹ Мех самок слегка отличается по структуре от меха самцов и считается более нежным.

² Мех калана состоит из остевых и пуховых волос приблизительно одинаковой длины, около 2—3 см по всему туловищу. Пуховики — видимо, название особей, в мехе которых преобладали пуховые волосы.

³ Окраска каланов варьируется от почти рыжей до почти черной с преобладанием темно-бурых особей.

⁴ Кошлак — годовалый калан.

⁵ Медведка — новорожденный калан (до 6 мес.).

го убытку не будет, а еще откроется от перевоза казны неперменных за провоз издержков, канвоев и в пути опасностей избежание» [АВПРИ. Л. 79].

Разошлись во мнении Сибиряков и московские купцы и в вопросе о пошлинах на лис. Вместо их уменьшения, по рекомендации иркутского депутата, московские купцы высказались за увеличение пошлины на камчатских лис-огневок, превосходивших прочих «добротою» [АВПРИ. Л. 69 об.—70]. Подобная же несогласованность во взглядах была характерна и при обсуждении пошлин на другие товары [АВПРИ. Л. 70—74 об.]. Как заключила Комиссия о коммерции, «московские купцы и Сибиряков в разных артикулах тарифа во обложении товаров пошлиною взаимно не согласуются так, что одни представляют обременить должно то, что другие облегчить» [АВПРИ. Л. 59—59 об.].

По-разному сформулировали свои суждения купцы и относительно запрета на вывоз из России в Китай серебряной монеты. Если Сибиряков считал, что такое возбранение лишь привлекает внимание китайцев и наводит их на мысль о недостатке серебра в России и в связи с этим на необходимость повышения на него цены, то московские купцы увидели в этом запрете защиту от злоупотреблений в торге. «Тогда скотоводцы скоряе и охотнее согласятца, — считали московские купцы, — скот свой потаенно продавать за деньги, нежели на товар променивать с платежем пошлин». А результатом такой торговли станет «немалой убыток» императорской казне [АВПРИ. Л. 76].

Тульские купцы, сделавшие меньше комментариев по вопросам Комиссии об установлении пошлин, внесли предложения по улучшению условий купеческого торга. Эти предложения касались строительства каменного гостиного двора для хранения товаров в Кяхтинском форпосте, перенесения места нахождения таможи на верхнюю плотину из-за ее удаленности от Кяхтинского форпоста и происходивших в связи с этим при перевозке товаров напрасных убытков и траты времени. Поскольку товары досматривались не только на заставе в городе Удинске, где купцам чинились от приставов «разныя затруднения», тульские купцы просили упразднить эту заставу [АВПРИ. Л. 79 об.—80].

Помимо ответов купцов на вопросы Комиссии, для принятия решений ей предстояло ознакомиться и с другими документами, полученными по ее запросу из Коммерц-коллегии и Коллегии иностранных дел.

Коммерц-коллегия предоставила документы, содержавшие сведения об объеме торгова (в рублях) на китайской границе с 1755 по 1762 г. [АВПРИ. Л. 81] и с 27-го апреля по 1 августа 1769 г. [АВПРИ. Л. 82]. Кроме того, присланные материалы включали перечень товаров, участвовавших в обмене между российской и китайской сторонами [АВПРИ. Л. 83], а также информацию по организационным вопросам кяхтинской торговли: «где чинят объявления, досмотры привозным российскими купцами и китайцами товарам и на оныя объявления подают: в Кяхте ли или в другом месте, и бывают ли при том китайцы?» [АВПРИ. Л. 84—84 об.]. Документы Коммерц-коллегии касались также вопросов оплаты пошлин по векселям в течение 6 месяцев в Москве и Санкт-Петербурге [АВПРИ. Л. 85] и возможности беспошлинного ввоза купцами обратно в Россию своих товаров, не реализованных на границе [АВПРИ. Л. 86—86 об.].

Из Коллегии иностранных дел были предоставлены такие материалы: «1-е. Копия с именного Ея императорского величества указа, даннаго бывшему на китайской границе для приведения в тамошнем краю торговли в лучшей пред прежним порядок полковнику Кропотову. 2-е Выписка из трактата между Российскою империею и Китайским государством, заключеннаго при Селенгинске июня в 14 день 1728-го года о касающемся до взаимной коммерции. 3-е. Экстракт из поднесеннаго Ея императорскому величеству от собрания и высочайше конфирмованнаго Ея величеством доклада в 19-й день октября 1764-го года» [АВПРИ. Л. 60—60 об.].

Таким образом, приступая к рассмотрению вопроса «упущения пошлины купцам, торгующим в Китай», 3-я Комиссия о коммерции собрала обширный материал о состоянии дел в русско-китайской торговле. О сложности и масштабности проблем в ней свидетельствовали и данные опроса купцов. Полученные от них сведения были переполнены названиями как российских, так и китайских товаров, на которые Комиссии предстояло установить пошлины. Кроме этой непростой работы, она должна была устранить и названные купцами

недостатки в организации торговли: затягивание в досмотре и клеймении товаров, а также присутствие при этом китайских купцов, которые использовали сведения о количестве российских товаров для понижения на них цен. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что деятельность Комиссии осуществлялась в условиях отсутствия единомыслия в купеческой среде по многим вопросам и, в первую очередь, относительно установления пошлин на различные товары. Вопросы Комиссии и ответы на них, отразив назревшие проблемы русско-китайской торговли, определили дальнейшее направление деятельности 3-й Комиссии о коммерции.

Библиографический список

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Сношения России с Китаем». Оп. 62/2. 1762—1769. Д. 8. Л. 402 об., 404 об.; Оп. 62/2. 1770—1773. Д. 19. Л. 58—86 об., 96.

Государева М.Ю. К вопросу об истории учреждения 3-й Комиссии о коммерции // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. История и археология. Рязань. 2014. № 1 (42). С.60—67.

Космынин А.В. Внешнеторговая политика русского правительства во второй половине XVIII века (по материалам третьей Комиссии о коммерции). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж: ВГПУ, 1998. 17 с.

Молодцова Н.В. Комиссия о коммерции. 1763—1796 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 1995. 16 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830. Т. 16. № 11985.

Саркисова Г.И. «К пользе казенного интереса и купечества» (Архивные материалы о деятельности полномочного комиссара И.И. Кропотова на российско-китайской границе в Кяхте в 1768 г.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2013. Вып. XVIII. С. 359—380.

References

Arhiv vneshney politiki Rossiyscoy imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)]. *Fond "Snosheniya Rossii s Kitaem" [Fund "Russian*

Relations with China”]. Op. (*Inventory*) 62/2, 1762—1769, D. (*File*) 8, l. (p.) 402 ob. (*with reverse side*), 404 ob. (*with reverse side*); Op. (*Inventory*) 62/2, 1770—1773, D. (*File*) 19, l. (p.) 58—86 ob. (*with reverse side*). (In Russian).

Gosudareva, M.U. (2014). К вопросу об истории учреждения 3-й Комиссии о коммерции [On the history of the establishment of the 3rd Commission on Commerce], *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Yesenina. Istoriya i arkhеologiya*. [Bulletin of the Ryazan State University. S.A. History and archeology], Ryazan, No. 1 (42): 60—67. (In Russian).

Kosmynin, A.V. (1998). Vneshnetorgovaya politika russkogo pravitel'stva vo vtoroy polovine XVIII veka (po materialam tret'yey Komissii o kommertsii) [Foreign trade policy of the Russian government in the second half of the XVIII century (based on the materials of the Third Commission on Commerce)], *Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. [Abstract of dissertation for the degree of candidate of historical sciences], Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 17 p. (In Russian).

Molodtsova, N.V. (1995). Komissiya o kommertsii. 1763—1796 gg. [Commission on Commerce. 1763—1796], *Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Abstract of dissertation for the degree of candidate of historical sciences], M.: Moscow State University, 16 p. (In Russian).

Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). SPb., 1830 [Complete collection of laws of the Russian Empire (CCL)]. St. Petersburg, 1830. Vol. 16 (11985), 453 p. (In Russian).

Sarkisova, G.I. (2013). “K polze kazennago interesa I kupechestva” (Arhivnye materialy o deyatelnosti polnomochnogo komissara I.I. Kropotova na rossiysko-kitayskoi granitse v Kyakhte v 1768 g.) [“To the benefit of the state treasury and merchantry” (Archival materials on the activities of the commissioner plenipotentiary I.I. Kropotov on Russian—Chinese border in Kyakhtha in 1768)], *Kitay v mirovoy I regional'noy politike. Istoriya I sovremennost*. [China in World and Regional Politics. History and Modernity], Moscow: IDV RAN (IFES RAS), Iss. XVIII: 359—380. (In Russian).

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике
История и современность**

Выпуск XXV

Ежегодное периодическое издание

ISSN 2618-6888

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 10.07.2020.

Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печ. л. 27,0. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.)

Заказ № 5

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.